

Энеида (Вергилий)

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

Перейти к [навигация](#), [поиск](#)

Энеида — эпическая поэма в 12 песнях [Публия Вергилия Марона](#):

- *Aeneis* — оригинал на латинском языке, I век до н. э.

Полные переводы

- [Энеида Вергилия](#) — перевод *Иосифа Григорьевича Шершеневича*

Частичные переводы

- [«Не спрашивай, мой сын, о горестной сей трате…»](#)
— перевод отрывка из шестой песни *Михаила Никитича Муравьёва*, 1780-е годы, опублик. в 1815
- [Разрушение Трои \(«Все молчат, обратив на Энея внимательны лица…»\)](#)
— перевод второй песни *Василия Андреевича Жуковского*, 1822, опублик. в 1823

Эта страница содержит список переводов одного произведения. Выберите конкретный вариант интересующего Вас материала.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Энеида_\(Вергилий\)&oldid=2019876](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Энеида_(Вергилий)&oldid=2019876)»

Не спрашивай, мой сын, о горестной сей трате (Вергилий/Муравьёв)

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

«Не спрашивай, мой сын, о горестной сей трате…»

автор [Публий Вергилий Марон](#) (70 г. до н.э.—19 г. до н.э.), пер. [М. Н. Муравьёв](#) (1757—1807)

Язык оригинала: латинский. — Опубл.: 1815. Источник: [РВБ \(1967\): М. Н. Муравьёв, Стихотворения](#)

* * *

Не спрашивай, мой сын, о горестной сей трате.
Покажет только рок и вмиг его похитит.
Чрез меру римский род вам силен показался.
О боги! если бы сей дар остался нам!
Какие вслед за ним стенанья устремятся!
И ты, о Тиберин, какой увидишь плач,
Как мимо новья гробницы покатишься!
Никто б из юношей от рода илионска
Так Рима не вознес, и Ромулов бы град
Питомцем таковым вовек не похвалился.
О благочестие, о верность древних лет!
Непобедимая десница на войне!
Никто бы с ним не мог безбедно в бой вступить,
Хотя бы на врагов он пеший подвизался,
Хотя бы на коне он бурном прилетал.
Ах! отрок жалостный! коль прейдешь жребий свой,
Маркелл ты будешь. Ах! где свежие лилеи?..
Багряные цветы ему рассыплю в честь:
Я душу отрока сим даром успокою
И тщетный долг свершу.^[1]

Вторая половина 1780-х годов

Примечания

- ↑ Свободный перевод отрывка из 6-ой книги «Энеиды».

Это произведение перешло в общественное достояние.

Произведение написано автором, умершим более семидесяти лет назад и опубликовано прижизненно, либо посмертно, но с момента публикации также прошло более семидесяти лет.

Кроме того, перевод выполнен автором, умершим более семидесяти лет назад и опубликован прижизненно, либо посмертно, но с момента публикации также прошло более семидесяти лет.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Не_спрашивай,_мой_сын,_о_горестной_сей_трате_\(Вергилий/Муравьёв\)&oldid=1465312](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Не_спрашивай,_мой_сын,_о_горестной_сей_трате_(Вергилий/Муравьёв)&oldid=1465312)»

Разрушение Трои (Вергилий/Жуковский)

Материал из Википедии — свободной библиотеки

Перейти к [навигация](#), [поиск](#)

Разрушение Трои

автор [Публий Вергилий Марон](#) (70 г. до н.э.—19 г. до н.э.), пер. [В. А. Жуковский](#) (1783—1852)

Язык оригинала: латинский. Название в оригинале: **«Conticuere omnes intentique ora tenebant…»**. — Дата создания: май—июнь 1822, опубл.: 1823^[1]. Источник: [РВБ \(1959\): В. А. Жуковский, Собрание сочинений в четырёх томах, том 3](#)

Википроектъ: [Википедия](#)

Разрушение Трои

Из «Энеиды» Вергилия

Все молчат, обратив на Энея внимательны лица.
С ложа высокого так начинает Эней-прародитель:
«О царица, велишь обновить несказанное горе:
Как погибла Троя, как Приамово царство
Греки низринули, всё, чему я плачевный свидетель,
Всё, чего я был главная часть... повествуя об этом,
Кто — мирмидон ли, долоп ли, свирепый ли ратник Улисса —
Слёз не прольёт! Но влажная ночь уже низлетела
С тихого неба; ко сну приглашают сходящие звёзды.
Если ж толь сильно желание слышать о наших страданьях,
Слышать о страшном последнем часе разрушенной Трои, —
Сколь ни тяжко душе вспоминать о бедах толь великих,
Я повинуюсь. Войной утомлённы, отверженны роком,
Столько напрасно утративши лет, полководцы данаев
Хитрым искусством небесной Паллады коня сотворили,
Дивно-огромного, плотные рёбра из крепкия сосны,
В жертву богам при отплытии (так молва разгласила).
Тут избранных мужей, назначенных жребием, тайно
Скрыли они в пространные недра чудовища: полно
Сделалось чрево громады одеянных бронёю ратных.
Близ Илиона лежит Тенедос, знаменитый издревле
Остров, обильный, доколе стояло царство Приама,
Ныне же бедный залив, кораблям ненадежная пристань.
Там, удалясь, у пустых берегов притаились данаи;
Мы же их мнили уплывшими с ветром попутным в Микины.
Тевкрия вся от тяжёлой печали вдруг отдохнула;
Град растворился; рвёмся на волю, чтоб лагерь дорийский,
Место пустое и берег, врагами оставленный, видеть.
«Там стояло их войско; тут шатер был Ахиллов;
Здесь корабли их; там поле, где рати обычно сражались».
Все дивятся опасному дару безбрачной Паллады;
Все дивятся великой громаде, и первый Тиметос —
Был ли он враг нам, судьба ль уж паденье Пергама решила —
В город вовлечь и в замке поставить коня предлагает;
Но пронизательный Капис и каждый, в ком ясен был разум,
В море советуют козни данаев с их даром неверным

Бросить или предать огню и пеплом развеять;
Или, чрево пронзив, сокровенное в нём обнаружить.
Так в нерешимости мнений толпа волновалась. Но быстро,
Гневен, стремится от замка, один впереди, провожаем
Сонмом шумящим народа, Лаокоон; издалека
Он возопил: «О несчастные! что за безумство, граждáne!
Верите ль бегству врага? Иль мните, что дар нековарный
Могут оставить данаи? Так ли узнали Улисса?
Или ахеяне здесь, заключенные в древе, таятся;
Или громада сия создана, чтоб, на гибель Пергаму,
В дома наши глядеть и град сторожить с возвышенья;
Или коварство иное... коню не вверяйтесь, тевкры!
Что здесь ни будь... я данаев страшусь и дары приносящих».
Так сказал, и копье тяжелое мощной десницей
Он в огромный бок и в согбенное чрево громады
Ринул; вонзившись, оно зашаталось; дрогнуло зданье;
Внутренность звон издала; застенало в недре глубоком.
Так, когда бы не боги, когда б не затменье рассудка,
Нам бы тогда же открыло их козни железо... и ты бы,
Троя, стояла, ты бы стояло, жилище Приама!
Вдруг дарданские горные пастыри с криком и плеском
Юношу, руки ему на хребет заковавши, к Приаму
Силой влекут; он сам, неведомый им, замышляя
Хитрость и средство ахеян впустить в Илион, произвольно
Предал себя, отважный, на всё готовый заранее:
Козни ль свои совершить, иль верною смертью погибнуть.
Жадно троянские бросились юноши грека увидеть;
Стали кругом и спорят друг с другом, чтоб пленным ругаться...
Сведай же хитрость ахеян; в злодействе едином
Всех их узнай!
Стоя один, посреди толпы, смятён, безоружен,
Робко водил он кругом недоверчивый взор; напоследок:
«О, какая земля, какое море, — воскликнул, —
Примут меня, и что мне теперь, несчастливцу, осталось!
Места меж греками нет, а здесь раздраженная Троя,
Полная праведной мести, гибелью мне угрожает!»
Жалоба пленника тронула наши сердца; замолчало
Буйство толпы; вопрошаем: какой он породы? откуда?
Что намерен начать? за что судьбу упрекает?
Бремя страха сложивши, Приаму отвечивал пленник:
«Что б ни случилось, о царь, ничего не сокрою. Во-первых,
Родом я грек — не таюсь; Синоп быть может несчастен,
Воля судьбы; но коварным лжецом никогда он не будет.
Верно, молва донесла до тебя знаменитое имя,
Верно, слышал о делах Паламеда, Вилова сына;
Славный вождь, но безвинно, по злым наущеньям пелазгов,
Только за то, что войны не оправдывал, преданный смерти,
Ныне же, света лишённый, от них же, свирепых, оплакан.
Сродник его, мой убогий отец, его попеченьям
В юности вверил меня, снарядив на войну; и доколе
Был почтен Паламед, заседа с вождями в совете,
Был и я не без имени, было и мне уважение.
Но с тех пор как пал он жертвой Улиссовой злобы,
Тяжкую жизнь во мраке печальном влачил я, бесплодно
В сердце своем негодуя на гибель невинного друга;
О безрассудный! я не смолчал, но смело грозился
Мстить за него, лишь только б в Аргос возвратиться с победой
Боги велели! Угрозы мои распалили их злобу.
С той минуты беды за бедами; Улисс неусыпно,

Сам виновный, меня обвинял в замысленьях, коварно
Сеял наветы в толпе и губил меня клеветами.
Прежде не мог успокоиться он, доколе Калхаса...
Но почто продолжать бесполезно-прискорбную повесть?
Что прибавлю? Когда вам все греки равно ненавистны —
Ведать довольно: я грек; поражайте меня; вы Улиссу
Тем угодите; и щедро за то наградят вас Атриды».

Чужды сомненья, не зная всего вероломства пелазгов,
Мы, любопытством горя, вопрошать продолжаем Синона.
Снова начал он робкую речь с лицемерным смиреньем:
«Долгой осадой наскучив, бесплодной войной утомлённы,
Греки не раз от упорных Трои бежать замышляли.
О! почто сего не свершилось? Но бури от моря
Часто им путь заграждали, и южный ветер страшил их.
С той же поры, как построен был конь сей из брусьев сосновых,
Грозы с небес не сходили, и ливень шумел непрестанно.
В трепете мы Эрифила узнать, что велит нам оракул,
В Дельфы послали — с ужасным ответом он возвратился:
*Греки, плывя к Илиону, кровию девы закланной
Вечных склонили богов даровать им ветер попутный:
Крови аргосского мужа и ныне за ветер возвратный
Требует небо.* Едва разнеслось прорицанье в народе,
Все возмутились умы, сердца охладели, и трепет
Кости проникнул. Кому сей жребий? Кто Фебова жертва?
С шумом тогда Улисс ухищрённый Калхаса пророка
Силой привлёк пред народ, да откроет волю бессмертных.
Многие тут же, зная Улисса, мне предсказали
Умысел злой на меня и ждали в смятенье, что будет;
Десять дней прорицатель молчал и, таясь, отрекался
Жертву назвать и слово изречь, предающее смерти.
Но наконец, приневолен докучным Улиссовым воплем,
Он произнёс... то было мое несчастное имя!
Все одобрили выбор, и всяк, за себя трепетавший,
Рад был, что грозное всем одному обратилось в погибель.
День роковой наступал; меня уж готовили в жертву;
Были готовы и соль и священный пирог, и повязка
Мне уж чело украшала... но я (не сокрою) разрушил
Цепи, скрылся в болото и там, в тростнике притаившись,
Ночью ждал, чтоб они, подняв паруса, удалились...
Нет теперь мне надежды отчизну древнюю видеть!
Вечно милых родных и отца желанного вечно
Я не увижу! Быть может, и то, что их же, невинных,
Мне в замену, за бегство моё, убийцы погубят...
О! всевышними, зрящими вечную правду богами,
О! правотой неизменною — если ещё сохранилась
Где на земле правота — молю: яви сожаленье
Бедному мне и тронься на мой незаслуженный жребий!»
Мы, сострадавая, скорбели над ним, проливающим слезы;
Сам благодушный Приам повелел тяготящие узы
С пленника снять и ему с утешительной ласкою молвил:
«Кто бы ты ни был, забудь о своих неприязненных греках;
Наш ты теперь; ободрись и друзьям откровенно поведай:
Что знаменует громадный сей конь? На что он воздвигнут?
Кем? Приношение ль богу какому? Орудие ль брани?» —
Так Приам вопрошал. И, полный коварства пелазгов,
Пленник, поднявши к священному небу свободные руки:
«Вы, светила небесные, вы, надзвездные боги,
Вас призываю (воскликнул), вас, от которых бежал я,

Жертвенный нож, алтарь, роковая повязка! Отныне
Я навсегда разорвал ненавистные с греками узы;
Греки враги мне; свободно открою троянам их тайны:
Чуждый отчизне, я чужд навсегда и законам отчизны.
Ты же мне данный обет сохрани, сохраненная Троя,
Если тебе во спасенье великую истину молвлю.
Всех упований подпорой, надёжной помощницей в битвах
Грекам Паллада была искони; но с тех пор как преступный
Сын Тидеев и с ним Улисс, вымышлятель коварных
Козней, из храма Палладиум, стражей высокого замка
Смерти предав, унесли и рукой, от убийства кровавой,
Девственно-чистых богини одежд прикоснуться дерзнули —
Кончилась наша доверенность к ней, охладела надежда,
Сила упала, от нас отклонилась богиня; и зрелись
Явные знаки гнева Тритоны: лишь только во стане
Был утверждён похищенный идол, ожившие очи
Вдруг ослепительным блеском зажглись, по членам солёный
Пот проступил, и трикраты (о страшное чудо!) богиня,
Прянув, воздвигнула щит и копьем потрясла, угрожая.
Нам, устрашённым, Калхас немедля советует бегство.
Трое не пасть от аргивския силы, — прорёк он, — иль снова
Греки должны спросить оракул в Аргосе и морем
Взятый в отчизну Палладиум вновь привести к Илиону.
Знайте ж: теперь, переплывши в Аргос с благовеющим ветром,
Рать и сопутных богов они собирают, чтоб снова
Вслед за Калхасом войной на Пергам неожиданной грянуть.
В дар же богам за Палладиум, в честь оскорблённой Тритоны
Ими воздвигнут сей идол, чтоб их святотатство загладить;
Сам Калхас повелел, чтоб конь сей чудовищный создан
Был из крепких досок и высился ростом огромным
К небу, дабы не пройти во врата и не стать в Илионе
Грозной защитой народу по древним сказаниям предков.
Ведай же, Троя: когда оскорбите святыню Минервы,
Гибель великая — о! да обрушат её на Калхаса
Праведны боги! — постигнет Приамов престол и фригиан;
Если же сами коня возведёте во внутренность града,
Некогда Азия стены Пелопсовы сильной оступит
Ратью, и наших потомков постигнет мстящая гибель».
Боги! боги! притворным речам вероломна Синона
Жадно поверили мы... и те, кого ни Тидеев
Сын, ни Ахилл-фессалиец, ни десять лет непрерывной
Брани, ни тысяча их кораблей покорить не умели, —
Те единому слову, одной слезе покорились.

Тут явилось другое, неслыханно страшное чудо
Нашим очам и вселило в сердца неописанный трепет.
Лаокоон, Нептунов избранный жрец, всенародно
Тучного богу вола приносил пред храмом на жертву...
Вдруг, четой, от страны Тенедоса, по тихому морю
(Вспомнив о том, трепещу!) два змея, возлегли на воды,
Рядом плывут и медленно тянутся к нашему берегу:
Груды из волн поднялись; над водами кровавые гребни
Дыбом; глубокий, излучистый след за собой покидая,
Вьются хвосты; разгибаясь, сгибаясь, вздымаются спины,
Пенясь, влага под ними шумит; всползают на берег;
Ярко налитые кровью глаза и рдеют и блещут;
С свистом проворными жалами лижут разинуты пасти.
Мы, побледнев, разбежались. Чудовища прянули дружно
К Лаокоону и, двух сынов его малолетних

Разом настигнув, скрутили их тело и, жадные втиснув
Зубы им в члены, загрызли мгновенно обоих; на помощь
К детям отец со стрелами бежит; но змеи, напавши
Вдруг на него и спутавшись, крепкими кольцами дважды
Чрево и грудь и дважды выю ему окружили
Телом чешуйным и грозно над ним поднялись головами.
Тщетно узлы разорвать напрягает он слабые руки —
Чёрный яд и пена текут по священным повязкам;
Тщетно, терзаем, пронзительный стон ко звездам он подымлет;
Так, отряхая топор, неверно в шею вонзённый,
Бесится вол и ревёт, оторвавшись от жертвенной цепи.
Быстро виась, побежали ко храму высокому змеи;
Там, достигши святилища гневной Тритоны, припали
Мирно к стопам божества и под щит улеглись огромный.
Всем нам тогда предвещательный ужас глубоко проникнул
Сердце; в трепете мыслим: достойно был дерзкий наказан
Лаокоон, оскорбитель святыни, копьём святотатным
Недра пронзивший коню, посвящённому чистой Палладе.
«Весть коня в Илион! молить о пощаде Палладу!» —
Весь народ возопил...
Стены поспешно пронзаем; разломаны града твердыни;
Все на работу бегут: под коня подкативши колёса,
Ставят громаду на них и, шею канатом опутав,
Тянут... шатнулось чудовище; воинов полное, в город
Медленно движется; юноши вокруг и безбрачные девы
Гимны поют и теснятся, чтоб вервей коснуться руками.
Вдвинулся конь и идёт, угрожающий, стогнами Трои...
О отчизна! о град богов Илион! о во брани
Славные стены дарданские! трижды в воротах громада
Остановилась, трижды внутри зазвучало железо...
Мы ж, ослепленные, разум утратив, не зрим и не слышим.
В замок Пергама введён наконец истукан бедоносный.
Тут Кассандра, без веры внимаема нами, напрасно
Вещий язык разрешила, чтоб нам предсказать о грядущем;
Мы, слепцы, для которых сей день был последний, цветами
Храмы богов украшали, спокойно по стогнам ликуя...
Небо тем временем круг совершило, и ночь полетела
С моря, и землю, и твердь, и обман мирмидонян объемля
Тенью великой; по граду беспечно рассыпавшись, тевкры
Все умолкнули: сон обнимал утомлённые члены.
Тою порой от берегов Тенедоса фалангу аргивян
Строем несли корабли в благосклонном безлунном мраке
Прямо к знакомым берегам; и лишь только над царской кормою
Вспыхнуло пламя — судьбою богов, нам враждебных, хранимый,
Тихо сосновые двери замкнутым в громаде данаям
Отпер коварный Синон; растворившись, греков на воздух
Конь возвратил; спешат из душного мрака темницы
Выйти вожди: Стенел, и Тессандр, и Улисс кровожадный,
Смело по верви скользя, и за ними Фоас с Афаманом,
Внук Пелеев Неоптолем, Магаон, напоследок
Сам Менелай и с ним громады создатель Эпеос.
Быстро напали на сонный, вином обезумленный город;
Стража зарезана; твердые сбиты врата, и навстречу
Ждущим у входа вождям мирмидоняне хлынули в Трою.
Было то время, когда на усталых сходить начинает
Первый сон, богов благодать, успокоитель сладкий.
Вдруг... мне заснувшему видится, будто Гектор печальный
Стал предо мной, проливая обильно горькие слёзы,
Тот же, каким он являлся, конями размыканный, чёрен

Пылью кровавой, истёрты ремнями опухшие ноги.
Горе! таким ли видал я его? Как был он несходен
С Гектором прежним, гордо бегущим в Ахилловой броне
Иль запалившим фригийский пожар в кораблях супостата!
Всклочена густо брада; от крови склейлися кудри;
Тело истерзано ранами, некогда вокруг илионских
Стен полученными. Сам, заливаясь слезами, казалось,
Так во сне я приветствовал Гектора жалобной речью:
«О светило Дардании! верная Трои надежда!
Где так долго ты медлил? Гектор желанный, откуда
Ныне пришел ты? О! сколь же ты нас, по утрате толиких
Храбрых друзей, по толиких бедствиях граждан и града,
Сердцем унылых обрёл! И что недостойное светлый
Образ твой затемнило? Откуда толикие раны?»
Он ни слова; бесплодным вопросам он не дал вниманья;
Но, протяжный, тяжелый вздох исторгнув из груди,
Молвил: «Беги, сын богини, спасайся; Пергам погибает;
Враг во граде; падает Троя; Приаму, отчизне
Мы отслужили; когда бы от смертной руки для Пергама
Было спасенье — Пергам бы спасён был этой рукою.
Троя пенатов своих тебе поверяет, прими их
В спутники жизни; для них завоюй обречённые небом
Стены державные, их же воздвигнешь, исплававши море».
Кончил — и вынес из тайны святилища утварь, повязки,
Вечно пылающий огонь и лик всемогущия Весты.
Тою порою по граду, шумя, разливалась гибель.
Боле и боле — хотя в стороне, одинок и непышен,
Дом Анхиза-родителя сенью закрыт был древесной —
Шум приближается; явственней слышно волнение брани.
Я очнулся и ложе покинул; на верхнюю кровлю
Дома взбежал и стою, внимательным слушая ухом.
Так — когда, раздуваемый бурей, свирепствует пламень
В жатве, иль ливнем поток наводнённый, с горы загремевши.
Губит поля, и весёлые нивы, и труд земледельца,
С корнями рвёт и уносит деревья — с вершины утёса
В смутном неведенье силится к шуму прислушаться пастырь.
Всё мне тогда — и видения тайна и козни данаев —
Вдруг объяснилось. Уж дом Деифобов горит и огромной
Грудой развалин, дымящийся, падает; с ним пламенеет
Укалегонов, и заревом блещут сигейские воды;
Слышны и крики людей и звонкой трубы дребезжанье.
Я как безумный за меч... но куда с мечом обратиться?
Рвусь нетерпением дружину созвать, чтоб броситься в замок;
Ярость и бешенство душу стремительно мчат, и погибнуть
Смертью прекрасной в бою с тоскою мучительной жажду.
Вдруг явился Панфей, убежавший от копий ахейских,
Старец Панфей, Отряд и в замке жрец Аполлонов.
Утварь и лики богов побежденных похитив, младого
Внука он влек за собой и, беспамятен, мчался к Анхизу.
«Есть ли надежда, Панфей? Уцелели ль замка твердыни?» —
Я спросил; отчаянным стоном ответствовал старец:
«День последний настал, неизбежное время настало
Царству; мы были трояне, был Илион, и великой
Тевкрии слава была... на аргивян жестокий Юпитер
Всё перенёс; господствуют греки в пылающем граде,
Гибельно высясь над площадью замка, ратников сонмы
Конь извергает; Синоп, торжествуя, пожарное пламя
Тщится усилить; там непрестанно двумя воротами
Войска бесчисленны входят, каких не видали Микины;

Здесь, захвативши тесные выходы, сильная стража
Сдвинула копья, и грозно, вонзиться готовое, блещет
Их остриё; безнадёжно, расстроенной, слабой дружиной
Бьются привратные воины, силясь напрасно отбиться».
Страшную вестью Панфея и силой бессмертных влекомый,
Я побежал, куда призывали Эриннис, и шумный
Говор сраженья, и пламень, и стон, ко звездам восходящий.
Следом за мною Рифей и зрелый мужеством Ифит;
К нам пристали при блеске пожара Димант с Гипанисом,
К нам и Хорев Мигдонид, в Илион приведённый судьбою
За день пред тем, горящий безумной к Кассандре любовью,
С верною помощью к тестю Приаму и Трое... несчастный!
Купно с другими вещим речам вдохновенной невесты
Он не поверил...

Я же, их видя решительных, жаждущих боя, воскликнул:
«Юные други! сердца, толь напрасно бесстрашные ныне!
Если, отважась на всё, испытать вы со мною готовы
Силы последней (что же фортуна решила, вы зрите:
Наши святилища бросили, наши покинули храмы
Боги, хранители Трои; святой Илион исчезает
Дымом), на смерть побежим, ударим в средину оружьем;
Други! спасенья не ждате — одно побеждённым спасенье».
Вспыхнула бодрая младость. Подобно как в тёмном тумане
Рыщут, почуя добычу, гонимые бешенством глады,
Хищные волки и, пасти засохшие жадно разинув,
Их волчата ждут в логовищах, — сквозь копья и сонмы
Так на погибель ударились мы, пролагая в средину
Города путь, облетаемы ночи огромною тенью.
Ночь несказанная; где слова для её разрушений?
Кто и какими слезами такую погибель оплачет?
Падает древний град, многолетний властитель народов;
Всюду разбросаны трупы; лежат неподвижно во прахе
Улиц, на прагах домов, при дверях, во святилищах храмов.
Но не одну безотпорную смерть принимает троянец,
Часто горит в побеждённом привычная бодрость, и гибнет
Грек-победитель... Везде, отовсюду являются взору
Ужас, и бой, и кровавая смерть в неисчисленных видах.
Первый из греков, дружиною встреченный нашей на стогнах,
Был Андрогей; в обманчивом сумраке ночи приема
Нас за данаев союзных, он так дружелюбно воскликнул:
«Братья, спешите; где же так долго вас задержала
Праздная лень? Давно расхищают горящую Трои
Греки; а вы едва с кораблями расстаться успели».
Так он сказал; но, узрев безответную нашу суровость,
Вмиг догадался, кто перед ним, отскочил и умолкнул,
Скованный страхом. Как путник, змею разбудивший ногою,
Трепетен рвётся назад, узрев, как она, развернувшись,
Гнев воздымает и свищет, подняв чешуи голубые, —
Так, задрожавши, от нас побежал Андрогей... но напрасно!
Мы за ним; разорвали их строй; и, не ведая града,
Вдруг осажденные страхом, незапностью, ночью и нами,
Все до единого пали враги. Улыбнулась фортуна
Первому нашему бою. Хорев, воспалённый удачей,
«Други! — воскликнул. — Отважись верить первому счастью;
Нам благосклонно судьба указывает наш путь; облачимся
В брони данаев, щиты переменим; обманом иль силой —
Всё равно для врага. И ныне оружие сами
Греки троянам дадут». Сказал и надел Андрогеев
Гривистый шлем, завоёванный щит надвинул на шуйцу,

Греческий меч утвердил на бедре. Ему подражая,
Бодро Димант, и Рифей, и вся молодая дружина
Свежей добычей оружий себя ополчили. В средину
Греков бежим... но боги отчизны были не с нами.
Подвигов много, врагами не узнанны, в сумраке ночи
Мы совершили, много данаев низринуто в Оркус.
В страхе одни к кораблям, к безопасному берегу моря
Мчатся из града; иных загоняет постыдная робость
В недра коня, и приемлет их снова знакомое чрево.
Но... богам отворившимся, поздно вверяться надежде!
Вдруг из храма Паллады влекут за власы распущенны,
Вырвав ее из святилища, дочь Приама Кассандру,
К тёмному небу напрасно подъямлющу пламенны очи —
Очи одни, окованы были невинные руки;
Страшного вида сего не стерпело сердце Хорева;
Он, обезумленный, прямо в средину толпы их; и, сдвинув
Груды и копья, мы дружно за ним; но плачевно-ужасный
Бой тогда закипел: трояне, обмануты видом
Наших греческих лат и сверканием шлемов косматых,
С кровли высокого храма пустили в нас тучею стрелы;
Стон пораженных нам изменил; на Кассандрины вопли
Бросился враг; мы все опрокинуты; с бурным Аяксом
Оба явились Атрида — за ними толпами данаи.
Так, подымаясь крутящимся вихрем, сшибаются ветры
Нот и Зефир, и на легких несомый конях от востока
Эвр, и бушуют леса, и Нерей опенённым трезубцем
Бьет по водам, и до самого дна содрогается море.
Скоро и греки, испуганны мраком ночным и по граду
Нашей дружиной рассеянны, вышли из тайных убежищ,
Первые нас по щитам и обманчивым броням узнали,
Вслушались в наши слова и чужие заметили звуки.
Множество нас задавило: первый мечом Пенелея
Пал Хорев пред святым алтарем броненосной Паллады;
Пал и Рифей, из троян непорочнейший, правды блюститель
(Иначе боги судили о нем); Димант с Гипанисом
Пали от копий троянских; ни Фебова риза, ни святость
Чистая жизни тебя не спасли, о Панфей благодушный.
Прах Илиона, все блага мои поглотившее пламя,
Вас призываю! вы зрели, что я не чуждался ни копий
Вражьих, ни силы врага; и когда бы назначил мне жребий
Пасть — я паденье своё заслужил. Но из битвы (за мною
Ифит один с Пелиасом, Ифит, уже отягчённый
Дряхлостью лет, Пелиас, умирающий, ранен Улиссом)
Я устремился на стон, огласивший чертоги Приама.
Там все ужасы брани стеклися: как будто во граде
Не было битвы иной и нигде никого не разили —
Так свирепствовал Марс, так бешено греки рвалися
В замок и, сдвинув щиты черепахой, на вход напирали.
Множеством лестниц унизаны стены; вверх по ступеням
Лезут данаи, шуйцей щиты над главами под копья
Наши подставив, десной за вершину ограды хватаясь;
Тевкры, готовя отпор, разоряют и башни и дома,
Вместо оружий собирают обломки с намереньем грозным
В битве отчаянной ими врага раздавить, погибая;
С шумом державного дома царей позлащенны убранства
Падают; меч обнаживши, другие, у врат осаждённых
Тесной дружиной столпясь, ограждают святилище прага.
Взорванный гневом, стремлюсь на защиту Приамова дома,
Ратных усилить и бодрого духа придать побеждённым.

Были сокрытые двери в стене высокого замка.
Ход потаённый из внешнего града в царёво жилище;
Часто, во дни благоденствия Трои, ко свекру Приаму
Оным путем Андромаха несчастная тайно ходила:
Взор престарелого деда порадовать внуком цветущим.
Оным путём пробираюсь к тому возвышенью, откуда
Тщетно последние стрелы на греков бросали трояне.
Там воздымалась стремнистая башня, весь град перевыся;
С кровли её неприступной видимы были вся Троя,
Все корабли мирмидонян, весь греческий стан отдалённый.
Там, где она со стены висела громадою всею
Грозно над градом, как туча, мы острым железом подрыли
Сплоченны камни и двинули башню... гремя и дымяся,
Вдруг она повалилась и страшной развалиной пала
Вся на греков; погибших сменили другие, и градом
Стрелы, копья и камни опять полетели.
Всех определя, напирал на преддверие Пирр бедоносный,
Грозен, как пламенный, медной бронёй и стрелами сияя.
Так на солнце змея, напивавшись ядом растений,
Долго лежав неподвижно под тягостным холодом снега,
Вдруг, чешуи обновив, расправляет красы молодые,
Скользкий волнует хребет, золотистую грудь надувает,
Вьётся в лучах и жалом тройным, разыгравшись, блещет.
С ним великан Перифрас, и правитель Ахилловых коней
Оруженосец Автомедон, и дружина скириян
Шумно к чертогам теснятся и пламень бросают на кровли.
Сам же, у всех впереди, он огромной двуострой секирой
Рушит затворы, с притолок тяжких, окованных медью,
Петли сбивает, брусья дробит и плотные доски
Вдруг прорубил — широкою щелью разинулись двери.
Видимы стали и внутренний двор и ряды переходов,
Видима древняя храмина прежних царей и Приама,
Видимы в сенях и стражи, хранители царского прага.
В самом же доме и жалобный крик, и шум, и волнение;
Звонкие своды чертогов наполнив пронзительным стоном,
Жены рыдают; к звездам подымает отчаянье голос.
Бледные матери, бегая в мутном безумии страха,
Праги объедают дверей и к ним прилипают устами.
Вдруг вторгается Пирр, как отец, неизбежно-ужасный.
Тщетны заграды; низринута стража; таран стенобойный
Сшиб ворота; расколовшись, огромные рухнули створы;
Силе прочистился путь, и в пролом, опрокинув передних,
Ринулся грек, и врагами обители все закипели.
Менее грозен, плотину прорвав и разрушивши стену,
С рёвом и с пеной стремится поток из берегов и, равнину
Шумным разливом окрест потопив, стада и заграды
Мчит по полям. Я видел убиством яримого Пирра;
Видел обоих Атридов, дымящихся кровью в обители царской;
Видел Гекубу, и сто невесток её, и Приама,
Кровью своею воздвигнутый ими алтарь обагривших.
Вдруг пятьдесят сыновних брачных чертогов, надежда
Стольких внуков, и стены, добыч многочисленных златом
Гордые, пали — пожаром забытое схвачено греком.
Знать пожелаешь, быть может, царица, что было с Приамом.
Видя падение града, видя пылающий замок,
Видя врага, захватившего внутренность царского дома,
Старец давно позабытую броню на хилые плечи,
Сгорбленный тягостью лет, чрез силу надел, бесполезный
Меч опоясал и в сонмы врагов пошёл на погибель.

В самой середине царских чертогов, под небом открытым,
Был великий алтарь; над ним многолетнего лавра
Сень наклонялась и лики домашних богов обнимала.
Там с дочерьми сидела Гекуба. Напрасно — укрывшись
Робко под жертвенник, словно как стая пугливая горлиц
В грозу под ветви, — кумиры бессмертных они обнимали.
Вдруг царица одетого бронёю младости бранной
Видит Приама. «Куда ты, бедный супруг (возгласила)?
Что ополчило тебя? К чему безрассудная бодрость?
Ныне такая ли помощь, такой ли защитник Пергаму
Нужны? Пергама не спас бы теперь и великий мой Гектор.
С нами останься, Приам; алтарь защитит нас,
Или умрём неразлучны». Сказала и, руку супругу
Давши, старца с собой посадила на месте священном.
Вдруг из убийственных Пирровых рук убежавший Политос,
Сын последний Приама, сквозь копья, сквозь сонмища вражды,
Вдоль переходов, пустыми чертогами, раненый, мчится;
Быстро за ним сверкающий Пирр с неизбежным убийством
Гонится... близко; нагнал, достигнул железом; пронзённый,
К лону родителей кинулся юноша в страхе пред ними
Пал, содрогнулся... и жизнь пролилася потоками крови.
Тут закипело Приамово сердце. Сам погибая,
Он не стерпел толь великого горя и гневно воскликнул:
«О чудовище! Боги тебе, святотатный убийца,
Боги — если живёт в небесах правосудная жалость —
Мзду ниспошлют; по заслуге получишь награду, губитель,
Ты, предо мной моего растерзавший последнего сына!
То ли Ахилл, от тебя названьем отца поносимый,
Сделал с Приамом-врагом? Он, краснея, почтил унижение
Старца молящего; дал схоронить мне бездушное тело
Гектора-сына и в Трою меня отпустил безобидно».
Так он сказал и копье бессильное слабой рукою
Бросил; оно, ударяся в медь, зазвеневшую глухо,
Тронуло выгиб щита и на нём без движенья повисло.
Яростно Пирр возопил: «Иди же с поносной отсюда
Вестью к Пелиду-отцу; не забудь о бесславных деяньях
Пирра поведать ему; теперь же умри». Беспощадно
Он перед жертвенник дрогнувший старца повлёк; сединами
Шуйцу, облитую кровью сыновней, опутал, десницей
Меч замахнул и в рёбра до самой вонзил рукояти.
Так совершилась участь Приама; так он покинул
Землю, зревши добычей пожара Пергам и паденье
Трои, некогда сильный властитель народов, державный
Азии царь... и великое тело на бреге пустынном
Ныне без чести лежит, обезглавлено, труп безымянный.

Тут впервые мне ужас предчувствия душу проникнул;
Я обомлел; я о милом старце родителе вспомнил,
Видя, как дряхлый ровесник его, под рукой беспощадной,
Царь издыхал; я вспомнил о сирой Креузе, о доме,
Преданном греку во власть, о судьбине младенца Иула.
Взор обращаю: нет ли со мною сподвижников ратных?
Все исчезли; одни, утомлённые битвою, с башни
Прянули в город; другие отчаянно кинулись в пламень;
Я один уцелел. И вдруг в преддверии храма
Весты, робко-безмолвную, скрытую в тёмном притворе,
Вижу Тиндарову дочь: при зареве ярком пожара
Светлым путем я бежал, всё оку являлося ясным.
Там, опасаясь троян, раздражённых паденьем Пергама,

Злобы данаев и мести супруга, отчизну и Трою
Купно губящая Фурия, жертвенник Весты объемля,
В храме, богам ненавистная, тайно сидела Елена.
Вспыхнуло сердце во мне; отомстить за погибель отчизны
Рвётся мой гнев; истребить истребленья виновницу жажду.
«Ей ненаказанной Спарту узреть! в родные Микины
Гордой царицей вступить, торжествуя! увидеть супруга,
Дом родительский, чад, окружённой прискорбной толпою
Дев илионских и пленных троян!.. А Приам уж зарезан,
Троя горит и Дардания целая кровью дымится!
Нет! того не стерплю! пускай не великая слава
Женоубийце, пускай для него беспохвальна победа —
Свет от чудовища должно очистить; кровавою мезью
Сердце свое утолю и пепел моих успокою».

Так я, себя раздражая, злобой кипящий, стремился.
Вдруг перед очи мои, откровенная, мрак осиявши
Ярким блистаньем, великой богиней, какую лишь небо
Знает её, предстала мать и, меня удержавши,
Молвила так мне устами, живыми как юная роза:
«Сын, для чего необузданной скорбию гнев пробуждаешь?
Что за безумство? Ужели оставил о нас попеченье?
Прежде помысли о том, где покинут тобою родитель,
Дряхлый Анхиз, не погибли ль супруга Креуза и юный
Сын твой Асканий? Кругом их обители бешено рыщет
Грек, и давно бы, когда б не моя берегла их защита,
Их истребило железо и пламень враждебный похитил!..
Нет! не Парид, похититель преступный, не образ спартанки,
Низкой Тиндаровой дочери — боги, разгневаны боги
Ваш опрокинули град и сразили величие Трои.
Зри — я всякое облако, ныне темнящее слабый
Смертного взор и облекшее всё пред тобою туманным
Мраком, подьемлю — но только моим повелениям смело,
Сын, покорись и беспспорно мои поученья исполни.
Там, где видишь разбросанны груды, утёс на утёсе,
Где подымается чёрное облако праха и дыма,
Там Посидон великим его потрясённый трезубцем
Стены дробит и, подрыв основанья, весь город в обломки
Рушит; здесь беспощадная Ира, на Скейских воротах
Грозно воздвигшись, союзную рать с кораблей к Илиону,
Бронёй звучащая, кличет...

Там — оглянися — на замке, над градом, Тритона-Паллада
Села, гремящею тучей и страшной Горгоной блистая.
Сам вседержитель и бодрость и бранную силу низводит
Свыше на греков и сам на дардан подымает всё небо.
Нет упования, сын; беги, не упорствуй сражаться;
Буду с тобой; неведимо достигнешь родительской сени».

Так сказала и скрылась в глубокую бездну ночную.
Грозные лики тогда мне предстали, разящие Трою
Силы великих богов я увидел...

Тут открылось, как, страшно разрушен, в огне распался
Весь Илион и в обломки валилась Нептунова Троя.
Так на густой прародительский яшень, горы украшенье,
Корни кругом подрубив, дровосеки, столпясь, нападают;
Споря проворством, разят топоры; благородное древо
Зыблется, сенью шумит, волосистой главою трепещет,
Мало-помалу под ранами клонится... вдруг, изнемогши,
Стонет и падает, всю завалив разрушением гору...
Я удаляюсь, храним божеством; иду через пламень,
Мимо врагов: раздвигаются копья, огонь уступает.

К древней обители, к прагу священной родительской сени
Скоро достиг я, и первой заботой в защитное место,
На гору старца отца перенести. Приближаюсь к Анхизу —
Трою свою пережить и себя осудить на изгнание
Старец отрекся. «Вы, сохранившие бодрюю младость,
Вы, не лишённые мужеской силы годами, спешите
Бегством спастись, — сказал он. —
Если б державные боги конец мой отсрочить хотели —
Мне бы они сохранили мой дом. Но слишком довольно
Зреть и однажды погибель своих и сожжение града.
С миром идите, почтивши моё полумёртвое тело
Словом прощальным; смерть я сам обрету, иль, жалея,
Враг умертвит старика. Не страшна погребенья утрата;
Слишком долго, противный богам, на земле я промедлил,
Чуждый земле, с тех пор как бессмертных и смертных владыка
Веяньем молний своих и громом ко мне прикоснулся».
Так говорил мой родитель, в жестоком намеренье твердый.
Мы же в слезах — и я, и Креуза, и юный Асканий,
Сын мой, и с нами домашние — молим, чтоб вместе с собою
Он, отец, семьи не губил и в беду не ввергался...
Тщетны моления; покинуть свой дом непреклонный отрёкся.
Снова тогда ополчаюсь, отчаянный, жаждущий смерти.
Что иное мне оставалось? Какая надежда?
«Как, родитель, чтоб я убежал, об отце позабывши,
Требовал ты! из родительских уст толь обидное слово!
Если назначили боги, чтоб не было Трои великой,
Если тобой решено истребить с истребляемым градом
Нас и себя — для погибели нашей двери открыты:
Скоро Приамовой кровью дымящийся Пирр, умертвивши
Сына пред взором отца и отца пред святыней Пенатов,
Явится здесь! Для того ли сквозь бой и пожар, о богиня,
Я проведен, чтоб, врага допустив во святилище дома,
Видеть, как сын мой Асканий, и дряхлый отец, и Креуза,
Кровью друг друга облив, предо мною истерзаны будут?
Дайте оружия, воины; время пришло роковое;
Грекам меня возвратите; отведем силы последней;
В бой, друзья! мы не все неотмщённые ныне погибнем».
Меч опоясав и щит свой надвинув на шуйцу, из дома
Выйти спешу; но Креуза, упав со слезами на праге,
Ноги мои обняла и, сына-младенца подъявля
К лону отца, возопила: «Если себя на погибель
Ты осудил — да погибнем с тобою и мы неразлучно!
Если ж осталось тебе упование на меч и на силу —
Прежде свой дом защити; здесь младенец Иул; здесь отец твой;
Здесь Креуза... её называл ты доныне своею».
Так вопияла супруга, стенаньем весь дом оглашая.
Тут несказанное в наших очах совершилось чудо:
Сына Иула с печалью родительской мы обнимали —
Вдруг над его головою сверкнуло эфирное пламя,
В кудри власов, не палящее, веяньем тихим влетело,
Пыхнуло ярко и вокруг головы обвилось блистаньем.
В трепете страха мы отряхиваем горящие кудри;
Силимся влагой студёной огонь затушить чудотворный.
Чуда свидетель, Анхиз оживлённые радостью очи
К небу возвёл и, дрожащие длани подъявля, воскликнул:
«О вседержитель Зевес! когда ты молитвам доступен,
Призри на нас, о едином молящих: если достойны
Будь нам защитой, отец, и знамению дай подтверждение».
Только промолвил Анхиз — помутилось небо, и страшно

Грянуло влеве; и, быстро упавшая с темных тверди,
Мрак лучезарный рассёкши браздой, звезда побежала...
Видели мы, как она, разразившись над нашею кровлей,
Светлая, вдаль покатила и, путь наш означив блистаньем,
Пала за Идою в рощу... долго, протянут вдоль неба,
След пламенел, и запахом серным дымилась окрестность.
Тут побеждённый старец родитель подьмется с ложа,
Молит богов и творит поклоненье звезде путеводной.
«Все решено! — возгласил он. — Боги отчизны, ведите;
С верой иду; сохраните и дом мой и внука; то ваше
Знаменьё было, и в вашем могуществе есть ещё Троя;
Вам покоряюсь; мой сын, предводи; за тобою отец твой».
Так он сказал... и уже приближался к обители нашей
С треском пожар и шумящего пламени зной опалял нас.
«Время, родитель; на плечи сыновние сядь (возгласил я),
Дай мне мои подклонить рамена под священное бремя.
Что бы ни встретило нас на пути — одно нам спасенье,
Гибель одна; перестанем же медлить; младенец Асканий
Рядом со мною пойдёт; в отдаленье за нами Креуза.
Вы же, служители дома, заметьте, что вам повелю я:
Есть при исходе из града холм, и на холме Церерин,
Древле покинутый храм; перед ним кипарис престарелый,
С давних времен сохранённый почтением набожных предков.
Там во единое место из разных сторон соберитесь.
Лики Пенатов и утварь тебе поверяю, родитель;
Я же, пришедший из битвы, рукою кровавой не смею
К ним прикоснуться, доколь не очищу себя орошеньем
Свежия влаги...»
С сими словами, широкие плечи склоня и на выю
Сверх одеянья накинув косматую львиную кожу,
Старца подьмлю; идём; Асканий, мою обхвативши
Крепко десницу, бежит, торопяся, шагами неровными сбоку;
Следом Креуза; идём, пробираяся мглою по стогнам;
Я же, дотолё бесстрашным оком смотревший на тучи
Стрел и отважно встречавший дружины враждебные греков,
Тут при малейшем звуке бледнел, при шорохе каждом
Медлил, робея за спутника, в страхе за милую ношу.
И уже достигал я ворот и мнил, что опасный
Путь совершился... вдруг невдали голоса раздались,
Что-то мелькнуло, послышался топот. Пристально в сумрак
Смотрит Анхиз: «Мой сын, мой сын, беги! — возопил он. —
Идут! сверкают щиты! оружие медное блещет!..»
Кто изъяснит? Божество ли какое враждебною силой
Ум мой смутило... но, в сторону бросаюсь, чтоб мнимой
Встречи избегнуть, далеким обходом я вышел из града;
Боги! Креуза исчезла; во тьме ль, ослеплённая роком,
Сбилась с дороги, иль где отдохнуть, утомлённая, села —
Я не знаю, с тех пор мы нигде уж её не встречали.
Только тогда я утрату, опомнясь, заметил, когда мы
Холма святого и древнего храма Цереры достигли.
Там собрались мы, убогий остаток троян, — а Креузы
Не было, к горю спутников, сына, отца и супруга.
О! кого из людей и богов я не клял, исступленный!
Было ли что для меня и в паденье Пергама ужасней?
Сына Иула с Анхизом-отцом и с Пенатами Трои
Спутникам вверив, в излучине дола велю им укрыться;
Сам же, блестящей одетый бронёй, возвращаюся в Трою.
Вновь решено боевые труды испытать, по горящим
Стогнам Пергама промчатся и грудь под удары подставить.

К тёмному прагу ворот, чрез который мы вышли из града,
Прежде спешу, чтобы, снова по свежему нашему следу
Трою пройдя, замечательным оком всмотреться в приметы;
Всюду ужас! даже молчание в трепет приводит!
К дому Анхиза — не там ли она, не туда ли ей случай
Путь указал — я бегу, но данаи уж грабили дом наш;
Всё испровергнуто; с воплями враг по обители рыскал;
Пламень пожара уже прошибал из-под верхняя кровли;
Вихрем взвивались искры, и в воздухе страшно гремело.
Я обратился к Приамову дому, к высокому замку:
Боги! боги! в притворе пустого Юнонина храма
Зверский Улисс и Феникс у добычи стояли на страже:
Там сокровища Трои, богатства сожженных святилищ,
Чаши золотые, престолы богов, и убранства, и ризы
В грудах лежали; младенцы и бледные матери длинным
Строем стояли вблизи.
Презря меня окружавшую гибель, дерзнул я во мраке
Голос возвысить; печальный мой клик раздавался по стогам.
«Где ты, Креуза?» — зывал я, зывал... но было напрасно.
В яростном горе по грудам разрушенных зданий я бегал;
Вдруг перед очи мои появилась призраком, легкой
Тенью она... и казалась возвышенной прежнего станом.
Я ужаснулся, волосы дыбом, голос мой замер.
Тихо с улыбкой, смиряющей душу, сказала Креуза:
«Тщетной заботе почто предаёшься, безумно печалась?
О Эней, о сладостный друг, не без воли бессмертных
Было оно: мне не должно идти за тобой из Пергама;
То запрещает владыка небес, громодержец Юпитер.
Долго изгнанником будешь браздить беспредельное море;
Там в Гесперии, где волны Лидийского Тибра по тучным,
Людным равнинам обильно-медлительным током лиются,
Светлое счастье, и царский венец, и невесту царевну
Ты обретёшь. Не томи ж по Креузе утраченной сердца;
Нет! ни дверей мирмидона, ни пышных чертогов долопа
Я не увижу; не буду рабынею матери грека,
Дочь Дардании, вечной Венеры невестка...
Быть при себе мне судила великая мать бессмертных.
Ты же прости; поминай о супруге любовь к сыну».
Смолкла и тихо со мной, проливающим слезы, рассталась;
Много хотел я сказать, но она улетела; трикраты
Я за летящею тению руки простёр, и трикраты
Лёгкая тень из напрасно объемлющих рук ускользнула,
Словно как веющий воздух, словно как сон мимолётный.
Так миновалась ночь; возвращаюсь к товарищам бегства;
Много толпою притекших из Трои спутников новых
Там нахожу, изумлённый: матери, мужи, младенцы,
Жалкий народ беглецов, невозвратно утратив отчизну,
С бедным остатком сокровищ, теснились там, приготовясь
Вместе со мной за морями искать обречённого берега.
И уже восходил над горой светоносный Люцифер,
Юного дня благовестник, и все ворота Илиона
Заперты были врагом... упование исчезло! судьбине
Я уступил и Анхиза понёс на высокую Иду».

Примечания

- ↑ Впервые — в альманахе «Полярная звезда» на 1823 год под заглавием «Смерть Приама. Отрывок из II песни «Энеиды». С латинского».

Это произведение перешло в общественное достояние.

Произведение написано автором, умершим более семидесяти лет назад и опубликовано прижизненно, либо посмертно, но с момента

- публикации также прошло более семидесяти лет.

Кроме того, перевод выполнен автором, умершим более семидесяти лет назад и опубликован прижизненно, либо посмертно, но с момента публикации также прошло более семидесяти лет.

Источник — «[https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Разрушение_Трои_\(Вергилий/Жуковский\)&oldid=1465342](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Разрушение_Трои_(Вергилий/Жуковский)&oldid=1465342)»

Энеида (Вергилий/Шершеневич)

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

Энеида Вергилия

автор [Публий Вергилий Марон](#) (70 г. до н.э.—19 г. до н.э.), пер. [И. Г. Шершеневич](#) (1819—1894) [Песнь первая](#) →

Язык оригинала: латинский. Название в оригинале: [Aeneis](#) □

□ [Одноименные страницы](#)

Википроекты: □ [Википедия](#) □ [Данные](#)

Энеида Вергилия

Оглавление

- □ [Песнь первая](#)
  - □ [Песнь вторая](#)
  - □ [Песнь третья](#)
  - □ [Песнь четвёртая](#)
  - □ [Песнь пятая](#)
  - □ [Песнь шестая](#)
  - □ [Песнь седьмая](#)
  - □ [Песнь восьмая](#)
  - □ [Песнь девятая](#)
  - □ [Песнь десятая](#)
  - □ [Песнь одиннадцатая](#)
  - □ [Песнь двенадцатая](#)
-
- □ [Библиографические заметки](#)
-

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Энеида_\(Вергилий/Шершеневич\)&oldid=1032018](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Энеида_(Вергилий/Шершеневич)&oldid=1032018)»

Энеида (Вергилий/Шершеневич)/Библиографические заметки/ДО

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [Энеида \(Вергилий/Шершеневич\)](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

Библиографические заметки к [«Энеиде Вергилия»](#) в переводе [И. Г. Шершеневича](#)

авторь [Публий Вергилий Маронь](#) (70 г. до н.э.—19 г. до н.э.), пер. [И. Г. Шершеневичь](#) (1819—1894)

Язык оригинала: латинский. Название в оригиналь: [Aeneis](#) □

Википроекты: - [Википедия](#)

Изъ «Отечественныхъ записокъ».

Источникъ: [«Отечественныя записки», 1846, томъ XLIV](#), отд. VI (Библиографическая хроника), с. [50—51](#)

Энеида Вергилия. Пѣснь I, II и III. Посвящено О. Н. Перевѣль I. Ш. Одесса. Въ тип. А. Брауна. 1845. Въ 8-ю д. л. 99 стр.

Искусственная эпопея любимца всѣхъ филологовъ, умнаго и граціознаго Вергилія, не была ещё у насъ переведена удовлетворительно. Вѣроятно, теперь даже Французамъ не прійдѣтъ въ голову сравнивать Вергилія съ [Гомеромъ](#); вопросъ о значеніи «Энеиды» кажется теперь уже вопросъ рѣшенный. Но нельзя не отдать полной справедливости цѣломудренной хотя, несколько-холодной красотѣ стиха латинской поэмы, обдуманному расположенію цѣлаго, блеску описаній. Шестая пѣсня «Энеиды», въ своёмъ родѣ, chef d'oeuvre. Г. I. Ш. не совсѣмъ недостоинъ чести переводить Вергилія. Главный недостатокъ его перевода состоитъ въ отсутствіи истиннаго поэтическаго таланта; гекзаметръ г. I. Ш. сухъ и прозаиченъ. Но вообще переводъ добросовѣстенъ и довольно-вѣренъ, хотя кой-гдѣ и попадаются небольшіе промахи. Для примѣра, выпишемъ описаніе смерти [Лаокоона](#) изъ второй пѣсни (стр. 44):

Море спокойно было, какъ вдругъ
(разсказывать страшно)
Двое усталыхъ драконовъ несутся къ намъ
отъ Тенедоса (?)
Грозно влечётся ихъ тѣло, сгибаясь въ
безмѣрныя кольца;
Дыбамъ ихъ длинныя выи, грудь
поднялась надъ волною;
Крови подобныя гребни багровые грозно
поднялись...
Прочее тѣло кругами гигантскими по
мору вѣется.
Съ шумомъ вскипала волна, взбивая
сребристую пѣну.
Кровью облитыя очи ихъ огненнымъ
взоромъ сверкають;
Быстро мелькаетъ языкъ и пастью свистъ
испускаетъ.
Блѣдность покрыла намъ лица, и мы
разбѣжались отъ страха.
Ближе и ближе плывутъ, ужъ тѣло на
берегъ выносятъ,
К Лаокоонту прямо несутся. Тутъ оба
дракона,
Пастью сильно схвативъ двое дѣтей
малолѣтнихъ,

Кольцами вьются по нимъ и страшныя
язвы наносятъ.
Къ дѣтямъ на помощь кидается онъ; но
быстрые змѣи
Вдругъ обхватили отца и гигантскими
вяжутъ узлами.
Дважды ужъ грудь обвили и дважды
чешуйчатой выей
Шею страдальца связавъ, головами
мащутъ высоко;
Жалять смертельно, и ядъ ихъ чёрною
пѣной клубится.
Тщетно метаясь, то хочеть расторгнуть
онъ сильныя узы,
То испускаетъ ужасные вопли до сводовъ
надвѣздныхъ,
Жертвенный быкъ, уязвлѣнный
невѣрнымъ ударомъ сѣкиры,
Такъ реветъ и бѣжить и кровавую выю
уносить...
Оба чудовища, трупы оставивъ, вмѣстѣ
ползутъ и (?)
Стройно несутся къ святынѣ враждебной
Минервы...
Тамъ *подъ* стопами богини таятся *подъ*
сѣнью эгиды.

Весьма-порядочно, хотя сухо и блѣдно. Впрочемъ, мы должны замѣтить г. I. Ш., что онъ могъ бы переводить ещё ближе и вѣрнѣе, и что пропусками не слѣдуетъ избѣгать трудностей. Наприм., въ началѣ второй пѣсни, онъ пореводитъ извѣстное:

---

quaeque ipse miserrima vidi
Et quorum pars magna fui...

СЛОВАМИ:

Я расскажу вамъ всё, что видѣлъ...

Кто не въ состояніи художественно воспроизводить подлинникъ, тотъ долженъ по-крайней-мѣрѣ держаться буквального смысла. А г. І. Ш. вообще передаётъ только двѣ трети, иногда половину подлинника, такъ-что иногда переводъ его сбивается на подражаніе. Попадаются, какъ уже мы замѣтили выше, ошибки изобличающіе не филолога. На-прим., въ девятомъ стихѣ второй пѣсни, «*cadentia sidera*» не значить «*падающія звѣзды*» (что не имѣетъ тутъ никакого смысла), но закатывающіяся, заходящія звѣзды... Такихъ ошибокъ даже довольно-много... Впрочемъ, нельзя не одобрить труда г. І. Ш. и не пожелать его скорого продолженія и окончанія, при чѣмъ мы советуемъ ему стараться переводить какъ можно-тщательнѣе и ближе, тѣмъ болѣе, что поэтическое достоинство его стиховъ не въ состояніи заставить насъ забыть попадающіяся иногда невѣрности и небрежности перевода.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Энеида_\(Вергилий/Шершеневич\)/Библиографическіе_заметки/ДО&oldid=309386](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Энеида_(Вергилий/Шершеневич)/Библиографическіе_заметки/ДО&oldid=309386)»

Энеида (Вергилий/Шершеневич)/Песнь восьмая/ДО

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [Энеида \(Вергилий/Шершеневич\)](#)

Перейти к [навигация](#), [поиск](#)

□

← [Пѣснь седьмая](#) [Энеида Вергилія](#) — Пѣснь восьмая [Пѣснь девятая](#)
авторъ [Публий Вергилій Маронъ](#) (70 г. до н.э.—19 г. до н.э.), пер. [Л. Г. Шершеневичъ](#) (1819—1894) →

Язык оригинала: латинский. Название в оригиналь: [Aeneis](#). — Источники: [Современникъ, Литературный журналъ, томъ XXXIII, Санктпетербургъ, 1852](#) □

Википроекты: - [Википедія](#)

Энеида Вергилія

Пѣснь восьмая

Волненіе въ Лаціумѣ. — Видѣніе Энея. — Эней съ двумя биремами отправляется къ царю Эвандру просить вспомогательнаго войска. — Эвандръ съ радостью его принимаетъ и обѣщаетъ помощь. — Потомъ рассказываетъ ему битву Алкида съ Какусомъ. — Гимнъ Алкиду. — Эвандръ, сопровождаемый сыномъ своимъ Паллантомъ, вводитъ Энея въ своё жилище и рассказываетъ ему о первыхъ обитателяхъ той страны. — Богиня Венера проситъ у своего супруга, бога Вулкана, чтобы онъ сдѣлалъ для Энея оружіе и доспѣхи. — Вулканъ обѣщаетъ ей исполнить ея желаніе, отправляется въ свою мастерскую и приказываетъ циклопамъ сделать броню. — Работа циклоповъ. — Утро. — Свиданіе Эвандра съ Энеемъ и беседа ихъ. — Эней избранъ предводителемъ войскъ, возставшихъ противъ Мезенція. — Онъ отправляется съ 400 аркадскихъ всадниковъ для соединенія съ ними. — Съ нимъ и сынъ Эвандра Паллантъ. — Богиня Венера является Эвею и даётъ ему обѣщанную броню. — Восторгъ Энея. — Описаніе щита.

Heu! quantae miseris caedes Laurentibus instant!

..... Quam multa sub undas
Scuta virum, galeasque et fortia corpora volves,

Thybrī pater! .....

(Изъ восьмой пѣсни.)

Вотъ лишь только Турнь поднялъ надъ замкомъ Лаврента
Знамя войны и хриплые звуки трубы раздались,
Только лишь буйныхъ коней пріударилъ возжами и рати
Двинуль съ собою, — какъ вдругъ взволновались умы и внезапно
Лація вся потряслась отъ тревоги; сердца молодѣжи
Жаждою брани вскипѣли. Вожди переднихъ отрядовъ:
Уфенсъ, Мессапъ и боговъ презиратель Мезенцій, отвсяду

Ратную помощь ведутъ и широкія нивы лишаютъ
Ихъ земледельцевъ. И къ Діомеду славному въ городъ
Венула шлютъ просить вспомогательной рати и вмѣстѣ
Вѣсть сообщить, что въ Лацію прибыли тевкры и съ флотомъ
Вождь ихъ Эней присталь и внёсь побѣжденных пенатовъ,
Что называеъ себя царёмъ, назначеннымъ рокомъ;
Что къ дарданскому мужу пристало много союзныхъ
Ратей, и имя его гремитъ межъ народовъ латинскихъ.
Какъ посовѣтуеъ онъ поступить въ томъ дѣлѣ; и если
Имъ побѣдить суждено, то что за побѣдою будетъ:
Лучше извѣстно ему, чѣмъ Турну царю и Латину.

Такъ волновались латины: герой же лаомедонтовъ,
Видя всё это, великой заботою сердце тревожилъ,
Выстрый свой умъ то къ мысли одной, то къ другой преклоняя,
То увлекаясь различнымъ путёмъ, обдумывалъ средства.
Такъ отражѣнный водою въ мѣдномъ сосудѣ лучъ солнца
Иль лучезарнаго круга луны трепещеть, повсюду
Перебѣгая съ мѣста на мѣсто далеко, и вотъ ужъ
Кверху взлетѣвъ по стѣнамъ, въ потолокъ ударяеъ высокій.

Ночь ужъ покрыла всё земли: вездѣ утомленныя твари,
Родъ и звѣрей и пернатыхъ въ глубокой сонъ погрузились,
Какъ родитель Эней, тревогою сердце волнуетъ
О предстоящей войнѣ, у берега лёгъ подъ холоднымъ
Сводомъ небесъ и въ поздней часъ ночи предался покою.
И ему во снѣ предсталъ прекрасный потока
Богъ, Тиберинъ съ довламый, оставъ изъ тополевои чащи:
Тонкая ткань бирюзового цвѣта его покрывала;
Частый, тѣнистый тростникъ надъ челомъ поднимался кудрявымъ,
И, смягчая заботы героя, такъ говорилъ онъ:
«О, рожденье боговъ! ты, который изъ длани враждебной
Трою похитивъ, привозишь для насъ, и Пѣргамъ нетлѣнный
Намъ сохраняеъ, о гость, давно ужъ желанный въ прекрасныхъ
Нивахъ Лаврента и въ царствѣ Латина; ты здѣсь поселишься
Въ вѣрныхъ жилищихъ, и здѣсь для пенатовъ твоихъ пребыванье;
Не удаляйся отсюда и грозной войны не страшись ты:
Боги смягчились уже и гнѣвъ удалили отъ сердца.
Словъ ты моихъ не считай пустымъ сновидѣньемъ: и вотъ ужъ
Скоро найдѣшь ты подъ тѣнью растущихъ у берега вязовъ
Самку огромную вепря и съ нею тридцать малютокъ;
Бѣлая будетъ она, у сосцовъ ея бѣлыя дѣти:
Тамъ построишь ты городъ, тамъ будетъ конецъ злополучій.
Тридцать лѣтъ со славою пройдутъ, и сынъ твой Асканій
Городъ великій построить тогда, по имени Альбу.
Истину я предвѣщаю тебѣ. А теперь ты послушай,
Какъ побѣдителемъ можешь ты выйти изъ труднаго дѣла,
Я наставленіе дамъ. Аркадцы здѣсь обитаютъ,
Родъ отъ Палланта исшедшій; Эвандру царю повинуюсь,
Эта дружина пошла за его знамѣнами и вмѣстѣ
Прибыла съ нимъ въ ту сторону, гдѣ мѣсто избравъ, основала
Городъ высокій Палантій, по имени предка Палланта.
Войны ведутъ непрерывно они съ народомъ латинскимъ.
Съ ними въ союзъ ты войди, заключи договоръ неразрывный.
Самъ я тебя поведу берегами по ровному полю
Водъ, чтобъ могъ ты весломъ побѣдить течение потока.
Встань, о потомокъ боговъ, и какъ только звѣзды погаснутъ,
Ты по обряду Юнонѣ молись и тёплой молитвой
Гнѣвъ и угрозы смягчи; тогда и мнѣ — побѣдитель —
Честь не забудеши воздать. А я, котораго видиши
Здѣсь межъ крутыхъ, береговъ текущаго полной рѣкою
По плодоноснымъ нивамъ полей, — я свѣтло-лазурный
Тибръ, я потокъ, пріятнѣйшій небу. Здѣсь мой великій
Домъ, а начало моё въ городахъ вытекаеъ высокихъ.»

Так сказавъ, погрузился въ глубокія озера волю.
Между тѣмъ разсвѣло, и Эней, отъ сна пробужденный,
Всталъ, и, взоръ устремивъ на свѣтъ восходящаго солнца.
Дланью въ рѣкъ зачерпнулъ онъ текучей воды, и, поднявши
Къ небу съ молитвой, вознёсь онъ рѣчи такія: «О, нимфы,
Нимфы Лаврента, вы матери рѣкъ, и ты, о родитель
Тибрь, съ твоею священной рѣкою, примите Энея
И наконецъ, избавьте его отъ страданій и бѣдствій.
Гдѣ бы ни скрывали тебя тѣ озера воды, въ которыхъ
Ты обитаешь, отецъ, сострадающій къ нашему горю,
Гдѣ бы ни была та страна, откуда течёшь ты, прекрасный,
Будешь ты мною и чтимъ и дарами моими прославленъ,
О, повелитель рогатый прекрасныхъ водъ Гесперійскихъ;
Будь мнѣ защитой, да знаменье это тобой подтвердится.»
Такъ говорить онъ и двѣ избираетъ изъ флота биремы,
Ихъ оснащаетъ и вмѣстѣ пловцовъ снабжаетъ оружіемъ.
Вотъ неожиданно странное чудо представилось взорамъ:
Бѣлая самка вепря — и съ нею такие жъ малютки —
Изъ лѣсу на берегъ вышла зелёный и тутъ же простѣрлась.
И благовѣрный Эней тебѣ, Юнонѣ великой,
Въ жертву заклалъ и её и малютокъ священнымъ обрядомъ.
Между тѣмъ и Тибрь, вздувавшійся ночью волнами,
Волны свои усмирилъ; и, тихо струясь, улеглся
Шумныя воды, словно прозрачный прудъ иль поверхность
Спящая лужи болотной, — чтобъ вѣсла съ волной не боролись.

Вотъ в пустились въ путь, при дыханьи попутнаго вѣтра.
Тихо скользить смолёная ель: удивляются волны,
И удивляется лѣсъ, какъ блестящія брони сверкаютъ,
Блещутъ щиты и цвѣтныя ладьи по зыби несутся.
День и ночь работаютъ вѣсла; и вотъ ужъ трояне
Много изгибовъ длинныхъ прошли и разныхъ деревьевъ
Тѣнь покрывала ладьи; и ладьи, по рѣкъ пробѣгая,
Лѣсъ разсѣкали зелёный. И вотъ ужъ огненный солнца
Шаръ на средину небеснаго свода взлетѣлъ, какъ трояне
Видятъ и кровли немногихъ домовъ и замокъ высокій, —
Всѣ, что могущество Рима теперь съ небесами сравнило;
А тогда тамъ было бѣдное царство Эвандра.
Вотъ повернули носы кораблей и отправились въ городъ.

Въ этотъ день случайно Эвандръ великому сыну
Амфитріона торжественно честь воздавалъ, и богамъ онъ
Дѣлалъ обѣты, предъ городомъ въ роцѣ. Съ нимъ вмѣстѣ и сынъ былъ
Юный Паллантъ, и цвѣтъ молодёжи, и бѣдный Сената
Кругъ; возжигали куренья они, и тёплая жертвы
Кровь, на алтарь изливаясь, дымилась. Увидѣвъ, какъ быстро
Два корабля неслись, пробираясь сквозь тѣмную рошу,
И безмолвно гребцы ударили веслами, — внезапнымъ
Видомъ такимъ поражённые всѣ, покинувъ трапезу,
Встали. А смѣлый Паллантъ, приказавъ продолжать имъ священный
Пиръ, и оружье схвативши, самъ побѣжалъ къ нимъ на встрѣчу,
Сталъ на холмѣ и оттуда вскричалъ онъ къ плывущимъ: «скажите,
Воины, что васъ принудило въ путь неизвестный пускаться?
Кто вы? откуда? куда вы плывёте? Съ войною иль съ миромъ
Прибыли къ намъ?» — И съ высокой кормы Эней боговѣрный,
Мирную вѣтку оливы къ нему простирая, такъ началъ:
«Видишь троянъ предъ собою, латинамъ враждебныя брони.
Странниковъ насъ изгнали они жестокой войною.
Ищёмъ Эвандра царя: донесите, что прибыли съ миромъ
Первые Трои вожди и просятъ союзаго войска.»
И удивился Паллантъ, поражённый именемъ славнымъ.
«Кто бы ты ни былъ — скизалъ онъ — сойди и съ родителемъ нашимъ
Поговори и гостемъ войди ты въ наши жилища.»
Такъ говоря, онъ руку простѣръ и принялъ Энея.
Вотъ отошли отъ рѣки и въ тѣнистую рошу вступили.

И Эней к царю обращает дружныя рѣчи:
«О изъ данавъ наилучшій! судьбѣ такъ было угодно,
Чтобъ предъ тобой я предсталъ съ оливною вѣтвью и просьбой,
Не устранившись, что ты предводитель данавъ, аркадецъ,
Что отъ того же корня и ты, и братья Атриды.
Доблесть, однакожь моя, боговъ священный оракулъ,
Сродные предки и слава твоя, гремящая всюду,
Соединаютъ съ тобою меня, а судьба насъ сближаетъ.
Дарданъ, тотъ первый отецъ основатель стѣнъ Иліона,
По увѣренію грековъ, рожденный Электрой, Атланта
Дочерью, прибыль къ Ильону; Электру родилъ тотъ великій,
Славный Атлантъ, на плечахъ носящій звѣздные своды.
Вашъ прародитель Меркурій котораго свѣтлая Мая,
Въ чревѣ зачавъ, родила на холодной вершинѣ Циллена.
Маю тотъ самый Атлантъ родилъ, вамъ вѣрно извѣстно,
Тотъ же великій Атлантъ, что двигаетъ звѣзды и небо.
Такъ и общій нашъ родъ отъ крови одной происходитъ.
Я, ободрѣнный этимъ, къ тебѣ не пословъ посылаю
И не на хитромъ условьи хочу заключить договоры:
Самъ предъ тобою предсталъ я, опасности жизнь подвергая,
Жизнь подвергая, чело у порогивъ твоихъ преклоняю.
Тотъ же народъ насъ преслѣдуетъ въ брани кровавой, который
Васъ не щадить; и если насъ одолѣютъ войною,
Нѣтъ ужъ препятствій для нихъ: они всю Гесперскую землю
Игомъ своимъ угнетутъ, отъ моря, что верхнія страны
Ихъ омываетъ, до водъ, берега обтекающихъ съ юга.
Будь намъ союзникъ и нашъ ты союзъ прими: молодѣжи
Пашей отважны сердца, въ бояхъ закаленные частыхъ.»

Кончилъ Эней; а тотъ ужъ давно устремленные взоры
Въ очи Энея вперилъ и осматривалъ образъ героя.
И говоритъ ему: «о мужъ, изъ тевкровъ сильнѣйшій!
Какъ я охотно тебя признаю и какъ принимаю!
Какъ ты мнѣ живо напомнилъ и голосъ, и рѣчи, и образъ
Славнаго мужа Анхиза, отна твоего! Не забылъ я
Лаомедонтова сына Пріама, какъ онъ, посѣщая
Царство сестры Гезіоны, присталъ къ Саламину и вскорѣ
Насъ посѣтилъ на холодныхъ равнинахъ Аркадіи нашей.
Юныя розы тогда на моихъ расцвѣтали ланитахъ;
Я удивлялся гевкровъ вождямъ, удивлялся Пріаму,
Болѣе прочихъ Анхизу. Авхизъ превышалъ всѣхъ героевъ.
Юное сердце моѣ трепетало желаньемъ знакомства
Съ храбрымъ героемъ; мнѣ очень хотѣлось съ нимъ подружиться.
Я подошелъ къ нему и съ восторгомъ въ жилища Фенея
Ввѣлъ. А герой подарилъ мнѣ, прощаясь, ликійскія стрѣлы,
И превосходный колчанъ, и золотомъ тканную мантию,
Двѣ золотыя уздечки, что нынѣ Паллантъ мой имѣетъ.
И потому я помощи руку вамъ предлагаю,
И какъ только завтра раннее утро заблещетъ,
Дамъ вамъ союзную рать, и всѣмъ помогу, что имѣю.
Между тѣмъ годовое священное празднество наше,
Такъ какъ вы наши друзья и какъ отлагать негодится,
Празднуйте съ нами и къ дружескимъ нашимъ пирамъ привыкайте.»
Такъ свазавъ, онъ снова велитъ и бокалы поставить
И унесенныя блюда подать; онъ самъ на зелѣномъ
Дѣрнѣ сажаетъ гостей; а первую почестъ Энею
Онъ отдаётъ, на кленовое ложе его приглашаетъ,
Крытое кожей мохнатаго льва. А юные слуги
Вмѣстѣ съ жрецомъ угощаютъ усердно троянцевъ: приносятъ
Нѣдра закланныхъ жертвъ, а потомъ наполняютъ корзины
Хлѣбомъ — дарами Цереры, и Викха дары предлагаютъ.
И Эней съ молодѣжью троянской трапезу вкушаютъ,
Нѣдра отъ жертвы ѣдятъ и воловій хребетъ преогромный.

И когда насытились вдоволь и голодъ смирили,
Царь Эвандръ говоритъ: «не пустымъ суевѣрьемъ, ни древней
Вѣры незнаемъ водимые, мы учредили обряды
Эти, и эту трапезу, и жертвенникъ этотъ великій:
Но отъ опасности страшной спасенные, гость нашъ троянецъ,
Честъ воздаемъ божеству въ годовыхъ повторенныхъ обрядахъ.
Ты погляди сперва на этотъ утѣсъ, надъ скалами
Грозно нависшій; на эти громадныя глыбы, далеко
Тамъ въ безпорядк лежашя; видишь, въ горахъ тамъ жилище
Впустъ стоитъ и скалы кругомъ развалились: въ томъ самомъ
Мѣстѣ пещера была, глубоко входившая въ скалы
И недоступная солнца лучамъ. Обиталь въ ней свирѣпый
Какусъ полу-человѣкъ; тамъ земля непрерывно дымилась
Свѣжею кровью несчастныхъ; у страшнаго входа висѣли
Бѣлые черепа жертвъ, погибшихъ печальною смертью.
Этого чуда отецъ былъ Вулканъ; вулканонымъ чѣрнымъ
Пламенемъ чудо дышало, громадныя двигая члены.
Нѣкогда время было, когда, томимые нуждой,
Мы испытали силу и помощь пришедшаго бога.
Мстителъ великій Алкидъ, Геріона тройного сразившій,
Гордый добычей, къ намъ прибылъ, ведя за собою огромныхъ
Прелести чудной быковъ; и быки паслись по долину,
Вдоль надъ рѣкою. А Какусъ, кипя необузданной жаждой
Злымъ помышленьямъ своимъ и замысламъ дерзкимъ и хитрымъ
Пищу найти, отъ стада тельцовъ четырехъ и наилучшихъ
Тайно увѣлъ и столько же съ ними телицъ превосходныхъ.
Но, чтобъ отъ взоровъ сокрыть слѣды ихъ прямые, онъ, хитрый,
Всѣхъ ихъ за хвостъ въ пещеру вовлѣкъ и, тѣмъ измѣнивши
Слѣдъ настоящій добычи, скрывалъ ихъ въ тѣмной пещерѣ.
Тщетно искалъ ихъ Алкидъ: къ пещерѣ слѣдовъ не нашѣлъ онъ.
Между тѣмъ, когда, насыщенный кормомъ, собралъ онъ
Стадо своё и готовъ былъ двинуться въ путь, удаляясь
Съ поля, взрвели быки и рощу всю огласили
Жалобнымъ рѣвомъ, отъ тучныхъ холмовъ отходя неохотно.
И одна изъ телицъ, услышавъ рычаніе стада,
Въ тѣмной пещерѣ взревѣла и Какуса хитрость открыла.
Бѣшенствомъ чѣрнымъ и злобою сердце Алкида вскипѣло:
Тутъ, суковатый дубъ захвативъ въ богатырскія длани,
Онъ устремился къ горѣ и взбѣжалъ на вершину утѣса.
И тогда увидѣли наши впервые испугомъ
Какуса взоръ возмущенный. Быстрѣе вѣтра бѣжитъ онъ
Прямо къ пещерѣ своей: испугъ окрылилъ его ноги.
И, затворившись въ ней, расторгнулъ цѣпь, на которой
Камень у входа висѣлъ, обломокъ утѣса громадный,
Твердымъ желѣзомъ и дивнымъ искусствомъ отца прикрѣпленный,
И заградилъ имъ входъ и наглухо дверь завалилъ имъ.
Гнѣвомъ кипящій Алкидъ прибѣжалъ; кругомъ обѣгаетъ
Входъ, то съ одной глядитъ стороны, то съ другой, и зубами
Страшно скрежещетъ отъ гнѣва. Трижды кругомъ обѣжалъ онъ
Всю Авентинскую гору; трижды тщетно пытался
Сдвинуть скалу и трижды, трудомъ утомленный, садился
Въ ближней долину. Тамъ на пещеры хребтъ возвышался
Острый утѣсъ, окруженный отвѣсно скалами, высокій,
Только хищнымъ пернатымъ для гнѣздъ удобное мѣсто.
Въ этотъ утѣсъ, на лѣвый берегъ рѣки наклоненный,
Мощною дланью упѣршись Алкидъ и вправо встряхнувши,
Съ корнемъ глубокимъ сорвалъ, и, выдвинувъ вонъ на поверхность,
Сбросилъ съ горы: отъ паденія воздухъ потрясся далеко,
Берегъ разсѣлся и воды рѣки отступили въ испугѣ.
Бездна разверзлась; чертоговъ Какуса мрачныхъ, обширныхъ
Сѣнь обнажилась, и нѣдра глубокой пещеры открылись.
Точно, когда, потрясенная страшной подземною силой,
Вдругъ распадѣтся земля и таргара мрачную бездну
Взорамъ откроетъ, и взоры увидятъ бездонное царство
Блѣдныхъ тѣней, ненавистное небу; и блѣдныя тѣни,

Свѣтъмъ дневнымъ поражѣнный, вдругъ вострепелъ отъ страха.
Такъ неожиданно Какусь, испуганный свѣтомъ внезапнымъ,
Въ мрачной пещерѣ сокрытый, взревѣлъ неслышаннымъ рѣвомъ.
Сверху стоящій Алкидъ врага поражаетъ: то сыплеть
Камней громаду въ него, то древесные пни низвергаетъ.
Онъ же, видя, что нѣтъ никакого спасенія въ бѣгствѣ,
Облакомъ чѣрнаго дыму изъ пасти, образомъ дивнымъ,
Выпустилъ вдругъ и, чѣрною мглою наполнивъ жилище,
Скрылся отъ взоровъ; и въ страшную тьму погрузилась пещера;
Только ужасное пламя сквозь дымъ прорывалось изъ мрака.
Вышелъ Алкидъ изъ себя: изступлѣнный, сквозь дымъ и сквозь пламя
Бросился въ бездну, туда, гдѣ наиболее облакомъ чѣрнымъ
Дымъ исходилъ, и гдѣ бездна кипѣла туманною мглою.
Тамъ онъ злодѣя поймавъ, извергавшаго тщетное пламя,
Съ страшною силой схватилъ въ богатырскія руки, за горло
Сжалъ: изо лба у чудовища выползли очи и ночью
Въчной покрылись. Тотчасъ открытъ былъ входъ мрачной пещеры,
И увелѣнный скотъ и много сокрытой добычи
Найдено тамъ и открыто; и трупъ извлечѣнъ безобразный
За ноги вонь изъ пещеры. Нельзя надивиться довольно,
Видя тѣ страшныя очи, лицо и покрывающую шерстью
Грудь полу-звѣря, и съ жизнію въ пасти потухшее пламя.
Съ этой поры торжествуемъ обрядъ, и потомки съ восторгомъ
Празднуютъ день торжества. Потидій, первый виновникъ
Этихъ обрядовъ и стражъ геркулесова храма, Пинарій
Въ рошѣ воздвигли алтарь, который будемъ мы въчно
Чтить, какъ самый священный, великимъ его называя.
Ну-те же, юноши, въ честь столь великихъ дѣяній Алкида,
Зеленю чѣла вѣнчайте, берите въ руки бокалы,
Общему богу молитесь и вдоволь вина наливайте.»
Такъ онъ сказалъ, и немедля двувѣтнаго тополя зелень
Кудри его увѣнчала и листья чело осѣнили;
Кубокъ священный явился въ рукѣ; и въ восторгѣ весѣломъ
Всѣ возливаютъ на столь и богамъ возсылаютъ молитвы.

Между тѣмъ ужъ вечеръ спустился съ вершины Олимпа:
Вотъ и жрецы идутъ; въ главѣ ихъ первый Потидій,
Кожей звѣриной покрывшись, несутъ священное пламя.
Снова трапезу готовятъ и снова на столь возлагаютъ
Много пріятныхъ даровъ и чашами, полными жертвы,
Жертвенникъ щедро дарятъ: дымятся зажжѣнныя жертвы;
А жрецы, тополевой и вѣтвью вѣнчанные, пляшутъ
Вкругъ алтарей, напевая священные гимны: тамъ старцевъ
Хоръ, тутъ юноши въ пѣсняхъ священныхъ хвалу воспѣваютъ,
Подвиги славятъ Алкида; поютъ, какъ ещѣ въ колыбели
Дѣтской рукою сразилъ онъ чудовища, отъ мачихи злобной
Посланныхъ противъ младенца; какъ бранною силой разрушилъ
Крѣпкія стѣны Эхалы и Трои; и какъ перенёсъ онъ
Тысячи тяжкихъ трудовъ при царѣ Эвристеѣ, по злобѣ
Гнѣвной Юноны. Ты облакородныхъ двуличныхъ чудовищъ,
Непобѣдимый, десницей сразилъ — и Гилея и Фола;
Ты и чудовище Крита простеръ, я немейское чудо,
Силою грознаго льва. Тебя трепетали и воды
Мрачнаго Стикса и тартара стражъ триголовый, что, въ безднѣ
Лѣжа кровавой, гложетъ полу-истреблѣнныя кости.
Чи устрашили взоры тебя? Ни Тифея громадный
Видъ не смутилъ, ни доспѣхи его, ни лернейская гидра
Тысячью главъ устрашить не могла нашедшаго средство
Къ вѣрной побѣдѣ. Привѣтъ нашъ тебѣ, несомнѣнное чадо
Зевса; тебѣ, о слава боговъ и небесъ украшенъе:
Къ намъ ты прибудь, о отецъ, и жертвы прими, благодатный.
Такъ воспѣвали его; въ заключенъе же гимна воспѣли
Какуса смерть, и пещеру, и пасть, извергавшую пламя.
Роца трепещетъ отъ звуковъ и холмы вторятъ пѣснопѣнью.

Такъ совершивши священный обрядъ, пошли всѣ обратно
Въ городъ. И царь, удручѣнный годами, идѣтъ, опираясь
То на Энея плечо, то на руку сына Палланта,
Разнообразя свой путь разговоромъ о многихъ предметахъ.
А Эней, обращая на всѣ любопытные взоры,
Много дивясь, восхищается мѣстомъ; съ живымъ любопытствомъ
Самъ вопрошаетъ и рѣчи о мужахъ времёнъ первобытныхъ
Слушаетъ онъ. Вотъ Эвандръ, основатель римскаго замка,
Такъ говоритъ: «въ тѣхъ рощахъ когда-то туземные Фафны
Жили и нимфы, отъ дубовъ и пней происшедшее племя.
Не было вѣры у нихъ никакой, ни законовъ; не знали,
Какъ и впрягаютъ быковъ; не умѣли потребностей жизни
Пріобрѣтать, ни хранить пріобрѣтѣнныхъ. Листья и корни
Да отъ охоты добыча были ихъ скудною пищею.
Нервы къ намъ прибыль Сатурнъ съ подоблачныхъ высей Олимпа,
Изгнанный силой Юпитера сына и царства лишѣнный.
Этотъ собралъ племена, обитавшія врознь по вершинамъ
Горъ; онъ и нравы смягчилъ ихъ и далъ имъ законы; страну же
Лаціей звать захотѣлъ, оттого, что въ ней безопасно
Скрылся отъ поисковъ сына. При этомъ царѣ, утверждаютъ,
Время было зотое: мирно и кротко народомъ
Онъ управлялъ; но потомъ ужъ мало по малу всё хуже,
Хуже были времена: настали бранныя смуты
И ненасытная жадность сердца людей овладѣла.
Прибыль вскорѣ синайское племя съ авзонской дружиной,
Часто и имя своё мѣняли сатурновы земли.
Тамъ и другіе цари, за ними громадный и храбрый
Тибръ, отъ котораго мы, итальянцы, позднѣе названье
Дали рѣкѣ; а рѣки настоящее древнее имя —
Альбула. Я же, лишившись отчизны и бурное поре извѣдавъ,
Волей могучей судьбы, непреклоннаго рока вѣлѣньемъ,
Прибыль сюда, побуждаемый грознымъ вѣщаньемъ Карменты,
Матери нимфы и даннымъ отвѣтомъ оракула Феба.»
Такъ говорилъ Эвандръ, и, вперѣдъ подвигаясь, Энею
Онъ указалъ на алтарь, на врата въ честь вѣщей Карменты,
Нимфы носящая имя: она воспѣвала впервые
Славу потомковъ Энея и будущій блескъ Паллантеи.
Тутъ указалъ онъ огромную рощу, гдѣ Ромуль пришельцамъ
Храбрый убѣжище далъ, в холодный угѣсъ луперкальскій,
Названный такъ по аркадски отъ бога ликейскаго Пана.
Тамъ указалъ Аргилеты священную рощу, а также
Самое мѣсто, и смерть разсказалъ онъ аргивскаго гостя.
А оттуда къ Тарпеѣ ведѣтъ, ведѣтъ къ Капитолью,
Тамъ, гдѣ золото блещетъ теперь, а прежде кустарникъ
Дикій торчалъ; и тогда ужъ умами селянъ боязливыхъ
Страхъ суевѣрный владѣлъ; и тогда ужъ они трепетали
Лѣса и грозной скалы. «Здѣсь въ рощѣ — сказаль онъ — на этой
Холма зелёной вершинѣ, какое, навѣрно не знаютъ,
Но божество обитаетъ; аркадцы такъ полагаютъ,
Будто видѣли сами владыку Зевеса, какъ, чѣрный
Щитъ потрясая въ десницѣ, дожди собиралъ онъ и тучи.
Далѣе видишь, лежатъ городовъ разрушѣнныхъ стѣны:
Это героевъ древнихъ времёнъ незабвенная память.
Янусомъ замокъ одинъ, а другой основанъ Сатурномъ:
Тотъ назывался Яникуль, Сатурнія имя другого.» —
Такъ говоря межъ собою, они приближались къ жилищамъ
Бѣдныхъ владѣній Эвандра; и тамъ, гдѣ форумъ великій
Нынѣ, гдѣ роскошь Каринъ, — мычало рогатое стадо.
И, подошедши къ жилищу, сказаль онъ: «Алкидъ побѣдитель
Въ это жилище входилъ; вотъ здѣсь принимали героя
Эти чертоги; о гость мой, забудь о богатствѣ: достойнымъ
Славы Алкида себя покажи и бѣдностью нашей
Не презирай.» И, сказавши, огромнаго мужа Энея
Вводитъ подъ скудную кровлю, сажаетъ на ложѣ изъ мягкихъ
Листьевъ, покрытыхъ мохнатою шкурой либійскихъ медвѣдей.

Ночь спустилась и землю чёрнымъ крыломъ охватила.

Грозныя рати лаврецовъ и бранное видя смятенъ,
Мать Венера не тщетнѣшь испугомъ встревожила сердце,
И, на златое ложе Вулкана возсѣвши, съ небесной,
Нѣжною страстью, къ супругу рѣчь обратила такую:
«Милый супругъ мой! когда, осажѣнная греческой ратью,
Много страдала мечу и огню обречѣнная Троя,
Помощи я у тебя не просила для бѣдныхъ страдальцевъ;
Я не просила оружья твоей искусной работы
И не хотѣла, чтобъ ты трудомъ утомлялся напраснымъ,
Какъ ни обязана много была я дѣтямъ Пріама,
Какъ ни скорбѣла я часто объ участи тяжкой Энея.
Нынѣ вельнѣемъ Зевса онъ въ землю рутуловъ прибыль.
Я умоляю тебя, у тебя я могучихъ доспѣховъ
Мать для сына прошу, о супругъ, обожающа достойный!
Ты вѣдь нереевой дочери, ты и супруги Тивоона
Внялъ неотступнымъ слезамъ. Посмотри же, какіе народы,
Соединились на насъ, и, врата затворивши, какіе
Тамъ города изошряютъ мечи на меня и троянцевъ.»

Такъ говорила богиня и рукъ бѣлоснѣжныхъ объятя
Съ нѣгой къ супругу простѣрла и, страстно обнявъ, согрѣваетъ
Пламенемъ нѣжной любви; а супругъ, нерѣшительный прежде,
Вспыхнулъ внезапно обычною страстью,
Кровь закипала его и огнемъ по костямъ пробежала:
Точно такъ молнія въ бурю, расторгнута громомъ, блестящей,
Огненной щелью мелькнувъ, пробѣгаетъ по облачнымъ высямъ.
Рада богиня была, что хитрость вполнѣ удалась ей:
Такъ рассчитала она на прелести вѣрную силу.
И, побѣжденный любовью супруги, Вулканъ отвѣчалъ ей:
«Что ты богиня, ищешь причины далѣкой? уже ли
Вѣры ко мнѣ никакой не имѣешь? и если бы прежде
Столько заботы было, я могъ бы и прежде троянамъ
Сдѣлать оружіе: вѣдь ни судьба, ни отецъ всемогущій
Трою губить не желали; она бы ещѣ простояла
Долго и царь вашъ Пріамъ лѣтъ десять другихъ пережилъ бы.
Если же нынѣ готовишься къ брани и твѣрдо рѣшилась,
Сколько могу обѣщать я тебѣ и труда и искусства;
Всѣ, что въ искусныхъ рукахъ и плавкій электръ и железо
Могутъ создать, я въ дѣйствіе всё приведу. Перестань же
Просьбу твою повторять и въ искусствѣ моёмъ сомнѣваться.»
Такъ сказавъ, онъ принявъ объятя, склонился ва лоно
Страстной супруги и въ тихій, отрадный покой погрузился.

Вотъ и ночь, совершивъ половину теченья, ужъ первый
Сонъ удалила отъ смертныхъ очей, и было то время
Ночи, когда хлопотунья хозяйка, которой судьбою
Трудная участь дана поддерживать жизнь трудолюбьемъ,
Прялкой и нѣжною тканью Минервы, съ постели поднявшись,
Въ пеплѣ потухшій огонь раздуваетъ, у ночи похитивъ
Чась для работы своей, и при свѣтѣ лампы для пряжи
Дѣлать кудели рабамъ, чтобъ честной работой и ложа
Честь сохранить своего и выкормить маленькихъ дѣтокъ:
Такъ и могучій пламени богъ, на зарѣ приподнявшись
Съ мягкой постели, пошѣлъ заниматься кузнечной работой.

Близъ береговъ сицилійскихъ, въ эоловой Липарѣ близко
Высится островъ; на немъ громадныя скалы дымятся.
Тамъ подъ островомъ этимъ пещера, изрытая страшно
Горнами мрачныхъ циклоповъ, ревущими словно какъ Этна.
Стонутъ отъ молота тяжкихъ ударовъ, гремятъ наковальни,
Полосы стали грохочутъ и горны пламенемъ дышать:
Это вулкановъ чертогъ, Вулканіи имя носящій.
Богъ огнесильный туда спустился съ высей Олимпа.

Тамъ-то въ обширной пещерѣ ковали желѣзо циклопы:
Стеропесь, Бронтесъ и члены свои обнажившій Пиракмонъ.
Молньо ковали они для владыки Олимпа, который
Много подобныхъ съ небесъ низвергаетъ на землю; отчасти
Молнья готова была, а отчасти нуждалась въ отдѣлкѣ.
Три луча закалили её дождя ледяного,
Три водяныхъ облаковъ, три багрянаго блеска, а также
Вѣтра крылатаго три; потомъ къ ней придали сверканья
Страшнаго блескъ ослѣпительный, грохотъ, пугающій смертныхъ
И ужасающій гнѣвъ безсмертнаго бога Олимпа.
Тутъ же ковали для бога войны колесницу и круги
Быстрыхъ колѣсъ, которыми онъ на брань возбуждаетъ
И города, и народы, и рати; ковали тотъ страшный
Щитъ и броню раздраженной Паллады, и золотомъ яркимъ
Гладили ихъ, чешуёй украшая змѣиной; на немъ же
Сплѣтшихся вмѣстѣ драконовъ, нагрудникъ богини и самый
Образъ Горгоны съ ея закатившійся взоромъ предсмертнымъ.
«Всѣ прекратите, — сказала онъ — оставьте всѣ ваши работы,
Этны циклопы, и дружно велѣнья мои исполняйте:
Храброму мужу доспѣхи нужны. Теперь соберите
Силу и руку быстроту и всѣ мастерское искусство.
Ну-те же, къ дѣлу!» Сказалъ и умолкъ. А циклопы поспѣшно
Бросились къ дѣлу и поровну трудъ межъ собой раздѣлили.
Льются рѣкою и мѣдь и золото льётся рѣкою,
И смертоносная сталь въ громадномъ плавится горнѣ.
Щитъ огромный куютъ, одинъ предназначенный протовъ
Всѣхъ латинскихъ мечей: сень кратъ сопряжённые круги
Кругъ составляли его. Тамъ мѣхъ раздувальный вдыхаетъ
И выдыхаетъ вѣтры; тамъ мѣдь, погружённая въ воду,
Стонетъ шипучая; стонетъ пещера отъ тяжкихъ ударовъ
Молота. Въ ладъ поднимаются сильныя руки, и снова
Въ ладъ въ наковальню гремятъ и въ клещахъ раскалённую массу
Держать, вращаютъ, куютъ.
И между тѣмъ, какъ лемносскій
Богъ у оловыхъ странъ поспѣшно готовилъ работы,
Свѣтъ животворный и раннее птицъ щебетанье на кровлѣ
Рано Эвандра отъ сна пробудили. И старецъ, поднявшись,
Тунику вздѣлъ на себя и тирренскую обувь къ подошвѣ
Онъ прикрѣпилъ ремнями, и мечъ препоясалъ тегейскій;
Шкура пантеры на лѣвомъ плечѣ и на грудь ниспадаетъ.
Вѣрные стражи — два пса — отъ порога за нимъ неотступно
Шагъ за шагомъ идутъ и слѣдятъ за хозяиномъ всюду.
Къ гостю Энею онъ шѣлъ, къ его одинокимъ покоямъ,
Помня бесѣду вчерашнюю съ нимъ и своё обѣщанье.
Рано поднялся и храбрый Эней и вышелъ на встрѣчу;
Съ сыномъ Паллантомъ Эвандръ, а Эней съ верзлучнымъ Ахатомъ.
Встрѣтились мужи и, за руки взявшись, подъ кровлю вступили,
Сѣли ва ложѣ и такъ наслаждались свободной бесѣдой.
Первый началъ Эвандръ: «о тевкровъ вождь знаменитый!
Я бы никакъ по повѣрилъ, при жизни мужа такого,
Чтобъ знаменитая Троя и царство Пріама погибли!
Силы ничтожны у насъ, которыя можемъ мы въ помощь
Дать вамъ, трояне, народу такой знаменитости славной.
Здѣсь ограждаетъ насъ Тибръ съ одной стороны, а съ противной
Рутулы жмутъ насъ; в наши не разъ осаждённые стѣны
Слышали звонъ ихъ брани. Но я многолюдныя рати,
Я подъ твои знамѣна собору и народы; нежданный
Случай представился нынѣ, и будто судьбы повелѣнемъ
Кстати явился ты къ намъ. Отсюда не очень далѣко
Городъ Агилла стоитъ, на скалѣ построенный древней.
Нѣкогда славное въ брани лидійское племя, пришедши,
Тамъ поселилось на высахъ этрусскихъ. И долгое время
Тамъ процвѣтало оно, доколѣ жестокой Мезенцій
Силой меча не заставилъ его преклониться подъ иго.
Нужно ль рассказывать вамъ всѣ жестокости изверга? нужно ли

Вамъ исчислять всѣ злодѣйства его? Правосудные боги
Пусть воздадутъ достойную мзду и ему и потомкамъ!
Онъ сѣдиняль, нечестивый, живыхъ съ тѣлами холодныхъ,
Труповъ (неслыханный способъ мученья!) и руки съ руками
Связываль ихъ, и съ устами уста, заражая несчастныхъ
Смрадной, нечистою кровью и гноемъ, и долгія муки
Видѣль страдальцевъ своихъ и кончину въ ужасныхъ объятыхъ.
Но наконецъ утомлённый народъ беззаконьемъ злодѣя
Вооружился, дворець осадилъ и, приверженныхъ стражей
Всѣхъ умертвивъ, на кровлю металъ пожарное пламя.
Но отъ меча ускользнувшій злодѣй, бѣжавъ во владенья
Рутуловъ, скрылся подъ вѣрною защитой могучего Турна.
Гнѣвомъ кипя справедливымъ, Этрурія вся взволновалась
И неотступно съ оружіемъ требуетъ казни злодѣя.
Эти дружины, Эней, твоему предоставлю началству:
Всѣ берега кипятъ, покрытые густо ладьями;
Битвы желаютъ полки; но ихъ сѣдовласый вѣщатель,
Тайну грядущаго видя, отъ дѣла того отклоняетъ
И говорить имъ такъ: «о Меоніи храбрыя рати,
Доблестныхъ мужей и цвѣтъ и краса; вашъ гнѣвъ справедливый
Васъ ополчилъ на злодѣя Мезенція местию и злобой;
Но италійскій мужъ, судьбы повелѣньемъ, не можетъ
Этотъ народъ покорить: ищите вождей чужеземныхъ.»
Нынѣ этрусская рать, предсказаній такихъ утрачившись,
Въ этомъ полѣ стоитъ, и самъ Тархонъ предводитель
Выслалъ ко мнѣ пословъ, предлагаетъ корону и скипетръ,
Въ лагерь меня призываетъ принять тирренское царство.
Но, одряхлѣвшій отъ лѣтъ, убѣлённый старости снѣгомъ,
Чести такой не могу я принять: ужъ поздно и силы
Мало во мнѣ ужъ для подвиговъ ратныхъ. Я сыну Палланту
Честь предложилъ бы мою; но сынъ мой, рождённый сабинской
Матерью, частію рода изъ этой страны происходить.
Ты же, который всѣмъ отъ судьбы надѣлёнъ — и годами
Силы и знатностью рода, котораго небо послало,
Ты иди, о сильнѣйшій вождь италійцевъ и тевкровъ.
Я же тебѣ отдаю утешенье моё и надежду —
Сына Палланта: да руководимый тобой закалится
Въ марсовыхъ тяжкихъ трудахъ и, твоимъ увлечённый примѣромъ,
Доблестнымъ будетъ вождёмъ; пусть въ юности нѣжной дивится
Подвигамъ мужа такого. Я сыну Палланту дамъ конныхъ
Ратниковъ двести аркадскихъ, цвѣтъ и красу молодёжи;
Ты же отъ имени сына получишь такую жъ дружину.»

Такъ онъ едва произнесъ, и ещё съ неразлучнымъ Ахатомъ
Сынъ анхизовъ Эней опустивши взоры, сидѣли,
Думая много въ умѣ и о будущемъ въ сердцѣ печалась;
Вдругъ цитерейская мать, раскрывши небесныя выси,
Знакъ подаётъ: и внезапнымъ блескомъ подъ тучей сверкнула
Молнія съ небесъ и громъ загремѣлъ и казалось какъ будто
Дрогнуло всё и звуки тирренской трубы раздалися.
Смотрятъ они, а громъ всё грохочетъ ударъ за ударомъ, —
Смотрятъ и видятъ среди облаковъ и въ сіяніи свѣтломъ
Блескъ лучезарный dospѣховъ со звономъ стучащихся вмѣстѣ
Ужасъ сердцами мужей овладѣлъ; но витязь троянскій
Звукъ тотъ знакомый узналъ, обѣщаніе матери нѣжной,
И говорить: «не тревожься, о другъ мой, причины явленья
Ты не старайся искать: то меня Олимпъ призываетъ
Мать-богиня сама мнѣ вѣщала, что знаменье это
Съ неба пошлётъ, когда войной неизбежною время
Будетъ грозить намъ, и въ помощь пошлётъ мнѣ броню боевую,
Дѣло вулкановыхъ рукъ. О сколько несчастныхъ, лавrentовъ
Въ брани кровавой погибнетъ! о какъ ты жестоко наказанъ
Будешь, о Турнь! какъ много твои быстротечныя волны
Щлемовъ, щитовъ понесутъ, о Тибръ! и сколько героевъ
Храбрыхъ! такъ пусть же желаютъ войны, пусть миръ нарушаютъ!»

Так сказавши, Эней поднялся съ высокога ложа,
И сперва возжигаетъ Алкиду потухшее пламя
На алтарѣ, и вчерашнему Лару, и къ малымъ пенатамъ
Онъ приступаетъ въ восторгѣ. Потомъ, по обычаю, въ жертву
Рѣжутъ двузубыхъ ягнятъ, и Эвандръ и вмѣстѣ съ Эвандромъ
Мужи троянскіе. Послѣ того идѣтъ онъ къ биремамъ,
Видитъ собратовъ троянъ, язь нихъ избираетъ храбрѣйшихъ
Мужей въ сподвижники будущей брани; другіе обратно
Внизъ по рѣкѣ плывутъ, уносимые тихимъ теченьемъ,
Вѣсти Асканью несутъ объ отцѣ и случившемся дѣлѣ.
Вотъ и коней для троянъ привели, по тирренскому полю
Мчатся готовыхъ; а вотъ для Энея скакунъ быстроногій:
Рыжая львиная шкура всего скакуна покрываетъ,
Страшно сверкая на ней висятъ золочёные когти.
Вскорѣ молва въ городѣ небольшомъ съ быстротой пробѣжала,
Что выступаютъ конныя рати въ походъ на тирренянь.
Матери въ страхѣ сугубятъ молитвы: чѣмъ ближе опасность,
Тѣмъ сильнѣ испугъ ихъ, и образъ брани кровавой
Больше и больше растѣтъ. А родитель Эвандръ, заключивши
Сына въ объятія съ любовью нѣжной, ни слѣзь, ни рыданій
Горькихъ не могъ уголить. «О еслибъ — сказалъ онъ — рыдая,
Зевсъ всемогущій! прошедшіе годы ко мнѣ возвратились!
Еслибъ та прежняя сила, съ какою у самой Пренесты
Первые строи враговъ поразили я и кучу dospѣховъ
Сжѣтъ побѣдитель; иль въ Тартара мрачную бездну низвергнулъ
Этой рукою Герила царя, которому матеръ
Нимфа Феронія душу тройную въ рожденьи вдохнула,
(Вымолвить страшно) и по три оружья вращать научила.
Трижды сразить предстояло его, и эта десница
Трижды исторгнула душу, тройнымъ овладѣла оружемъ.
Нынѣ ничто не могло бы отъ сладкихъ объятій, о сынъ мой,
Насъ разлучить, и не могъ бы сосѣдь нашъ лютой Мезенцій
Надъ посѣдлой главой насмехаясь, такъ много героевъ
Смерти жестокой предать и столькихъ доблестныхъ гражданъ
Городъ лишить. Всемогущіе боги! и ты, о великій
Зевсъ, повелитель безсмертныхъ, надъ бѣднымъ царѣмъ смилосердись,
Голосъ молящій отца услышь, всемогущій! и если
Воля твоя и судьбы въ живыхъ сохранить мнѣ Палланта,
Если живу для того, чтобъ увидѣть милаго сына,
Если въ объятія мои возвратится, о дай же пожить мнѣ;
Если же ты, о судьба, готовишь несчастному старцу
Случай несчастный какой, то нынѣ же, нынѣ пусть жизни
Нить прекратится жестокой, когда не утасла надежда
И не погибли заботы, когда я ещё заключаю
Въ сладкихъ объятіяхъ тебя, о дитя дорогое, о радость
Старческихъ дней моихъ и отрада, когда никакая
Страшная вѣсть не изранила слуха.» ... Такъ старецъ въ последній
Разъ изливалъ прощальныя рѣчи. Рабы прибѣжали
И, лишённого чувствъ, унесли подъ царскую кровлю.

Вотъ ужъ и конная рать изъ воротъ городскихъ пронеслася
Въ поле. Въ переднихъ рядахъ съ неразлучнымъ Ахатомъ несѣтся
Храбрый Эней, а за ними другіе троянскіе мужи;
Скачетъ въ срединѣ дружины и юный Паллантъ; онъ бронёю
Ярко раскрашенной блещетъ, цветною красуется мантией:
Такъ лучезарный Люциферъ, скупавшись въ волнахъ океана,
Болѣе всѣхъ свѣтилъ любимый богиней Венерой,
Свѣтлый свой ликъ поднимаетъ и гонитъ ночные туманы.
Робкія матери, ставъ на стѣнахъ, преслѣдуютъ взоромъ
Облако пыли и мѣдной бронёю блестящія рати.
Скачетъ дружина черезъ лѣсъ, кратчайшій путь избирая;
Брови звенятъ, и крики несутся, и звонкопытныхъ
Топогъ коней подъ ладъ поражаетъ пыльное поле.
Есть огромная роща, гдѣ Церить холодный струится, —

Роща, священная вѣрою набожныхъ предковъ; вокругъ тамъ
Высятся холмы и лѣсъ опоясалъ ихъ чѣрною елью.
Есть молва, что древнее племя пелазговъ Сильвану,
Стадь и полей божеству, посвятило и время и рощу,
Первый народъ, обитавшій издревле на нивахъ латинскихъ.
Тамъ-то вблизи предводитель Тархонъ съ тирренской дружиной
Въ лагерѣ крѣпкомъ стояли. Съ высокаго холма ужъ видно
Было, какъ ратные строи неслись по широкому полю.
Къ нимъ прародитель Эней съ отборной дружиною прибылъ:
Кормягъ коней утомленныхъ и всѣ предаются покою.

Вотъ и богиня Венера прекрасная, въ тучахъ воздушныхъ,
Къ сыну съ дарами несѣтся, и, сына увидѣвъ въ долинѣ,
Гдѣ у рѣки, одинокій, въ прохладѣ искалъ онъ покоя,
Взоромъ предстала его и рѣчь обратила такую:
«Вотъ обещанье моё, искусной рукою супруга
Сдѣланный даръ для тебя; не страшись же ни гордыхъ лаврентовъ
Въ битву съ собою вызывать, ни храбраго Турна не бойся.»
Такъ сказала, и, сына обнявъ, цитерейская мать
Яркіе блескомъ доспѣхи подѣ дубомъ вблизи положила.
Онъ же въ восторгѣ отъ чести такой и отъ дара богини
Налюбоваться не можетъ и жадный свой взоръ устремляетъ
То на оружье одно, то вновь на другое, дивится.
То обращаетъ въ рукахъ, то гладить, то вновь примѣряетъ
Страшный, косматый шоломъ, извергающій пламя; то панцырь
Твёрдый изъ мѣди, кровавый, огромный, блестящій подобно
Сизому облаку, въ солнечномъ блескѣ горящему ярко;
То обращаетъ онъ мечъ роковой, то ножничковъ пару
Гладкихъ, литого электра, украшенныхъ золотомъ чистымъ;
То копіе. то щитъ красы неописанной, дивной.
Богъ огнесильный, которому ясно грядущее время,
Тамъ начертилъ на щитѣ италійскія войны и римлянъ
Славные подвиги всѣ и всѣ поколѣнья Асканья,
Будущій родъ и длинной чредой совершенныя битвы.
Тамъ начертилъ онъ и образъ чреватой волчицы, въ пещерѣ
Марса лежащей на зелени свѣжей, и двое малютокъ,
Смѣло припавши къ сосцамъ и рѣзвяся, лижутъ безъ страха
Матери грудь; а она, повернувши къ нимъ голову нѣжно,
То одного, то другого ласкаетъ и гладить ихъ тѣло
Мягкимъ лизаньемъ. Тамъ видѣнь и Римъ, совершенье великихъ
Цирковыхъ игръ, и отъ зрѣлища жонъ похищенье сабинскихъ,
Необычайное дѣло. И новая брань угрожаетъ
Римлянамъ юнымъ и старому Тацью и строгимъ сабинамъ.
Вотъ и цари, межъ собою оставивъ бранное дѣло,
Предъ алтаремъ повелителя Зевса съ оружіемъ въ длани
Стоя, союзъ заключаютъ отъ вепрей закланною жертвой.
Тутъ же и Метта несчастнаго трупъ, колесницею быстрой
Страшно растерзанный врознь: о зачѣмъ измѣнилъ ты, албанецъ,
Клятвѣ твоей! такъ измѣнника члены, казнѣннаго Туллому,
По лѣсу кони разносятъ и кровью терновникъ росится.
Вотъ и Порсена грозно подѣ Римомъ стоитъ, и Тарквиній,
Римомъ отверженный, вновь домогается царства; Порсена
Сильною ратью грозить осажденнымъ и жмётъ ихъ упорно;
Смѣло бросаются въ сѣчу потомки Энея, свободу
Болѣе жизни любя. А Порсена въ досадѣ и гвѣвѣ:
Онъ негодуетъ на то, что Коклесъ безстрашный разрушилъ
Мостъ, и, оковы расторгнувъ, Клелия-дѣва обратно
Бросилась въ тибровы волны. Тарпейскаго замка блюститель
Манлій стоитъ на вршинѣ угѣса у зевсова храма:
Онъ Капитолій высокій хранить; тамъ видѣнь стоящій
Ромуловъ бѣдный чертогъ, оцѣтинившій кровлю соломой.
У позлащеннаго портика храма тамъ гусь серебристый,
Съ мѣста на мѣсто летая, поѣтъ приближеніе галловъ.
И по терновнику галлы взобравшись ужъ заняли крѣпость,
Въ мракѣ скрываясь густомъ и пользуясь ночью удобно;

Кудри у нихъ золотыя; на нихъ золотые доспѣхи
И полосатыя ткани сияють; у нихъ ожерелья
Чистаго золота блещутъ на шеяхъ бѣломолочныхъ;
По два метательныхъ дрота сверкаютъ въ рукахъ, а щиты ихъ
Длинныя тѣла совсѣмъ покрываютъ. А вотъ начертилъ онъ
Пляшущихъ Марса жрецовъ, обнаженныхъ Луперковъ и Зевса
Руноносящихъ жрецовъ и щиты, упавшіе съ неба.
Сонмъ цѣломудренныхъ жонъ, возсѣдая на мягкихъ рыдванахъ,
Ѣдетъ по города стогнамъ, священный обрядъ совершая.
Далѣ видѣнь и тартаръ съ его ужасающей тьмою,
И высокий плутоновъ чертогъ и казни злодѣевъ.
Онъ и тебя не забылъ, Катилина, подъ страшнымъ утѣсомъ
Съ трепетомъ ждущаго казни и грознаго образа фурій.
Праведныхъ мужей тѣни видны въ сторонѣ и Катона
Образъ межъ ними, дающаго мужамъ законы. Въ срединѣ
Выгибъ щита украшаетъ изъ золота море, широкихъ
Водъ полосу разливая; лазурныя волны сѣдою
Пѣной катятся; сребристая стая дельфиновъ кружится
Между валовъ и хвостами взметаеъ кипящая воды.
А по срединѣ два флота видны; корабельныя груди
Кованы мѣдью блестятъ: то образъ актійскаго боя.
Словно кипятъ берега у Левкаты: кипятъ кораблями
Стройно покрытое море и волны какъ золото блещутъ.
Вотъ и Августъ Цезарь въ брань за собой увлекаетъ
Храбрыхъ сыновъ италійскихъ, сенатъ и народъ и певатовъ,
Даже могучихъ боговъ. Стоить на кормѣ онъ высокой,
Бодро красуясь. На свѣтломъ челѣ его пламя двойное
Брызжетъ потоками свѣта; надъ теменемъ яркой звездой
Блещетъ родное свѣтило. А далѣ витязь Агриппа,
Волей небесной и вѣтромъ попутнымъ ведомый, морскія
Рати ведётъ съ торжествомъ, и прекрасное знаменье брани
На величавомъ сияетъ челѣ ростральной короной.
Вотъ побѣдитель Востока отъ Краснаго моря Антоній
Мчится съ богатой добычею брани — знаменъ и доспѣховъ;
Онъ за собою ведётъ иноземныя рати, Египеть,
Силы Востока и Бактровъ далѣкихъ, и... о беззаконье!
Съ нимъ и жена-египтянка. Всѣ устремляются вмѣстѣ,
Тысячи весѣль бьютъ по волнамъ; корабли триконечной
Грудью валы разсѣкаютъ: кипятъ опѣненные воды.
Въ полное море плывутъ: и подумаешь, будто циклады,
Съ дна океана сорвавшись, свободно несутся; иль вмѣстѣ
Горы съ горами сойдясь, громадами по морю мчатся:
Такъ громадно герои стремятся на башняхъ пловучихъ.
Сыплотъ летучіе дроты и стрѣлы; зажженные пакли
Всюду летятъ, и новая кровь обагрываетъ Нептуна
Влажное поле. Царица, своей окруженная ратью,
Къ брани зовётъ, на отеческомъ систрѣ играя; не видитъ,
Какъ позади ея двѣ змѣи шипятъ въ ожиданьи.
Вотъ и чудовищный образъ Египта боговъ, и Анубисъ,
Лаятель страшный подняли оружіе противъ Нептуна,
Противъ Венеры и противъ богини Минервы; въ срединѣ
Сѣчи свирѣпствуетъ Марсъ, въ стальные закованныя латы;
А съ воздушныхъ высотъ стремятся свирѣпья Фуры,
И, растерзавши одежду, Распря въ восторгъ несѣтся,
А за нею Беллона бичёмъ окровавленнымъ хлещетъ.
И, на битву взирая съ высотъ, Аполонъ стрѣловержець
Лукъ напрягаетъ тугой: и внезапнымъ сраженными страхомъ
Тыль обратили индѣйцы, арабы, сабейцы и съ ними
Дѣти Египта. Царица же, къ вѣтрамъ попутнымъ взывая,
Парусъ раскинула бѣлый и вотъ попускаетъ канаты.
Богъ огнесильный представилъ её средь сѣчи кровавой
Блѣдностью страшной покрытую, въ страхѣ о будущей смерти;
Море уносить ее и Япиксъ, вѣтеръ попутный.
А на встрѣчу бѣгущимъ Ниль выступаетъ громадный,
Плачетъ о горѣ царицы и, лоно раскрывъ, призываетъ

Всѣхъ побѣжденныхъ въ изгибы широкой лазурной одежды,
Имъ предлагаю защиту — спокойныя воды. А Цезарь,
Трижды вѣнчанный побѣдою, въ стѣны великаго Рима
Трижды вступаетъ, и, выполнивъ славно обѣтъ свой безсмертный,
Триста храмовъ великихъ богамъ посвящаетъ онъ въ Римѣ.
Городъ дрожить отъ восторга, отъ игры, отъ рукоплесканій;
Хоры молящихся жонъ во всѣхъ раздаются святыняхъ,
Всюду стоятъ алтари божествамъ и предъ алтарями
Въ жертву закланныхъ тельцовъ громады на стогнахъ трепещутъ.
Самъ же онъ, сидя у входа во храмъ бѣлоснѣжнаго Феба,
Отъ покорѣнныхъ народовъ пріемлетъ дары, украшая
Ими врата величавыя храма; и длинной чредою
Тянется рядъ побѣжденныхъ племёнъ, межъ собою различныхъ
Сколько роднымъ языкомъ, на столько бронёй и одеждою.
Здѣсь нумидійское племя и въ длинной волнистой одеждѣ
Жителей странъ африканскихъ представилъ великій Кователь;
Тамъ стрѣлоносныхъ гелоновъ, карійцевъ, лелеговъ: тамъ тихо
Воды Ефрата текутъ; тамъ народъ отдалённый морины,
Образъ двурогаго Рейна и неукротимые даги,
И Араксъ, расторгающій мостъ раздражённой волною.

Такъ Эней разсматривалъ щитъ, творенье Вулкана,
Матери даръ; непонятнымъ дѣяньямъ дивясь въ восторгѣ,
Онъ на плечо поднималъ, и судьбу и славу потомковъ.

Энеида (Вергилий/Шершеневич)/Песнь двенадцатая/ДО

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [Энеида \(Вергилий/Шершеневич\)](#)

Перейти к [навигация](#), [поиск](#)

□

← [Пѣснь
одиннадцатая](#)

Энеида Вергилия — Пѣснь двѣнадцатая

авторъ *Публій Вергилій Маронъ* (70 г. до н.э.—19 г. до н.э.), пер. *Л. Г. Шершеневичъ* (1819—[Оглавление](#)
1894) →

Язык оригинала: латинский. Название в оригиналь: [Aeneis](#). — Источник: [«Современникъ», 1852](#), томъ XXXVI, с. [243—268](#) □

Википроекты: [Википедія](#)

Энеида Вергилия

Пѣснь двѣнадцатая

Турнь покориться не хочетъ. — Онъ соглашается принять вызовъ Энея и проситъ царя Латина, чтобы онъ приготовилъ всё къ заключенію условій. — Латинъ убѣждаетъ его оставить мысль о единоборствѣ и совѣтуетъ покориться; но его слова ещё болѣе раздражаютъ пылкого Турна. — Царица Амата въ отчаяніи: она умоляетъ Турна о томъ же, но напрасно. — Турнь посылаетъ Идмона къ Энею объявить ему, что принимаетъ вызовъ и завтра на разсвѣтъ сразится съ нимъ. — Онъ требуетъ коней и броню и любуется ими въ восторгѣ. — Эней съ своей стороны также готовится къ битвѣ. — На другой день на разсвѣтъ трояне и латины дѣлаютъ приготовленія къ заключенію условій договора. — Войска выступаютъ съ ихъ вождями и занимаютъ мѣста. — Юнона, видя близкую развязку дѣла, обращается къ турновой сестрѣ Югурнѣ и побуждаетъ её подать помощь брату. — Латинъ, Турнь, Эней и прочіе вожди и жрецы собираются для совершенія жертвоприношенія и заключенія договора. — Клятва Энея и Латина. — Неудовольствіе и волненіе между рутулами. — Югурна побуждаетъ ихъ къ возстанію, принявъ образъ воина Камерта. — Чудо при этомъ. — Рутулы встаютъ. — Толумній первый бросаетъ пикъ въ троянъ. — Начинается битва. — Эней въ отчаяніи. — Онъ раненъ стрѣлою, неизвѣстно кѣмъ пущенною. — Восторгъ и подвиги Турна. — Онъ убиваетъ Сѣнела, Тамира, Фола, Главка и Лада, Енмеда, Асбута, Сибариса, Хлорея, Дареса, Ферсилоха, Тимета, Фегея. — Раненаго Энея уводятъ съ поля въ лагерь. — Тщетныя усилія врача Яниса вынуть стрѣлу. — Богиня Венера даётъ ему цѣлебныя травы, и стрѣла выпадаетъ. — Эней вооружается и устремляется въ битву вмѣстѣ съ своими вождями. — Онъ ищетъ Турна. — Югурна принимаетъ образъ Метиска, возницы Турна, и сама управляетъ колесницею и конями брата. — Она избѣгаетъ встречи съ Энеемъ. — Мессапъ бросаетъ въ Энея свой дротъ, который только задѣваетъ гребень его шлема. — Эней поражаетъ

Сукрона, Талона, Тананса, Цетега, Онита. — Турнь, же — Амика, Дюреса, Мената. — Эней убивает камнем Муррана, а Турнь сражает Гилла и Кротя; Эней — Купенка, а Турнь — Эола. — Битва дѣлается общою и кровопролитною. — Венера подаёт Энею мысль напасть на городъ. — Онъ собираетъ вождей и стремится къ городу. — Отчаяніе жителей и раздоръ между ними. — Амата въ отчаяніи сама лишаетъ себя жизни. — Ютурна, желая замедлить часъ гибели брата, уговариваетъ его остаться въ полѣ и не идти на помощь осаждённому городу. — Турнь противится. — Гонецъ доноситъ ему о бѣдственномъ положеніи города. — Турнь стремится къ городу. — Эней и Турнь сходятся. — Битва. — Мечъ Турна раздробляется въ куски. — Турнь спасается бѣгствомъ. — Онъ кличетъ рутуловъ и требуетъ меча. — Эней его преслѣдуетъ. — Онъ не можетъ выдернуть изъ пня своей пики. — Ютурна, пользуясь этимъ, даётъ брату его отцовскій мечъ. — Венера помогаетъ Энею выдернуть пику. — Оба соперника сходятся снова. — Юпитеръ утѣшаетъ Юнону. — Онъ представляетъ ей необходимость покориться определенію судьбы. — Требованіе Юноны. — Юпитеръ уступаетъ и, успокоивъ её, посылаетъ одну изъ фурій для уничтоженія вліянія нимфы Ютурны. — Ужасъ и отчаяніе Ютурны. — Она оставляетъ брата и скрывается въ волны. — Эней наступаетъ на соперника. — Турнь дѣлаетъ послѣднія усилія. — Онъ бросаетъ въ Энея огромный камень, но напрасно. — Эней поражаетъ его пикою. — Раненый Турнь сознаётся побѣждённымъ и уступаетъ сопернику невѣсту. — Эней готовъ пощадить жизнь его, но, увидѣвъ на нёмъ перевязь Палланта, приходитъ въ негодованіе и убиваетъ его.

... Vieti et victum tendere palmas

Ausonii videre: «tua est Lavinia conjux»

.....
... Ast illi solvuntur frigore membra,

Vitaeque cum gemitu fugit indignata sub umbras.

(Изъ двѣнадцатой пѣсни.)

Видя смущеніе латиновъ, сражѣнныхъ несчастной войною,
Видя, что требуютъ вновь исполненія его обѣщаній,
Что устремились къ нему всѣ взоры, Турнь предаётся
Пуще того непреклонному гнѣву и духъ свой возноситъ.
Словно тотъ левъ, уязвлѣнный ловцами въ степяхъ африканскихъ
Тяжкою раною въ грудь, готовится къ новому бою,
Острые скалитъ клыки, трясётъ мохнатые кудри
Гривы своей; въ изступленіи ломаетъ вонзѣнные въ тѣло
Древка стрѣлы и, безстрашный, кровавою пастью рыкаетъ:
Точно таковъ былъ Турнь, необузданнымъ духомъ пылавшій.
Онъ, обратившись къ царю, такъ началъ кипучія рѣчи:
«Дѣло за Турномъ не станетъ; нѣтъ нужды брать слово обратно
Трусамъ троянамъ, ни отвергать договоръ заключѣнный.
Да, рѣшено: я сражаюсь. Готовъ приношеніе жертвы,
Царь, и начни договоръ. Иль этой рукою низвергну
Въ Тартаръ дарданца, того бѣглеца азійскаго (пусть же

Войско латиновъ сидитъ и взираеть); одинъ я желѣзомъ
Общій позоръ нашъ покрою: иль если судьбѣ не угодно,
Пусть же побѣда за нимъ и супруга Лавинія будетъ!»

И ему спокойнымъ сердцемъ Латинъ отвѣчаетъ:
«Юноша храбрый! чѣмъ болѣе мужества духомъ кипишь ты,
Тѣмъ приличнѣе долженъ тебѣ подать я совѣты,
Долженъ исчислить тебѣ всѣ случаи, всѣ опасенья.
Есть у тебя владѣнья родителя Давна, есть много
Взятыхъ мечемъ городовъ; у Латина же много и злата,
Много и мужества. Есть и другія дѣвы невѣсты,
Знатныя родомъ, въ латинской землѣ и на нивахъ лаврентовъ.
Ты мнѣ позволъ предъ тобой откровенно сознаться, безъ всякихъ
Умысловъ хитрыхъ и выслушай горькія истины рѣчи:
Мнѣ запретила судьба отдавать италійскому мужу
Дочерь мою: всѣ люди мнѣ это вѣщали и боги.
Но, побѣждѣнный любовью къ тебѣ, любовью къ родному,
Плачемъ печальной супруги, я всякія узы расторгнулъ,
Зятя невѣсты лишилъ и брань незаконную началъ.
Съ этой поры ты видишь, о Турнѣ, какія несчастья,
Видишь, какаѣ война на меня поднялася, какія
Терпишь ты первый бѣды. Проигравъ двѣ великія битвы,
Мы съ трудомъ защищаемъ въ стѣнахъ остатки надежды
Нашего царства; доселѣ ещѣ тибериновы волны
Нашею кровью дымятся; бѣлѣютъ широкія степи
Павшихъ костями. Но къ чему я такъ часто къ себѣ возвращаюсь?
Что за безумье мой умъ измѣняетъ? Если со смертью
Турна готовъ я принять тѣхъ союзниковъ новыхъ, почто же
Не сохранить мнѣ тебя съ прекращеньемъ брани кровавой?
Что же мнѣ рутулы скажутъ родные, что прочій мнѣ скажетъ
Край италійскій, если тебя (да не сбудутся эти
Рѣчи!) предамъ на погибель, — тебя, пожелавшаго съ нами
Въ брачныя узы вступить? Посмотри на бѣдствія брани:
Сжался надъ дряхлымъ отцомъ, отъ котораго нынѣ далеко
Родина Ардеа дѣлится тебя: онъ скорбящъ и печалень.»
Этою рѣчью ничуть не смягчилась турнова пылкость;
Онъ сильнѣе вскипѣлъ: болѣзнь возрасла врачеваньемъ;
И коль скоро могъ говорить, отвѣтствовалъ такъ онъ:
«О, изъ царей наилучшій! прошу, оставь ты заботы
Тѣ обо мнѣ; пусть славною смертью хвалу обрѣту я:
Вѣдь и мы, о отецъ, не слабой рукою метаемъ
Острые дроты: вѣдь кровь и отъ нашихъ ударовъ струится.
Будеть далеко мать его, та богиня, чтобъ женскимъ
Облакомъ труса покрыть и скрываться въ ничтожномъ туманѣ.»

А устрасѣнная много царица участіемъ новой
Битвы, рыдала и, пылаго зятя сжимая въ объятяхъ,
Такъ говорила: «о Турнѣ, слезами тебя умоляю,
Если Аматы честь твою благородную душу
Трогаетъ (ты вѣдь надежда единая, ты угѣшенье
Старости жалкой: во власти твоей вся латинова слава,
Всѣ украшенье, ты вѣдь опора нашего дома),
Лишь объ одномъ я молю: не вступай ты съ троянами въ битву;
Участь въ той битвѣ твоя и моею участіемъ будетъ
Тотчасъ покину я свѣтъ, для меня ненавистный, не буду
Видѣть въ неволѣ Энея зятемъ моимъ...» И прервала
Матери рѣчи Лавинія дочь, своими слезами
Жаркихъ ланить красоту обливая; яркій румянецъ,
Вспыхнувъ, по нимъ пробѣжалъ и пурпуромъ густо разлился.
Словно когда на слоновую Индіи кость ненарокомъ
Пурпуръ кровавый прольешь; иль, съ бѣлою лилейю смѣшавшись,
Розы алѣютъ: такъ точно у дѣвы зардѣлись ланиты.
Турна терзаетъ любовь: онъ взоръ устремляетъ на дѣву;
Жаждетъ онъ боя сильнѣе и, такъ обратившись къ Амагѣ,
«Мать — скалаль — не напутствуй меня слезами, несчастнымъ
Знаменьемъ этимъ, идущаго нынѣ въ кровавую сѣчу:

Ибо не властенъ Турнь часъ смерти замедлить. Иди же
Вѣстникомъ, Илмонъ, къ властителю теvkровъ и горькія эти
Рѣчи мои передай: коль скоро на небо завтра
Ранняя дѣва Аврора всплывётъ въ колесницѣ багряной,
Пусть не ведётъ онъ на рутуловъ теvkровъ; ни тѣ, ни другіе
Пусть межъ собой не ратуютъ: лишь нашею кровью рѣшимъ мы
Участь войны: на этомъ лишь полѣ поспоримъ оружемъ
Мы о супругѣ Лавиніи.»

Рѣчи такія сказавши,
Онъ удалился поспѣшно въ чертогъ; онъ требуетъ скоро
Быстрыхъ коней: на ретивыхъ глядитъ и лобуется ими;
Ихъ подарила прекрасныхъ сама Ориѳія Пилумну:
Снѣга бѣлѣ были скакуны, проворнѣе вѣтра.
Вкругъ стоятъ лихіе возницы, ладонями гладятъ,
Треплютъ по шеямъ крутымъ и чешутъ волнистыя гривы.
Самъ же потомъ надѣваетъ облитый золотомъ панцырь
И орихалкомъ блестящимъ, и мечъ боевой препоясалъ,
Щитъ захватилъ и чело осѣнилъ краснорогимъ шоломомъ:
Мечъ боевой, который сковалъ для родителя Давна
Самъ Огнесильный, въ стиковыхъ водахъ его закалившій;
Онъ захватилъ и огромную пику, стоящую близко
Тутъ у огромной колонны дворца, добычу съ Аврунка
Актора мужа, и, ею, дрожащею, сильно колебля,
Такъ говоритъ: «теперь-то, о верная пика, теперь то
Ты, на воззванья мои всегда отвѣчавшая вѣрно,
Время настало, прибуди мнѣ на помощь. Прежде великій
Акторъ тебя потрясалъ, теперь же колеблетъ десница
Турна: о, дай мнѣ тѣло сразить полу-мужа фригійца,
Сильной рукою доспѣхи сломить и въ прахъ ниспровергнуть
Прелесть волосъ, завиваемыхъ въ кудри тёплымъ желѣзомъ
И благовноною миррой блестящихъ.» Такъ раздражённый
Бурно волнуется Турнь: отъ ланить распалённыхъ героя
Пышетъ огонь, отъ взоровъ сверкающихъ сыплотся искры:
Точно телець, тельца вызывающій къ первому бою,
Страшно реветъ и, крѣпость роговъ испытуетъ гнѣвно,
Дерево ими бодаетъ, по вѣтру ударами хлыщеть,
Роетъ копытомъ песокъ и жаромъ предбитвеннымъ дышетъ.
И Эней, подъ бронёю Вулкана не менѣе грозный,
Къ брани свой духъ изоощряетъ и гнѣвомъ волнуется сильно,
Радуясь близкой развязкѣ войны предстоящую битвой.
Онъ утѣшаетъ троянь, ободряетъ печальнаго Юла,
Волю судьбы имъ вѣщая: къ Латину царю посылаетъ
Мужей, несущихъ отвѣтъ и мирныхъ статьи договоровъ.

Вотъ лишь только родившійся день на горныя выси
Брызнулъ румянымъ лучёмъ, и изъ безднъ океана глубокихъ
Фебовы кони воспрянувъ, поднятыми пышутъ ноздрями
Свѣтъ лучезарный; какъ теvkры и съ ними рутуловъ мужи
Поле борьбы измѣряли у города крѣпкой твердыни;
Клади въ срединѣ костры, божествамъ алтари воздвигали,
Воду иные несли, а иные священное пламя,
Голову скрывъ подъ покровомъ льнянымъ и чело увѣнчавши
Вѣткой зелёной. И вотъ выступаетъ авзонянь дружина,
Вотъ изъ развѣртыхъ воротъ копьеносныя хлынули рати
Въ поле; изъ лагеря жъ войско троянь и тирренянь
Рати валять, разноцветной красуясь бронёю: такъ точно
Стройно въ доспѣхахъ иды, какъ будто въ кровавую сѣчу
Марсь ихъ зовётъ: въ срединѣ же тысячей скачутъ и сами
Ратей вожди, красуясь багрянцемъ и золотомъ яркимъ:
И ассараково чадо Мнестей, и храбрый Азиласъ,
И Мессапъ, укротитель коней, нептуново племя.
И когда, по данному знаку, всѣ разступились,
Всякій на мѣсто своё, щиты наклонили и въ землю
Пики воткнули, — тогда любопытствомъ влекомыя жёны,
Хлынувъ толпой, безоружная чернь и слабые старцы

Башни обѣли и кровли домовъ, а другіе столпились
Возлѣ высокихъ воротъ.

А Юнона, съ высокой вершины
Холма Албанскаго глядя (въ то время ещё не имѣла
Имени эта гора, ни чести, ни славы, какъ нынѣ),
Долго взирала на бранное поле, на городъ Латина,
Рати троянъ и лаврентовъ полки; и, вдругъ обратившись
Къ Турна сестрѣ, божественной дѣвѣ Югурнѣ, которой
Власти послушны озѣра и шумныя рѣки (небесныхъ
Странъ повелитель, Зевесъ, такую даль ей награду
За похищенную честь), богиня такъ ей сказала:
«Нимфа, рѣкъ украшенье, лобезная нашему сердцу,
Знаешь ты, сколько изъ всѣхъ тѣхъ латинокъ, когорыхъ великій
Зевесъ удостоилъ высокаго ложа, тебя я любила
И помѣстила охотно тебя въ небесныхъ владѣньяхъ.
Нынѣ, Югурна, узнай, какое тебя ожидаетъ
Горе, и не ропщи на меня: доколѣ возможна
Помощь была и доколѣ ещё не противились Парки
Счастью латинской земли, то я защищала и стѣны
Ваши и Турна: а нынѣ я вижу, что юный
Витязь вступаетъ въ борьбу съ неравною силой: ужъ близокъ
Паркой указанный день, близка ужъ враждебная сила.
Я не могу смотрѣть на эту борьбу, не могу я
Видѣть постыднаго мира. Если же брату родному
Ты желаешь чѣмъ либо помочь, то иди: такъ прилично
Можетъ быть, лучшее время настанетъ потомъ для несчастныхъ.»
Такъ сказала она, а Югурна, залившись слезами,
Трижды, четырежды дланью прекрасную грудь поразила.
«Дѣва, не время теперь для слёзъ— говорила Юнона —
Ты поспѣши и, если средство находишь, исторгни
Брата изъ рукъ угрожающей смерти; иль новою бранью
Всѣ возмути и прерви договоръ задуманный; я же
Къ этому дѣлу тебя побуждаю.» Сказала и дѣву
Бросила въ тяжкомъ раздумьи, съ тревожными чувствами въ сердцѣ.

Между, тѣмъ ужъ Латинъ четвернёю въ тяжёломъ, огромномъ
Ѣдетъ рыдванѣ; чело же царя украшаютъ двѣнадцать
Яркихъ лучей золотыхъ, подобье родителя Феба;
Ѣдетъ и Турнъ въ колесницѣ, запряжённой парой бѣлыхъ,
Держить въ рукѣ два копья, поверженныхъ сталью широкой.
А съ другой стороны, начало римскаго рода,
Ѣдетъ родитель Эней: небесной бронёю сияетъ,
Блещетъ лучистымъ щитомъ; съ нимъ юный Асканій, надежда
Рима другая. Изъ лагеря двинулись въ поле; за ними
Жрецъ въ облаченъи бѣломъ несётъ отъ мохнатаго вепря
Чудо и молодую овечку ещё неостриженной шерсти,
У алтарей пылающихъ ставятъ: а сами, къ восходу
Солнца свой взоръ обративъ и въ руки взявши солёный
Хлѣбъ, отмѣчаютъ у жертвы чело, отсѣкая желѣзомъ
Волны ключёкъ, и изъ чашъ на алтарь возливаютъ. Эней же
Благочестивый, извлекши свой мечъ, такую молитву
Началъ: «о солнце, будь клятвы свидѣтелемъ нашей; услышь насъ,
Эта земля, для которой понёсъ я столько несчастій,
И всемогущій отецъ, и сатурнова дочь, Юнона,
Будь благосклоннѣе, будь, умоляю, и ты, о великій
Марсъ, ты отецъ, во власти котораго тягости брани;
Васъ призываю, источники, рѣки, и сколько въ высокомъ
Воздухѣ тамъ и въ морѣ лазурномъ божество обитаетъ.
Если побѣду даруетъ судьба авзонскому Турну,
Мы, побѣждённые, всѣ удалимся въ царство Эвандра,
Юлій уступить съ полей и отнюдь ихъ не будутъ тревожить
Дѣти мятежныя Тевкра, мечей не внесутъ и войною
Въ царство не двинутся это. Но если Марсъ благосклонный
Насъ увѣнчаетъ побѣдой (да сбудется это, да будетъ

Воля боговъ такова!), тогда италійцы не будутъ
Иго троянцевъ носить. Не ищю для себя я престола,
Оба народа тогда, непокорные власти другъ друга,
Вѣчный составлять союзъ. Я дамъ имъ боговъ и обряды;
Тестъ нашъ Латинъ за собою удержитъ оружье; у тестя
Будетъ вся царская честь; для меня же трояне воздвигнуть
Города стѣны, и дастъ имъ супруга Лавинія имя.»
Первый окончилъ Эней, а за нимъ и Латинъ, обративши
Къ небу свой взоръ и десницу, простерши къ свѣтиламъ, такъ началъ:
«Тѣми жъ землями, Эней, клянуся, свѣтилами, моремъ,
И Латоны рожденьемъ двойнымъ и двуличной главою
Януса Бога, и силою адскихъ боговъ, непреклонной,
Волею Дита. И клятву мою да услышитъ великій
Зевсъ, освящающій громомъ союзы. И вотъ прикасаюсь
Я къ алтарямъ и къ горящимъ огнямъ и боговъ призываю:
День никакой не расторгнетъ отнюдь ни союза, ни мира
Нашихъ народовъ, каковъ бы конецъ ни случился; не можетъ
Сила меня никакая принудить: не можетъ, хотя бы
Стала водою земля, отъ потопа растаявъ, хотя бы
Въ адъ небеса провалились; тому не бывать, какъ не можетъ
Этотъ мой скипетръ (а скипетръ въ то время держалъ онъ въ десницѣ)
Зеленыя листьевъ покрыться, ни вѣтви пустить, ни давать онъ
Тѣни не можетъ, коль скоро въ лѣсу отъ глубокаго корня
Срубленъ и взятъ отъ родимой земли, и сняты желѣзомъ
Вѣтви и листьа его; было то растенье, а нынѣ
Въ свѣтлый металлъ его заключила рука мастерская
И поручила носить царей латинскихъ десницѣ.»

Такъ межъ собою они рѣчами союзъ утверждали,
Клятву давали предъ взоромъ мужей старѣйшихъ, и тутъ же,
Жертвы закладъ по обычаю предковъ, въ огонь повергаютъ
Нѣдра живыя ещѣ и алтарь отягчаютъ дарами.
Ругуламъ между тѣмъ давно ужъ казалась неравной
Эта борьба, и сердца ихъ различнымъ желаньемъ кипѣли.
Пуще тогда, какъ увидѣли ближе, на сколько неравны
Силы героевъ. Къ тому жъ состраданье въ нихъ возбуждаетъ
Турнь молчаливый и медленнымъ шагомъ идущій, съ покорнымъ
Видомъ держащій алтарь и взоры къ землѣ опустившій;
Блѣдность въ ланитахъ его и въ юномъ тѣлѣ страданье.
И коль скоро увидѣла дѣва Югурна, что рѣчи
Эти растутъ и народа сердца нерѣшительнымъ чувствомъ
Сильно колеблются, приняла образъ мужа Камерта,
Славнаго родомъ отъ предковъ (родителя доблестью славный,
Самъ отличался онъ мужествомъ въ брани); и вотъ устремилась
Дѣва въ средину межъ ратниковъ строи и, зная, въ чѣмъ дѣло,
Начала съять различные толки и рѣчи такія:
«Стыдно вамъ, ругулы, стыдно, за столькохъ воиновъ храбрыхъ
Душу одну отдавать на погибель! числомъ ли, иль силой
Мы неравны? Посмотрите; вѣдь всѣ тамъ аркадцы и тевкры;
Вотъ и дружина этрусковъ, враждебная нашему Турну:
Если помѣряться силой, едва мы съ кѣмъ битися имѣемъ.
Этотъ же мужъ достигнетъ и славы боговъ, для которыхъ
Жертвуетъ жизнью теперь, и молва по устамъ разнесѣтся,
Что, потерявши отчизну, надменнымъ врагамъ покорились
Мы, равнодушно на этихъ поляхъ стояще нынѣ.»
Рѣчи такія всё болѣе-болѣе юношей сердце волнуютъ,
Толки бѣгутъ по рядамъ: измѣнились лавренты, латины;
Тѣ, что надѣялись вскорѣ увидѣть миръ, ожидали
Брани конца, тѣ оружья просятъ теперь, не желаютъ
Мира уже, сожальютъ о турновой участи жалкой.
Къ толкамъ такимъ прибавляетъ Югурна важнѣйшее дѣло,
Поданнымъ знакомъ съ небесъ: никакое знаменье столько
Не взволновало умовъ италійцевъ обманчивымъ чудомъ.
Зевсовъ орѣль бурокрылый, носясь по златому ээиру,
Птичекъ прибрежныхъ гонялъ, шумящія стаи пернатыхъ.

Вдруг, низлетѣвши къ волнамъ, хватаетъ въ когтистыя лапы
Злой бѣлопераго лебедя. Взоры свои устремили
Всѣ италійцы на чудо; а птицъ безконечныя стаи
Прочь улетѣли, въ испугѣ крича, и (чудное дѣло!)
Воздухъ затмили крылами и, въ облако слившись,
Гонять врага и стѣсняють, доколѣ, разстроенный силой,
Тяжестъ не вынесъ и, острые когти раздвинувъ, добычу
Бросилъ въ рѣку и немедленно скрылся въ подоблачной выси.
Ругулы крикомъ привѣтствуютъ знаменья чудо, и рати
Ихъ зашумѣли, и первый Толумній-гадатель «вотъ — молвить —
Вотъ наконецъ, къ чему я такъ часто желаньемъ стремился,
Нынѣ настало; премлю, о боги, и васъ узнаю я.
Я поведу васъ, я, вождь вашъ, несчастныя жертвы, которыхъ
Этотъ пришлецъ нечестивый пугаетъ войною, какъ будго
Слабыхъ птенцовъ, берега разоряетъ и нивы; но скоро
Въ бѣгствѣ покинетъ онъ насъ и, на морѣ парусъ раскинувъ,
Будетъ спасенья искать; а вы однодушно сожmite
Ваши ряды и право царя защитите оружьемъ.»

Такъ говоря, онъ впередъ устремился и дротъ свой пускаетъ
Въ чашу враговъ: и мѣткое древко, летя, зашипѣло,
Вѣтръ разсѣкая полѣтомъ. Вдругъ оглушительный грянулъ
Крикъ, и смѣшались ряды, и сердца закипѣли тревогой.
Дротъ же туда полетѣлъ, гдѣ девять прекраснѣйшихъ братьевъ
Вмѣстѣ стояли въ противныхъ рядахъ, — всѣ девять, которыхъ
Мать тирренянка аркадскому мужу Гилиппу, супруга
Вѣрная, въ свѣтъ родила. Изъ этихъ то витязей юныхъ
Дротъ одного поражаетъ межъ рѣбрь по срединѣ, гдѣ трѣтся
Поясъ и брюхо плетѣный, концами сходящійся въ пряжку.
Юношу прелести рѣдкой, красавца въ блестящихъ доспѣхахъ.
И повергаетъ на желтый песокъ. А братьевъ кипучихъ дружина,
Вспыхнувъ и гнѣвомъ и горемъ о павшемъ, одни обнажаютъ
Острый булатъ, а другіе, схвативши летучія пики,
Слѣпо впередъ устремились: на встрѣчу же имъ выступаетъ
Войско лаврентовъ; а противъ лаврентовъ сгущенной толпою
Хлынули тевкры, дружина Агиллы и съ ними аркадцевъ
Рати въ доспѣхахъ цвѣтныхъ. У всѣхъ ихъ одно лишь желанье —
Битвы. Летягъ алтари, низложенные въ прахъ: весь воздухъ
Тмится отъ копій и стрѣлъ, ниспадающихъ градомъ желѣзнымъ,
Чаши уносятъ, уносятъ огни; спасается бѣгствомъ
Самъ Латинъ, унижающій боговъ, оскорбленныхъ разрывомъ
Мира. Одни въ колесницы впрягаютъ коней, а другіе
Скачутъ проворно на сѣдла и мчатся съ нагими мечами.
Вотъ Мессапъ, желающій жадно разрыва союза,
Сильно конемъ на Авлеста царя напираетъ, который
Царскіе знаки носилъ; а тотъ, отступая и пятясь,
Встрѣтилъ стоявшій алтарь позади и, запнувшись, несчастный,
Паль головою стремглавъ и плечами и съ длинною пикой.
Пылкій Мессапъ налетѣлъ и, просящаго мужа пощадя
Тяжкимъ оружьемъ сверху съ коня поразивши жестоко,
«Вотъ ему — говорить — вотъ лучшая жертва, великимъ
Въ даръ божествамъ принесенная». Тотчасъ авзонянъ дружина
Къ павшему мужу сбѣжалась и тёплые члены лишаетъ
Бранныхъ доспѣховъ. А вотъ Кориней, съ алтаря захватившій
Въ длань головню опалѣнную, ею лицо поджигаетъ
Эбуза мужа, занёсшего руку съ ударомъ: и, вспыхнувъ,
Кудри огромной его бороды засіяли и пламя
Всю охватило её; Кориней же, къ нему устремившись,
Лѣвой рукою схватилъ за волосы смущеннаго мужа,
Долу повергъ и, сильнымъ колѣномъ въ него упираясь,
Твёрдымъ булатомъ его поражаетъ межъ рѣбрь. Подалирій
Въ пастыря Альза, изъ первыхъ рядовъ выступавшаго храбро,
Поднятымъ кверху мечёмъ поразить угрожаетъ; но пастырь,
Сильно въ противника грянувъ сѣкирой, чело по срединѣ
До подбородка разсѣкъ и броню обагривъ онъ струёю

Крови широкой, ему же сонъ тяжкій, желѣзный смыкаетъ
Вѣжды, и очи чѣрная ночь затворила навѣки.

А благовѣрный Эней простираль безоружныя длани,
Стоя съ челою обнаженнымъ, и такъ соратниковъ кликаль:
«Стойте, куда вы бѣжите? и что за раздоръ столь внезапный?
О, укротите вашъ гнѣвъ! заключёнъ договоръ и условия
Нашего мира; и мнѣ одному предоставлено право
Въ битву вступать; вы меня одного допустите и бросьте
Страхъ вашъ напрасный: я твердой рукой заключу договоры;
Турна уже обрекли мнѣ эти священные жертвы.»
Рѣчи такія кричалъ онъ, какъ вдругъ, зашипѣвши крылами,
Тѣло его поразила стрѣла; неизвѣстно, какая
Сила еѣ иль какая пустила рука: кто такую
Ругуламъ славу принёсъ, божество ли, иль случай нежданный,
Только никто похвалиться не могъ энеевой раной.

Турнь лишь только увидѣлъ его, уступавшаго съ поля,
И смущенныхъ вождей, кипучей надеждою вспыхнуть.
Требуетъ онъ и коней и оружья: онъ скачетъ, надменный
Мужъ, въ колесницу и дланью вожжи хватаетъ и мчится
По полю; мчася, посылаетъ онъ въ Тартаръ доблестныхъ мужей
Многихъ, иныхъ же полу-умерщвлѣнныхъ въ прахъ повергаетъ,
Иль колесницею топчетъ ряды, иль, дроты хватая,
Мечетъ въ бѣгущихъ. И словно у водъ холоднаго Эвра,
Щитъ потрясая, гремитъ имъ богъ брани кровавый и, сѣчу
Сѣя въ рядахъ, напускаетъ коней разъяренныхъ: и кони,
Мчася по широкому полю, и Зефиръ и Ноть обгоняютъ.
Стонутъ далеко еракійскія нивы, топотомъ сильныхъ
Ногъ пораженныхъ; вокругъ же летаютъ чѣрныя лики
Страхъ, Коварства и Гнѣва, спутниковъ яраго бога:
Точно таковъ былъ и Турнь: съ быстротою крылатой
Гналъ онъ ретивыхъ, дымящейся пѣной покрытыхъ, въ густые
Строи вривался, топталъ, избивалъ, издѣваясь жестоко
Надъ избѣнными. Брызжутъ копыта кровавой струёю,
Смѣшанный съ кровью песокъ попираютъ и мечутъ высоко.
В уже онъ Сөөнела убилъ и Тамира и Фола,
Этихъ, сошедшихъ вблизи, а того издали; издали же
Имбразъ чады обоихъ, и Главка и Лада, которыхъ
Имбразъ родитель вскормилъ на высяхъ ликійскихъ и равной
Вооружилъ ихъ броней, удобной иль въ битву сходиться,
Иль обгонять на конѣ быстролѣтные вѣтры. Съ другой же
Тамъ стороны въ средину сѣчи Евмедъ устремился,
Роль знаменитый въ брани отъ древняго мужа Долона,
Именемъ дѣду подобный, родителю духомъ и силой.
Нѣкогда онъ, за хожденье лазучникомъ въ лагерь данайцевъ,
Смѣлъ въ воздаянье желать колесницы пелеева сына;
Сынъ же тидеевъ, за дерзость такую, иною наградой
Тронуть его: и съ тѣхъ поръ не желалъ онъ коней Ахиллеса.
Этого мужа лишь только въ полѣ открытомъ примѣтилъ
Турнь, сперва устремился за нимъ и, долго гоняся,
Тщетные дроты металъ; но потомъ, коней осадивши,
Онъ съ колесницы ниспрянулъ и, бросившись къ павшему мужу
И полу-мѣртвому, выю стопою прижалъ и, исторгнувъ
Мечъ изъ десницы блестящей, вонзаетъ въ глубокое горло
И говорить: «вотъ нивы, троянецъ, тебѣ, вотъ авзонскій
Край, за который воюешь; лежи и его измѣрай ты
Лѣжа; такую награду даю я тѣмъ, кто желѣзо
Дерзкій поднялъ на меня; вотъ такъ города воздвигаютъ.»
А за нимъ посылаетъ въ Тартаръ Асбута, ударомъ
Пики сраженного, и Сибариса, Хлорея, Дареса
И Оерсилоха, и съ выи коня разъяренного долу
Павшаго мужа Тимета. И словно надъ бездной Егея
Дышетъ эдонскій Борей и къ берегу волны катятся.
Словно какъ тучи бѣгутъ, напоромъ гонимые вѣтра:

Так и предъ Турномъ, гдѣ только путь разсѣкалъ онъ, бѣжали
Рати, толпами назадъ подаваясь; стремленье уносить
Мужа вперѣдъ: по летучему гребню шелома противный
Вѣтръ ударяя, хлещеть, волнуеть отъ быстрого бѣга.
Мужа стремленья такого, кипящаго гнѣвомъ, не вынесъ
Воинъ Фегей: онъ бросился смѣло къ его колесницѣ
И, захвативши коней за узду опѣнѣнную быстрыхъ,
Въ сторону ихъ повернулъ. И между тѣмъ какъ у дышла
Онъ, скакунами влекомый, висѣлъ, вотъ широкая пика
Мужа настигла и, панцырь двойной, но открытый, прорвавши
Лѣгкою раною тѣла вкусила: а воинъ, покрывшись
Снова щитомъ, устремился къ врагу съ обнаженнымъ желѣзомъ,
Въ помощь собратовъ зоря; но, быстрою осью съ размаха
И колесомъ пораженный, стремглавъ повалившись, простѣрся
Въ прахъ; а Турнъ налетѣлъ и, булатомъ его поразивши
Между шелома нижнимъ концомъ и панцыря верхнимъ,
Голову мужу отнял и трупъ безголовый покинулъ.

Между тѣмъ, какъ Турнъ побѣдитель ужасы смерти
Съялъ межъ ратей враговъ, Энея Мнестей и Ахатесъ
Верный и спугникъ Асканій вели обагреннаго кровью
И опирающаго шагъ неровный на длинную пику.
Тщетно онъ гнѣномъ кипить и силится выдернуть древко
Сломленной въ ранѣ стрѣлы и требуетъ помощи скорой,
Чтобы разсѣкли рану широкимъ мечѣмъ и скорѣе
Вскрыли увязшее древко, его же на битву пустили.
Вотъ ужъ и Яписъ пришѣлъ, язидовъ сынъ и любимецъ
Феба, который ему, плѣнѣнный пылкою страстью,
Въ радости самъ предлагалъ съ дарами своими искусство,
Даръ прорицанья и лиру давалъ и летучія стрѣлы.
Онъ же, чтобъ только исполнить родителя вѣщее слово,
Лучше узнать пожелалъ цѣлебную силу и свойства
Зелій и толкъ врачеванья, и жизни неславное время
Тихо вести. Стоялъ, опершись на огромную пику,
Гневною рѣчью шумящій Эней, не внимая стеченью
Ратной толпы, ни слезамъ печальнаго Юла. Старикъ же,
Полы одежды своей, по обычаю чадъ Эскулапа,
Бросивъ назадъ, суетится премного, но тщетно: то руку
Мудрую къ ранѣ кладя, то могучія фебовы зелья.
Тщетно рукой понуждаетъ онъ древко и силится вынуть,
Тщетно хватаетъ желѣзо и цѣпкими ловить клещами.
Нѣтъ, ничто не берѣтъ; не даѣтъ ни Фортуна удачи,
Пи Аполлонъ, наставникъ велкй. А по полю грозной
Сѣчи тревога растѣтъ и растѣтъ всё сильнѣе, сильнѣе,
Ближе и ближе идѣтъ; и вотъ ужъ взвивается къ небу
Облако пыли: то конныя скачутъ дружины: ужъ стрѣлы
Падаютъ частымъ дождѣмъ средъ самого стана, и слышны
Бранные клики разящихъ и стоны сраженныхъ подъ тяжкой
Марса рукою. Тогда то Венера, скорбя о печали
Сына, срываетъ дикаго зелья бадьяну на критской
Идѣ горѣ, стебелѣкъ о мохнатыхъ листочкахъ, багрянымъ
Цвѣтомъ пушистый, растение, дикимъ знакомое сернамъ,
Тѣмъ, у которыхъ въ хребетъ вонзались пернатая стрѣлы.
Вотъ, окруживши свой ликъ непрозрачною мглою, богиня
Зелье несѣтъ и, его сокровенно мѣшая, вливаетъ
Влагу въ блестящй краями сосудъ, орошаетъ цѣлебнымъ
Сокомъ амбрози, къ ней придаѣтъ панацей благовонный.
Зельемъ такимъ долготѣннй Яписъ, не вѣдая тайны,
Рану врачуетъ: и вдругъ отъ болѣзненныхъ членовъ страданье
Прочь отбѣгаетъ и кровь перестала изъ раны глубокой
Течь. И уже, за рукою идя, безъ помощи чуждой,
Вонъ выпадаетъ стрѣла, и вновь возвращаются силы
Прежніе въ члены. «Готовьте оружье мужу скорѣе!
Чтожъ вы стоите?» воинамъ Яписъ воскликнулъ и первый
Духъ на враговъ возбуждаетъ.—«Не смертною силой свершилось

Это, не силой искусства, Эней, и не мною спасён ты:
Небо спасает тебя и хранить для подвиговъ славныхъ.»
Онъ же, жаждущій боя, наножики вздѣль золотые,
Съ той и съ другой стороны, и не медлить, и пикой сверкаетъ.
Бокъ свой покрывши щитомъ, хребетъ же блестящей кольчугой.
Сына включилъ въ рамена, покрытыя твердой бронёю,
Изь подъ шелома высокаго сыплеть въ него поцалуи
И говорить: «дитя, научися доблести ратной
Ты отъ меня и подвигамъ истинно труднымъ, а счастье
Будешь ты видѣть въ другихъ. Моя отнынѣ десница
Будетъ защитой твоею; она же на лавры побѣды
Насъ поведётъ. А ты, о, мой сынъ, коль скоро созрѣютъ
Годы твои, согрѣтый примѣромъ доблестныхъ предковъ,
Ты подражай и Энею отцу и Гектору дядѣ.»

Рѣчи такія сказавъ, изъ воротъ онъ помчался, громадный,
Въ длани колебля огромную пику; за нимъ же съ дружиной
Частой Антей и Мнестей устремились: и прочія рати
Станъ покидаютъ и ринулись вонъ. Вотъ облакомъ чѣрнымъ
По полю пыль за клубилась; отъ топота частыхъ
Рати шаговъ земля всколебалась. Увидѣль идущихъ
Турнъ съ урѣпленій противныхъ, увидѣли рати авзоновъ,
И по костюямъ ихъ глубоко холодная дрожь пробѣжала.
Прежде же всѣхъ латинянъ услышала шумъ тотъ Югурна,
Звукъ тотъ узнала и, страхомъ объятая, скрылась. А витязь
По полю чистому мчится и чѣрную рать за собою
Вслѣдъ увлекаетъ. И будто съ развѣрстыхъ небесъ низвергаясь
Въ море гроза налетаетъ; увы! земледѣльцевъ несчастныхъ
Вѣще сердце трепещетъ: исчезнуть сады и посѣвы,
Въ прахъ преклонённые ею, и гибелью лягутъ широкой:
Вѣтры рвутся вперёдъ, къ берегамъ шумъ бури приносятъ:
Такъ и ретейскій герой на враговъ устремляетъ дружины.
Мчатся дружины за нимъ, въ густые отряды сбиваясь.
Вотъ Тимбреей поражаетъ мечёмъ Озириса; Мнистей же
Мужа Архета, Ахатъ Эпулона сражаетъ, Гантъ же
Уфенса воина: палъ и вѣщатель Толумній, который
Первый бросилъ свой дротъ межъ ряды непрятельской рати.
Крики несутся до самыхъ небесъ; поражённые страхомъ
Ругуловъ строи бѣгутъ, за собой по полямъ воздымаютъ
Облако пыли, хребты обращаютъ врагамъ отъ испуга.
Самъ же Эней удостоить смерти бѣгущихъ не хочетъ,
Ни наступающихъ твёрдой ногой, ни мечущихъ дроты
Онъ не преслѣдуетъ: ищетъ въ толпѣ многолюдной и чѣрной
Взорами Турна; его одного повстречать онъ желаетъ,
Съ нимъ лишь на битву сойтись. А дѣва Югурна, тревогой
Умъ свой волнуя, столкнула державшаго вожжи Метиска,
Турна возницу, и, бросивъ далеко упавшаго съ дышла,
Мѣсто его заняла и волнистые ремни схватила
Въ руки, и править сама и во всёмъ подражаетъ Метиску:
Въ голосѣ, въ станѣ, въ доспѣхахъ. Такъ чѣрная ласточка, рѣя
По галлереемъ высокимъ чертоговъ богатаго мужа,
Маленькій кормъ собираетъ для пищи гнѣздамъ крикливымъ;
То появляется вдругъ надъ берегомъ влажнымъ болота,
Вкругъ облетая его, то снова цодъ кровлю стремится:
Такъ и Югурна стремится въ средину враговъ въ колесницѣ,
Мчится на быстрыхъ коняхъ, въ стремительномъ бѣгѣ всё поле.
Вкругъ обѣгая, то здесь, то тамъ торжествующимъ брата
Дѣва являетъ, но въ битву вступать не пускаетъ, далеко
Носить его отъ врага. Эней же съ жаромъ не меньшимъ
Носится вслѣдъ за бѣгущимъ путями извиристо всюду,
Гонить его и сквозь строи разсѣянной рати великимъ
Голосомъ мужа зовётъ. И сколько разъ за бѣгущимъ
Взоръ свой бросалъ онъ и быстрымъ стремленьемъ нагнать онъ пытался
Турна коней крылоногихъ, столько же разъ избѣгала
Дѣва Югурна врага, колесницу свою отвращая.

Что предпринять? увы! онъ волнуется тщетно различной
Мыслью, съ противоположнымъ желаньемъ борется духомъ.
И въ него легконогий Мессапъ случайно державший
Въ лѣвой рукѣ два копья, повершенныхъ острымъ желѣзомъ,
Вѣрнымъ ударомъ направивъ одно съ размаха пускаетъ.
Остановился Эней, подъ бронёю сной собираясь,
И на колѣно припалъ, а копье, пролетѣвъ надъ шоломомъ,
Верхній задѣло шишакъ и сбило гребня верхушку.
Гнѣвомъ тогда закипѣлъ онъ, коварствомъ врага раздражённый,
И, увидѣвъ, что кони его колесницу уносятъ,
Онъ небеса призываетъ въ свидѣтели клятвы погранной.
И алтарей, осквернённыхъ коварствомъ, и ринулся въ битву,
И, никого не щадя, онъ, грозный, свирѣпую сѣчу
Сталь раздвигать и волю давать безпредѣльному гнѣву.

Кто жъ изъ боговъ мнѣ теперь воспоётъ въ пѣснопѣньи столь много,
Ужасовъ смерти различной, кончину вождей, ратоборцевъ
Гибель, которыхъ по целому полю то Турнь, то троянскій
Гонить герой переменно? О, всемогущій Юпитерь!
Ты ли подвинулъ въ столь страшную брань тѣ народы, которымъ
Въ будущемъ рокъ повелѣлъ жить въ вѣчномъ согласьи и мирѣ?
Витязь троянскій, недолго медля, мужа Сукрона
(Эта побѣда вдругъ ободрила троянъ отступавшихъ),
Съ боку напавъ, поражаетъ въ то мѣсто гдѣ смерти
Доступъ скорѣйшій: межъ рѣбрь и сплетеній грудныхъ погружаетъ
Твердый булатъ свой. А Турнь поражаетъ Амика, низвергнувъ
Мужа съ коня; съ нимъ брата Дюреса, пѣшій сразивши
Этого длинною пикой, другого же острымъ булатомъ,
И, отсѣченныя головы ихъ къ колесницѣ привѣсивъ,
Кровью текущая, носить. Тотъ же Талона сражаетъ
И Танайса и храброго мужа Цетега, сразившись
Вмѣстѣ съ тремя, а за ними Онита печальнаго въ Тартарь
Шлѣтъ, рождѣннаго въ Оивахъ, Цериди матери чадо.
Этотъ сражаетъ пришедшихъ изъ Лики братьевъ и Фебу
Нивъ посвящённыхъ, и юнаго съ ними Менета, который
Тщетно войну презиралъ. Аркадїи житель: онъ рыбарь
Былъ и отъ промысла жилъ у водъ многорыбнаго Лерна.
Съ бѣдной семьёю и въ хижинѣ бѣдной, не зная богатыхъ
Мужей заботы; отецъ же пахалъ наёмную землю.
Словно огонь, отъ противныхъ сторонъ напущенный вѣтромъ
Въ оба конца пересохшаго лѣса, межъ чашу шумящихъ
Лавровъ, иль, съ горъ низвергаясь высокихъ, въ стремительномъ бѣгѣ
Льются шумяще пѣной потоки, путѣмъ раззоривши
Всѣ, и врываюся въ море: такъ точно и оба героя,
Турнь и Эней, свирѣпѣютъ по бранному полю: сердца ихъ
Гнѣвомъ великимъ кипятъ. Сражённые ими поверглись
Въ прахъ неумѣвшие быть побѣждёнными мужи; теперь-то
Сѣча вскипѣла со всею свирѣпостью боя. Этотъ въ Мурана,
Дѣдовъ и прадѣдовъ именемъ громкаго мужа, и родъ свой
Ведшаго весь отъ латинскихъ царей, настигнувъ, громаднымъ
Камнемъ стремительно грянулъ и, выбивши изъ колесницы,
Долу простѣръ бездыханнымъ: подъ вожжи и дышло скатился
Онъ, увлекаемый бѣгомъ колѣсъ, а кони, ударомъ
Частыхъ копытъ, забывъ повелителя, трупъ попираютъ.
Тотъ наступавшаго Гилла и страшно кипѣвшаго гнѣвомъ
Пикой грянулъ въ високъ сквозь шлемъ золочённый, и пика,
Шлемъ пронизавшая мужа, въ мозгу погрузилась и стала.
Ни тебя, о, Кретеи, храбрѣйшій изъ грековъ, десница
Не защитила тебя отъ свирепости Турна; ни боги
Не защитили Купенка свои отъ сильной энеевой длани:
Въ грудь поражаетъ булатъ; ни мѣднй щитъ, ни защита
Твёрдой, калёной брони не спасла злополучнаго мужа.
И тебя лаврентовы видѣли нивы, о, Эоль!
Видѣли, какъ ты погибъ, и хребтомъ покрылъ ты широко
Землю; погибъ ты, котораго прежде ни рати данаевъ

Сила сразить не могла, ни царствъ Ахиллесъ разрушитель.
Здѣсь суждено тебѣ достигнуть жизни предала;
А у тебя подъ Идою домъ былъ высокій: высокій
Домъ былъ въ Лирнессѣ; могила жъ твоя на лаврентовыхъ нивахъ.
Всѣ наконецъ ратоборцы смѣшались, всѣ рати латиновъ,
Всѣ и дарданскіе строи: Мнестей и Серестъ и другіе,
И Мессапъ, укротитель коней, и храбрый Азиласъ,
И этрусская рать, и эвандровы строи аркадцевъ,
Всякъ за себя; напрягаютъ послѣднія силы всѣ мужи;
Нѣтъ ни покоя, ни отдыха: бой разыгрался широкій.

И тогда прекрасная мать послала Энею
Мысль — устремиться къ стѣнамъ и на городъ силы скорѣе
Всѣ обратить и враговъ поразить внезапной тревогой.
Онъ же, когда, по разнымъ отрядамъ преслѣдуя Турна,
Взоръ и сюда и туда обращалъ, вдругъ видитъ, что городъ
Въ брани такой не участенъ, стоитъ безнаказанно тихій.
И ему представился образъ большаго боя:
Онъ Сергеста зоветъ, Мнестея, Сереста, храбрѣйшихъ
Мужей своихъ, и сталъ на холмѣ. Туда прибѣжали
Прочія тековровъ дружины, щиты и частыя пики
Держать сгущенною ратью. Онъ же, среди на высококомъ
Холмѣ возставъ, говоритъ: «да всякъ исполняетъ немедля
Волю мою; за насъ всемогущій Юпитеръ; никто же
Да не замедлитъ итти моему указанью послушный.
Нынѣ низвергну я городъ, причину войны, средоточье
Царства Латина, когда отвергаетъ онъ иго, сраженный,
И покорится не хочетъ; я стѣны дымящихся кровель,
Срою до самой земли. Уже ль ожидать мнѣ, доколѣ
Турну угодно будетъ со мною сразиться и снова
Онъ, побѣжденный, вступить въ борьбу? Вотъ то начало,
Вотъ та причина войны незаконной; скорѣе жъ несите,
Граждане, пламя и съ пламенемъ въ длани требуйте мира.»
Онъ сказалъ, и всѣ, однодушно въ колонны столпившись,
Наперерывъ понесли и громадой къ стѣнамъ устремились.
Лѣстницы жмутся къ стѣнамъ, явилось внезапное пламя:
Тѣ на ворота напали и первыхъ убили, другіе
Мечугъ желѣзо въ враговъ и свѣтъ помрачаютъ стрѣлами.
Самъ же межъ первыхъ рядовъ къ стѣнамъ простираетъ десницу
Храбрый Эней, обвиняетъ Латина громкою рѣчью
И призываетъ въ свидѣтели небо, что снова ко брани
Онъ принуждѣнъ, что дважды ему италійцы врагами
Стали и этотъ вторичный союзъ незаконно попрали.
И поднялся межъ испуганныхъ гражданъ раздоръ: тѣ желаютъ
Городъ Энею предать и врата раскрыть для дарданянъ,
И самого царя увлекаютъ къ твердынямъ; другіе
Храбро съ оружіемъ идуть, готовясь отстаивать стѣны.
Такъ подъ угѣсомъ скалы въ разсѣлинѣ камня открывшій
Пастырь пчелиный рой вдругъ ѣдимъ дымомъ наполнить
Эти жилище крылатыхъ: и рой, востепенувшись, въ тревогѣ,
По восковымъ укрѣпленьямъ своимъ разбѣжится, жужжаньемъ
Гримкимъ свой гнѣвъ изъявляя; дымъ чѣрный изъ щели клубится;
Ропотъ глухой раздаётся въ скалѣ, а дымъ улетаетъ
Прочь на воздушныя выси: такая же участь постигла
Нынѣ войной утомленныхъ латиновъ; она погрузила
Городъ въ печаль и его потрясла въ основаньи. Царица,
Видя съ чертоговъ своихъ враговъ подступившія рати,
И осажденныя стѣны, на кровли летящее пламя,
Но не видя ни ругуловъ войска, ни турновой рати,
Мнила, несчастная, что побѣжденный юноша въ брани
Паль, и, внезапнымъ смущенная горемъ, себя называла
Бѣдствій причиной, причиною зла и началомъ несчастій;
Много она говорила въ безумномъ отчаяньи; дланью
Пурпуръ одежды своей растерзала и смертью постыдной
Дни прекратила, спустивши петлю отъ высокаго бруса.

Горе такое лишь только достигло до слуха латинокъ,
Первая дочь Лавинія рвётъ бѣлокуроя кудри,
Розы терзаетъ ланить; подруги, толпой окруживши,
Плачутъ, и плачь ихъ далеко несётся въ обширныхъ чертогахъ.
Вскорѣ молва о несчастьи весь городъ уже охватила;
Духомъ упали: идётъ и Латинь, растерзавшій одежду,
Участью бѣдной жены поражённый, и, видя столицы
Гибель, онъ прахомъ съдую главу оскверняетъ и много
Самъ обвиняетъ себя, что прежде не принялъ Энея,
Мужа дарданскаго, зятемъ его не признать, но отвергнуть.

Между тѣмъ воинственный Турнь по равнинѣ далёкой
Гналъ предъ собою немногихъ отсталыхъ, ужъ съ меньшимъ
Жаромъ, ужъ меньшимъ и меньшимъ успѣхомъ коней веселяся.
Вѣтеръ доносить до слуха его тѣ тревожные крики
Съ шумомъ глухимъ; онъ слухъ напрягаетъ и слышитъ:
Городъ тревогой шумитъ: въ нёмъ вопль и отчаянья ропотъ.
«Горе мнѣ! что такъ тревога въ стѣнахъ городскихъ раздаётся?
Что тамъ за крики и вопли несутся отъ города въ поле?»
Такъ говорилъ и въ отчаяньи сталь, удержавши вожжами
Рьяныхъ коней. Сестра же, въ образѣ мужа Метиска,
Турна возницы, тогда управляла конями, вожжами
И колесницей, и рѣчи такія къ нему обратила:
«Будемъ, о, Турнь, преслѣдовать тевкровъ, куда намъ побѣда
Путь открываетъ; другіе тамъ есть, которые, могутъ
Стѣны свои защищать; Эней италійцевъ сражаетъ,
Брань воздымая на нихъ; мы таже сильной рукою
Смерть межъ троянами съемъ; ты съ поля борьбы возвратишься
И не слабѣя числомъ и съ неменьшею честью и славой.»
— Турнь же въ отвѣтъ: «о, сестра, тебя вѣдь давно ужъ узналъ я,
Въ ту минуту ещё, когда ты искусно расторгла
Миръ и сама приняла въ битвѣ участие. И нынѣ
Тщётно ты хочешь меня обмануть, о, богиня. Но кто же
Богъ тотъ Олимпа, тебя ниспославшій для подвиговъ этихъ?
И для того ль, чтобъ увидѣла ты несчастнаго брата
Горькую смерть? И что же мнѣ дѣдать? Какое же счастье
Можетъ намъ льстить и спасти насъ? Я самъ предъ моими очами
Видѣлъ Муррана, на помощь меня призывавшаго мужа, —
Мужа, который мнѣ былъ любезенъ и милъ предъ другими, —
Видѣлъ, какъ палъ онъ, огромный, сражённый огромною раной.
Паль и несчастный Уфенсъ, чтобъ нашего сраму не видѣть;
Тевкры доспѣхи сняли, овладели оружіемъ и тѣломъ.
Я ль допущу раззоренье жилищъ (лишь этого горя
Недоставало ещё), и ужель оправдаются рѣчи
Дранка? Я ль тыль обращаю? И бѣгущаго Турна увидитъ
Эта земля? До того ль умереть тяжело мнѣ? О, будьте,
Тартара боги, ко мнѣ благосклонны, когда ужъ небесныхъ
Воля противна боговъ? Невинной душою сойду я
Къ вамъ, непрічастный къ тому преступленью, достойный великихъ
Предковъ моихъ.» И едва произнёсъ онъ рѣчи такія,
Вотъ сквозь вражьи ряды на конѣ опѣнѣнномъ несётся
Сакъ, узвлѣнный стрѣлою въ лицо; онъ несётся и Турна
Именемъ кличетъ и молить: «о, Турнь, въ тебѣ полагаемъ
Нашу надежду послѣднюю: сжался надъ бѣдными, сжался:
Тамъ Эней поражаетъ какъ громъ; онъ грозитъ разрушить
Замки высокіе наши, и въ прахъ превратить ихъ стремится.
Пламя на кровли летитъ: на тебя устремили латины
Взоры и лица свои; самъ царь нашъ Латинь, поражённый
Горемъ, не знаетъ, кого ему зятемъ признать и къ которой
Долженъ пристать сторонѣ. А царица, вѣрнѣйшая дружбѣ,
Жизнь прекратила своею рукою, покинула въ страхѣ
Свѣтъ. У воротъ же только Мессапъ да отважный Ативасъ
Битвы всё бремя несутъ: но ихъ окружаютъ густыя
Тевкровъ фаланги и жмутъ; тамъ лѣсъ обнажённый булатовъ
Страшно сверкаетъ; а ты по пустынному полю напрасно

Здѣсь колесницу вращаешь.»

Остолбенѣль изумлѣнный

Турнь: различныя мысли тѣснились въ умѣ; онъ безмолвно,
Будто нѣмой, стоялъ; но сердце героя терзали
Стыдъ и отчаянье съ горемъ и страсти кипучее пламя,
И оскорблѣнная доблесть его. И едва помраченъ
Мысли разсѣяль разума свѣтъ, возвратившійся снова,
Онъ устремилъ къ стѣнамъ зрачки распалѣнные взоровъ
Бурный и съ колесницы взглянулъ на городъ высокій:
Вихремъ вздымается пламя и рвѣтся до самого неба,
Башню кругомъ охвативъ и стремясь отъ этажа къ этажу, —
Башню, которую самъ онъ построилъ изъ сплоченныхъ брусевъ
И на колѣса поставилъ и сдвинулъ высокіе ходы.
«Рокъ побѣждаетъ уже, о, сестра, удерживать поздно:
Поздно, идемъ же, куда насъ и богъ призываетъ и воля
Твѣрдой судьбы; я готовъ съ Энеемъ сразиться; готовъ я
Всѣ перенести, что имѣетъ жестокаго смерти; ты не будешь
Болѣ видѣть меня, о, сестра, лишѣнная чести;
Но умоляю, позволь мнѣ излить безпредельную ярость.»
Такъ сказавъ, съ колесницы поспешно ниспрянулъ на нивы
И сквозь враговъ устремился и копья, печальную бросивъ
Въ полѣ сестру; и въ стремительномъ бѣгѣ ломаетъ дружины.
Какъ съ вершины горы обрушившись камень громадный,
Сорванный бурей, катится, иль ливнемъ стремительнымъ смытый,
Или покрытый годами, летитъ съ ужасающей силой
Грозный угѣсъ и по полю скачетъ, съ собой увлекая
Лѣсъ и стада и людей: таковъ сквозь разбитыя рати
Турнь устремился къ стѣнамъ, туда, гдѣ наиболѣе кровью
Вся багровѣла земля и по воздуху пики свистѣли.
Витязь рукою махнулъ и, голосъ повысивъ, такъ началъ:
«Стойте, о, ругулы, стойте, латины, и бой прекратите:
Мнѣ предоставьте битвы конецъ, каковъ бы онъ ни былъ:
Пусть я одинъ, какъ прилично, позоръ нашъ омою, заглажу
Нашу вину, и за всѣхъ васъ одинъ мой мечъ извлеку я.»
Всѣ посреди разступились и мѣсто витязю дали.

А родитель Эней, услышавъ турново имя,
Города стѣны покинулъ, покинулъ высокіе замки,
Всякое дѣло покинулъ, прервалъ всѣ работы осады;
Онъ восторгомъ кипитъ и гремитъ доспѣхами страшно:
Точно Аюсъ таковъ, каковъ же и Эриксъ, таковъ же
Самъ отецъ Апеннинъ, ясеневымъ лѣсомъ шумящій,
Снѣжнымъ челомъ возносящійся гордо въ небесныя выси.
Вотъ уже и ругулы всѣ и трояне и съ ними
Наперерывъ италійцы взоръ устремили, и даже
Тѣ, что держали высокія стѣны, и тѣ, что тараномъ
Нижнія стѣны громили, съ рамень низложили оружье:
Самъ дивится Латинъ, глядя на героевъ, рождѣнныхъ
Въ разныхъ странахъ отдаленнаго мѣра, сошедшихся въ битву,
Силы помѣрять свои и битву окончить желѣзомъ.
А герои, едва лишь очистилось поле для битвы,
Въ быстромъ стремленіи пиками издали бросивъ,
Кинулись на друга другъ, щитами и звонкою мѣдью
Грянувшись разомъ: земля застонала; они же мечами
Части сугубятъ удары; ихъ сила и храбрость смѣшались
Въ дѣло одно. И будто на Силѣ огромной, на горныхъ
Высяхъ Табуерна два устремятся быка на кровавый
Бой и сойдутся, оставивши лбы; а объятые страхомъ
Прочь пастухи отступаютъ, и робкое стадо безмолвно
Стоя глядитъ; телицы въ испугѣ не знаютъ, кто будетъ
Ихъ повелителемъ въ рошѣ, кто будетъ водителемъ стада.
А они взаимно наносятъ удары, съ ужасной
Силой бодаясь рогами въ упоръ; и широкой струёю
Кровь омываетъ хребты ихъ и выи; мычаньемъ и рѣвомъ

Вся оглашается роща: так точно троянскій
Витязь и давновъ герой, ударяясь щитами, сразились;
Трескъ и грохотъ брони огласили весь воздухъ далёко.

Самъ Юпитерь держитъ вѣсовъ двѣ равныя чаши
И полагаетъ на нихъ двѣ разныя доли героевъ:
Кто погибнетъ изъ нихъ, къ какой сторонѣ перевѣситъ
Смерть? И вотъ поднимается Турнь, полагая ударъ свой
Вѣрнымъ; всѣмъ тѣломъ возсталъ онъ и, мечъ свой поднявши высоко,
Гринуль: вскричали трояне, вскричали въ испугѣ латины.
Объ враждебныя рати, стоявшія въ полномъ вниманьи.
Но измѣнникъ булатъ отъ удара въ куски разлетѣлся.
Онъ обманулъ бойца въ роковую минуту надежды.
Бѣгствомъ спасается Турнь: бѣжить онъ проворнѣе вѣтра,
Длань безоружную видитъ съ невѣдомой въ ней рукоятью.
Такъ говорить, что онъ, второпяхъ вскочивъ въ колесницу
И устремившись на первую битву, оставилъ отцовскій
Мечъ свой, потомъ же въ тревогѣ схватилъ у возницы Метиска
Мечъ; и мечъ тотъ достаточенъ былъ, доколѣ бѣжавшихъ
Тевкровъ сражалъ; но едва лишь дѣло дошло до доспѣховъ,
Скованныхъ богомъ Вулканомъ, смертный булатъ разлетѣлся,
Словно какъ ломкая льдина: на жолгомъ пескѣ засверкали
Только осколки его. И вотъ, обезумѣвшій, въ бѣгство
Бросился Турнь по равнинѣ, путёмъ устремляясь различнымъ.
Онъ то сюда, то туда навиваетъ невѣрные круги:
Ибо отсюда трояне плотною цѣпью стояли;
Здѣсь заключало болото, а тамъ высокія стѣны.
А Эней, хотя ослабѣвшій раной колѣни
Бѣгъ затрудняли его, быстроту замедляя погони,
Гонить его и съ жаромъ слѣдить нога за ногою.
Будто застигнувъ оленя, рѣкой заключеннаго всюду
Или объятаго страхомъ отъ перьевъ багряныхъ, охотникъ
Гонить его, а вѣрные псы преслѣдуютъ лаемъ:
Онъ же, засаду и берегъ угѣсистый видя въ испугѣ.
Тысячью мчитъ путей и по нимъ возвращается снова;
Пѣсь же умбрійскій проворный развѣрзтою пастью вотъ-вотъ ужъ
Схватить его, вотъ-вотъ настагаетъ и, будго схвативши,
Челюсти жадно сомкнѣтъ, но кусаетъ воздушныя волны.
Вотъ поднимается крикъ, и имъ огласились далеко
Воды и озера берегъ, и небо взгремѣло тревогой.
Турнь же бѣжить и, бѣгучи, шумитъ на ругуловъ рѣчью,
Кличетъ по имени всѣхъ и требуетъ мечъ боевой свой.
А напротивъ Эней угрожаетъ всякому смертью,
Кто подойдетъ, и испуганныхъ пущѣ пугаетъ, грозитъ
Городъ разрушить совсѣмъ, и гонить врага уязвлѣнный.
Пять круговъ обогнули они и столько жъ обратно
Взадъ и впередъ. Не награды ищутъ они, не игрою
Лѣгкой идуть въ состязанье, — но спорять о жизни и крови.

Тутъ случайно вблизи росло посвящённое Фавну
Съ горькимъ листомъ оливное дерево, нѣкогда чтимый
Знакъ мореходами. Часто, спасаясь отъ ярости бури,
Тамъ мореходы мѣстному богу вѣшали жертвы,
Въ даръ за спасенье ему принося, по обѣту, одежды;
Тевкры жъ тогда безразлично тотъ корень священнѣй срубили,
Чтобы по чистому полно могли свободнѣе биться.
Тамъ стояла энеева пика: стремительнымъ летомъ
Къ этому мѣсту она занесѣнная, въ корень вонзившись,
Твёрдо торчала. И витязь дарданскій, всей силой налетши,
Дланью желѣзо исторгнуть хитѣль и пикой настигнуть
Быстрой того, кого на бѣгу не настигнуть. Тогда-то
Турнь, отъ страха безумный, «сжался, о! Фавнъ, умоляю —
Молвиль — и добрая мать земля, удержите
Это желѣзо, если когда либо вамъ воздавалъ я
Должную честь и мольбы, осквернённые тевкрами нынѣ.»

Онъ сказать, и не тщетно боговъ призывалъ онъ на помощь:
Долго боролся Эней, замедляя у корня погоню,
Но никакими усилями дуба раздвинуть не могъ онъ.
Между тѣмъ какъ силится онъ и настаивать съ жаромъ,
Вновь обращѣнная въ образъ возницы Метиска богиня,
Давнова дѣва, впередъ выбѣгаетъ и брату вручаетъ
Мечъ. А Венера, на то негодуя, что дерзкая нимфа
Смѣлости столько взяла, приступаетъ сама и изъ корня
Вонъ извлекаетъ копье. И соперники оба въ восторгѣ.
Вновь укрѣпясь и оружемъ и духомъ, къ борьбѣ приступаютъ,
Тотъ полагаясь на мечъ свой, а тотъ на высокую пику.
Стали насупротивъ оба съ одышкой отъ битвы и бѣга.

Между тѣмъ могучій владыка Олимпа къ Юнонѣ
Такъ говоритъ, съ облаковъ золотистыхъ взиравшей на битву:
«Чѣмъ же окончится это, супруга, и что остаётся?
Знаешь сама, и въ этомъ сама сознаёшься, что небу
Витязь великій Эней обречёнъ и судьбой возвеличенъ
Будетъ до самыхъ небесъ. Такъ что жъ ты ещё замыслишь?
Или съ какою надеждой сидишь ты ещё на холодномъ
Облакѣ? Развѣ прилично, чтобъ богъ отъ смертнаго рану
Могъ получить? чтобъ мечъ (безъ тебя же Ютурнѣ какую
Силу имѣть?) возвращёнъ былъ Турну, иль чтобъ побѣждённымъ
Новыя силы давать? Перестань наконецъ и смягчися
Просьбою нашей: къ чему предаваться безмолвной печали?
Лучше заботы твои печальныя ты мнѣ повѣдай
Сладкими чаще устами. Но вотъ роковая минута
Нынѣ настала. Ты тевкровъ могла по морямъ и по сушѣ
Долго гонять и возжечь незаконную брань и семейство
Всѣ погубить, и, брачныя узы расторгнувъ, наполнить
Плачемъ весь домъ. Дальнѣйшихъ попытокъ тебѣ не позволю!»
Такъ говорилъ Юпитерь. Ему же сатурнова дочь
Съ видомъ покорнымъ такъ возразила: «великій Юпитерь!
Не безызвѣстна мнѣ воля твоя; и вотъ почему я
Противъ желанья покинула землю и Турна. И ты бы
Здѣсь не одну лишь увидѣлъ меня на сѣдалищѣ горномъ,
Столько несущую горя безвинно: но съ пламенемъ въ длани
Я бы стояла теперь предъ строями рати и тевкровъ
Къ гибельной брани влекла бы. Тебѣ сознаюся:
Я побудила Ютурну дать помощь несчастному брату
И для спасенья его испытать всѣ великія средства, —
Но не оружье брать, не натягивать лукъ тетивою:
Въ этомъ клянусь я тебѣ головой непреклоннаго Стикса,
Этой единственной вѣрой, священнои влѣстителемъ неба.
Нынѣ же я уступаю, войну ненавижу и битвы.
Но объ одномъ умоляю тебя, для латиновъ, для славы
Нашей (вѣдь это законамъ судьбы не подвержено вовсе),
Что когда уже счастливымъ бракомъ, положимъ,
Миръ утвердятъ и союзъ укрѣпятъ и составятъ законы,
Да не велишь ты, о, царь, измѣнять природнымъ латинамъ
Древнее имя, ни имя троянъ принимать, ни названье
Тевкровъ, ни рѣчи родной изменять, ни даже одежды;
Да пребудетъ во вѣки латиновъ земля и албанскихъ
Имя царей, и да будетъ родъ римлянъ могучъ италійской
Доблестью. Троя погибла, такъ пусть же и ииа погибнетъ!»
Ей возразилъ, улыбаясь, виновникъ людей и твореній:
«О, родная сестра и второе сатурново чадо:
Гнѣвъ столь великій ты ль въ сердцѣ твоёмъ, о, богиня, питаешь?
Но перестань и уйми наконецъ напрасную ярость.
Дамъ, что желаешь, и самъ добровольно сдаюсь, побѣждённый.
Рѣчь и обычай страны у авзоновъ твоихъ сохранится,
Будетъ и имя, какъ есть; съ народомъ смещаются тевкры
И поселятся; я дамъ имъ обычаи, вѣры обряды,
Сдѣлаю всѣхъ я латиновъ однимъ языкомъ говорящихъ.
Этотъ народъ, который отъ крови авзонской возстанетъ,

Выше людей вознесётся и выше боговъ благочестьемъ.
И ни одинъ изъ народовъ тебя чтить столько не будетъ.»
Рѣчью такою довольная, умъ измѣнила Юнона,
Бросила облачный тронъ и съ небесныхъ высотъ удалилась.
Сдѣлавши это, безсмертныхъ отецъ замышляетъ другое:
Хочетъ Югурну сестру удалить отъ оружія брата.
Есть, говорятъ, двѣ язвы, подъ именемъ Фурий, которыхъ
Мрачная Ночь породила, и съ ними Мегеру, рожденьемъ
Всѣхъ ихъ однимъ, и, опугавъ ихъ узами змѣевъ, дала имъ
Быстровоздушныя крылья. Онѣ, у престола Зевеса
И у порога властителя грознаго часто являясь,
Страхомъ терзаютъ слертныхъ несчастныхъ, когда всемогущій
Царь ниспослать замышляетъ на нихъ иль недуговъ горе,
Или ужасную смерть, иль когда устрашаетъ войною
Царства. Изъ этихъ чудовищъ одну быстрокрылую съ горныхъ
Высей воздушныхъ Зевесъ ниспослалъ и на силу Югурны
Силой возстать повелѣлъ. Она же летитъ и подобно
Чѣрному вихрю несётся къ землѣ. Такъ точно изъ лука
Мчится стрела, въ облака уносимая силой полѣта, —
Та роковая стрѣла, которую парянинъ бранный
Жолчной отравой послалъ напоѣнную, — парянинъ бранный,
Или Кидонъ, наносящій стрѣлою смертельную рану;
Свиснетъ она и умчится сквозь тучи невидимо, мигомъ:
Такъ полетѣла рожденная Ночью, спускаясь на землю,
И едва увидѣла рати троянъ и дружину
Турна, какъ вдругъ превратилась въ образъ птицы зловѣщей, —
Птицы, которая часто, въ ночные часы на могилахъ
Иль на пустынныхъ развалинахъ сидя, несносную пѣсню
Въ мракъ поѣтъ. Въ такой превращенная образъ предъ взоромъ
Турновымъ носится язва то взадъ, то впередъ и крылами
Бьётъ по щиту и шумитъ. И новый ужасъ объемлетъ
Члены его; онъ весь цѣпенѣтъ; и волосы дыбомъ
Встали на нѣмъ и замерли голоса звуки въ гортани.
А Югурна, узнавъ издали шумъ крыльевъ и образъ
Фурии, въ горѣ, несчастная, волосы рвѣтъ, распустивши,
Ликъ свой терзаетъ когтями и дланью грудь поражаетъ.
«Въ чѣмъ же теперь, о, Турнъ, тебѣ помогу я родная?
Что мнѣ уже остаётся несчастной? Иль средствомъ какимъ я
Гибель замедлю твою? и такого чудовища силъ
Я ль воспротивлюсь? Уже, уже покидаю я поле
Брани. Но только меня не страшите, объятую страхомъ,
Гнусныя птицы: мнѣ крыльевъ удары знакомы, знакомы
Ваши зловѣщія звуки. Я чую великаго Зевса
Грозную волю. Такъ вотъ что за честь мнѣ дарить онъ, за стыдъ мой!
Что мнѣ безсмертіе нынѣ? зачѣмъ прекратить не могу я
Жизни моей? теперь бы могла я спокойно окончить
Горе моё и въ царство тѣней сопуствовать брату.
Я безсмертна? увы! но что же отраднаго нынѣ
Мнѣ безъ тебя остаётся, о, братъ мой! Почто же, пучины,
Вы подо мной не разверзнете нѣдра и къ тѣнямъ глубокимъ
Въ адъ не пошлѣте богиню?» И это сказавши, Югурна,
Много рыдая, покрыла чело лазурнымъ покровомъ
И, погрузившись въ рѣку, на глубокое дно опустила.

А Эней наступаетъ впередъ: онъ огромною пикой
Въ длани сверкаетъ и грозною рѣчью такъ вопрошаетъ:
«Что же ты медлишь теперь, о, Турнъ, и зачѣмъ отвергаешь
Битву? Не бѣгомъ должны мы сражаться, но острымъ желѣзомъ.
Ты превращайся въ образы всѣ, собери, что имеешь:
Храбрость въ душѣ и искусство въ рукѣ; пожелай до высокихъ
Звѣздъ на крылахъ вознестись иль въ глубокую землю сокрыться.»
Онъ же ему, головой потрясая: «хрябрець, не надменной
Рѣчи страшусь я твоей: но боги меня устрашаютъ
И непрязненный Зевсъ.» И, не вымолвивъ болѣе слова,
Взрами бросилъ вокругъ и камень увидѣлъ огромный,

Древній камень, огромный, въ полѣ случайно лежавшій:
Нивамъ служилъ онъ межею, границею спорному полю.
Мужей отборныхъ двѣнадцать съ трудомъ бы его приподняли, —
Мужей двѣнадцать такихъ, какъ нынѣ земля производитъ;
Онъ же рукой торопливой схватилъ и, поднявшись всѣмъ тѣломъ,
Въ бѣгѣ стремительномъ камень съ размаху бросаетъ въ Энея, —
Но ни бѣгушимъ себя не узналъ, не узналъ ни идущимъ,
Ни поднимающимъ въ длань, ни бросающимъ камень огромный;
Гнулся колѣни, холодная кровь застываетъ по жиламъ:
Самый же камень его, катясь по пустому пространству,
Не пролетѣлъ ни пространства всего, ни удара не вынесъ.
Будто во снѣ, когда въ часъ ночи глубокимъ покоемъ
Вѣжды сомкнуты, намъ кажется, будто мы силимся тщетно,
Будто хотимъ мы бѣжать, но среди напрасныхъ усилій
Въ изнеможеніи падаемъ вдругъ; хотимъ и не можемъ
Вымолвить слова; не знаемъ, куда тѣ и силы дѣвались;
Голоса нѣтъ на устахъ, языкомъ повернуть невозможно:
То же и съ Турномъ было; въ чѣмъ только испытывать храбрость,
Всюду мѣшала успѣху враждебная сила богини.
Сердце героя тогда взволновали различныя чувства:
Онъ то на городъ глядитъ, то на рутуловъ взоръ обращаетъ,
Медлитъ отъ страха и мечъ приподнять онъ боится;
Какъ и куда склониться, какое усиліе сдѣлать
Противъ врага. Онъ не видитъ нигдѣ колесницы, не видитъ
Въ помощь идущей сестры. А Эней замедленному страхомъ
Въ очи сверкаетъ копьемъ роковымъ; онъ, время улучшивъ,
Мѣсто удару избралъ и грянулъ съ размаха. Ни камень
Такъ не шумитъ, изъ орудій летя стѣнобитныхъ, ни молнья
Съ трескомъ такимъ не разитъ: подобно чѣрному вихрю,
Гибель несущая пика летитъ, пробиваетъ и панцырь
И семикратнаго выпибъ щита, гдѣ держится ободъ;
Съ свистомъ проходить въ средину бедра: пораженный ударомъ,
Турнь на колѣно огромный припалъ и долу склонился.
Ругулы вопль поднимаютъ; кругомъ заревели далеко
Горныя выси и звукъ повторили глубокія роцци.
Онъ же, покорный, просящій пощады, десницу и грустный
Взоръ простирая, сказалъ: «я участи этой достоинъ,
Жизни же я не прошу: своимъ ты пользуйся счастьемъ.
Если же тронуться можешь отца злополучнаго горемъ,
То, умоляю (вѣдь былъ у тебя такой же родитель,
Старецъ Анхизъ), пожалѣй ты о старости Давна; и если
Тѣло моё желаешь ты свѣта лишить, то собратамъ
Трупъ возврати мой. Ты побѣдилъ, и я, побежденный,
Руки къ тебѣ простираю предъ взорами ратей авзонскихъ;
Ты побѣдилъ, и Лавинья твоя; но далѣе гнѣву
Ты простирается не дай!» — Стоялъ съ оружіемъ надъ павшимъ
Храбрый Эней, очами вода, и мечъ опустилъ свой.
И уже всё болѣе-болѣе турновы рѣчи
Сердце смягчали его, какъ вдругъ на плечѣ роковая
Перевязь юнаго мужа Палланта предъ взоромъ сверкнула
Цѣпью знакомыхъ колечекъ, — Палланта, котораго въ битвѣ
Турнь побѣдилъ и простѣръ и, перевязь снявши, на рамя
Вздѣлъ и носилъ украшенъе врага. Эней же, едва лишь
Взоръ устремилъ на добычу, предметъ столь великой печали,
Яростью вдругъ закипѣлъ и, вспыхнувъ гнѣвомъ ужаснымъ,
«Ты ли — сказалъ — уйдѣшь отъ меча моего, — ты, надѣвшій
Эту добычу мнѣ милаго друга? Паллантъ поражаетъ
Этимъ ударомъ тебя, — самъ Паллантъ; онъ жаждетъ въ отмщенъе
Крови преступной твоей!» — Сказалъ и съ жаромъ булатъ свой
Въ грудь погружаетъ врага: его же холодъ объемлетъ;
Съ негодованьемъ и стономъ душа межъ тѣней улетѣла.

Энеида (Вергилий/Шершеневич)/Песнь девятая/ДО

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [Энеида \(Вергилий/Шершеневич\)](#)

Перейти к [навигация](#), [поиск](#)

□

← [Пѣснь осьмая](#) **[Энеида Вергилія](#)** — Пѣснь девятая [Пѣснь десятая](#) →
авторъ Публій Вергилій Маронъ (70 г. до н.э.—19 г. до н.э.), пер. Л. Г. Шершеневичъ (1819—1894)

Язык оригинала: латинскій. Название въ оригиналь: [Aeneis](#). — Источник: [Современникъ, Литературный журналъ, томъ XXXIV, Санктпетербургъ, 1852](#) □

Википроектъ: [Википедія](#)

Энеида Вергилія

Пѣснь девятая

Юнона посылаетъ съ неба Ириду и возбуждаетъ Турна на троянь. — Войска идутъ и осаждаютъ троянь въ ихъ крѣпости. — Осада. — Трояне не хотятъ выступить въ поле. — Раздражѣнный Турнь хочетъ сжечь троянскіе корабли. — Чудо при этомъ. — Смѣлость Турна. — Ночь. — Осаждающіе предаются веселію и вину. — Отважный подвигъ Ниса и Эвріала и печальная ихъ участь. — Смерть Вольсцента. — Плачъ эвріалавой матери. — Битва. — Подвиги Турна. — Смѣлость Асканія. — Храбрость Пандара и Битія и смерть ихъ. — Турнь въ непріятельскомъ станѣ. — Его геройскіе подвиги и наконецъ отступленіе.

Ferte citi ferrum, date tela, scandite muros:
Hostis adest, eia!

(Изъ девятой пѣсни.)

Между тѣмъ какъ съ обѣихъ сторонъ готовились къ брани,
Дочь Сатурна, Юнона, съ небесъ посылаетъ Ириду
Къ храброму Турну. Въ то время, въ священной долинь Пилумна,
Турнь предавался покою, подъ тѣнью родительской рощи.
И изъ розовыхъ устъ Ирида такъ говорила:
«Еслибъ желалъ ты, о Турнь, то никто изъ боговъ не дерзнулъ бы
Сдѣлать того, что случай и день представляетъ текущій:
Вождь Эней, оставивъ товарищей, городъ и флотъ свой,
Нынѣ отправился въ путь въ палатинское царство Эвандра.
Мало того: онъ прошѣлъ къ городамъ отдалѣннымъ Коринѳа,
Тамъ онъ лилійскихъ селянъ на брань ополчаетъ съ тобою.
Что же ты медлишь? впрягай скакуновъ въ колесницу ретивыхъ,
Быстро ударь и враговъ захвати въ ихъ встревоженномъ станѣ.»
Такъ сказала и къ небу взвилась на крылахъ одинакихъ,
Слѣдъ свой чертя преогромной дугою подъ самыя тучи.
Юноша дѣву узнать, и, къ небеснымъ свѣтиламъ поднявши
Длани, онъ рѣчи такія послалъ за бѣгущюю дѣвой:
«Кто изъ безсмертныхъ тебя съ облаковъ посылаетъ на землю,
Къ намъ, о Ирида, небесъ красота? отчего такъ внезапно
Всѣ озарилось сияньемъ? я вижу разверзтое небо,

По небу звѣзды блуждаютъ. Кто бы ты ни былъ, безсмертный,
Ты, что на брань призываешь, я знаменье это приѣмлю.»
И подошѣлъ онъ къ водѣ, и отъ верхней волны зачерпнулъ онъ
Въ длани, молитву творя и богамъ посылая обѣты.

И уже по широкому полю текли свѣтлобронныя рати,
Дивно красуясь конями и золотомъ пышной одежды.
Въ первыхъ отрядахъ Мессапъ, а послѣднїе тирровы дѣти
Вмѣстѣ ведутъ; въ срединѣ же строевъ, бронёю сверкая,
Турнь предводитель несѣтся и всѣхъ головой превышаетъ:
Такъ семирѣчный Гангъ, усмиривши вздутыя воды,
Тихо течётъ по широкимъ полямъ; иль волной плодородной
Ниль, затопившїй долины, въ своё возвращается ложе.

Видягъ трояне, какъ по полю чѣрное облако пыли
Вдругъ заклубилось и мглою возставшей подѣрнулись нивы.
Первый Каикъ, супротивъ на валѣ стоявшїй, воскликнулъ:
«Что тамъ за облако, граждане, чѣрною мглою катится?
Дайте оружье, бѣгите, всходите на стѣны скорѣе:
Врагъ подступаетъ, — къ оружью!» — И, крикомъ на крикъ отвѣчая,
Бросились тевкры къ воротамъ и воинствомъ стѣны покрыли.
Опытный въ ратномъ дѣлѣ Эней приказалъ, отбѣзжая,
Что бъ ни случилось, какое бы ни было дѣль положенье,
Въ правильнѣйшій бой не вступать и въ полѣ открытомъ не биться;
Только держаться въ окопахъ и твёрдо отстаивать стѣны.
Храбрость и стыдъ вызывали ихъ въ чистое поле сразиться;
Но, повинувъ Энею, они запираютъ ворота
И, на бойницы взойдя, съ оружемъ врага ожидаютъ.

Вотъ, обгоняя отставшїя рати, внезапно явился
Турнь на ретивомъ конѣ, подскакавшїй подъ самыя стѣны.
Съ бѣлыми пятнами конь подъ нимъ еракійской породы,
Гребень багрянаго цвѣта шеломъ золотой осѣняетъ.
Двадцать отборныхъ наѣздниковъ съ нимъ, молодѣжь удалая.
Воины! — крикнулъ имъ Турнь — кто жъ первый со мною ударить?
Вотъ имъ! — сказалъ онъ — и, въ сильной рукѣ потрясая, на воздухъ
Дротъ свой пустилъ — нападенья начало, и смѣло понёсся
Въ поле. И приняла крикомъ дружина вождя и толпою
Шумной за нимъ поскакала. Дивятся бездѣйствію тевкровъ:
Въ чистое поле они не выходятъ и биться не смѣютъ;
Только стоять за стѣнами. Досадой и гнѣвомъ кипащїй,
Турнь на конѣ и сюда и туда отбѣзжаетъ окопы,
Ищетъ онъ мѣста, куда бы прорваться, но ищетъ напрасно.
Словно терзаемый голодомъ волкъ у полной овчарни
Рыщетъ во мракѣ ночномъ и, дрожа отъ ненастья и вьюги,
Воетъ подъ самой оградой; жмутся съ бляньемъ ягнята
Къ маткамъ своимъ; а звѣрь, раздражѣнный бляньемъ,
Жертвы не видя, терзается злобой; давно ужъ и голодь
Мучитъ его, и пасть ужъ засохла отъ жажды кровавой:
Такъ и ругуловъ вождь, смотря ва окопы и стѣны,
Гнѣвомъ пылаетъ, и жжётъ его твердыя кости досада.
Ищетъ онъ къ приступу средства; троянъ, ограждѣнныхъ стѣнами,
Хочетъ изъ лагеря вызвать и вывести въ чистое поле.
Вотъ къ кораблямъ устремляется онъ, у лагеря съ боку
Тутъ же стоявшимъ, подъ вѣрной защитой рѣки и окоповъ.
И, захвативши пожарное пламя, дружина съ восторгомъ
Бросилась къ флоту, и самъ онъ съ пылающимъ факеломъ въ длани
Бросились дружно: ихъ ободряетъ присутствіе Турна.
Факеломъ чѣрнымъ вооружились одни, а другіе
На очагъ пылавшимъ огнёмъ: смолистыя сосны
Пламя и дымъ извергаютъ и искры подъ самое небо.

Кто изъ безсмертныхъ, о Музы, то страшное пламя пожара
Отъ кораблей отвратилъ? кто спасъ ихъ отъ гибели вѣрной?
Древность покрыла преданье, но память о нёмъ не погибнетъ.

Въ тѣ времена, какъ Эней на Идѣ фригійской впервые
Строилъ свой флотъ и готовился плыть океаномъ глубокимъ,
Матерь безсмертныхъ боговъ, сама Берекинта богиня,
Такъ говорила великому Зевсу: «о сынъ мой, исполни
Матери милой желанье, великій смиритель Олимпа:
Есть на вершинѣ Иды горы сосновая роща,
Многіе годы любимая мною; подѣ чѣрною тѣнью
Сосенъ и клѣновъ вѣтвистыхъ фригійцы мнѣ жертвы носили.
Эту любимую рощу дала я дарданскому мужу,
Чтобъ корабли онъ построилъ; теперь неизвѣстная участь
Флота тревожить меня. Разрѣши же мой страхъ и сомнѣнье,
Матери просьбѣ внемли: да путь никакой не разрушить
Флота троянъ и бурные вѣтры не губяты; да будетъ
Съ ними неразлучна та честь, что выросъ онъ въ рощѣ богини.»
И отвѣчаетъ ей сынъ, что движетъ свѣтилами міра:
«Что говоришь ты, о матеръ? судьбу ль измѣнить ты желаешь?
Что ты готовишь для нихъ? возможно ль, чтобъ смертной рукою
Созданный тлѣнный корабль имѣлъ на безсмертіе право?
Иль чтобъ Эней безнаказанно вынесъ опасности моря?
Кто жъ изъ безсмертныхъ смертнымъ даруетъ подобное право?
Но когда корабли, теченье пути ужъ исполнивъ,
Въ пристани станутъ авзонской, тогда уцѣлѣвшимъ отъ бури
Всѣмъ, на лаврентовы нивы принѣсшимъ дарданскаго мужа,
Дамъ я безсмертія видѣ, повелю имъ великаго моря
Быть божествами, подобно переевымъ чадамъ, подобно
Той Галатеѣ и Дото, блестящею грудью сѣкущимъ
Воды вспѣнѣннаго моря.» Сказалъ и поклялся волнами
Стиксовой братней рѣки и смолою кипящей пучиной.
Онъ головою кивнулъ, — и Олимпъ всколебался и дрогнулъ.
Вотъ и насталъ тотъ обѣщанный день, и Парки отсѣкли
Времени пряжу, когда беззаконная турнова ярость
Матерь Зевеса къ спасенію священныхъ ладей побудила.
Новымъ сіяніемъ вдругъ озарились небесныя выси.

Видно было, какъ огромное облако шло отъ востока,
Путь разсѣкая воздушный; явились идейскіе хоры;
Грому подобные звуки съ небесъ раздалися, — и тевкрѡвъ,
Рутуловъ войско наполнилось страхомъ великимъ: «О, тевкры!
Вашихъ ладей защищать не спѣшите и не обнажайте
Тщетно мечей: скорѣе морямъ заплыть отъ пожарныхъ
Факеловъ Турна, чѣмъ этимъ соснамъ священнымъ; идите,
Моря богини, свободно: такъ хочеть великая матеръ.»
И мгновенно лады, расторгнувъ у берега узы,
Словно дельфины, носы погружаютъ въ глубокия волны
И опускаются долу. И — о непонятное чудо! —
Сколько ладей мѣдногрудыхъ у берега прежде стояли,
Столько прекрасныхъ дѣвъ понесли по волнамъ океана.
Рутуловъ ужасъ объять; и страхомъ Мессапъ пораженный
Сталъ, и ретивые кони взвились отъ испуга, и волны
Тибра журчатъ перестали, въ теченіи попятившись быстрѡмъ.
Но не покинула Турна кипучая храбрость: напротивъ,
Смѣло возставъ на испуганныхъ рѣчью, онъ гнѣвно сказалъ имъ:
«Тѣ чудеса угрожаютъ троянамъ; у нихъ самъ Юпитеръ
Средства отъземлетъ къ войнѣ; и не ждуть ни мечи, ни пожары
Рутуловъ: непроходимы для тевкрѡвъ моря, и надежды
На отступление имъ нѣтъ: похищено море у тевкрѡвъ.
Въ нашей же власти земля: намъ царствъ италійскихъ народы
Ратную помощь вѣдутъ. Не страшусь я боговъ, ни отвѣтовъ
Ихъ роковыхъ; и пусть ихъ чванятся тевкры богами.
Слишкомъ довольно для нихъ и Венеры достигнуть авзонскихъ
Нивъ плодородныхъ: я также имѣю свои притязанья,
Опредѣлене судьбы — мечѡмъ истребить тотъ преступный
Родъ, за невѣсты моей похищенье; не только атридовъ
Это безчестье коснулось; не только Мицены оружіемъ
Могутъ за честь постоять. Для нихъ не довольно ль погибнуть

Разъ одинъ, и ирежнихъ злодѣйствъ не довольно ль? и послѣ
Бѣдствій такихъ весь женскій родъ не возненавидятъ?
Валомъ они защищаютъ себя; за стѣнами и рвами
Храбры они — за этой ничтожной защитой отъ смерти;
Развѣ они не видали, какъ гибла ихъ Троя — творенье
Бога Нептуна? какъ пламя пожрало ихъ дома и стѣны?
Воинства храбраго цвѣтъ! кто хочетъ мечёмъ сквозь окопы
Путь проложить и ударить со мной на встревоженный лагерь?
Я не нуждаюсь въ оружьи Вулкана; на тевкровъ не нужно
Мнѣ кораблей безъ числа; и пусть всѣ этруски пристануть
Къ нашимъ врагамъ; имъ нечего мрака ночного бояться:
Мы не похитимъ у нихъ ни образа дѣвы Паллады;
Не умертвимъ мы ни стражей въ ихъ замкѣ высокомъ; ни въ тѣмномъ
Чревѣ коня мы скрываться не будемъ; но днёмъ и открыто
Стѣны хотимъ истребить огнёмъ и оружіемъ нашимъ.
Пусть и не думаютъ такъ, что съ данайцами дѣло имѣютъ,
Или съ толпою пелазговъ, которыхъ всѣ грозныя силы
Гекторъ одинъ удержалъ на десятое лѣто. Теперь же,
Воины, день ужъ склоняется къ ночи; часы остальные
Весело вы проводите, тѣла укрѣпите покоемъ
Послѣ хорошаго дѣла и къ битвѣ готовьтесь съ надеждой.»

Между тѣмъ поручаютъ Мессапу заботу, чтобъ ночью
Стражу держалъ у воротъ и огнёмъ окружилъ бы окопы.
Вотъ избираютъ четырнадцать мужей, начальниковъ стражи;
Воиновъ по сту за каждымъ идутъ изъ ругуловъ рати
Пурпуромъ шлемы красуются ихъ, золочёныя брони
Ярко сияютъ. Одни чередуются, ходятъ, другіе
Долу простѣрлись на мягкой травѣ и виномъ веселятся:
Мѣдныя кубки звенятъ, изъ рукъ переходятъ въ другя.
Свѣтятся всюду огни и стража игрой сокращаетъ
Скуку безсонныхъ часовъ.
А трояне съ высокаго вала
Смотрятъ на всё и не дремлютъ: стоять на стѣнахъ часовые;
Съ трепетомъ тайнымъ подходятъ къ воротамъ; мосты и бойницы,
Валы, окопы, — всё стерегутъ и готовятъ оружье.
Храбрый Мнестей и пылкій Серестъ побуждаютъ ихъ къ дѣлу.
Этимъ вождямъ Эней, отъѣзжая къ Эвандру, назначилъ,
Въ случаѣ, если потребуетъ нужда и дѣло укажетъ,
Вѣдать войска и по усмотрѣнію править дѣлами.
И, раздѣливъ межъ собою труды и опасности бдѣнья,
Воины бодрствуютъ всѣ, и каждый въ назначенномъ мѣстѣ.

Быль у воротъ на стражѣ Низъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ,
Гиртака сынъ; онъ, покинувъ охотничью Иду, къ Энею
Спутникомъ прибыль, летучаго дрота и стрѣль легкрылыхъ
Славный метатель. Съ нимъ вмѣстѣ дѣла всѣ опасности стражи,
Юный стояль Эвриаль, изъ тевкровъ прекраснѣйшій воинъ:
Быль онъ прекраснѣе всѣхъ, носившихъ троянскія брони;
Лѣгкій пушокъ едва пробивался на юныхъ ланитахъ.
Страстно любили другъ друга они и всегда неразлучно
Въ битву ходили. И въ это же время случилось имъ вмѣстѣ
Стражу держать у воротъ. И Низъ говорилъ Эвриалу:
«Другъ мой! иль боги вдохнули мнѣ въ сердце такую отвагу,
Иль вдохновеніемъ неба зовёмъ мы влеченіе наше, —
Не понимаю; но что-то давно ужъ меня увлекаетъ
Броситься ль въ битву, иль подвигъ какой либо славный затѣять.
Скучно мнѣ; я недоволенъ бездѣйствіемъ нашимъ; послушай:
Видишь ли ты, какъ ругуловъ войско безопасно; въ ихъ станѣ
Рѣдко мелькаютъ огни; побѣждённые сномъ и весельемъ,
Стражи склонились къ покою; вездѣ тишина и безмолвье.
Знаешь ли, что мнѣ приходитъ на умъ и что я затѣяль?
Воинство всё и вожди съ нетерпѣньемъ желаютъ Энея
Въ лагерь призвать и мужей отправить къ нему съ донесеньемъ
Вѣрнымъ; и если тебѣ общаются, о чёмъ попрошу я,

То для меня той славы довольно: я, кажется, мог бы,
Ту высоту обогнуть, достигнуть стѣнь Паллантеи.»
Юноша вспыхнул, несытою жаждой хвалы увлечѣнный,
И, обратившись къ отважному другу, такъ отвѣчаетъ:
«Другъ мой, меня ли сподвижникомъ въ дѣлѣ великомъ и славномъ
Ты не захочешь имѣть? О одного ли тебя отпущу я,
Низъ, на такую опасность? о, нѣтъ! не такъ я воспитанъ
Быль и не такъ я былъ вскормленъ: Офельтъ, мой родитель, привыкшій
Къ ратнымъ тревогамъ средь ужасовъ брани, во время аргивскихъ
Смуть и несчастья Трои меня воспиталъ; не таковъ былъ
Я и съ тобою, мой другъ, съ тѣхъ поръ, какъ послѣдовалъ всюду
За благороднымъ Энеемъ, его неизбѣжной судьбою.
Есть у меня, — о есть благородное сердце; умѣть
Жизни оно не щадить, и знаетъ, что слава, которой
Жаждешь ты, другъ мой, стоитъ и жизни и радостей свѣта.»
«Я о тебѣ и не думалъ иначе — Низъ отвѣчаетъ —
Да и грѣшно бы... о нѣтъ, я не думалъ: пусть Зевсъ громовержець
Такъ мнѣ даруетъ къ тебѣ возвратиться съ побѣдой и славой,
Или безсмертный иной, взирающій праведнымъ окомъ.
Если же — другъ мой, ты знаешь, какъ много опасности въ этомъ —
Если же случай меня иль судьба увлечётъ на погибель,
Я бы желалъ, чтобъ меня пережилъ ты: твой нѣжный и юный
Возрастъ достойнѣе жизни. И будетъ кому, отъ позора
Съ поля похитивъ мой трупъ, иль выкупивъ золотомъ, съ честью
Въ землю ролную сокрытъ; иль если то будетъ противно
Волѣ судьбы, то тѣни моей воздать по обряду
Должную честь и память почтить и украсить могилой.
Матери бѣдной твоей я ль буду причиною горя?
Матери бѣдной, которая всё — и труды и опасность, —
Всё побѣдивъ для тебя, пустилась въ далѣкія страны
И не хотѣла остаться въ покойныхъ жилищахъ Ацеста.»
«Ты говоришь мнѣ пустое, мой другъ — Эвриаль возражаетъ —
Если рѣшился я разъ, то назадъ отступать не умѣю.
Къ дѣлу! пойдёмъ.» — И, сказавъ, онъ товарищѣй будить: сменяютъ
Воины ихъ, у воротъ становятся, а Низъ съ Эвриаломъ,
Стражу покинувъ свою, идутъ и Асканія ищутъ.

Время было, когда всѣ твари земныя, покинувъ
Тягость трудовъ и заботы, покоились въ сладкомъ забвеньи
Только первѣйшіе витязи тевкровъ, отборные мужи,
Вмѣстѣ держали совѣтъ о своёмъ положеніи трудномъ,
Какъ поступить и кого имъ съ вѣстью отправить къ Энею?
И со щитами въ рукахъ, опираясь на длинныя копья,
Воины грустно средь стана стояли, какъ вдругъ появились
Низъ съ Эвриаломъ, скорѣйшаго просятъ свиданья съ вождями,
Важное дѣло желаютъ открыть, которое стоитъ
Выслушать. Вотъ и вошли; ихъ первый встрѣчаетъ Асканій,
Низу велитъ говорить, и Гиртака сынъ говорить такъ:
«О благородные тевкры, внимайте вы намъ благосклонно
И не судите по нашимъ лѣтамъ о важности дѣла.
Вакхомъ и сномъ упоенныя, ругуловъ рати уснули;
Мы усмотрѣли со стѣнь для вылазки мѣсто, гдѣ на два
Дѣлится путь отъ воротъ, ближайшихъ къ берегу моря.
Тамъ ужъ погасли огни; до звѣздъ поднимаются клубы
Чѣрнаго дыму: и если позволите намъ попытаться,
Вскорѣ прибудетъ желанный Эней отъ стѣнь паллантейскихъ,
Вскорѣ увидите насъ, совершившихъ кровавую сѣчу,
Съ бранной добычей предъ вами; насъ путь не обманетъ: мы знаемъ
Всѣ берега по рѣкѣ, охотясь по нимъ непрерывно;
Видѣли даже и городъ въ туманной дали, за валами.»
Зрѣлаго разума мужъ Алетъ, убѣлённый годами,
«Боги — сказали — покровители Трои, не вовсе погибнетъ
Тевкровъ народъ, когда вы въ юное сердце героевъ
Доблесть такую вдохнули, когда межъ троянами души
Столь благородны!» И, такъ говоря, старикъ обнималъ ихъ,

Плакаль, и капали слёзы на грудь и ланиты. — «О мужи —
Молвилъ онъ — чѣмъ же, о чѣмъ наградить васъ за доблесть такую?
Боги стократъ наградятъ васъ; вамъ будетъ прекраснѣйшей мздою
Славный вашъ подвигъ; Эней благородный и юный Асканій
Вамъ воздадутъ по заслугамъ, всегда справедливые судьи.»
— «Я же — Асканій сказалъ — котораго жизнь и спасенье
Только въ возвратѣ отца, о Низъ, тебя умоляю,
Всѣмъ, что священо тебѣ: и великими Трои богами,
И ассараковымъ ларомъ, и Весты главой сѣдовласой,
Счастье, надежду мою, — вамъ всё поручаю; идите
И призовите отца и взорамъ моимъ возвратите:
Съ нимъ и опасности нѣтъ и горе легко забываетъ.
Я подарю вамъ по два серебряныхъ кубка съ рѣзьбою,
Чудной работы, которые взялъ мой родитель въ Арисбѣ;
Дамъ и треножниковъ два и два золотые таланта;
Дамъ и старинную чашу, подарокъ сидонской Дидоны.
Если жъ удастся Энею враговъ побѣдить и подѣ скиптръ свой
Взять италійскую землю, и жребій раздѣлить добычу;
Видѣль ли ты, на какомъ скакунѣ красовался могучій
Турнь и въ какой былъ бронѣ золотой? Я коня боевого,
Щитъ и шеломъ пурпуровый, изъ жребья изъявъ, назначаю,
Низъ, для тебя, и отнынѣ то будетъ твоею наградой.
Кромѣ того мой родитель двѣнадцать плѣнницъ прекрасныхъ
Дастъ и столько же воиновъ плѣнныхъ съ бронёй и оружьемъ.
Дастъ онъ ещё и земли, что нынѣ владѣнье Латина.
Ты же, къ котораго лѣтамъ мои приближаются лѣта,
Юноша, чести достойный, отнынѣ душою и сердцемъ
Буду привязанъ къ тебѣ; ты будешь мой спутникъ повсюду;
Буду съ тобою отнынѣ и славу дѣлить и дѣянья,
Въ мирѣ и въ брани; ты будешь и дѣла душой и совѣта.»
— И отвѣчаетъ ему Эвриаль: «Неизмѣненъ я буду
Доблести прежней; въ несчастьи и въ счастья такимъ же
Буду всегда; но я объ одномъ лишь тебя умоляю,
Всякой награды твоей оно и дороже и выше:
Есть у меня изъ древняго рода пріамова мать;
Бѣдная мать! ни стѣны родного Ильона, ни мирный
Городъ Ацеста царя не могли удержать отъ желанья
Всюду за мною итти. А теперь, не простившись съ родною,
Я покидаю её; и не знаетъ несчастная, сколько
Мнѣ угрожаетъ опасность. Клянусь свѣтилами ночи,
Этой рукою клянусь, я матернихъ слёзъ бы не вынесъ.
Я умоляю тебя, о будь угѣшеньемъ несчастной;
Не покидай ты въ горѣ её; позволь мнѣ надежду
Эту съ собой унести: я смѣлѣе пойду на опасность.»

Сжались отъ горя героевъ сердца; на лица ихъ слёзы
Брызнули градомъ; наиболѣе плакаль Асканій прекрасный:
Юное сердце его сыновней любовію билось.
«Да — говорилъ онъ — я всё обещаю, чего твой прекрасный
Подвигъ достоинъ. А мать твою отнынѣ мою
Матерью будетъ, безъ всякихъ различій; названья Креузы
Только не будетъ носить; рожденье же сына такого
Будетъ ей честию великой; каковъ бы конецъ ни случился
Вашего дѣла, клянусь головою, которой родитель
Клялся всегда: всё то, что тебѣ обещаю я къ возврату,
Если вамъ дѣло удастся, всё тоже для матери будетъ,
Тоже для вашего рода.» И, такъ говоря, прослезился
Юный Асканій. Снимаетъ съ плеча дорогой, золочёный
Мечъ, превосходной работы Ликаона въ Кригѣ, — прекрасный
Мечъ, и удобный и лёгкій, въ ножнахъ изъ кости слоновой.
Низу Мнестей подарилъ преогромную, страшную шкуру
Льва, а Алетъ помѣнялся шеломомъ. И вотъ ужъ немедля
Идутъ герои въ доспѣхахъ, за ними и старцевъ и юныхъ
Воиновъ сонмъ, до самыхъ воротъ провожая, стремится,
Тысячу сыплеть желаній; съ ними и юный Асканій,

Въ возрасти нѣжномъ носящій заботы и умъ возмужалый,
Множество разныхъ даётъ порученій къ отцу; всё напрасно:
Вѣтеръ уносить слова и въ даръ облакамъ посылаетъ.

Вышли они, миновали окопы и въ сумракѣ ночи
Къ вражьему стану пошли; но прежде, чѣмъ станъ тотъ покинуть,
Сколько погубятъ враговъ! И вотъ на травѣ распростёртыхъ
Множество воиновъ видятъ, и сномъ и виномъ упоенныхъ.
Здѣсь колесницы стоятъ; средь возжей и колёсъ въ безпорядкѣ
Люди лежать; тамъ оружье, вино и слѣды пиროванья.
Первый Гиртака сынъ говорить: «Эвріаль, не робѣй же,
Смѣло ударимъ намнихъ: зовутъ насъ и случай и время.
Путь нашъ сюда; я иду, а ты береги, чтобъ случайно
Съ тылу на насъ не ударилъ никто, и будь остороженъ.
Всё здѣсь предаю я мечу, и тебѣ я открою широкой
Путь на враговъ» — Такъ шопотомъ онъ говорилъ и съ булатомъ
Бросился вдругъ на Рамнета, который лежалъ величаво
На изголовьи высокомъ и, въ сонъ погруженный глубокой,
Полною грудью храпѣлъ. Онъ царь былъ и вмѣстѣ гадатель,
Турна любимецъ; но этой бѣды отгадать не умѣлъ онъ.
Трѣхъ рабовъ умерщвляетъ потомъ, безопасно лежавшихъ
Между оружьемъ, и оруженосца Рема зарѣзаль
И подъ конями возницу его: булатомъ пресѣкъ онъ
Вью висѣвшую мужа и голову снялъ господину,
Трупъ обезглавленный бросивъ, потоками кровь извергавшій, —
Чѣрную кровь, обогрившую всюду и ложа и землю.
Онъ и Ламира и Ламо, онъ молодого Саррана
Смерти предаль, который въ ту ночь игрѣ предавался.
Много и Ваху, красавецъ, и, силой вина побѣждённый,
Въ сонъ погрузился глубокой; о счастливъ, когда бы въ забавѣ
Ночь онъ провёлъ до конца и игру продолжалъ до разсвѣта!
Словно голодный левъ свирѣпствуетъ въ полной овчарнѣ;
Голодь безумный терзаетъ его: онъ жрѣтъ и уносить
Кроткихъ овецъ, онѣмѣвшихъ отъ страха; изъ пасти струится
Кровь. Эвріаль избиваетъ не менѣ Низа: онъ также
Жаждой убійства пылаетъ; онъ много безъ имени мужей
Къ тѣнямъ усопшихъ послаль: и Гербеза, и Фада, и Рета,
И Абариса, захваченныхъ въ снѣ: но Ретъ, не дремавший,
Видѣлъ, что было: въ испугѣ, несчастный, за чашей большою
Спрятался онъ; Эвріаль съ быстротою подпрынувъ, вонзаетъ
Въ лоно привставшему мечъ свой по самый предѣлъ рукояти;
Вынулъ обратно изъ раны широкой; а тотъ, умирая,
Выпустилъ алую душу и съ кровью вино извергаетъ.
Юный герой, распаленный удачей, уже устремился
Прямо къ дружинѣ Мессапа, гдѣ видѣлъ огонь догоравшій
И на зелёной травѣ паслись распряженные кони
Низъ же ему говорить (онъ чувствовалъ, сколько опасно
Слишкомъ далеко увлечься несътою жаждою крови):
«Стой, Эвріаль! ужъ довольно: опасный разсвѣтъ недалёко.
Вдоволь насытились кровью; теперь намъ открыта дорога
Черезъ неприятельскій станъ.» И много они оставляютъ
Кубковъ и чашъ дорогихъ изъ литого металла, оружья,
Много доспѣховъ прекрасныхъ, ковровъ; Эвріаль же похитилъ
Прелести чудной попону Рамнета и перевязь, густо
Изъ золотыхъ соплетѣнную колець; ту перевязь Цедикъ,
Некогда мужъ богатѣйшій, Ремулу въ даръ тибуртинцу
Въ память о дружбѣ прислаль; но Ремуль её, умирая,
Внуку имѣть повелѣлъ: но умеръ и внукъ, и въ сраженьи
Рутулы съ боя её захватили; а витязь троянскій
Сильное рамя своё уврасилъ ею; напрасно!
Вздѣлъ на чело и мессаповъ шеломъ преудобный, съ красивымъ
Гребнемъ. И вотъ ужъ изъ лагеря вышли на путь безопасный.

Между тѣмъ отъ латинскаго города конныхъ дружина,
Опередивши войска, въ боевомъ подходившій стрѣль,

По полю ъхала къ Турну, везя отъ царя порученье.
Триста было подь началомъ Вольсцента и всѣ со щитами,
Къ стану уже приближались, ужь близко къ стѣнамъ подходили,
Вдругъ примѣчаютъ вблизи идущихъ у берега влѣво.
Шлемъ измѣнилъ Эвріалу: блестящій сверкнулъ онъ во мракѣ
Ночи, едва освещенной утреннимъ свѣтомъ денницы.
«Точно ль я воиновъ вижу? — Вольсцентъ закричалъ отъ дружины —
— Воины, стойте! зачѣмъ здѣсь? куда вы, откуда и кто вы?»
Тѣже въ отвѣтъ ничего, лишь въ бѣгство ударились быстро,
Въ мракѣ ночью полагая надежду. Дружина въ погоню
Вслѣдъ поскакала за ними сюда и туда, пресѣкая
Имъ отступленье и ратниковъ цѣпью пути охватила.
Быль недалеко лѣсъ: тамъ дубы и чѣрные клѣны
Густо сплетались и мрачную тѣнь разстилали на землю;
Всюду кустарникъ торчалъ; кой-гдѣ по заглохшимъ дорогамъ
Чуть пролегали тропинки. Мѣшаютъ бѣжать Эвріалу
Вѣтви густыя деревъ и добычи излишнее бремя;
Страхомъ волнующей юноша сбился съ пути совершенно.
Низъ отъ погони бѣжалъ; и уже безразсудный далеко
Быль отъ враговъ и озера водъ достигалъ онъ, которымъ
Дано вполслѣдсти имя албанскихъ, отъ города Альбы;
Въ тѣ же времена царь Латинъ имѣлъ тамъ высокія стойла.
Сталъ онъ и тщетно, назадъ озираясь, несчастнаго друга
Взоромъ искалъ. «Эвріаль! въ какой сторонѣ я покинуть,
Другъ мой, тебя? — говорилъ онъ — куда мнѣ итти за тобою?»
Такъ говоря, онъ обратнымъ путѣмъ по тѣмному лѣсу
Снова идѣтъ; онъ ищетъ слѣдовъ, имъ замѣченныхъ прежде
Между деревъ, и бродитъ въ колочихъ кустахъ одинокій.
Слышитъ онъ шумъ и топотъ коней и близость погони.
Въ это же время до слуха его долетаютъ и крики:
Онъ Эвріала несчастнаго видитъ, толпой окруженный,
Ночью и мѣстомъ обманутой, крикомъ встревоженный ратнымъ,
Онъ былъ подавленъ числомъ и тщетныя дѣлать усилія.
Что ты предпримешь, о Низъ? иль силой какой, иль оружіемъ
Можешь ты друга спасти? иль въ средину враговъ раздраженныхъ
Бросишься ты на мечи, чтобъ, славною смертью погибнуть,
Дни прекративъ? И, дротъ свой поднявъ и въ рукѣ потрясая,
Взоръ обратилъ онъ къ высокой Лунѣ съ такою молитвой:
«Ты, о богиня, молитвѣ внимли и прибуди мнѣ на помощь, —
Ты, украшенье небесъ, — ты, прелесть лѣсовъ и защита.
Если родитель мой Гиртакъ жертвы носилъ на алтарь твой,
За благоденствие сына; иль самъ я ловлей моею
Жертвы тебѣ увеличилъ, иль вѣшая къ своду добычу,
Иль на вершинѣ священнаго храма: то дай мнѣ разстроить
Эту дружину враговъ и направь во мракѣ оружье.»
Такъ сказалъ и, со всѣмъ напрягаясь усилемъ, бросаетъ
Дротъ: онъ летитъ, разсѣкаетъ во мракѣ воздушныя волны
И вонзается въ спину стоявшаго тыломъ Сульмона;
Древко сломилось, но силой полѣта сквозь грудь пролетѣло:
Воинъ свалился, потоками тѣплую кровь извергаетъ.
Бѣется по праху и долгими вздохами нѣдра колеблетъ.
Рутулы смотрятъ кругомъ и дивятся; но вотъ и другое,
Съ большею силой, копье высоко колебля, бросаетъ
Низъ: и со свистомъ копье понеслось и, на вылетъ вонзившись
Въ оба виска злополучнаго Тага и въ мозгъ согрѣвшись,
Тѣплое вышло насквозь. И злится Вольсцентъ разъяренный:
Онъ не видитъ нигдѣ метателя дрота, не знаетъ
Онъ, на кого бы броситься въ гнѣвѣ. «Но ты мнѣ заплатишь
Тѣплою кровью — сказалъ онъ — за кровь обоихъ.» И не медля
Мечъ обнажилъ и бросился съ нимъ къ Эвріалу. Тогда-то
Въ ужасѣ Низъ и словно безумный не могъ ужь скрываться
Бѣ мракѣ ночью, и не въ силахъ вынести горе такое,
«Рутулы! — крикнулъ — меня, о меня поразите; виновникъ
Хитрости я, я одинъ; онъ не могъ и не смѣлъ бы, клянусь вамъ
Небомъ, луною!» Такъ нѣжно любилъ онъ несчастнаго друга.

Так онъ кричалъ; но сильной опущенной дланью Вольсцента,
Мечъ ударяетъ межъ рѣбрь и бѣлую грудь разсѣкаетъ;
Юноша долу повергся, кровь полилась по прекраснымъ
Членамъ его, и, повиснувъ, чело на плечо опустилось:
Словно алой цвѣтокъ, подрѣзанный плугомъ на нивѣ,
Вянеть и гибнетъ; иль макъ, на своёмъ стебелѣчкѣ сгибаясь,
Алую клонить головку, дождёмъ отягчѣнную лишнимъ.
Бросился Низъ въ средину враговъ: онъ только Вольсцента
Ищетъ въ рядахъ, къ нему одному онъ стремится. Враги же
Кинулись въ помощь вождю и, его окруживъ, отражаютъ
Низа удары; но Низъ не глядитъ на опасность: онъ смѣло
Рвѣтся вперѣдъ, онъ вращаетъ свой мечъ молниеносный и прямо
Въ ротъ погружаетъ Вольсценту, кричавшему къ мужамъ, и мѣртвымъ
Въ прахъ низвергаетъ врага, и самъ, испуская дыханье,
Ранами взрытый, палъ на бездушный трупъ Эвріала;
Тамъ лишь отъ горя нашель утѣшенье въ отрадномъ покоѣ.
Счастливы оба! и если творенья мои обезсмертить
Могутъ герои, то день никакой изъ вѣковъ не изгладитъ
Память о васъ, доколѣ потомки Энея пребудутъ
Въ твёрдыхъ стѣнахъ Капитоля и римлянинъ властвовать булетъ.

Вотъ и съ добычей побѣды, съ доспѣхами павшихъ героевъ
Рутулы къ лагерю шли и трупъ бездыханный Вольсцента
Съ плачемъ несли. И въ лагерѣ плачь и тревога: находятъ
Блѣдное тѣло Рамнета и столько вождей знаменитыхъ,
Страшно погибшихъ, Саррана и Нуму. Толпы обступили
Трупы и мужей полу-умерщвлѣнныхъ; ещё не остыло
Свѣжимъ убійствомъ согрѣтое мѣсто; пѣнящейся крови
Лужи стоять. Узнаютъ межъ собою добычу: блестящій
Видятъ мессаповъ щеломъ и попону, которая столько
Стоила крови.

И вотъ молодая Аврора, покинувъ
Алое ложе Титона, ужъ брызнула свѣтомъ румянымъ;
Вотъ ужъ и солнца всплыло и лучами покрылись предметы.
Турнь побуждаетъ къ оружью и самъ, облечѣнный бронёю,
Мѣдью блестящія рати сзываетъ и строить для битвы;
Съ нимъ и другіе вожди, и въ воинахъ гнѣвъ подстрекаютъ
Разною рѣчью. И головы взявъ Эвріала и Низа —
Зрѣлище скорби! — на длинныя копья наткнули и съ крикомъ,
Копья поднявши, бѣгутъ. Энеевы рати съ стѣсненнымъ
Сердцемъ, но твёрдымъ, по лѣвую руку своихъ укрѣплений,
Стали въ строю боевомъ (направо рѣка защищала),
Тѣ надъ глубокими рвами, другіе на башняхъ высокихъ
Стали печальные: горемъ сердца обливались при видѣ
Смертью позорной погибшихъ собратьевъ; имъ слишкомъ знакомы
Лица несчастныхъ были, истекавшія чёрною кровью.

Между тѣмъ по города стогнамъ, кипящимъ тревогой,
Быстро летаетъ Молва; узнала объ участи сына
Мать Эвріала: вся кровь у старухи съ лица отступила.
Выпала прялка изъ рукъ и съ пряжей кудель покатила.
Бѣдная мать! подобно безумной, за дверь вылетаетъ,
Волосы рвѣтъ на себѣ и кричитъ, и рыдаетъ, и воетъ,
Прямо несѣтся къ стѣнамъ, бѣжить на окопы, межъ ратей:
Нѣтъ для нея ни оружья, ни мужей; опасности битвы
Нѣтъ для нея. Она посылаетъ жалобы небу:
«Ты ли, о сынъ мой, ты ль, Эвріаль? ты ль матери дряхлой
То утѣшенье, та радость моя? ты могъ ли, жестокой,
Мать одинокую бросить? Родное дитя не пустили
Матери слово сказать, а пустили въ такую опасность!
О, я несчастная! чадо родное, въ землѣ неизвѣстной
Будешь лежать ты и птицамъ и псамъ на добычу латинскимъ!
Не схорогила тебя я, родимый, очей не закрыла,
Бѣдная мать, ни ранъ не омыла твоихъ, ни одеждой

Трупъ не покрыла, — одеждой, которую день я и ночь я
Ткала тебѣ, услаждая старости тяжкой заботы!
Гдѣ отыщу я тебя? гдѣ трупъ, — обезглавленный трупъ твой?
Гдѣ онъ? въ какой онъ землѣ? Такъ вотъ что на радость осталось
Мнѣ отъ дитяти родного? и я для того ли повсюду
Шла за тобой по морьямъ и землямъ? О, меня вы убейте,
Рутулы, если въ васъ есть состраданье; въ меня вы бросайте
Копья и стрѣлы; мнѣ первой пошлите жизни кончину.
Ты же, великій небесный отецъ, надо мной смилосердись:
Громоу меня порази и въ Тартара бездну низвергни,
Если иначе жестокихъ дней прекратить не могу я.»
Этимъ рыданьемъ умы взволновались; повсюду стенанья
Слышались, всюду печаль; и твёрдая ратниковъ храбрость
Поколебалась. И, по Ильонею совѣту, по волѣ
Много рыдаваго Юла, старуху Акторъ съ Идеемъ
На руки взяли и въ домъ отнесли и въ постель уложили.

Звонкою мѣдью труба ужъ вблизи загремѣла тревогу:
Ратные клики несутся, о сводѣ отражаясь небесный.
Волски на приступъ идутъ и, щитъ со щитомъ надъ собою
Тѣсно сомкнувши, рвы засыпаютъ, взрываютъ окопы,
Ищутъ прорваться одни и лѣстницы ставятъ другіе,
Тамъ, гдѣ защита слабѣе, гдѣ рѣже броня осаждённыхъ
Мужей блеститъ на стѣнахъ. Трояне, напротивъ, всѣ средства
Ищутъ къ защитѣ, всѣ роды оружья съ высотъ низвергаютъ;
Помощью длинныхъ шестовъ сбиваютъ враговъ съ укрѣплений,
Въ долгой, упорной войнѣ пріучившись къ такой оборонѣ.
Даже и камни катятъ преогромные вѣсомъ, чтобъ ими
Крытые строи прервать; но строи упорно и твёрдо
Всѣ отражаютъ усилья. Но вотъ и они подаются.
Тамъ, гдѣ густая толпа сильнѣе стѣнамъ угрожала,
Тевкры катятъ преогромную глыбу и разомъ пускаютъ:
Съ шумомъ свалилась громада на рутуловъ рати и поле
Трупы покрыли широко, и кровля щитовъ разлетѣлась.
И не посмѣли ужъ рутулы бою слѣпому ввѣряться;
Только стрѣлами и дротами мужей хотятъ съ укрѣплений
Сбить. А съ другой стороны ужаснаго вида Мезенцій,
Факель этрусскій въ рукѣ потрясая, метаетъ пожары.
А Мессапъ, укротитель коней, нептуново племя,
Сквозь окопы прорвался и требуетъ лѣстницъ на стѣны.

Къ вамъ обращаюсь, о Музы; къ тебѣ, о Калльопа богиня:
Вы вдохновите пѣвца; расскажите, какіе въ то время
Подвиги Турнъ совершилъ; какія нанёсъ пораженья;
Кто изъ героевъ кого низвергнулъ въ Тартара бездну,
И предо мною раскройте картину великую брани:
Ибо и помните вы, и можете помнить, богини.

Башня была. Высоко возносясь надъ стѣнами, имѣла
Много высокихъ мостовъ. Съ вершины ея открывалось
Взорамъ далёкое поле; на выгодномъ мѣстѣ стояла.
Противъ нея напрягали всѣ силы свои италійцы,
Сильно стараясь её опрокинуть и сбить осаждённыхъ.
Тевкры, напротивъ того, на враговъ низвергали то камни,
То сквозь отверстія градомъ и копья и стрѣлы метали.
Первый Турнъ бросаетъ въ неё пылающій факель:
Пламя прильнуло къ бокамъ; раздутое вѣтромъ, мгновенно
Доски и поль охватило, и вотъ запылала бойница.
А внутри поднялася тревога: несчастные тщетно
Бѣгствомъ хотѣли спастись; и когда въ испугѣ, столпившись,
Къ той сторонѣ подались, гдѣ пламя ещё не достигло,
Тяжестью мужей склоненная рухнула разомъ бойница:
Тотъ изувеченный палъ, другой — раздавленный башней:
Тѣхъ же пронзило оружье своё; тѣхъ груди пробиты
Деревомъ твёрдымъ. Погибли. Но Ликъ уцѣлѣлъ и Геленоръ:

Этот Мэонья царя и рабыни Лицимнии сынъ былъ,
Старшій изъ двухъ; онъ, матерью тайно воспитанный, прибылъ
Къ Трои стѣнамъ, незаконный воитель; при нёмъ обнажённый
Лёгкій былъ мечъ, а на рамени щить былъ бѣгъ ничтожный.
Онъ лишь увидѣлъ себя межъ тысячею воиновъ Турна,
Видя и съ той и съ другой стороны латинскія рати,
Словно звѣрь, окружённый густою охотниковъ цѣпью,
Злится на копья и, чувствуя гибель, несётся безумно
Противъ ловцовъ и сильнымъ прыжкомъ чрезъ рогатины скачетъ:
Такъ и троянскій воинъ на смерть устремился въ средину
Вражскихъ отрядовъ, гдѣ видѣлъ наиболѣе копій стущённыхъ.
Ликъ же, ногами быстрѣе собрата, сквозь копья и строи
Шибко прорвавшись, достигнулъ твердыни и силится дланью
Стѣнъ высоту захватить и простёртыя руки собрать.
Турнь устремился за нимъ, и, оружьею его настгая,
«Ты ли, безумный — сказалъ онъ — смѣлъ думать, что можешь отъ этихъ
Рукъ избѣжать?» и, сказавши, отторгнувъ висѣвцаго мужа,
Вмѣстѣ съ немалою частью стѣны: такъ точно, какъ зайца
Иль бѣлопераго лебедя схватить орѣлъ, громоносець
Зевса, въ когтистыя лапы и съ нимъ въ облака улетаетъ;
Или, похитивъ у матки, съ блянемъ ищущей, агнца
Волкъ изъ овчарни уносить голодный. Отвсюду поднялся
Крикъ, и хлынули рати. Тѣ рвы засыпаютъ, другіе
Кверху на кровли метаютъ пылающихъ факеловъ пламя.
Вотъ Ильоной громаднымъ обломкомъ скалы поражаетъ
Мужа Луцетя, къ вратамъ подходившаго съ факеломъ въ длани.
А Эматона Лигерь сразить, а Азиль Кориня;
Тотъ превосходный копѣемъ, а этотъ далѣкій стрѣлою.
Ценей Ортигя, Турнь побѣдитель Ценея свергнулъ;
Турнь Дюксиппа, Иѣита, Клонья, Промола сражаетъ,
И Сагариса и башни высокой защитника Ида;
Каписъ Приверна: сперва лишь задѣтый лёгкимъ Темилла
Дротомъ, онъ щить свой бросаетъ и рану рукою, безумный,
Хочетъ закрыть, но въ тоже мгновенье летучая стрѣлка
Въ руку вонзилась и къ левому боку её пригвоздила:
Рана смертельна была, и дыханье оставило мужа.
Сынъ Арцента стоялъ и прекрасной броней красовался:
Плащъ на нёмъ, искусной иглою распитый, прекрасный
Ярко сиялъ иберійскимъ багрянцемъ, и самъ онъ красавецъ.
Вскормленный въ рошѣ Цибелы, гдѣ воды Симета струятся,
Тамъ, гдѣ Палика храмъ и богатый и силою славный;
Самъ родитель Арцентъ прислалъ злополучнаго къ Троѣ.
Бросилъ Мезенцій свой дротъ, развернулъ онъ шипящую пращу:
Трижды ремнёмъ замахалъ вокругъ головы, и, со свистомъ
Выпавъ изъ пращи, свинець высокъ раздробилъ; и простёртый
Юноша въ прахъ собою покрылъ немало пространства.
Въ этой войнѣ, говорятъ, юный Асканій, привыкшій
Робкихъ звѣрей лишь гонять, впервые лукъ натянувши,
Сильнаго мужа Нумана сразилъ легкокрылою стрѣлою.
Этотъ женатъ былъ на турновой младшей сестрѣ; онъ недавно
Въ брачныя узы вступилъ, прозваньемъ Ремула славный.
Въ первыхъ сражаясь рядахъ и глася недостойныя рѣчи,
Гордую душу свою воздымая,
Шѣлъ онъ и рѣчью такою троянь громогласно позорилъ:
«Какъ вамъ не стыдно снова въ стѣнахъ и окопахъ держаться,
Дважды плѣнѣнные тевкры, и Марса встрѣчать за стѣнами!
Вотъ тѣ мужи, что съ нами хотятъ воевать за невѣсту!
Кто изъ боговъ, иль какое безумье сюда привело васъ?
Нѣтъ здѣсь атридовъ, ни хитраго рѣчью Улисса. Народъ нашъ
Храбръ отъ природы: насъ прежде всего погружаютъ младенцевъ
Въ воды холодной рѣки, и во льду и въ волнахъ закаляютъ.
Дѣти на ловлѣ живугъ, охотой лѣса утомляютъ,
Скачугъ на быстрыхъ коняхъ, метаютъ стрѣлу тетивою —
Вотъ ихъ забава! А юноши наши въ трудахъ неуспѣшны,
Скудною пищею довольны; иль плугомъ поля укрощаютъ,

Или мечёмъ городовъ потрясають твердыни. Мы вѣкъ нашъ
Вмѣстѣ съ оружіемъ проводимъ, и даже быковъ понуждаемъ
Мы обращённымъ копѣемъ; ни самая поздняя старость
Не ослабляетъ сердець и умовъ, ни бодрости духа.
Мы сѣдину покрываемъ шоломомъ, мы любимъ добычи
Новой искать, и живёмъ мы добычей. У васъ же одежда
Ярко сияетъ цвѣтами и пурпуромъ блещетъ багряннымъ;
Трусость въ сердцахъ; вамъ нравятся пляски и нѣжныя пѣсни;
Въ туникахъ вашихъ висятъ рукава, на митрахъ повязки;
О, фригійки, а не фригійцы, идите на гору
Диндимъ высокій, гдѣ слухъ вашъ привыкъ къ упоительнымъ звукамъ
Флейты двойной, — гдѣ васъ призываютъ идейской богини
Букъ и тимпаны; идите, оставьте оружіе мужамъ.»

Рѣчи такія Нуманъ говорилъ, но юный Асканій
Вынести позора не могъ. Натянувъ тетивой лошадиной
Лукъ свой и руки къ владыкѣ небесъ простирая съ молитвой,
Сталъ и такіе обѣты ему возсылаетъ: «да будешь,
Зевсъ всемогущій, со мною и замысль смѣлый исполнишь.
Самъ я тебѣ, о отецъ, принесу на алтарь твой великій
Много даровъ и тельца заколю я съ челомъ золочённымъ,
Бѣлаго, ростомъ высокаго, столько жъ какъ мать; онъ бѣётъ ужъ
Острымъ рогомъ и копытомъ песокъ ужъ взрываетъ. Услышалъ
Неба родитель: по лѣвую сторону свѣтлаго неба
Громъ загремѣлъ. И бракнула вдругъ тетива роковая.
Страшно шипя полетѣла пернатая трость и, пробивши
Ремула черепъ, чело насквозь пронзила желѣзомъ.
«Можешь теперь, гордецъ, насмѣхаться надъ храбростью нашей:
Рутуламъ такъ отвѣчаютъ дважды пленённые тевкры.»
Юлій умолкъ. Одобрительный крикъ пробѣжалъ межъ рядами
Воиновъ Трои; въ восторгъ свой духъ до небесъ поднимають.
Сидя на облакѣ свѣтломъ, съ высотъ поднебесныхъ кудрявый
Фебъ на авзонскія рати взиралъ и на городъ троянскій.
И къ побѣдителю Юлу послалъ онъ рѣчи такія:
«Славься доблестью новой, дитя! то путь твой ко славѣ,
О рожденье боговъ и боговъ родять обреченный.
Время не даромъ придѣтъ, когда ассараково племя
Доблестью мужей смирить всю брань, возбуждённую рокомъ;
Троя тѣсна для тебя.» И, сказавши, онъ съ высей небесныхъ
Долу слетаетъ, полѣтомъ съчѣтъ воздушныя волны,
Къ югу несѣтся. Онъ видъ на себя принимаетъ и образъ
Стараго Бугиса; этотъ былъ прежде оруженосцемъ
Мужа Анхиза и вѣрнымъ хранителемъ дома; потоиъ же
Юлу сопутникомъ данъ отъ Энея. Такъ Фебъ приближался
Старцу подобный во всёмъ: въ нёмъ тотъ же и голосъ и блѣдность,
Та жъ сѣдина въ волосахъ и та же броня боевая.
И обратилъ онъ рѣчи такія къ пылкому Юлу:
«Сынъ энеевъ, довольно съ тебя, что сразилъ ты Нумана;
Этою первой хвалою ты обязанъ великому Фебу.
Онъ не завидуетъ славѣ твоей: но болѣе славы
Ты не ищи и оставь то оружіе.» Такъ говорящій
Фебъ оставляетъ смертнаго образъ и, рѣчи прервавши,
Быстро отъ взоровъ исчезъ и слился съ свѣтлымъ эфиромъ.
Первые мужи троянскіе бога узнали; узнали
Стрѣлы его и колчанъ, зазвенѣвшій въ воздушномъ полѣтѣ.
Внемля божественной рѣчи, они удержали отъ битвы
Юла, горѣвшаго жаждою боя, а сами обратно
Въ сѣчу идугъ и жизнь подвергаютъ опасности явной.
Бранные крики вездѣ огласили бойницы и стѣны,
Тѣ напрягаютъ луки тугіе, тѣ пращами машугъ;
Поле покрыто оружіемъ; звенятъ и щиты и шоломы
Отъ богатырскихъ ударовъ, и грянула страшная битва.
Словно отъ западныхъ странъ Козерогомъ дождливымъ гонимый
Ливень потоками хлынетъ; иль градъ, низвергаясь изъ тучи,
Ринется въ море, когда громовержецъ Юпитеръ на землю

Страшную двинетъ грозу и на небѣ тучи расторгнетъ.

Пандарь и Битій, Альканора дѣти изъ Иды, которыхъ
Матерь лѣсная Гіера вскормила въ зевесовой рошѣ,
Юноши, слямя подобные горнымъ отеческихъ высей,
Гордые силой оружья, врата растворили, что стражѣ
Ввѣрены ихъ, и дерзкіе въ стѣны враговъ приглашаютъ,
Сами же, справа и слѣва воротъ, подъ башнями стали;
Въ длани желѣзо, на чѣлахъ высокихъ косматые шлемы:
Такъ на прекрасныхъ равнинахъ, у водъ иль Атеза, иль Пада,
Два поднебесныхъ дуба встаютъ, къ небесамъ поднимаютъ
Выси нестриженныхъ чѣлъ и вершиной высокою машутъ.
Видя ворота разверзтыя, ругулы хлынули въ городъ:
Кверцентъ, стремительный Тмаръ и бронёю прекрасный Аквиколь;
Съ ними воинственный Гемонъ, иль цѣлой толпою бѣжали,
Тыль обративъ, иль у самыхъ воротъ животь положили.
Пуще вскипѣло враждующихъ сердце жаждою боя;
И уже отряды троянь собирались къ воротамъ
Силы помѣрять съ врагомъ и дальше дерзали пускаться.

Къ Турну вождю, повсюду у стѣнъ сражавшему мужей,
Въ части различной, вѣсти несутся, что битвою новой
Тевкры кипятъ и, врата распахнувъ, предлагаютъ сразиться.
Всякое дѣло покинувъ и гнѣвомъ вскипѣвши великимъ,
Турнь устремился къ дарданскимъ воротамъ и къ братьямъ безстрашнымъ.
Онъ Антифата перваго мужа (тотъ встрѣтился первый;
Матерь ѳивянка его родила съ Сарпедономъ высокимъ)
Брошеннымъ дротомъ простѣрь: летитъ роговой италійскій
Дротъ; разсѣкаетъ воздушныя волны и, въ чрево вонзившись,
Въ грудь глубоко погрузился, и раны отверстѣемъ чѣрной
Хлынула кровь опѣнѣннымъ потокомъ; согрѣтое въ лѣткѣ,
Вышло желѣзо насквозь. За нимъ Эриманта, Метропа
Мужей сразилъ и Афидна и Битія. Съ пламеннымъ взоромъ,
Съ сердцемъ, пылающимъ гнѣвомъ, ждалъ пападенія Битій.
Турнь же бросаетъ не дротъ: у Битія дротъ не отнял бы
Жизни; но вотъ съ ужасающимъ свистомъ фаларика мчится,
Словно стрѣла громовая: ни кожи воловой двойные
Кровы щита, ни панцырь съ двойной чешуёю, надёжный,
Золотомъ тканый не вынесъ удара: и долу свалились
Члены громадныя мужа, земля застонала, и павшій
Щитъ зазвенѣлъ преогромный. Такъ точно у берега Байевъ
Рухнула нѣкогда камней громада изъ глыбъ преогромныхъ,
Крѣпкой плотиною бывшая тамъ; такъ точно свалилась
Въ бездну морскую она: вскипѣли глубокія воды,
Чѣрный песокъ за клубился и дрогнуль Прохитъ высокій,
Дрогнуль Инаримъ, по волѣ Зевеса гнетущій Тиѳея.
Тутъ бронемощный Марсъ и силу и бодрость латинамъ
Даль и въ сердцахъ ихъ возжѣтъ вождѣлѣніе къ брани, и тевкровъ
Бѣгствомъ и Ужасомъ чѣрнымъ встревожилъ. Сбѣгаются рати,
Пользуясь случаемъ къ битвѣ; богъ брани сердца возбуждаетъ.
Пандарь едва лишь увидѣлъ паденіе брата, увидѣлъ
Трудное дѣлъ положеніе и явную битвы опасность.
Тотчасъ на крючьяхъ врата повернулъ съ великою силой
И, упираясь широкимъ плечомъ, затворилъ и задвинуль.
Многихъ собратовъ своихъ онъ внѣ укрѣплений оставилъ,
Въ сѣчѣ ужасной; другихъ же съ собой заключилъ онъ и въ городъ
Принялъ, безумный: не видѣлъ, что ругуловъ вождь за своими
Въ стѣны ворвался; не видѣлъ и заперъ его въ укрѣпленьяхъ,
Словно огромнаго тигра средъ робкаго стада овечекъ.
Вдругъ неожиданный блескъ поразилъ удивлённые взоры:
Страшно взгремѣла броня; трясется на шлемѣ косматомъ
Гребень кровавый, и мелнѣями блещетъ, какъ грозная туча,
Щитъ великана. И тевкры узнали тотъ образъ враждебный,
Члены громадныя мужа; сердца ихъ забились тревогой.
Выступилъ Пандарь огромный и, мстью за брата пылая,

Так говорить: «не чертоги, Аматы приданое, видишь;
И не родныя Ардеи стѣны приняли Турна:
Видишь здѣсь лагерь враждебный и выйти отсюда не можешь.»
И, улыбнувшись ему, спокойно Турнъ отвѣчаетъ:
«Если ты храбръ, то начни и силы помѣряй со мною;
Помни Пріаму сказать, что и здѣсь ты нашёлъ Ахиллеса.»
Кончилъ, а Пандаръ, всю силу собравши, дротъ узловатый,
Жосткой корою покрытый, пускаетъ; но пущенный сильно
Дротъ, лишь по воздуху грянувъ, вонзился въ ворота: Юнона,
Дочь Сатурна, ударъ отклонила. — «Но ты не избѣгнешь
Силы меча моего: не таковъ и ударъ и оружье» —
Турнъ говорить и, мечъ свой поднявъ высоко, поражаетъ:
Грянулъ булатъ въ средину чела, и съ черепомъ вмѣстѣ
Страшною раной распалась ещё безбородая челюсть.
Грохотъ раздался; отъ тяжести мужа земля задрожала;
Въ прахѣ простерлись бездушные члены; доспѣхи героя
Мозгомъ и кровью текутъ; и, на равныя части распавшись,
Черепъ сюда и туда на оба плеча перевиснулъ.
Страхомъ внезапнымъ объятые тевкры бѣжали. И еслибъ,
Пользуясь случаемъ даннымъ, Турнъ побѣдитель подумалъ
Только затворы сломить и ворота раскрыть для собратовъ,
Быль бы послѣднимъ тотъ день для тевкровъ и города. Гнѣвъ же,
Ярость и жажда несытая крови его увлекаютъ
Противъ троянъ. И Фалерисъ, съ подрубленнымъ Гигесъ колѣномъ
Пали во прахъ; онъ дроты схватилъ у бѣгущихъ и ими
Въ тылъ поражаетъ враговъ: Юнона и храбрость и силу
Мужу даётъ. Онъ Фегея сквозь щитъ поражаетъ, Галиса,
Онъ Пританиса сражаетъ, Алькандра, Гала, Немона.
Стоя на стѣнахъ, не знали они о случившемся дѣлѣ,
Битвой согрѣтые. Вотъ устремился Линцей и собратовъ
Громко зовётъ; но герой потрясаетъ булатомъ и справа
Мужа разить: отъ удара его голова покатила
Вмѣстѣ съ шоломомъ далеко; за нимъ и Амика сражаетъ:
Ужасомъ былъ онъ зверей, и никто не умѣлъ такъ искусно
Въ зельяхъ закалывать брони и стрѣлы напитывать ядомъ.
Далѣе Клитія, сына Эола; за нимъ и Кретея, любимца
Музы; онъ лиру и пѣсни страстно любилъ и на струнахъ
Пѣлъ онъ коней я героевъ и славные подвиги брани.

Вотъ наконецъ, узнавъ о паденьи несчастныхъ собратовъ,
Тевкры сбѣжались. И храбрый Серестъ и Мнестей прибѣжали,
Видягъ бѣгущую рать и врага въ укрѣпленіяхъ видягъ.
«Стойте, товарищи! — кликнулъ Мнестей — куда вы бѣжите?
Есть ли у васъ иль другое жилище, иль стѣны другія?
Какъ, и возможно ли? воинъ одинъ, окруженный отсюда
Вашей стѣною, о граждане, могъ безнаказанно сдѣлать
Въ городѣ столько бѣды, и воиновъ столько наилучшихъ
Въ Тартара бездну послать? иль о родинѣ вашей несчастной
Вы позабыли, о трусы, о вашихъ богахъ позабыли?
Вамъ ли великаго мужа Энея не жаль и не стыдно?»
Рѣчью такой ободренные тевкры сгущенною ратью
Остановились. И медленно Турнъ отступление началъ;
Овъ отступаетъ къ рѣкѣ, къ сторонѣ, окруженной водою.
Тѣмъ сильнѣе трояне тѣснягъ, наступаюгъ и съ громкимъ
Крикомъ преслѣдуютъ мужа: такъ точно охотниковъ смѣлыхъ
Сонмъ наступаетъ на лютаго льва и сыплетъ отсюда
Копья и стрѣлы въ него; а встревоженный звѣрь, отступая
Мало по малу, идётъ и, зубы оскаливъ, очами
Страшно сверкаетъ: смѣлость и злоба ни броситься въ бѣгство,
Ни устремиться впередъ не даютъ; онъ хотѣлъ бы прорваться
Сквозь устремленныхъ копій, сквозъ мужей и стрѣлъ, но не можетъ:
Такъ и разстроенный Турнъ отступалъ отъ вратовъ, нападавшихъ,
Медленнымъ шагомъ идя и яростью въ сердцѣ пылая.
Дважды ещё нападалъ онъ на тевкровъ дружину, и дважды
Строй смѣшались ея и къ стѣнамъ въ безпорядкѣ бѣжали.

Вскорѣ вся тевкрова рать собралася отвсюду на Турна;
Матерь Юнона противиться силѣ не можетъ: Юпитеръ
Съ неба воздушную дѣву Ириду послалъ съ повелѣньемъ
Строгимъ сестрѣ и угрозой, если немедля не выйдетъ
Турнъ изъ твердыни высокой. И вотъ ужъ десница не можетъ
Выдержать силы враговъ, ни щитъ не вмѣщаетъ ударовъ:
Такъ на героя отвсюду сыплются копья и стрѣлы.
Только стучать вокругъ головы по шелому удары;
Гнутся доспѣхи подъ градомъ метаемыхъ камней; со шлема
Гребень ударами сбить; и удары трояне сугубятъ;
Самъ молньбыстрый Мнестей поражаетъ; по цѣлому тѣлу
Турна потъ чѣрный струится: ни отдыху нѣтъ, ни покоя;
Грудь и бока у героя волнуются трудной одышкой.
И наконецъ, утомлѣнный, со всѣми доспѣхами въ воду
Бросился онъ: и рѣка, на глубь золотистой пучины
Павшаго мужа принявъ, на мягкія вынесла волны,
Смыла убійства и кровь и собратамъ его возвратила.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Энеида_\(Вергилий/Щершеневич\)/Песнь_девятая/ДО&oldid=700490](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Энеида_(Вергилий/Щершеневич)/Песнь_девятая/ДО&oldid=700490)»

Энеида (Вергилий/Шершеневич)/Песнь десятая/ДО

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [Энеида \(Вергилий/Шершеневич\)](#)

Перейти к [навигация](#), [поиск](#)

□

← [Пѣснь девятая](#) **[Энеида Вергилия](#)** — Пѣснь десятая [Пѣснь одиннадцатая](#)
авторъ *Публий Вергилий Маронъ* (70 г. до н.э.—19 г. до н.э.), пер. *И. Г. Шершеневичъ* (1819 →
—1894)

Язык оригинала: латинский. Название в оригиналь: [Aeneis](#). — Источник: [Современникъ, Литературный журналъ, томъ XXXIV, Санктпетербургъ, 1852](#) □

Википроекты: - [Википедія](#)

Энеида Вергилия

Пѣснь десятая

Юпитеръ созываетъ боговъ и повелѣваетъ имъ прекратить споры, возникшіе между ними за участь троянь. — Жалобы Венеры. — Раздражѣнная Юнона оправдывается и опровергаетъ ея жалобы. — Юпитеръ прекращаетъ ихъ споръ, обѣщая, что предоставитъ всё рѣшить случаю и не будетъ дѣлать различія между рутулами и троянами. — Рутулы продолжаютъ осаду. — Малочисленные трояне отчаянно защищаются. — Эней съ тридцатью кораблями плывётъ на помощь осаждѣннымъ и ведётъ съ собою союзныя войска. — Предводители союзниковъ: Массикъ, Абантъ, Азиласъ, Астуръ, Киниръ, Кулавонъ, Окнь и Авлестъ. — Ночь. — Нимфы, прежніе корабли Энея, встрѣчаютъ своего повелителя, и одна изъ нихъ рассказываетъ ему, въ какомъ положеніи находятся осаждѣнные, и предсказываетъ битву слѣдующаго дня. — Эней съ союзнымъ войскомъ пристаётъ наконецъ къ берегу. — Отважность и намѣреніе Турна. — Войска энеевы сходятъ на берегъ. — Несчастіе Тархона. — Эней первый бросается въ сѣчу: его подвиги и смерть многихъ воиновъ. — Битва разгорается. — Клавзь, Галезъ и Мессапъ принимаютъ участіе въ битвѣ. — Отступленіе аркадцевъ. — Паллантъ словами и примѣромъ возобновляетъ битву. — Его подвиги. — Галезъ и его подвиги. — Онъ пораженъ Паллантомъ. — Молодой Лавзь поправляетъ дѣло и возобновляетъ битву, которая дѣлается общою. — Турнь устремляется на Палланта и поражаетъ его. — Эней узнаётъ о гибели Палланта, приходитъ въ ярость и производитъ опустошеніе въ рядахъ неприятелей. — Его славные подвиги. — Турнь въ опасности. — Юпитеръ позволяетъ Юнонѣ увести Турна съ поля битвы и на время укрыть отъ грозящей опасности. — Юнона уводитъ Турна съ поля битвы и увлекаетъ въ ладью, которая уходитъ съ нимъ въ море. — Отчаяніе Турна. — Ладья пристаётъ къ владѣніямъ Давна, турнова отца. — Мезенцій и его подвиги. — Битва ожесточается. —

Единоборство Мезенція съ Энеемъ. — Мезенцій, тяжело раненый, уступаетъ поле битвы. — Геройство и смерть Лавза. — Скорбь Энея. — Мезенцій у береговъ Тиберино. — Воины приносятъ къ нему на щитахъ тѣло убитаго Лавза. — Отчаяніе Мезенція. — Онъ требуетъ коня, вооружается, летитъ въ битву, ищетъ Энея, сражается съ нимъ и падаетъ, пораженный, вмѣстѣ съ конемъ своимъ. — Его послѣднее желаніе.

... caedebant partier, pariterque ruebant
Victores victique; neque his fuga nota, neque illis.
(Изъ десятой пѣсни.)

Вотъ распахнулъ чертоги свои Олимпъ всемогущій:
Царь и родитель смертныхъ безсмертныхъ соборъ созываетъ
Къ звѣздному трону, откуда на всѣ поднебесныя страны
Съ высей взираетъ, на лагерь троянъ и народы Латина.
Сѣли они въ обоюду-разверзтой палатѣ, и самъ онъ
Такъ начинается: «Неба великіе боги! почто вы
Вспячь обратили рѣшеніе ваше? почто несогласны,
Споромъ умы раздѣляете ваши? Моимъ повелѣньемъ
Я воспретилъ италійской землѣ на троянъ ополчаться.
Нынѣ почто столь великій раздоръ вопреки повелѣнью?
Страхомъ какимъ побуждаются тѣ и другіе ко брани?
Будетъ для брани законное время: къ чему торопиться?
Время, когда Карагенъ необузданный грянетъ на стѣны
Рима, погибель неся, и отъ Альповъ разверзтыхъ войною
Хлынетъ кровавой. Въ то время дадите вы волю раздорамъ
Вашимъ и гнѣву; въ то время вы можете всё ниспровергнуть.
Нынѣ, оставя вашъ гнѣвъ, пребывайте въ согласьи и мирѣ.»

Краткое слово окончилъ Зевесъ: но не краткое слово
Такъ возразила въ отвѣтъ золотая богиня Венера:
«О, родитель, о, вѣчный владыко людей и безсмертныхъ!
Ибо къ кому же иному мы можемъ ещѣ обратиться?
Видишь ли ты, какъ ругулы волѣ твоей непослушны,
Какъ на ретивыхъ коняхъ, въ средину враговъ устремляясь,
Носится гордый побѣдою Турнь? Ни твѣрдья стѣны
Тевкровъ закрыть ужъ не могутъ: враги ихъ ворвались въ ворота;
Даже среди укрѣпленій борьбу завязали и кровью
Тевкровъ несчастныхъ наполнены рвы. Эней же не знаетъ:
Нѣтъ въ укрѣпленьяхъ его. И ужель никогда отъ осады
Тевкры не будутъ свободны? стѣнамъ возникающей Трои
Вновь угрожаютъ враги, всё тѣ же враждебныя рати;
Снова на тевкровъ возсталъ съ береговъ этолійскихъ, отъ Арповъ
Тидеевъ сынъ. О, да! и раны мои, полагаю,
Не заживутъ никогда. О, позоръ! я, Зевса рожденье,
Смертной десницы страшусь! и если безъ воли всевышней
Иль вопреки повелѣнью судьбы къ берегамъ италійскимъ
Тевкры пристали, то пусть же омоютъ своё преступленье;
Помощи имъ не давай; но еслижъ они, повинуюсь
Столькимъ оракуламъ, даннымъ богами и небо и ада,
Были послушны ихъ волѣ, почто же нынѣ всякъ можетъ
Волю твою измѣнить иль новыхъ судебъ повелѣнье
Можетъ создать? и чтожъ говорить о флотѣ, сожженномъ
У береговъ эрицинскихъ? чтожъ объ Эолѣ, о бурныхъ
Вѣтрахъ, въ царствѣ его возбужденныхъ? что объ Иридѣ,
Столько разъ съ облаковъ ниспосланной? Нынѣ Аллекто
Тартаръ подъемлетъ на насъ (вѣдь только этого горя
Недоставало) и, къ свѣту дневному внезапно поднявшись,
По городамъ италійскимъ тревогу и ужасъ разноситъ.

Не домогаюсь уже троянамъ обѣщанной власти:
Этой надеждой мы льстились тогда, какъ намъ улыбалось
Счастье; пусть тотъ побѣдителемъ будетъ, кому ты даруешь
Силу къ побѣдѣ. И если твоей жестокой супруги
Гнѣвъ не позволить несчастнымъ троянамъ нигдѣ поселиться,
То умоляю тебя, о, родитель, низвергнутой Трои
Прахомъ и дымомъ, позволь мнѣ спасти отъ тревоги и брани
Внука Асканія; пусть мнѣ хоть внукъ въ утѣшеніе будетъ.
Пусть ужь Эней скитается тамъ по морямъ неизвѣстнымъ;
Пусть онъ идѣтъ по пути, который судьба указала;
Дай лишь малютку спасти и сокрыть отъ опасностей битвы.
Есть у меня Аматаунтъ и Цитера и Паѳосъ высокій,
Есть и въ Идалии роща; пусть онъ, оставивъ оружье,
Тамъ въ неизвѣстности жизнь проведѣтъ. Повели Карѳагену
Тяжкое иго вложить на авзонскія земли: не будетъ
Пуннамъ преграды ни въ чѣмъ; но къ чему жь избѣгали мы столько
Бѣдствій войны? для чего мы спаслись отъ аргивскихъ пожаровъ?
Иль для чего испытали столько опасностей въ морѣ,
Столько въ далѣкой землѣ? Для того ль, чтобъ трояне, скитаясь,
Новыхъ пергамскихъ твердынь въ странахъ италійскихъ искали?
Развѣ не лучше было на пеплахъ родныхъ поселиться, —
Тамъ поселиться, гдѣ Троя родная цвѣла? Возврати имъ,
О, мой родитель, тѣ берега Симоиса и Ксанѳа;
Дай имъ несчастливымъ снова воздвигнуть ильонскія стѣны.»

И, побужденная гнѣвомъ великимъ, сказала Юнона:
«Что ты, богиня, молчанье прервать меня побуждаешь
И сокровенное въ сердцѣ моёмъ высказывать горе?
Кто же изъ смертныхъ, кто изъ боговъ принудилъ Энея
Брани искать и враждебно напасть на владѣнья Латина?
Онъ по веленю судьбы въ Италію прибылъ, водимый
Дѣвья Кассандры пророческимъ духомъ: положимъ; но развѣ
Мы побуждали его оставить свой лагерь и вѣтрамъ
Жизнь доверять? иль участь войны и опасность защиты
Сыну-малюткѣ вручать? иль къ войнѣ подстрекать незаконной
Вѣрныхъ тирренянь и мирный народъ волновать и тревожить?
Кто изъ безсмертныхъ его побудилъ на неправое дѣло?
Или какая жестокость моя? и гдѣ же Юнона?
Гдѣ нисходящая съ неба Ирида? О, беззаконье!
Новыя стѣны троянь осаждаютъ латины; преступный
Турнь, у котораго предокъ Пилумнь, а богиня Венилья
Матерь, въ родной остаѣтся землѣ! И что же? Трояне
Пламя и мечъ понесутъ безнаказанно въ землю латиновъ?
Какъ! и на нивахъ чужихъ поселятся? захватятъ добычу?
Зятя себѣ изберутъ? похитятъ чужую невѣсту?
И уведутъ отъ объятій? Съ оливною вѣткою въ длани
Мира хотятъ, а съ кормы корабельной готовятъ оружье?
Ты отъ данайскихъ мечей могла же похитить Энея;
Вмѣсто него туманъ наводитъ и тѣни пустыя;
Въ нимфѣ ты могла превратить корабли троянскаго флота:
Я же, ничтожную рутуламъ помощь подавъ, преступленье
Сдѣлала? Что же? далеко Эней? объ осадѣ не знаетъ?
Пусть и не знаетъ: пусть будетъ далеко. Есть у тебя вѣдь
Паѳосъ, Идалия, есть и высокій островъ Цитера:
Что жь ты дѣла затѣваешь съ городомъ, полнымъ тревоги
Бранной, съ народомъ храбымъ и буйнымъ? Не я ли стараюсь
Жалкіе Трои остатки до основанья разрушить?
Я ли? а кто же ахивянь поднятъ на несчастныхъ фригійцевъ?
Что побудило возстать и Европу и Азію къ брани?
Кто вѣроломствомъ своимъ нарушилъ спокойствіе міра?
Я ли на Спарту вела троянца съ войною?
Я ль подавала оружье, войну согрѣвала любовью?
Надобно было тогда за своихъ опасаться; теперь же
Съ жалобой поздно ты встаѣшь и пеняешь напрасно.»

Такъ говорила Юнона, и всѣ небожители вмѣстѣ
Мнѣньемъ различнымъ шумѣли: такъ точно въ первомъ порывѣ
Вѣтеръ шумить по дремучему лѣсу; въ вѣтвяхъ пробѣгаетъ
Ропотъ глухой, пловцамъ предвѣщающій близкую бурю.
Вотъ всемогущій отецъ, великій владыко вселенной,
Молвить могучее слово: и, внемля ему, умолкаетъ
Неба высокій чертогъ; трепещетъ земля; неподвижно
Воздухъ стоитъ поднебесный; зефиры летучіе стихли
И необъятное море смиряетъ зыбучія волны.
«Рѣчи внемлите моеи и слова въ умѣ начертите.
Какъ межъ авзоновъ и тевкровъ союзъ утвердиться не можетъ,
Я жъ несогласью и спорамъ вашимъ конца не предвижу,
Кто въ какомъ положеньи теперь, съ какою надеждой,
Ругуль ли, тевкръ ли, будутъ равны, безъ всякихъ различій,
Иль повелѣньемъ судьбы италійцы станъ осаждаютъ,
Или ошибкой троянь и ложной оракула рѣчью.
Но не свободны и ругулы будутъ, и каждый получить.
То, что судьба назначаетъ ему: для всѣхъ безразлична
Будетъ Юпитера воля, и цѣль достигнута будетъ.»
Тутъ онъ поклоняся стиксовой братней рѣкой, берегами
Чѣрной, бездонной пучины, смолою кипящимъ потокомъ.
Онъ головою кивнулъ — и, дрогнувъ, Олимпъ всколебался.
Кончили Зевесъ, съ лучезарнаго трона поднялся, и боги
Всѣ, окруживши Владыку, къ чертогамъ его провожаютъ.

Ругулы между тѣмъ ко всѣмъ припустили воротамъ
Приступъ упорный, сражая троянь и на стѣны метая
Пламя пожара. А тевкровъ дружина, въ стѣнахъ защищаясь,
Храбро держалась; и думать о бѣгствѣ было невозможно.
Грустно стояли на башняхъ высокихъ несчастные, тщетно
Стѣны свои окружили рѣдѣющимъ ратниковъ строемъ.
Азій, имбразовъ сынъ и гикетаоновъ Тиметесь,
Два Ассарика и съ Касторомъ Тимбрисъ, уже посѣдѣлый,
Въ первыхъ стояли рядахъ; и съ ними Сарпедона братьевъ
Двое родныхъ: и Темонъ и Кларъ отъ гористыхъ ликійскихъ
Странъ. Вотъ Акмонъ Лирнесскій, всѣ силы свои напрягая,
Камень громадный несѣтъ, скалы обломокъ немалый,
Чадо, достойный родителя Клита и брата Мнестея.
Тѣ поражаютъ враговъ мстательнымъ дротомъ, другіе
Камни бросаютъ на нихъ, пускаютъ горячее пламя
Иль тетивою метаютъ пернатія стрѣлы. Въ срединѣ
Ратнаго строя, любовь и забота Венеры, энеевъ
Отрокъ, красуясь, стоитъ съ непокрытой, прекрасной головкой:
Точно сияетъ алмазь, раздѣляющій желтое злато,
Или чела украшенье, иль шеи; точно слоновой
Кости краса, искусной рукою въ чѣрномъ эбенѣ
Вставленной, иль въ теребинтѣ орикскомъ, чудно бѣлѣтъ.
Мягкія кудри малютки на бѣломолочную шейку
Нѣжно сплываютъ, сжимаясь повыше въ кольцо, золотое.
И тебя, о, Исмаръ, видѣло храброе племя,
Какъ направлялъ ты удары и стрѣлы напивать ядомъ,
Мужъ, знаменитый рожденьемъ въ Меоніи славной, гдѣ люди
Пашутъ роскошныя нивы, а Пактоль златой орошаетъ.
Быль и Мнестей, котораго подвигъ изгнанія Турна
Изъ укрѣпленій недавно до звѣздъ возвеличилъ молвою.
Съ нимъ же и Каписъ, который далъ городу Капуѣ имя.

Такъ межъ собою они дѣлили тяжкое бремя
Битвы; Эней же средь ночи плыль по зыбучему морю.
Ибо когда отъ Эвандра къ этрусскому лагерю прибыль
Онъ, повидавшись съ вождѣмъ, открываетъ и родъ свой и имя,
Цѣль и надежду и средства свои; какія Мезенцій
Рати къ союзу привлѣкъ, какова запальчивость Турна,
Какъ неверны надежды людей, говорилъ онъ, и тутъ же
Просьбы свои изложилъ. И не медля Тархонъ предводитель

Въ тѣсный вступаетъ союзъ и съ нимъ договоръ заключаетъ.
И тогда, не судьбой, но свободнымъ желаньемъ влекомый,
Волѣ боговъ повинуюсь и флотъ чужеземному мужу
Ввѣривъ, лидійскій народъ на суда поспѣшно садится.

Вотъ впереди плывётъ энеевъ корабль: на передней
Части его два льва фригійскихъ сияютъ; надъ ними
Высится Ида гора, столь милая сердцу троянцевъ.
Сидя на нёмъ, великій Эней размышляетъ съ собою
О предстоящей войнѣ. А по лѣвую руку Энея
Юный усѣлся Паллантъ и его вопрошаетъ о звѣздахъ,
О путеводныхъ свѣтилахъ и что претерпѣлъ онъ на сушѣ,
Что на волнахъ океана.

Теперь Геликонъ мнѣ раскройте,

Вы, о, богини, и пѣсни мои вдохновите; воспойте
Храбрыя рати, что, бросивъ этрусскія нивы, пристали

Къ мужу Энею и, флотъ оснастивъ, океаномъ несутся.

Массиковъ первый корабль, красуясь бронзовымъ тигромъ,
Воды сѣчетъ: на нёмъ предводитель Массикъ несётся.
Тысяча воиновъ съ нимъ, покинувшихъ Клузіи стѣны,
Въ брань устремились, и тѣ, что вышли изъ города Козы.
Стрѣлы — оружие у нихъ, и лёгкій колчанъ за плечами,
И смертоносные луки. За ними съ суровымъ Абантомъ
Въ яркихъ доспѣхахъ прекрасныя рати плывутъ; и корму ихъ
Фебъ золотой украшаетъ; ему Популонія мать
Мужей шестьсотъ, испытанныхъ въ битвѣ, послала; и островъ
Ильва трѣхсотъ, знаменитый обильемъ жѣлеза а стали.
Третій былъ тотъ боговъ и людей толкователь Азиласъ;
Таинства жертвенныхъ нѣдръ, свѣтила небесныя знать онъ
И щебетанье пернатыхъ и пламя предвѣстника грома.
Онъ увлекаетъ съ собою дружину изъ тысячи мужей, —
Строемъ густымъ ратующихъ мужей и копьями страшныхъ.
Имъ повелѣли итти на брань алфеевы Пизы.
Городъ этрусской земли. За ними Астуръ прекрасный, —
Астуръ красуется вѣрнымъ конёмъ и бронёй разноцвѣтной.
Ратниковъ триста лихихъ за вждёмъ однодушно несутся;
Тѣ изъ Цереты пошли, непогодной Грависки, изъ древней
Пирги, иль изъ полей, орошаемыхъ водами Миньо.
И о тебѣ умолчать не могу я, о, Кинирь, сильнѣйшій
Вождь лигурійскій; ни ты съ небольшою дружиной, Купавонъ,
Въ мѣстахъ не будешь забытъ; у тебя на щеломѣ лебязькихъ
Перьевъ возносится пухъ, преступной любви указанье;
И превращенья отца твоего. Когда, увѣряютъ,
Лебедь, грустя о потерѣ любимаго имъ Фазтона,
Пѣлъ подъ вѣтвями сестѣрь, зелёныхъ тополей, сидя,
И отъ печальной любви искалъ утѣшенія въ лирѣ,
Старость настигла пѣвца и мягкимъ перомъ окрылила:
Онъ улетѣлъ отъ земли и съ пѣснью вознёсся къ свѣтиламъ.
Сынъ же его, ведя за собою такую жъ дружину,
Гонитъ веслами Центавра — огромный корабль: онъ на волны
Грозно налѣгъ, и будто громада скалы, угрожаетъ
Безднѣ морской и роетъ его бороздою глубокой.
Вотъ и Окнъ отъ родныхъ береговъ уводитъ дружины,
Сынъ этрусскаго Тибра и жрицы предвестницы Манто;
Даль онъ и стѣны, о Мантуа, даль онъ тебѣ; и названье, —
Мантуа, предками городъ богатый; но родъ не одинъ ихъ;
Племя тройное, народа жъ четыре подъ племенемъ этимъ;
Онъ же народовъ глава; но сила отъ крови этрусской.
Котъ и пятьсотъ раторборцевъ другихъ на Мезенця возстали:
Минцій рѣка, въ тростникъ бирюзовый одѣтая, мчитъ ихъ

Вдоль на враждебныхъ ладьяхъ отъ родителя Бенака къ брани.
Съ ними и важный Авлестъ предводитель, сто вѣселъ поднявши,
Бѣгъ по волнамъ, и кипятъ отъ ударовъ вспѣнѣнныя волны.
Этихъ огромный Тритонъ несётъ: онъ лазурной трубою
Бездну морскую пугаетъ; онъ носить по самыя чресла
Образъ косматый плывущаго мужа; конецъ же исходить
Въ члены кита; подъ его полу-дикую грудь преклоняясь,
Волны журчатъ. Такіе вожди тридцатю кораблями
Въ помощь троянамъ плыли, разсѣкая зыбучее поле.

День удалился съ небесъ, и Луна, скиталица ночи,
На колесницѣ воздушной всплыла на средину Олимпа.
А Эней, отъ заботы не зная ни сна, ни покоя,
Самъ на кормѣ управляетъ рулѣмъ и ветрилами править.
И ему на срединѣ пути на встрѣчу несѣтся
Спутницѣ знакомыхъ толпа: тѣ нимфы, которыхъ Цибела
Митерь въ богинь водяныхъ превратила и бытъ повелѣла
Нимфами, вместо ладей, плыли и резали волны,
Сколько у берега прежде стояло ладей мѣдногрудыхъ.
Нимфы царя узнаютъ и издали хорами славятъ.
Кимодокея, изъ нихъ въ рѣчахъ искусная нимфа,
Правой рукою держась за корму, а лѣвою волны
Тихо гребя и выставивъ грудь, за кормою несѣтся
И говорить къ Энею: «Ты бодрствуешь, чадо безсмертныхъ?
Бодрствуй, Эней, и волно дай парусамъ. Мы сосны
Съ Иды священной вершины, нынѣ же нимфы морскія,
Нѣкогда флотъ твой. Злой ругуль, напавшій съ мечомъ и пожаромъ,
Иагъ истребить хотѣлъ; но цѣпи твои мы расторгли,
Противъ желанья, и ищемъ тебя по волнамъ океана.
Сжалилась мать богиня надъ нами и, образъ отнявши
Прежній у насъ, въ тотъ видъ изменила, богинями моря
Бытъ повелѣла и вѣкъ проводить подъ морскими волнами.
Сынъ твой Асканій стѣнами и рвомъ заключѣнный, отсюду
Страшно врагами тѣснимъ, сражаемъ латинскою ратью.
Вотъ уже и отряды конныхъ аркадцевъ, смешавшись
Съ храбрымъ этрускомъ, стоять на указанномъ мѣстѣ;
Турнь же намѣрень прервать сообщенье ихъ со станомъ, дружины
Двинувъ въ средину на нихъ. Ты встань, и, едва лишь денница
Первымъ заблещетъ лучомъ, союзныя рати къ оружью
Ты повели созвать и щитъ, тотъ непобѣдимый
Щитъ ты возьми, который самъ богъ даровалъ огнесильный
И опоясалъ кольцомъ золотымъ. Восшедшее завтра
Солнце, если ты рѣчи мои не считаешь пустыми,
Будетъ свидѣтелемъ страшнаго боя, увидить побитыхъ
Ругуловъ груди.» Сказала и, зная таинственный способъ,
Дланью коснулась высокой кормы: и ладья полетѣла
Шибче дрота, шибче стрѣлы, соперницы вѣтра;
А за нею другія ходъ ускоряютъ. Дивится
Сынъ анхизовъ, причины не зная, но знаменьемъ этимъ
Бодро возносить свой духъ и, взоры къ небесному своду
Съ краткой молитвой поднявъ, о, великая мать бѣзсмертныхъ —
Молвиль — о, ты, для которой пріятны Диндима выси,
И города, носящіе башни, и львы подъ уздою,
Будь мнѣ защитою въ брани: да знаменье это счастливымъ
Будетъ концомъ для фригянъ; прибуди къ намъ на помощь, богиня!»

Такъ говорилъ Эней, а между тѣмъ ужъ ночную
Тѣму удалившій день съ высотъ поднебесныхъ на землю
Светлый сходилъ. И вотъ повелѣлъ онъ рати союзной
За знаменами итти и бодро готовится къ битвѣ.
И уже съ высокой кормы корабельной былъ видѣнъ
Лагерь троянъ, какъ Эней на лѣвой рукѣ лучезарный
Щитъ свой вознёсь. И до сводовъ небесныхъ со стѣнъ поднимаютъ
Крики трояне: надежда въ нихъ гнѣвъ возбуждаетъ и силы;
Сыплотъ оружье, враговъ поражая: такъ точно, покинувъ

Берег Стримона, летяты журавли и, взвившись подь тучи,
Перекликаются тамъ и плывутъ океаномъ воздушнымъ,
Радостно крыльями бьютъ, убѣгая отъ бурнаго Нота.
Рутуловъ царь и другіе авзонскіе мужи дивятся
Долго, не зная причины, пока не увидѣли всворѣ
Берегъ, покрытый кормами уже пристающаго флота.
Ярогъ пылаеть энеевъ шеломъ: съ вершины отъ гребня
Льютъ огни и щить извергаеть потоками пламя:
Точно какъ въ ясную ночь иногда зардѣеть кометы
Блескъ роковой и кровавый: иль Сириусъ знойный, несчастнымъ
Смертнымъ несущій засуху и голодь и язву; горить онъ
Свѣтомъ зловѣщимъ и небо своимъ появленьемъ печалить.

Но не робѣеть рутуловъ вождь: онъ не тратитъ надежды
Перехватить неприятелямъ путь и отбить нападенъе.
Рѣчью дружины свои ободряеть и такъ говорить имъ:
«Вотъ вамъ тѣ, которыхъ вы такъ усердно желали
Вашей рукою сразить: самъ Марсъ во власть предаётся
Нашу, о храбрые мужи; теперь-то всякъ пусть вспомнитъ
И о супругѣ своей и о домѣ; теперь пусть припомнитъ
Славу и подвиги предковъ своихъ. Пойдѣмъ же смѣлѣе,
На берегъ бодро ударимъ, доколѣ отъ первой тревоги
Врагъ не опомнясь ещё неверной ногою ступаеть:
Счастье за храбрыми въ битвѣ.» И, такъ сказавши, съ собою
Сталь размышлять, какіе полки повести, а какіе
Будутъ осаду держать и стеречь осаждѣнные стѣны.

Въ это время Эней на мосты высаживалъ рати
И сводилъ ихъ съ высокой кормы. Тѣ ищутъ, гдѣ тихій
Бродъ безопасно течётъ, и прыгають въ воду; другіе
Скачутъ, весломъ упираясь. Тархонъ же разсматривалъ берегъ,
Гдѣ не кипѣла вода, гдѣ волны, дробясь, не журчали,
Но спокойное море гладкой волной поднималось.
Онъ направляетъ туда корабли и товарищѣй рѣчью
Такъ ободряеть: «теперь-то, о храбрые мужи, ударьте
Сильно веслами, теперь поднимайте ладьи, понесите,
Рѣжьте ладьями тотъ берегъ враждебный, иль лучше ладьи пусть
Сами чертятъ борозду подь собою; и пусть сокрушаются,
Въ пристань такую войдя, корабли, не забочусь объ этомъ
Лишь бы на землю намъ стать.» Окончилъ Тархонъ, и не медля
Дружно гребцы приударили въ вѣсла, несутся, и вотъ ужъ
Къ берегу стали носами ладьи; всѣ безвредно достигли
Суши; твоя же ладья, о, Тархонъ, не достигла. Загнавшись
Въ мель, на хребтѣ неравномъ повиснувъ и будто колеблясь,
Долго держалась она, утомляя волны напрасно;
Но наконецъ раскрылась и мужей сбросила въ волны.
Вѣсель обломки, всплывшіе кверху скамьи, затрудняютъ
Бѣдныхъ пловцовъ, и волны вспять увлекають ихъ ноги.
Турнь же не медлитъ съ своей стороны; онъ всѣ свои рати
Смѣло ведётъ на троянь и на берегъ ставить противный.

Трубы заплѣли, и первый Эней, какъ знаменъе битвы,
Бросился въ съчу на рати селянь, опрокинулъ латиновъ,
Мужа Ферона сразилъ, громаднаго тѣломъ, который
Противъ него устремился: сквозь мѣдной кольчуги защиту,
Сквозь покрытую золотомъ туніку мечъ погрузился
Въ бокъ и глубокую рану раскрыть. Потомъ поражаетъ
Лихаса: этотъ изсѣченъ изъ мѣртовой матери чрева
И тебѣ посвящёнъ быть, о, Фебъ, твоимъ лишь спасѣнный
Чудомъ отъ острыхъ булатовъ, — но всё не на долго. За ними
Онъ и Киссея свирѣпаго, онъ великана Гіанта,
Палицей рати сражавшихъ, низвергнулъ въ Тартара бездну.
Не помогло имъ оружье Алкида, ни сильныя руки,
Ни родитель Мелампъ, сопутникъ Алкида; доколѣ
Тотъ полубогъ пребывалъ на землѣ для подвиговъ тяжкихъ.

Между тѣмъ, какъ Фаръ кричалъ бесполезныя рѣчи,
Дротъ свой пускаетъ Эней и кричащему мужу въ отверстие
Рта погружаетъ. И ты, о Кидонъ несчастный, плѣнѣнный
Клитіемъ, новой отрадой твоей, едва опушившимъ
Первымъ пушкомъ ланиты свои, — ты, сражѣнный дарданской
Дланью, будешь несчастный лежать и угѣхи забудешь
Юношей тѣхъ, что любили тебя. Но на встрѣчу Энею
Братьевъ несѣтся отрядъ, всѣ семеро Форковы дѣти:
Вмѣстѣ семь дрововъ бросаютъ они: одни отъ шелома
Скачутъ отбитые, тѣ отъ щита отразились; другіе,
Только задѣвшіе тѣло, Венера сама отклонила.
Вѣрному другу Ахату Эней говорить: «Подавай мнѣ
Дроты, мой другъ; ни одинъ моею рукою напрасно
Въ ругуловъ брошенъ не будетъ: они на поляхъ Иліона
Столько данаевъ пронзили. Схвативъ преогромную пику,
Бросилъ Эней; а она летитъ и, медный пробивши
Мэона щитъ, сломила у воина грудь и кольчугу.
Мэона братъ Альканоръ заступилъ; онъ сражѣннаго брата
Хочетъ рукою поддержать; но пущенный сильнымъ полѣтомъ
Дротъ пробиваетъ и руку его и выходитъ кровавый;
А рука, отъ плеча отделившись, на жилахъ повисла.
Тутъ Нумиторъ, изъ братняго тѣла выхвативъ пику,
Ею бросаетъ въ Энея; но, слабый, не могъ поразить онъ
Мужа такого, и пика бедро лишь Ахата задѣла.
Вотъ прибѣжалъ и Клавзъ, пришедшій отъ города Куровъ,
Силами юности гордый; онъ дротъ свой дебелый въ Дріюпа
Сильно бросаетъ: дротъ, тяжело увязнувъ подъ подбородкомъ,
Съ жизнію голосъ пресѣкъ говорящаго мужа, сквозь горло
Вышедши вонъ; а Дріюпъ, упавъ, челомъ ударяетъ
Въ землю и кровь изо рта извергаетъ густую. За нимъ же
Трѣхъ поражаетъ еракійцевъ изъ древняго рода Борея,
Трѣхъ же другихъ, которыхъ Идасъ отецъ и отчизна
Исмара къ брани послали, различнымъ ударомъ повергнувъ.
Тутъ прискакали и Галезъ, отряды аврунковъ, за ними
Славный конями Мессапъ, нептуново чадо. То тевкры
Ругуловъ гонять, то ругулы тевкровъ; у самого входа
Въ землю авзонскую бьются. Словно противные вѣтры,
Грозною бурей возставъ, съ дуновеньемъ и силою равной
Вступягъ въ борьбу; ни сами другъ другу, ни тучи, ни море
Не уступаютъ; и длится сомнительный бой, и упорно
Вѣтры стоятъ, природа въ борьбѣ: такъ точно трояне,
Такъ и латины сошлись; на рати ударили рати,
Ноги съ ногами сомкнулись и съ мужами частые мужи.

А съ другой стороны, гдѣ потокъ въ стремительномъ бѣгѣ,
Камни срывая, катилъ и лѣсъ, съ береговъ уносимый,
Тамъ аркадцевъ полки, непривычные къ пѣшему строю,
Тиль обратили, гонимые ратью латиновъ: природа
Мѣстности трудной аркадцамъ покинуть коней указала.
Видя бѣгущихъ, Паллантъ къ послѣднему средству прибѣгнувъ:
Онъ возбуждаетъ въ нихъ духъ то просьбой, то горькою рѣчью:
«Братья, куда вы бѣжите? я именемъ вашимъ молю васъ,
Славою подвиговъ прежнихъ, Эвандра вождя драгоцѣннымъ
Именемъ, славою побѣдъ и моею надеждой, которой
Лыщусь я теперь быть достойнымъ соперникомъ славы отцовской,
Не полагайтесь на бѣгство: не бѣгствомъ — булатомъ откроемъ
Путь сквозь враговъ, гдѣ кипятъ ихъ стуженныя рати; по этой
Только дорогѣ и вы и Паллантъ, вашъ вождь, возвратиться
Можемъ на родину нашу. Не воля безсмертныхъ гнетѣтъ насъ:
Смертные смертныхъ тѣснятъ. И у насъ есть души такія жъ.
Столько же рукъ и у насъ; здѣсь бездна великаго моря
Насъ отдѣляетъ; нѣтъ ужъ для бѣгства земли: обратится ль
Къ морю, иль къ Троѣ?» Такъ говоря, онъ ворвался въ средину
Частыхъ враговъ. И ему, непріяннымъ рокомъ ведомый,
Лагъ попадаетъ первый на встрѣчу: въ то самое время,

Как отторгаль онъ тяжёлый булыжникъ, Паллантъ пробиваетъ
Брошеннымъ дротомъ хребетъ, раздѣляющій рѣбра въ срединѣ,
И засѣвшій въ костяхъ булатъ исторгаетъ. Въ то время
Лага Гисбонъ заступилъ, надѣясь отмстить за собрата:
Онъ, раздражённый смертію друга, вперёдъ устремился
И осторожность забылъ, а Паллантъ упреждаетъ и мечъ свой
Въ лёгкое мужа вонзаетъ, ещё раздугое гнѣвомъ.
Онъ поражаетъ Сөөнела и Анхемола, изъ рода
Древняго Рета, — того Анхенола, который запятнать
Мачихи ложе дерзнулъ. Вы также на рутуловъ нивахъ,
Ларись и Тимберъ, легли, близнецы, межъ собою подобьемъ
Славные Давки чада, лицомъ для своихъ неразличны,
И для родителей вашихъ пріятный обманъ; но жестоко
Сдѣлалъ Паллантъ различье межъ вами: ибо Эвандровъ
Мечъ тебя, о, Тимберъ, лишилъ головы, а десница,
Ларись, твоя, отъ плеча отделённая, ищетъ тебя же,
А полу-мёртвые пальцы трепещутъ и щупаютъ мечъ свой.
Рати аркадцевъ, словами вождя возбуждённыхъ и славнымъ
Зрѣлищемъ подвиговъ мужа, и стыдъ и досада на битву
Вновь обратили. И вотъ въ колесницѣ бѣгущаго мимо
Мужа Ретея сражаетъ Паллантъ; но гибель Ретея
Только на время замедлила Ила паденіе: ибо
Издали въ Ила Паллантъ направилъ дебелую пику;
Но ударъ перенялъ Ретей, предъ тобою бѣжавшій,
Доблестный Тевтрасъ, и Тиресомъ братомъ твоимъ; онъ, несчастный,
Павъ съ колесницы, по полю бѣтсся пятой полу-мёртвой.
Точно лѣтней порою, дождавшись желаннаго вѣтра,
Пастырь разсѣетъ и пустить, пожаръ на негодные злаки;
Вспыхнеть мгновенно средина и ужасъ огненной рати,
Пламенемъ хлынувъ трескучимъ, охватить широкое поле;
Онъ же сидитъ и на пламя глядитъ съ торжествомъ побѣдитель:
Такъ и сподвижниковъ храбрость въ одну соединяется силу,
Радуя сердце твоё, о, Паллантъ; но сильный на брани
Въ сѣчу стремится Галезъ, подъ бронёй собираясь своею.
Онъ и Ладона сразилъ и Ферета и Демодока,
И у Стримона мечёмъ молниеноснымъ отсѣкъ онъ десницу,
Къ горлу взносившую мечъ; онъ, въ очи булыжникомъ грянувъ
Мужа Тоаса, съ мозгомъ разсѣялъ кровавыя кости.
Вѣдая тайну судебъ, родитель въ роцѣ Галеза
Долго таилъ; но старца едва лишь дряхлыя очи
Смертью сомкнулись, какъ вдругъ наложила суровая Парка
Руку свою и сына мечу обрекаетъ Эвандра.
Выступилъ въ битву Паллантъ, но прежде такъ помолился:
«Дай, о родитель Тибръ, желѣзу, что въ длани колеблю,
Счастье; и путь проложи сквозь храброе сердце Галеза;
Эта броня и добыча украсятъ дубъ твой снященный.»
Выслушавъ Тибръ; и Галезъ, покрывая щитомъ Имаона,
Грудь безъ защиты открылъ аркадскому дроту, несчастный.
Лавзъ же, опора великая брани, полкамъ не позволилъ
Гибелью мужа такого въ испугѣ тревожиться сильною.
Первый сразилъ онъ упornaго мужа Абанта, который
Былъ и узломъ и помѣхою въ битвѣ для Лавза; поверглись
Въ прахъ и Аркадіи чада и рати этрусковъ поверглись;
Пали и вы, несражённые съ греками въ брани, о, тевкры!
Вотъ и сошлись и вождями и силами равныя рати:
Жмутся ряды на ряды, тѣснятъ ихъ послѣдніе строи;
Нѣтъ ни оружію мѣста, нѣтъ ни рукамъ ратоборцевъ;
Здѣсь Паллантъ напираетъ и жмётъ, тамъ Лавзъ наступаетъ;
Мало и возрастъ героевъ различенъ, и оба красавцы.
И не дала имъ судьба увидѣть нивы родныя;
Но не сошлись межъ собою они: великій Олимпа
Царь не позволилъ; судьбу ихъ на брани сильнѣйшіе мужи
Вскорѣ расторгнуть.

И вотъ родная сестра, обратившись

Къ Турну, просить о помощи Лавзу. Въ то время въ

летучей

Турнь колесницѣ въ срединѣ строевъ носился. Увидѣвъ
Рати свои: «о, мужи, бой прекратится: одинъ я
Противъ Палланта иду: онъ мнѣ одному предоставленъ.
Я бы желалъ, чтобъ самъ отецъ былъ свидѣтелемъ битвы.»
Такъ онъ сказалъ, и ратники, вдругъ разступившись, открыли
Поле ему. А Паллантъ, покорность ругуловъ видя,
Рѣчи надменной дивится, на Турна глядитъ въ изумлени;
Мѣряетъ окомъ громадныя члены; нахмуреннымъ взоромъ
Всюду обводитъ его и противъ рѣчи тирана
Рѣчью такою идѣтъ: «Иль славной добычей хвалиться
Буду, иль славною смертью; родителю та и другая
Участь равны; оставь же угрозы.» Сказавъ, на средину

Выступилъ поля. И груди аркадцевъ забились отъ страха.

Турнь съ колесницы ниспрянулъ : онъ пѣшій готовится къ схваткѣ.
Словно левъ, когда съ высокой вершины увидитъ
Въ полѣ далеко быка, готоваго ринуться въ битву,
И налетаетъ: таковъ былъ образъ пришедшаго Турна.
Видя, что пущеннымъ дротомъ достигнуть противника можетъ,
Выступилъ первый Паллантъ. Попытаться онъ хочетъ, возможно ль
Въ смѣлости счастье для силы неравной, и къ небу молитву
Такъ возсылаетъ: «гостепріимствомъ отца и трапезой,
Съ нимъ разделенной тобою великій Алкидъ, умоляю,
Въ помощь прибудь мнѣ на подвигъ великій; да узритъ
Турнь полу мѣртвый, какъ я кровавой броней завладѣю,
И умирающимъ взоромъ меня побѣдителемъ скажетъ.»
Юноши рѣчи слышали Алкидъ и вздохомъ глубокимъ
Сердце печальное сжалъ и пролилъ напрасныя слѣзы.
И родитель тогда утѣшаетъ рѣчию сына:
«Смертнаго дни сочтены; невозвратенъ и кратокъ часъ жизни;
Но увеличивать славу великими въ мѣрѣ дѣлами —
Въ этомъ доблести цѣль. Подъ стѣнами высокими Трои
Столько погибло божественныхъ чадъ; и даже могучій,
Чадое мое, Сарпедонъ. И Турна уже призываетъ
Рокъ невозвратный: онъ жизни уже достигаетъ предѣла.»
Такъ говорить и взоръ отвращаетъ отъ ругуловъ поля.

Вотъ Паллантъ свой дротъ выпускаетъ съ великою силой
И изъ глубокихъ ноженъ извлекаетъ мечъ свой блестящій.
Дротъ летитъ и, пробивъ оконечность щита, ударяетъ
Тамъ, гдѣ плечо покрывается сверху броней, и даже
Панцирь пробивъ, задѣваетъ огромное турново тѣло.
Турнь же потомъ свой дротъ, поверженный острымъ желѣзомъ,
Долго колебля, въ Палланта бросаетъ съ такими словами:
«Ты посмотри теперь, не лучше ль мой дротъ пробивается.»
Кончилъ. И щитъ, и столько покрововъ желѣза и мѣди,
Столько воловьихъ кожъ, на щитѣ натянутыхъ плотно.
Всѣ пробиваетъ булатъ, въ средину стремительно грянувъ:
Даже и панцирь сломилъ и грудь богатырскую мужа.
Онъ же изъ раны тёплый булатъ исторгаетъ напрасно:
Тѣмъ же путёмъ и багряная кровь и душа уплываютъ.
Рухнулъ на рану герой, зазвенели стальные доспѣхи,
И окровавленнымъ ртомъ поражаетъ враждебную землю.
Турнь говорить, надъ трупомъ поверженнымъ стоя: «Аркадцы,
Помните эти слова и Эвандру царю передайте:
Я возвращаю Палланта въ томъ видѣ, какого онъ стоитъ.
Всякую честь похоронъ и всю погребенья отраду
Щедро дарую; будетъ не дешево стоять Эвандру
Дружба съ Энеемъ.» Сказавъ и, лѣвой ногой прижавши
Трупъ бездыханный, похитилъ тяжеловѣснаго злата

Перевязь дивной работы: на ней беззаконное дѣло
Клонь Эритидь начертилъ: супруговъ, гнусно погибшихъ
Въ брачную ночь, преступлениемъ жонь и кровавья ложи.
Турнь торжествуетъ теперь, онъ въ восторгѣ отъ славной добычи.
Умъ человека не знаетъ судьбы и грядущаго часа.
Мѣры восторгу не знаетъ, счастливой минутою гордый!
Вскорѣ настанетъ для Турна тотъ часъ, когда пожалѣтъ
Онъ о паллантовой смерти, такъ дорого купленной нынѣ;
Будетъ и день проклинать и добычу побѣды. Съ слезами,
Съ воплемъ паллантовы воины трупъ на щитѣ уносили
Съ поля, толпою вождя провожая. О, сколько для старца
Горя и славы великой твоѣ принесетъ возвращенье!
Тотъ же день тебя и на битву увлѣкъ и похитилъ,
Но оставляешь ты въ полѣ побитыхъ рутуловъ груды!

И уже не молва, но вѣрныя вѣсти о тяжкомъ
Горѣ дошли до энеева слуха, узналъ о трудномъ
Дѣлѣ положенія дружины: пора поспѣшить къ ней на помощь.
Мчится Эней; онъ косить булатомъ ближайшія рати,
Путь открываетъ широкій мечомъ сквозь враждебные строи:
Ищетъ тебя, о, Турнь, — тебя, надменнаго новой
Брани добычей. Паллантъ, Эвандръ и всё предъ очами
Живо предстало; радушный пріёмъ, угощенье, которыми
Онъ былъ впервые почтѣнъ, и дружба и данныя руки.
Онъ четверыхъ Сульмона дѣтей живьемъ полоняетъ,
Столько же Уфенса чадь: онъ въ жертву тѣнямъ принесетъ ихъ;
Плѣнниковъ кровью польетъ костра горящее пламя.
Тутъ онъ издали въ Мага копьемъ пускаетъ свирѣпымъ:
Магъ съ быстротой наклонился: копье надъ челомъ пролетѣло.
И, обнимая колѣни, съ покорностью такъ говоритъ онъ:
«Тѣбно отца умоляю, надеждой растуцаго Юла,
Я умоляю тебя, и родителя вмѣстѣ и сына
Жизнь пощади. У меня есть высокій чертогъ; въ томъ чертогѣ
Много чеканныхъ талантовъ серебра подъ землёю зарыто;
Много вещей золотыхъ и грубаго золота много.
Тевкровъ побѣда отъ жизни моея не зависитъ: одною
Жизнью болѣе, менѣе, — въ этомъ различья не будетъ.»
Кончилъ; Эней же такія слова въ отвѣтъ посылаетъ:
«Много талантовъ серебра и золота много, которымъ
Хвалишься ты, для дѣтей сбереги. Но всё отношенія
Между ратующихъ нынѣ надменный Турнь уничтожилъ,
Первый Палланта убивъ. То будетъ анхизовой тѣни,
Будетъ и Юлу пріятно.» — И, такъ говоря, онъ рукою
Лѣвой схватилъ за шоломъ и, склоняя молящаго выю,
Мечъ погружаетъ въ него по самый предѣлъ рукояти.
Вотъ и Гемона сынъ: онъ жрецъ и Діаны и Феба;
Митра чело украшаетъ, на митрѣ священныя ленты,
Весь онъ одеждой блеститъ и красуется свѣтлой бронёю.
Съ мужемъ сошѣлся Эней: онъ по полю гонитъ, сражаетъ
И повергаетъ въ вѣчную мглу. Серестъ же, dospѣхи
Снявши, несётъ на плечѣ, для тебя пріятную жертву.
Царь Градивъ. Но восстанавливается битва: вотъ Цекуль,
Чадъ Вулкана, вотъ и Умбронъ, пришедшій отъ высей
Марзовыхъ. Витязь дарданскій свирѣпствуетъ противъ и тутъ же
Анксура лѣвую руку ударомъ меча отхватилъ онъ
Съ цѣлымъ изгибомъ щита. Сказалъ тотъ великое нѣчто,
Силу въ словахъ полагая и духъ вознося онъ, быть можетъ,
Къ небу, себѣ съдину обѣщая и долгиѣ годы.
Вотъ и Тарквигъ подскакалъ, красуясь блестящей бронёю,
Фавна лѣснаго сынъ, рождѣнный отъ нимфы Дріопы,
Гнѣвному мужу на встрѣчу несѣтся; но этотъ съ размаха
Панцырь и щитъ отягчаетъ огромный, пронзѣнные пикой;
Голову тщетно молящаго, тщетно хотящаго много
Рѣчи сказать, на землю свергаетъ и, трупъ безголовый
И не остывшій ещё попирая, съ разгнѣваннымъ сердцемъ,

«Здѣсь ты лежи — говорить — о страшный; не скроешь въ могилу
Добрая мать тебя, ни въ гробъ отцовъ не положить;
Хищныя птицы тебя расклюютъ иль волны въ пучину
Бросятъ, и раны твои растерзаютъ голодныя рыбы.»
Онъ поражаетъ Антея в Лука, передніе строи
Турновой рати, и сильнаго Нуму и съ нимъ Камерга,
Русоволосаго сына Вольсента, на нивахъ авзонскихъ
Мужа изъ всѣхъ богатѣйшаго, тихихъ Амикловъ владѣльца.
Какъ Эгеонъ, сто рамень по преданью имѣвшій и столько жъ
Рукъ, и грудей и ртовъ пятьдесятъ, извергавшихъ пожаромъ
Пламя, когда на удары зевесога грома поставилъ
Столькихъ же грохотъ щитовъ и столько жъ блестящихъ булатовъ:
Такъ и Эней побѣдитель, едва лишь тёплого кровью
Мечъ обагрился его, свирѣпствовалъ по полю брани.
Вотъ онъ идѣтъ на четверку коней колесницы Нифея,
Прямо стремится на воина грудь; а кони, увидѣвъ
Издали мужа, идущаго къ нимъ и кипящаго гнѣвомъ,
Вспяты обратились, отъ страха вскружась, и, сбросивъ возницу,
Къ берегу мчатъ колесницу его. Но вотъ и въ средину
Ратей несѣтъ Лукагъ, въ колесницѣ, запряжённой парой
Бѣлыхъ коней; онъ съ Лигеромъ братомъ; но Лигеръ вожжами
Клонитъ коней, а пылкій Лукагъ обнажённымъ булатомъ
Машетъ. Не вынесъ Эней ихъ кипучаго жара, но быстро
Бросился къ нимъ и огромный предсталъ съ устремлённою пикой.
Лигеръ ему говоритъ: «не коней Дюмеда ты видишь,
Не колесницу Ахилла, не Фригій нивы: на этомъ
Полѣ найдѣшь ты и жизни конецъ и войны.» Но напрасно:
Лигера рѣчи безумныя прочь улетаютъ на вѣтеръ.
Витязь троянскій въ отвѣтъ ничего, но вмѣсто отвѣта
Дротъ посылаетъ врагу. Тогда какъ Лукагъ, наклонённый
Внизъ съ колесницы, копѣемъ скакуновъ понуждаетъ и, ногу
Лѣвую бросивъ вперёдъ, готовится къ битвѣ, сквозь крайній
Выпѣтъ щита блестящаго пика проходить и лѣвый
Бокъ поражаетъ Лукага: и выбитый вонъ съ колесницы
По полю онъ полу-мертвый катится. Эней же съ такою
Горькою рѣчью къ нему обратился: «Лукагъ, вѣдь не кони
Медленными бѣгомъ своимъ колесницѣ твоей измѣнили;
И не тѣни пустыя враговъ ихъ вспяты обратили:
Самъ соскочилъ ты съ колѣсъ и самъ колесницу покинуть.»
Такъ говоря, онъ схватилъ лошадей. А Лигеръ несчастный,
Павъ съ колесницы, къ нему простиралъ безоружныя руки.
«Витязь троянскій, тобой умоляю и тѣми, что дали
Жизнь столь великому мужу, оставь мнѣ душу, помилуй.»
Много просилъ онъ ещё, Эней же ему отвѣчаетъ:
«Ты вѣдь недавно рѣчь не такую держалъ; такъ умри же
И не оставишь братъ брата.» И острымъ булатомъ разсѣкъ онъ
Грудь, гдѣ таилась душа. Такіе по бранному полю
Ужасы сѣялъ дарданскій герой, подобно потоку,
Чѣрному вихрю подобно, бушуя. А вотъ и изъ стана
Вырвались вонъ осаждённые тщетно трояне, и съ ними
Отрокъ Асканій.

Въ то время Юпитеръ къ Юнонѣ такую

Рѣчь обратилъ: «О, сестра и дражайшая сердцу супруга!

Ты не ошиблась и, какъ полагала, случилось: Венера
Сильно стоитъ за троянъ. Не живы у воиновъ руки,
Сердцемъ не храбры они, не тверды въ опасности духомъ.»
Съ видомъ покорнымъ Юнона: «Зачѣмъ, о, прекрасный супругъ мой,
Ты растравляешь горе во мнѣ, боящейся столько
Рѣчи ужасной твоей? О! еслибъ ещё я имѣла
Прежнюю силу въ любви, и какая должна бы и нынѣ
Быть у меня, то ты бь отказать не хотѣлъ, всемогущій.
Я бы могла исторгнуть Турна изъ ужасовъ битвы
И для родителя Давна его сохранить невредимо.

Нынѣ онъ должень погибнуть и кровь невинную тевкрамъ
Въ жертву принести: однакожь, ведѣтъ онъ отъ нашего рода
Имя, и предокъ четвёртый — Пилумнъ у него; онъ рукою
Щедрою часто и много алтарь отягчалъ твоей дарами.»
— Ей же Олимпа воздушнаго царь отвѣтствуетъ кратко:
«Если желаешь ты только замедлить юноши участь,
Времени просишь ему и во мнѣ полагаешь такое жъ
Мнѣнье о томъ, то бѣгствомъ спаси отъ сраженія Турна
И уведи отъ грозящей бѣды: дотолѣ возможны
Милости наши. Но если подъ этою просьбой таится
Высшій желанья предѣлъ и мнишь ты, что я захотѣлъ бы
Всю войну измѣнить и подвинуть, то тщетной надеждой
Лъстишь ты себя.» — И ему со слезами Юнона: «Что, еслибъ
Сердцемъ ты чувствовалъ то, что уста съ трудомъ произносятся!
Если бы турнова жизнь отнынѣ прочно стояла!
Нынѣ невиннаго мужа тяжкій конецъ ожидаетъ.
Иль ошибаюсь въ истинѣ я; о, еслибъ напраснымъ
Страхомъ тревожилась я, и къ лучшему ты измѣнилъ бы
Опредѣленья твои, для котораго это возможно!»
Рѣчи такія сказавъ, тотчасъ съ высокаго неба
Долу спустилась и, мглой окружившись, по воздуху мчится,

Словно какъ буря, на рати троянъ и на лагерь латиновъ.

Вотъ богиня прозрачною мглою призракъ ничтожный
Въ образъ Энея создавъ — о диво! — въ броню облакаетъ.
Словно дарданскую; шить создаётъ; подражаетъ косматымъ
Гребнямъ вулканова шлема; влагаетъ ничтожныя рѣчи;
Звуки безъ мысли даётъ и походкѣ его подражаетъ
Такъ, говорятъ, отъ жизни отшедшій носятъ тѣни,
Или видѣнья во снѣ усыплѣнныя чувства морочать.
Носится въ первыхъ рядѣхъ торжествующій призракъ и Турна
Дразнить оружьемъ и рѣчью его раздражаетъ на битву.
Турнъ наступаетъ и издали мечеть шипящую пику
Призракъ отъ мужа бѣжить и постыдно тыль обращаетъ.
И, полагая тогда, что Эней спасается бѣгствомъ,
Турнъ въ безпокойной душѣ напрасно надежду питаетъ.
«О, Эней — говоритъ онъ — куда ты бѣжишь? для чего ты
Хочешь расторгнуть условленный бракъ? не бѣги же: изъ этихъ
Рукъ ты получишь землю, которой искалъ за морями.»
Такъ восклицая, бѣжить онъ за тѣнью, мечёмъ обнажѣннымъ
Блещетъ; не видитъ, что вѣтеръ уносить напрасную радость.
Тутъ случайно ладья подъ скалою высокой стояла
На берегу, съ готовымъ мостомъ и опущеннымъ ходомъ:
Царь Озиній на ней приплылъ отъ клюзинскихъ предѣловъ.
Трепетный призракъ бѣгущаго мужа Энея сокрылся
Въ эту ладью, а Турнъ преслѣдуетъ быстро и съ жаромъ.
Онъ побѣждаетъ преграды, стремится, мосты переходить;
Но едва лишь взошѣлъ, какъ Юнона срываетъ канаты
И, отторгнувъ ладью, по волнамъ уносить кипучимъ.
А Эней всё ищетъ Турна, на брань призываетъ
И обрекаетъ смерти множество встрѣченныхъ мужей.
И тогда не скрывался ужъ боле призракъ ничтожный,
Взвившись къ высокому небу, сливается съ тѣмнымъ туманомъ.
Турна же вихрь по волнамъ увлекаетъ въ глубокое море.
Смотритъ, не въдая дѣла, спасенье своё ненавидя;
Ояъ простираетъ руки къ свѣтиламъ и рѣчи такія:
«О! всемогущій отецъ! ужели моё преступленье
Тавъ велико, что я заслужилъ столь жестокою кару?
Гдѣ я? куда я несусь и откуда? и какъ возвращусь я?
Я ль ве увижу лаврентовыхъ стѣнъ, ни ратнаго стана?
Что же дружина моя, что скажутъ тѣ мужи, которыхъ
Въ брань я увлѣкъ подъ свои знамена? а нынѣ — позоръ мнѣ!

Я ихъ оставилъ всѣхъ, окружённыхъ ужасомъ смерти!
Вижу теперь ихъ разбитые строи и слышу стенанья
Въ прахѣ лежащихъ. На что мнѣ решиться? Какая пучина
Въ пропасть глубокую скроетъ мой стыдъ? Вы сжальтесь, о, вѣтры, —
Сжальтесь, несите ладью на угѣсы и скалы, моленью
Турна внемлите; умчите её на ужасныя Сирты,
Гдѣ бы меня не достигли ни ругуловъ взоры, ни стыдъ мой!
Такъ говоря, онъ сюда и туда волнуется духомъ;
Самъ не знаетъ, мечёмъ ли постыдные дни прекратить онъ,
Твердый булатъ погрузивши межъ рѣбра: иль въ волны морскія
Бросится онъ и вплавь къ берегамъ понесётся высокимъ,
Снова ударить на войско троянь. Онъ трижды пытался
То и другое исполнить, и трижды Юоны могучей
Длань удержала его, надъ отчаяньемъ юноши сжалась.
Быстро несётся ладья, уносимая вѣтромъ и моремъ,
И пристаётъ наконецъ къ древнему городу Давна.

Между тѣмъ кипучій Мезенцій, по волѣ Зевеса,
Вмѣсто могучаго Турна въ брань устремившись, ударилъ
На побѣдителей тевкровъ. Сбѣжались дружины тирренянь,
Всѣ на единого мужа, и мстью и злобой пылая,
Частыми дротами жмутъ. Подобно угѣсу, который
Въ море широкое входитъ и, ярости бури противясь,
Ярости волнъ, неподвижно стоитъ, презирая всю силу
Грозную неба и моря: такъ точно стоялъ и Мезенцій.
Онъ бездыханнымъ Гебра простѣръ, Долихаона чадо,
Съ нимъ же Латага и робкаго Пальма: Латага огромнымъ
Камнемъ, обломкомъ скалы, въ лицо обращённое грянулъ;
Пальму подсѣкъ подколѣнокъ и медленно влечься оставилъ.
Лавзу дарить ихъ доспѣхи и гребень для шлема косматый.
Онъ и фригійца Эванта сразилъ, сразилъ и Миманта:
Этотъ былъ Париса другъ и лѣтами равный сподвижникъ;
Въ ту же ночь и Феано его родила и царица,
Дочь Киссея, Париса, брани свѣтильникъ, явила
Въ жизненный мѣръ; въ отчизнѣ покоится Парисъ; Миманта
Прахъ неизвѣстный лежитъ на лаврентовыхъ нивахъ. И будто
Дикій тотъ вепрь, съ нагорныхъ высотъ озлобленными псами
Выгнанный въ поле, котораго Везуль хранилъ соснородный
Долгіе годы, и долго питали болота Лаврента
И тростниковый лѣсъ; когда попадётся въ тенеты,
Станетъ, отъ злости кипя, и шерсть на хребтѣ оцѣтинить.
Не нападаетъ никто, никто, подступить не дерзаетъ;
Мечуть лишь копы въ него и издали крикомъ тревожатъ
Онъ же безстрашный во всѣ обращается стороны медля.
Зубомъ скрежещетъ и копы и стрѣлы съ хребта отряхаетъ:
Такъ и изъ тѣхъ, для которыхъ Мезенцій былъ справедливой
Мести предметомъ, никто не посмѣлъ съ обнажённымъ желѣзомъ
Силой помѣряться съ нимъ; но издали только метали
Копы въ него и тревожили крикомъ великимъ. Вотъ Акронъ,
Воинъ, пришедшій отъ древнихъ владнй Кориѳа: онъ родомъ
Грекъ; какъ изгнанникъ покинулъ онъ бракъ не свершённый. Увидѣвъ
Этого мужа, далеко въ рядахъ разносившаго ужасъ,
Пурпуромъ гребня и даромъ невѣсты — одеждой багряной —
Ярко сившаго, — словно несытый левъ, у высокихъ
Часто бродящій загоновъ, томленью голода внемля,
Если увидитъ бѣгущую робко козу, иль оленя,
Гордо поднявшаго роги, — отъ радости зѣвъ разверзаетъ
Страшный и, гриву поднявъ, устремится къ добычѣ и, въ чрево
Впившись клыками, прильнётъ и наляжетъ на жертву и чѣрной
Кровью пасть нечестивую моетъ: такъ быстрый Мезенцій
Ринулся въ чашу враговъ. Повержень Акронъ несчастный,
Бѣтсѣ по чѣрному праху и кровь обагрять доспѣхи.
Но не хотѣлъ онъ сражать бѣгущаго мужа Орода,
Заднюю рану ему наносить метательнымъ дротомъ:
Онъ устремился навстрѣчу къ нему, и, лицомъ обратившись,

Съ мужемъ сразился мужъ, не хитростью сильный, но сильный
Крѣпкимъ булатомъ, и, трупъ попирая ногою и пикой,
«Мужи — сказалъ онъ — опора войны не пустая, высокій
Свержень Ородъ.» И радостнымъ крикомъ вскричала дружина.
А умирающій воинъ: «Кто бы ты ни былъ, недолго
Будешь гордиться побѣдой: тебя ожидаетъ такая жъ
Горькая участь; ты вскорѣ на тѣхъ же поляхъ побѣждѣнный
Будешь лежать.» И, злобно ему улыбаясь, Мезенцій.
«Ты умирай, обо мнѣ же разсудить людей и безсмертныхъ
Царь.» И, сказавши, копье извлекаетъ изъ тѣла. Ему же
Сномъ желѣзнымъ и тяжкимъ покоемъ сомкнулись зѣницы,
Свѣтъ убѣжалъ отъ очей и вѣчною мглою сменился.
Цедикъ сразилъ Алкатоя, Сакраторъ Гидаспа, Рапонъ же
Мужа Пароеня и силами джога Орс. Мессапомъ
Клоній сражёнъ и мужъ Эрицетъ Ликаонскій; тотъ наземъ
Павшій съ коня безъ узды, Эрицета же пѣшаго пѣшій.
Выступилъ Агисъ Ликійскій: его поражаетъ Валерій,
Дѣдовской храбрости мужъ; а Троня — Салий; Неалкъ же —
Салия, славный копьемъ и далеко обманчивымъ лукомъ.

И уже уравнивалъ Марсъ межъ ратующихъ строевъ
Тяжкія сумы и смерть. Побѣдителей и побѣждѣнныхъ
Воиновъ рати то отступали, то въ сѣчу стремились:
Бѣгства не знали ни тѣ, ни другіе. Собравшись въ чертогахъ
Зевсовыхъ, боги жалѣютъ о тщетномъ ратующихъ гнѣвѣ
Н о великой смертныхъ потерѣ. Отсюда Венера,
Тамъ же Юнона взираютъ на битву; въ срединѣ жъ кипящихъ
Тысячи мужей носится блѣдная тѣнь Тизифоны.
Бурный Мезенцій, огромнымъ копьемъ потрясая, стремится
Въ поле. Такъ точно великій Орюнь, по неизмѣримой
Влагѣ Неряя ступаетъ и, путь пролагая сквозь волны,
Ихъ превышаетъ плечомъ, иль, вырвавъ на высяхъ нагорныхъ
Вязъ многолѣтній, несётъ и, по сушѣ ступая, межъ тучи
Голову кроетъ: таковъ былъ Мезенцій въ огромныхъ доспѣхахъ.

Между тѣмъ его межъ рядами длинными ратей
Ищетъ Эней: онъ готовится къ битвѣ. Мезенцій безстрашно
Храбраго витязя ждётъ и стоитъ неподвижной громадой.
Взоромъ измѣривъ пространство, какое копье пролетаетъ,
«Боже — десница моя, и пика, что въ длани колеблю,
Данте мнѣ счастье; тебѣ, о мой Лавзь, общаю, доспѣхи
Съ тѣла разбойника снявъ, украситъ тебя.» И, сказавши
Такъ, онъ шипучую пику бросаетъ. Она полетѣла,
Грянула въ щитъ, но, щитомъ отражѣнная, въ рѣбра вонзилась
Храбраго Антора мужа: онъ былъ сопутникъ Алкида.
Аргосъ покинувъ, присталъ онъ къ Эвандру и съ нимъ поселился
На италійской землѣ. Погибъ онъ, несчастный, ударомъ,
Не для него нанесѣннымъ, и, взоръ къ небесамъ устремляя,
Вспомнилъ въ кончинѣ своей объ Аргосѣ, родинѣ милой.
Вогъ боговѣрный Эней бросаетъ копьемъ: сквозь тронную
Мѣдью окованный выгибъ щита, сквозь ткани льняныя
И сквозь тройную шкуру воловью пика пробилась
И увязла въ бедра, но тамъ потеряла всю силу.
Видя тирреняна кровь, въ восторгѣ Эней обнажаетъ
Острый свой мечъ и съ жаромъ къ нему устремляется грозный.
Вскрикнулъ отъ ужаса Лавзь, любовью сыновней плававшій,
Видя опасность отца, и слѣзы изъ глазъ заструились.
Здѣсь я конецъ твой жестокой, твою несравненную доблесть
Я воспою и тебя въ пѣснопѣняхъ, о витязь достойный,
Если потомство повѣритъ такому прекрасному дѣлу.

Пятился съ поля Мезенцій уже бесполезный, безсильный
И со щитомъ увлекалъ за собою копье роковое.
Лавзь устремился впередъ и вмѣшался въ толпу ратоборцевъ.
И уже Эней десницу вознёсъ и готовъ былъ

Грянуть мечомъ; но Лавзь отражаетъ ударъ и мечомъ онъ
Мечъ замедляетъ врага. И крикомъ великимъ дружина
Подвигу Лавза вторить, доколѣ родитель, покрытый
Сына щитомъ, удалился съ браннаго поля; и сыплють
Копья въ Энея и издали дротами путь замедляютъ.
Онъ же отъ гнѣва ярится и твёрдо стоитъ подь бронёю.
Точно, когда, изъ тучъ вырываясь, грянуть на землю
Ливень и градъ: и всѣ земледѣльцы съ полей убѣгаютъ,
Всѣ поселяне, и кроется пугникъ подь кровь безопасный,
На берегу ли рѣки, иль подь сводомъ высокимъ угѣса,
И остаются, доколѣ на землю дождить, ожидая
Вновь появленья солнца, а съ нимъ и трудовъ возвращенья.
Такъ и Эней, осыпаемый копьями мужей отвсюду,
Бурю выдерживать брани, доколѣ громы не стихли.
Онъ на Лайза шумить, онъ Лавзу такъ угрожаетъ:
«О, несчастный, куда ты стремишься? къ чему тотъ
Жаръ, превышающій силы твои? Сыновней любовью
Ты увлекаешься въ гибель.» — Онъ же не менѣ смѣло
Скачетъ безумный. Но вотъ ужъ гнѣвъ воздымается выше
Въ сердцѣ дарданскаго мужа, и Парки послѣднія пряди
Лавзовой жизни прядутъ: Эней могучимъ булатомъ
Юношу въ грудь поражаетъ наскозъ по предѣль рукояти.
Острый булатъ проходитъ сквозь щитъ, ничтожный для грозной
Длани предѣль, сквозь одежду, которую нѣжная мать
Золотомъ мягкимъ расшила. И лоно наполнилось кровью;
Скорбная жизнь покинула тѣло и быстро по вѣтру
Къ лёгкимъ тѣнямъ улетѣла. Сынъ же анхизовъ, увидѣвъ
Юноши ликъ помертвѣлый, блѣднѣющій образомъ дивнымъ,
Жалобно, тяжко вздохнулъ и руку къ нему простираетъ.
Сжалось геройское сердце, при видѣ любви столь великой
Сына, и такъ говоритъ онъ: «о ты, сожаленья достойный
Юноша, что же теперь для тебя, что можетъ достойно
Благочестивый Эней совершить за подвигъ столь славный?
Ты сохрани тѣ доспехи твои, твоё угѣшенье;
Если желанье твоё, я предковъ могилѣ и праху
Тлѣнный твой прахъ возвращаю; и будетъ тебѣ угѣшеньемъ
Въ участи жалкой твоей, что сражёнъ ты великимъ Энеемъ.»
Такъ говоря, онъ вскричалъ на медленныхъ воиновъ Лавза,
Самъ поднимаетъ съ земли бездыханное юноши тѣло,
Прелесть завитыхъ кудрей обогрившаго чёрною кровью.

Между тѣмъ родитель у водъ Тиберина текучихъ
Раны волной омывалъ, на стволъ опирая древесный
Слабые члены свои. Предъ нимъ на вѣтвяхъ недалеко
Мѣдный повѣшенъ щеломъ; на травѣ боевые доспѣхи
Мужа лежатъ; кругомъ обступивши, дружина любимцевъ
Грустно стоитъ; и самъ онъ, болѣзненный, дышавшій трудно,
Слабымъ склонился челомъ; бороды же волнистыя кудри
Густо сплываютъ на грудь. Вопросаетъ онъ часто о Лавзѣ,
Часто гонцовъ посылаетъ къ нему, чтобъ его отозвали
Съ поля, печальнаго старца заботу ему сообщили.
Воины съ поля идутъ и съ плачемъ несутъ бездыханный
Лавза великаго трутъ, сражѣннаго раной великой.
Стонъ разгадало отцовское сердце, бѣды прорицатель.
Сыплеть онъ прахъ на сѣдую главу, къ небесамъ простираетъ
Руки и, къ трупу припавъ, говоритъ: «такую ль, о сынъ мой,
Въ жизни имѣлъ я отраду, чтобъ ты, меня защищая,
Враждей рукою сражёнъ былъ, рожденье моё? И твоею ль
Смертью выкупишь дни я свои, твой родитель? и ты ли,
Сынъ мой, мнѣ жизнь подарилъ? О, теперь лишь узналъ я, несчастный,
Тягость изгнанья и горя! теперь лишь глубокая рана
Задана сердцу отца! Преступленьемъ твоё запятнать я
Имя, о сынъ мой! Я самъ — нелюбовью народа съ престола
Сверженный царь и лишѣнный наслѣдья предковъ. Отчизнѣ
Долженъ былъ я заплатить за мои злодѣянья горемъ;

Душу виновную должень быть дать за столько погибших!
Нынѣ я живъ! и ещё ни людей не покинувъ, ни свѣта!
Нѣтъ! я покину теперъ.» И, такъ говоря, на большое
Всталъ онъ бедро и, хотя обезсиленный раной глубокой,
Бодро крѣнясь, приказаль подвести коня боевого:
Онъ украшеньемъ его, его быть отрадою; много
Съ нимъ совершилъ онъ походовъ и много побѣдъ одержаль онъ.
«Ребъ мой—сказаль онъ къ печально стоявшему звѣрю — ужъ долго
Жили мы, — долго, если для смертныхъ есть что либо долго, —
Иль пренесёшь ты сегодня Энея главу и доспѣхи
И — побѣдитель — со мною отмстишь за несчастнаго Лавза
Горькую гибель; иль если ужъ силой открыть невозможно
Путь къ торжеству, то, вмѣстѣ со мною сражѣнный, погибнешь.
Ибо не думаю я, о храбрый товарищ, чтобъ могъ ты
Чуждое иго сносить и имѣть повелителей тевкровъ.»
Молвилъ и члены свои на звѣря хребтѣ помѣстилъ онъ,
Въ обѣ руки захватилъ по пуку дротовъ булатныхъ;
Мѣдью сверкаетъ чело, на ней оцѣтинился гребень
Конскихъ волосъ. Таковъ съ быстротою стремится онъ въ поле.
Сердце его терзають и стыдъ, и безумье, и горестъ,
Вмѣстѣ съ любовью отца, раздражѣннаго яростью фурій,
Съ ними жъ геройская доблестъ. Онъ голосомъ громкимъ Энея
Трижды на брань вызываетъ. Эней же, тотъ голосъ услышавъ,
Съ радостнымъ сердцемъ взываетъ: «да сдѣлаетъ царь тотъ безсмертныхъ
И Аполлонъ многосильный, чтобъ ты со мною сразился.»
Такъ сказаль и на встрѣчу понёсся съ грозною пикой
Тотъ же ему: «для чего ты меня напрасно пугаешь,
Безчеловѣчный, сына похитивъ; то путь былъ единый
Къ гибели вѣрной отца. Уже никакой не страшусь я
Смерти, боговъ никакихъ не боюсь я. Оставь же угрозы:
Я пришёлъ умереть; но предъ смертію въ даръ посылаю
Это тебѣ.» Сказаль и дротъ на врага выпускаетъ,
Вотъ и другой за нимъ, и ещё и ещё, и кружится
Кругомъ широкимъ. Но щитъ золотой принимаетъ удары.
Трижды стоящаго мужи вокругъ обскакаль онъ налѣво,
Дротами сыпля въ него, и трижды витязь троянскій
Щитъ поворачиваль мѣдный, уставленный лѣсомъ булатовъ.
Но, наконецъ соскучивъ столь медленнымъ боемъ, соскучивъ
Столько выдергивать пикъ и тѣснимый неравною битвой,
Много подумаль герой и, вперѣдъ устремившись, ударилъ
Между висковъ боевого коня метательнымъ дротомъ:
Дыбомъ взвивается конь, копытомъ по воздуху грянулъ
И повалился, огромный, съ собой ѣздока увлекая.
Тяжестью тѣла къ землѣ придавилъ и въ сбруѣ запугаль.
Тевкры, латины крикомъ своимъ небеса потрясають.
А Эней прилетѣль и, мечъ обнаживъ надъ сражѣннымъ,
«Гдѣ же теперъ тотъ храбрый Мезенцій — сказаль онъ — гдѣ сила
Неукротимаго духа?» А витязь тирренскій, очнувшись,
Къ небу взглянулъ и, вдохнувъ живительный воздухъ, собрался
Съ духомъ и такъ говорить: «о, горькій врагъ, для чего ты
Рѣчью терзаешь меня и смертью грозишь мнѣ? Въ убійствѣ
Нѣтъ преступленья твоёмъ: для того и пришёлъ я на битву;
И не дѣлаль съ тобой обо мнѣ мой Лавзъ договоровъ.
Еслижъ врагамъ побѣждѣннымъ возможно оказывать милость,
Именемъ милости этой прошу одного я: пусть трупъ мой
Будетъ землёю покрытъ. Я знаю, меня окружаетъ
Ненависть многихъ враговъ; защити же отъ яростной злобы
Тѣло моё и съ сыномъ несчастнымъ дай мнѣ могилу!»
Такъ говоря, онъ въ горло булатъ ожидаемый приняль
И на доспѣхи душу пролилъ съ потоками крови.

Энеида (Вергилий/Шершеневич)/Песнь одиннадцатая/ДО

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [Энеида \(Вергилий/Шершеневич\)](#)

Перейти к [навигация](#), [поиск](#)

□

← [Пѣснь десятая](#) **[Энеида Вергилия](#)** — Пѣснь одиннадцатая [Пѣснь двѣнадцатая](#)
авторъ [Публий Вергилий Маронъ](#) (70 г. до н.э.—19 г. до н.э.), пер. [И. Г. Шершеневичъ](#) (1819 —1894) →

Язык оригинала: латинскій. Название въ оригиналь: [Aeneis](#). — Источник: [«Современникъ», 1852](#), томъ XXXV, с. [217-242](#) □

Википроекты: [Википедія](#)

Энеида Вергилия

Пѣснь одиннадцатая

Эней приноситъ въ жертву богамъ доспѣхи Мезенція. — Погребальный обрядъ въ честь Палланта. — Эней оплакиваетъ его потерю. — Погребальное шествіе. — Послы Латинскіе просятъ перемирія и позволенія предать землѣ своихъ павшихъ воиновъ. — Эней великодушно на всё соглашается. — Ответъ Дранка. — Перемиріе. — Отчаяніе Эвандра. — Трояне погребаютъ своихъ воиновъ. — Волненье въ столицѣ Латина. — Латинъ созываетъ совѣтъ. — Послы приносятъ отвѣтъ царя Діомеда. — Латинъ изъявляетъ желаніе заключить съ Энеемъ миръ. — Рѣчь Дранка. — Отвѣтъ раздражённаго Турна. — Эней съ войскомъ подступаетъ къ городу. — Тревога въ городѣ. — Совѣщанія прерваны. — Всѣ бѣгутъ къ оружію. — Турнь распредѣляетъ войска. — Латинцы готовятся къ отчаянной защитѣ. — Камилла, ея храбрость и самоотверженіе. — Турнь готовитъ Энею засаду въ узкомъ ущельѣ, куда и отправляется съ своимъ отрядомъ. — Діана, предвидя гибель Камиллы, призываетъ нимфу Опись, рассказываетъ ей о Камиллѣ, ея дѣтствѣ, воспитаніи, жизни и проч., потомъ даётъ ей стрѣлу и приказываетъ поразить ею того, кто уязвитъ ея любимую Камиллу. — Войска сходятся. — Битва. — Подвиги Камиллы. — Подвигъ Тархона. — Аррунсъ и смерть Камиллы. — Смерть Аррунса. — Латинцы разбиты. — Они бѣгутъ къ городу. — Страшная свалка подъ стѣнами. — Турнь узнаётъ объ этомъ и выходитъ изъ ущелья на помощь городу. — Въ это время Эней переходитъ ущелье. — Оба героя стремятся къ городу. — Ночь прекращаетъ битву.

Tam vero in tectis praedivitis urbe Latini

Praecipuus fragor et longi pars maxima luctus:
Hic matres miseraeque nurus, hic cara sororum
Pectora maerentum, puerique parentibus orbi

Dirum exsecrantur bellum Turnique hymenaeos.

(Изъ одиннадцатой пѣсни.)

Между тѣмъ поднялась Аврора изъ волнь океана,
А Эней , волнуемый много заботой — собратовъ
Павшихъ могильтъ предать — и смертью столь многихъ печалась,
Съ первой зарѣй победитель богамъ совершалъ онъ обѣты.
Вѣтви обѣкши кругомъ, огромный дубъ на могильтъ
Онъ водрузилъ и украсилъ блестящей бронёю, добычей,
Взятой съ Мезенція мужа, тебѣ посвящаетъ, великій
Брани владыко; онъ гребень шелома, росящійся кровью,
Вѣщаетъ тамъ, усѣченныя дроты и панцырь, двѣнадцать
Разъ отъ ударовъ пробитый; по лѣвую сторону мѣдный
Щитъ и мечъ въ ножнахъ изъ кости слоновой привѣсилъ.
И тогда, обратившись къ соратникамъ (ибо толпою
Всѣ вожди окружали его), онъ такъ начинается:

«Сдѣлано дѣло великое, мужи; а что остаётся,
Этого ждите безъ страха; вотъ тѣ доспѣхи, въ которыхъ
Царь красовался надменный; вотъ первая брани добыча;
Здѣсь тотъ Мезенцій во власти моей. Теперь намъ открылся
Къ городу путь и къ Латину царю; готовьте оружье
И на войну обратите вашъ умъ и надежду; и если
Воля боговъ поднять знамѣна намъ позволить и рати
Двинуть изъ лагеря въ дѣло, чтобъ вы, отъ неведения, знакомъ,
Даннымъ внезапно, умовъ не тревожили вашихъ, — иль медля
Не опоздали бы дѣломъ. Теперь предадимъ мы могильтъ
Павшихъ товарищей прахъ: та единая честь остаётся
Имъ въ Ахеронѣ глубокомъ. Идите — сказали онъ — и душамъ
Доблестныхъ мужей, которые кровью своею купили
Эту отчизну для насъ, отдайте долгъ вашъ послѣдній.
Прежде всего отправимъ въ городъ Эвандра печальный
Тѣло Палланта, котораго рокъ, не взирая на доблесть,
Бъ день злополучный похитилъ и ввергнулъ въ вѣчную бездну.»

Такъ говорилъ онъ и плакалъ, потомъ удалился къ порогу.
Гдѣ бездыханное тѣло Палланта старый Ацетесъ
Мужъ охранялъ: онъ въ прежніе годы оруженосцемъ
Былъ у парразіева мужа Эвандра; но милому сыну
Спутникомъ шёлъ онъ несчастнымъ, въ годину несчастную даннымъ.
Вкругъ стояли рабы, стояли толпою трояне
И троянки, печально власы по плечамъ распустивши.
И едва лишь Эней вошёлъ высокою дверью,
Страшный вопль до небесъ подняли, въ грудь ударяясь;
Стономъ печальнымъ и крикомъ всё царское зданье взревѣло.
Онъ же, Палланта прекраснаго ликъ и голову видя,
На изголовьи высокомъ, и бѣлую грудь, въ ней авзонской
Пики глубокую рану, заплакалъ и рѣчи такія
Молвилъ: «о юный герой, сожалѣнья достойный, въ тебѣ ли
Мнѣ позавидовалъ рокъ, сперва улыбавшійся счастьемъ?
Чтобъ не увидѣлъ ты нашего царства, иль въ дома родные
Не возвратился къ отцу побѣдитель? Не то обѣщаль я
Старцу Эвандру, мой другъ, о тебѣ, когда отходилъ я,
И когда, обнимая меня, на великое царство
Онъ посылалъ, со страхомъ мнѣ повторяя, что храбры
Наши враги и на брани опасны. И нынѣ несчастный,
Тщетной надеждой ласкаясь, быть можетъ, творить онъ обѣты
И алтари отягчаетъ дарами. Мы же въ печали
Юноши трупъ бездыханный, покончившій всё съ небесами,
Съ горемъ и тщетною честью къ нему провожаемъ. Несчастный!
Ты погребенье плачевное сына увидишь! Таковъ ли
Долженъ быть онъ возвратиться, такого ль ты чаялъ увидѣть?
Это ль побѣдный путь? и это ль великое слово,
Данное мною тебѣ? но нѣтъ, о Эвандръ! не въ постыдномъ
Бѣгствѣ увидишь сражённаго сына; спасенъ постыднымъ,

Онъ не заставитъ тебя пожелать прискорбной кончины.
Горе мнѣ, горе! какую опору Авзонья терять!
Мужа какого! и ты, мой Асканій, чего ты лишился!»

Такъ оплакавъ, Эней повелѣлъ несчастнаго тѣло,
Снявши съ одра, унести, и, избравши тысячу мужей
Ратныхъ изъ цѣлаго войска, съ нимъ посылаетъ,
Чтобъ провожали съ последнею честью остатки героя,
И сострадали горю отца, въ печали великой
Малая дань угѣшенья, но должная бѣдному старцу.
И не медля другіе плетутъ для мягкихъ носилокъ
Хвороста гибкія лозы, вплетаютъ дубовыя вѣтви
И устроенный одръ осѣняютъ зеленою листвою;
А на вершинѣ одра, на ложѣ сельскомъ положили
Юношу, словно цвѣтокъ, сорванный девственной дланью,
Нѣжной фялки красу иль томнаго цвѣтъ гяцинта,
Не потерявшихъ ещё ни свѣжести блеска, ни формы,
Но не питаемыхъ больше землёю: мать родная
Силь не даётъ имъ она. Потомъ самъ Эней двѣ одежды
Вынесъ, блестящихъ багрянцемъ и золотомъ вышитыхъ туго:
Эти одежды ему сама сидонянка Дидона
Въ даръ принесла, любившая трудъ, и своими перстами
Золотомъ нѣжнымъ расшила прекрасныя ткани. Изъ этихъ
Онъ покрываетъ одною остатки бранные мужа,
Праху печальный последнюю честь воздаётъ и покровомъ
Кроетъ усопшаго кудри, добычу пламени вскорѣ.
Много притомъ и брони съ побѣждённыхъ на брани лаврентовъ,
Много добычи везти повелѣлъ онъ длинной чредою,
И коней вести боевыхъ и много оружья,
Взятаго съ павшихъ враговъ. А плѣнниковъ, пойманныхъ въ битвѣ,
Руки связавъ на хребтѣ, назначаетъ жертвами тѣни
Павшаго мужа, чтобъ кровью своею костѣрь оросили;
А самими вождамъ, на шестахъ повѣсивъ доспѣхи
Вражьи, нести повелѣлъ, имена написавъ убійныхъ.
Вотъ и Ацета ведутъ, годами согбеннаго старца;
Онъ то грудь терзаетъ руками, то очи когтями
Рвѣтъ, то во прахъ повергается тѣломъ старикъ злополучный.
И колесницу ведутъ, обгарѣнную рутуловъ кровью;
А за нею и Этонъ, конь боевой, головою
Долу поникши, идѣтъ и плачетъ, и крупныя слѣзы
Морду его орошаютъ: на нёмъ не красуется сбруя.
Тѣ несутъ шелома и копья: другіе жъ доспехи
Турнь побѣдитель имѣеть. За ними печально дружина,
Грустные тевкры идутъ и тирренянь вожди и аркадцевъ
Строй, съ обращѣнными копьями въ землю. Когда удалился
Ходъ погребальный, предлинной чредой потянувшись далѣко,
Остановился Эней и сказалъ со вздохомъ глубокимъ:
«Рокъ непреклонный меня призываетъ къ новымъ рыданьямъ,
Къ той же войнѣ неизбежной; привѣтъ мой послѣдній на вѣки,
Доблестный витязь, прими и на вѣки прости.» И, сказавши
Это, къ высокимъ стѣнамъ онъ путь направляетъ обратный.

Вотъ уже и послы отъ латинскаго прибыли царства,
Вѣтвюю оливы чело увѣнчавъ, позволенія просятъ:
Воиновъ павшихъ тѣла, поверженныхъ въ прахѣ желѣзомъ,
Чтобъ возвратилъ и дозволилъ могилѣ предать; что не должно
Брань съ побѣждённымъ вести и лишённымъ дыханія жизни;
Чтобъ пощадилъ друзей и некогда названныхъ тестей.
Выслушавъ добрый Эней справедливаго дѣла просящихъ,
Даль позволенье и съ рѣчью такою къ нимъ обратился:

«Что за судьба, о латины, въ такую войну вовлекла васъ
И отъ друзей убѣгать заставляетъ? Вы просите мира
Мёртвымъ и павшимъ во брани; но я и живымъ уступить бы
Очень желать. И если бѣ судьба мнѣ жилища и мѣста

Не указала, то я не пришёл бы; не съ вашимъ народомъ
Брань я веду; но царь вашъ презрѣль и союзъ нашъ и дружбу,
Гостепрѣмство попралъ и предался оружію Турна.
Если же Турнъ желаетъ борьбу окончить оружіемъ,
Если готовится тевкровъ изгнать, то было бы лучше
И справедливѣе, чтобы онъ самъ устремился въ опасность,
Жизнь подвергая, и этимъ оружіемъ со мною помѣрять
Силы свои; и кому изъ насъ предназначено будетъ
Жить, пусть въ-живыхъ остаётся. Теперь же идите, несчастнымъ
Вашимъ собратамъ готовьте костры и огонь погребальный.»

Кончили Эней, а они, изумлённые, молча стояли,
Долго держа другъ на друга взоръ обращённый и лица.
Только Дранкъ, старикъ враждою и злобою вечной
На молодого Турна плававшій, такъ отвѣчаетъ:

«О, знаменитый молвой и ещё знаменитѣе дивомъ
Подвиговъ ратныхъ, троянскій герой! какой похвалою
Къ небу тебя вознесу? правотѣ ли твоей удивляться
Прежде, иль ратнымъ трудамъ и дѣяньямъ? мы съ благодарнымъ
Сердцемъ рѣчи твои унесёмъ въ отеческій городъ.
Если желанью поможетъ судьба, мы тебѣ объщаемъ
Дружбу съ Латиномъ царёмъ; а Турнъ пусть другого союза
Ищетъ себѣ. И будетъ намъ даже пріятно помочь вамъ
Стѣнъ воздвигать роковую громаду и камни для новой
Трои носить на плечахъ.» Сказалъ и всѣмъ однодушно
Рѣчь зашумѣли такую жъ. И вотъ, заключивъ на двѣнадцать
Дней перемирье, идутъ безопасно лагины и съ ними
Тевкры идутъ по горамъ и лѣсамъ. Поражённый сѣкирой,
Ясень трещитъ и валится; трещать поднебесныя сосны,
Въ прахъ упадая; и дубы скрипятъ подъ клиномъ; благовоный
Кедрь и громадныя вязы везутъ на скрипучихъ телѣгахъ.
И уже молва, предвѣстница горя, летая,
Царскій дворець и Эвандра царя наполняетъ тревогой,
Та же молва, что недавно побѣды Палланта гласила.
Вотъ устремились аркадцы къ вратамъ, по обычаю предковъ
Въ длань захватывъ погребальныя факелы; блещетъ дорога
Длинной чредою огней и далеко поля освѣщаетъ.
А тирреняны отрядъ, напротивъ выступая, съ печальной
Слился толпой; и, увидѣвъ ихъ всѣхъ, къ домамъ подходящихъ,
Мятежи плачемъ и воплемъ наполнили города стогны.
Не было силы и средствъ удержать пораженнаго горемъ
Старца Эвандра: летитъ онъ въ средину толпы и, носилкамъ
Стать повелѣвъ, повергся на тѣло, стена и рыдая.
И едва сквозь рыданья и стоны прорвались такія
Рѣчи: «не то, о Паллантъ, объщала ты отцу, говоривши,
Что безразсудно не будешь вверяться жестокому Марсу!
Зналъ я, какъ много тебя обольститъ та первая сладость
Бранной хвалы и въ первой побѣдѣ геройская слава.
О злополучная юность, начало несчастное, горькій
Опытъ столь близкой войны! И никто изъ боговъ не услышалъ
Жаркихъ молитвъ и обътовъ моихъ! И ты, о блаженной
Памяти милая сердцу супруга, счастливая смертью
Нынѣ твоею, ты чувствовать горя такого не будешь!
Я же, напротивъ того, жизнью свой рокъ побѣдивши,
Сына отецъ пережилъ! И тебя, за союзною ратью
Тевкровъ пошедшаго, ругулы злыя убили! о лучше бь
Жизнь у меня вы отняли! и пусть бы съ торжественнымъ этимъ
Шествіемъ въ домъ возвращался я самъ, а не милый Паллантъ мой.
Я не виню васъ, о тевкры, ни нашего съ вами союза,
Ни договора, ни дружески данной руки; ужъ такая
Участь видно на старость меня ожидала; и если
Смерть преждевременно сына ждала, то меня утѣшаетъ
То, что онъ умеръ, оставивъ тысячи волсковъ побитыхъ
Прежде на брани и тевкровъ повѣлъ на латинскія земли.

О, Паллантъ! я сама не инымъ торжествомъ освятить бы
Память твою, какъ благочестивый Эней, какъ трояне
И тирренянь вожди и вся дружина тирренянь.
Сколько великихъ трофеевъ несутъ, твоею рукою
Снятыхъ съ побитыхъ враговъ! и если бы равныя лѣта,
Если бь мнѣ прежняя сила, твой также въ огромныхъ доспѣхахъ
Здѣсь красовался бы образъ, о Турнѣ; но чтожь я несчастный
Васъ замедляю, трояне, на ратное дѣло? идите
И Энею рѣчи мои передать не забудьте:
Если ещё я влечу печальные дни безъ Палланта,
Мщенье виною тому; онъ видитъ, сколько онъ Турна
Въ жертву обязанъ принести и отцу и несчастному сыну;
Это единственный путь къ заслугѣ его и спасеню.
Мнѣ ужъ не думать о радостяхъ жизни; да я не ищу ихъ;
Только для тѣни Палланта хотѣлъ бы принести утѣшенье.»

Между тѣмъ вознесла ужъ Аврора свой свѣтъ животворный
Для злополучныхъ людей, призывая къ трудамъ и заботамъ.
Вотъ уже и Эней, уже и Тархонъ предводитель
На крутомъ берегу костры воздвигаютъ, и всякій,
Предковъ обычай храня, туда убѣженныхъ собратовъ
Трупы сносили, и вспыхнуло пламя: дымъ чѣрный,
Тучей клубясь, во мракъ погружаетъ высокое небо,
Трижды вокругъ костровъ заплывавшихъ конныхъ дружина
Въ свѣтлой бронѣ обскакала; трижды печальное пламя
Смерти конями очистили мужи, изъ устъ издавая
Вопли и стоны; слезами кропятъ и доспѣхи, слезами
Землю кропятъ; и ратниковъ крики и трубные звуки
Къ звѣздному своду несутся. Другіе же въ пламя бросаютъ
Взятую съ павшихъ латиновъ добычу: бросаютъ шоломовъ
Много, прекрасныхъ мечей и уздъ и колѣсъ быстролѣтныхъ;
А иные бросаютъ щиты, несчастливья брони,
Даръ имъ знакомый. Много быковъ приносятъ на жертву
Смерти, щетинистыхъ вепрей, со всѣхъ захваченный пастбищъ
Скотъ у костровъ закаляютъ. И видятъ трояне повсюду
По берегу горящія трупы собратовъ и, сидя
Вкругъ обгорѣлыхъ костровъ, оторваться не могутъ, доколѣ
Влажная ночь не одѣла небесъ въ блестящія звѣзды.

А съ другой стороны латины несчастные также
Много и много сложили костровъ, предавая отчасти
Множество павшихъ землѣ, а отчасти съ браннаго поля
Въ ближнія страны везутъ иль роднымъ городамъ возвращаютъ.
Прочихъ въ огромную кучу сваливъ, остатки кровавой
Сѣчи, жгутъ безъ числа и безъ чести; широкія нивы
Блескомъ горящихъ огней повсюду сияютъ далѣко.
Третій день согнать ужъ съ небесъ холодныя тѣни:
Вотъ латины, печально разрывъ глубокіе пеплы,
Кости изъ нихъ вынимаютъ и тёплый кроютъ землёю.
А въ столицѣ Латина, въ богатыхъ царскихъ чертогахъ,
Шумъ и смятенье и плачь и доля великая горя.
Матери здѣсь и несчастныя жоны и нѣжныя сѣстры
Плачутъ о горькой потерѣ; тамъ дѣти сиротки рыдаютъ,
Всѣ проклинаятъ жестокою брань и Турна женитьбу.
Пусть одинъ — говорятъ — одинъ добываетъ оружье
Скиптръ италійскаго царства и первыхъ почестей ищетъ.
Мстителный Дранкъ поджигаетъ умы, увѣряя, что только
Турна Эней вызываетъ, что съ Турномъ помѣряться хочетъ.
Много притомъ различныхъ сужденій и въ Турна защиту:
Много его защищаетъ царицы великое имя,
Много и доблесть его и слава подвиговъ ратныхъ.

Между волненій такихъ и страстей, разгорѣвшихся сильно,
Вотъ и послы идутъ отъ высокихъ стѣнъ Діомеда
И приносятъ печальный отвѣтъ, что всѣ ихъ усиля,

Всѣ ихъ старанья были напрасны: ни просьбы, ни деньги,
Ни дорогіе дары не имѣли успѣха; что нужно
Или другого союза искать, иль просить у Энея
Мира. Не знаетъ Латинъ, что дѣлать отъ горя такого.
Видно, Эней роковой водимъ и судьбою и небомъ,
Явно вѣщаютъ и гнѣвъ боговъ и столько предъ взоромъ
Свѣжихъ могилъ. И тогда Латинъ къ великому сбору
Всѣхъ созываетъ сановниковъ царства, къ высокимъ чертогамъ
Имъ собираться велить. И они собрались и къ чертогамъ
Царскимъ текутъ, наполняя дороги; а самъ онъ, съ печальнымъ
Сидя челомъ, по лѣтамъ почтенный и первый по власти,
Царь повелѣлъ послать, отъ стѣнъ этолійскихъ пришедшимъ,
Рѣчи держать и въ порядкѣ представить отвѣтъ Діомеда.

Вотъ языки пріумолкли, и Венуль, царю повинуюсь,
Такъ говорить: «о граждане! видѣли мы Діомеда,
Видѣли лагерь аргивскій и, путь нашъ измѣривъ далѣкій,
Всѣ побѣдили преграды; да, и касались той сильной
Длани, низвергнувшей стѣны Ильона. Въ то время на нивахъ
Япикса, гдѣ возвышается Гарганъ, онъ, побѣдитель,
Тамъ воздвигаль Аргириппы твердыни, отъ родины прежней
Такъ получившей названье. Когда насъ ввели къ Діомеду
И говорить повелѣли, мы тотчасъ дары предлагаемъ,
Имя и родъ нашъ ему говоримъ, и кто объявилъ намъ
Брань, в съ какою мы цѣлью прибыли въ Арпы. Всѣ это
Выслушалъ онъ благосклонно и дружески такъ отвѣчалъ намъ:

«О счастливый народъ, потомки сатурнова царства,
Древней Авзоніи сыны, какая судьба возмущаетъ
Нынѣ спокойствіе ваше, на брань съ неизвѣстнымъ народомъ
Васъ призывая? Но всѣ мы, которые землю Ильона
Нашимъ мечомъ осквернили (не буду о томъ говорить я,
Сколько потерь понесли мы, у стѣнъ ратуя высокихъ,
Сколько героевъ легло на днѣ Симоиса), повсюду
Терпимъ жестокою кару и муки ужъ всѣ испытали
За преступленья наши; о насъ и Пріамъ пожалѣлъ бы.
Знаетъ о томъ роковое свѣтило Минервы и знаютъ
Скалы Эвбеи и мститель угѣсъ Кафарейскій. И послѣ
Этой войны къ различнымъ странамъ гонимые бурей:
Царь Менелай у столбовъ отдаленныхъ Протея въ изгнаны
Жизнь ведѣтъ, а Улиссъ этнейскихъ видѣлъ циклоповъ.
Что я скажу вамъ о пирровомъ царствѣ? что о пенатахъ
Идоменея низверженныхъ? что о локрійцахъ, живущихъ
На берегахъ либійскихъ? Самъ царь миценскій, великій
Вождь знаменитыхъ ахивянь, рукою преступной супруги
Жизни лишѣнь, едва лишь ступилъ на пороги чертоговъ,
И покоренной Азіи — — — тронъ захвачень.
Мнѣ самому позавидоваль рокъ и боги не дали
Снова увидѣть родныхъ алтарей, ни любимой супруги,
Ни Калидона прекраснаго. Да, ещѣ и понынѣ
Страшныя знаменья взоры мои ужасають. Я виделъ
Спутниковъ гибель моихъ, на крыльяхъ въ воздушныя страны
Взнесшихся дивно, и птицами нынѣ уныло скитаясь,
Надъ берегами рѣки, увы! жестокая кара
Сердцу любезныхъ собратовъ! — печальными криками скалы
Всѣ наполняютъ. Я долженъ былъ ждать тѣхъ великихъ несчастій
Съ той минуты ещѣ, когда я, безумецъ, желѣзомъ
Тѣло богини дерзнулъ поразить — десницѣ Венеры
Рану копьёмъ нанести. О нѣтъ, меня не вводите
Въ эту войну; и съ тевкрами нынѣ вести не хочу я
Войнѣ никакихъ, по паденіи Трои: довольно наказанъ
Я за прошедшее зло и о нёмъ позабыть я хотѣлъ бы.
Тѣ же дары, что съ родныхъ береговъ ко мнѣ принесли вы,
Вы предложите Энею: мы въ битвѣ другъ съ другомъ сходились,
Силами мѣрялись вмѣстѣ: повѣрьте, вѣдь я испыталъ ужъ,

Знаю, каковъ за щитомъ онъ возносится стришный, какъ вихремъ
Дроты пускаетъ; и если бы земли Ильяна имѣли
Двухъ героевъ такихъ, тогда бы троянецъ подъ стѣны
Инаха самъ подступилъ, и оплакивать стали бы греки
Свой изменѣнный удѣлъ. И если что либо подъ твёрдой
Трои стѣнами насъ замедляло, то грековъ побѣдѣ
Только энеевъ да гекторовъ мечъ служили преградой;
Только они отклонили её на десятое лѣто.
Оба безстрашны, оба прекрасной броней знамениты.
Но Эней благочестіемъ первый: съ нимъ заключите
Тѣсный союзъ, во что бы ни стало; но остерегайтесь
Силами мѣряться съ нимъ.» Ты слышалъ, о царь нашъ наилучшій,
И Діомеда отвѣтъ и его о войнѣ заключенье.»

Такъ говорили послы, и ропотъ различный носился
По изумлённымъ авзонянь устамъ: такъ точно стремленье
Быстрой рѣки замедляютъ утѣсы, и спѣртая бездна
Ропщеть, и берегъ сосѣдній отъ волнъ раздражѣнныхъ трепещеть.
И лишь только умы усмирились, уста пріутихли,
Царь, помолвившись богамъ, такъ началъ съ высокаго трона:
«О, латины! давно я желалъ объ этомъ великомъ
Дѣлѣ рѣшить, и было бы лучше созвать васъ къ совѣту
Прежде, чѣмъ нынѣ, когда ужъ враги стоятъ подъ стѣнами.
Граждане, намъ не по силамъ война съ потомками неба
И съ непреклонными мужами въ брани, которыхъ ни битвы
Не утомляютъ, ни могутъ смирить пораженья: оружия
Не покидаютъ они. А если какую надежду
Вы полагали въ оружьи этолянъ, её вы оставьте,
Всякъ на себя полагайся; вы видите, сколько ничтожна
Эта надежда. И нынѣ въ какомъ положеніи жалкомъ
Наши дѣла, предъ взоромъ имѣете вашимъ, руками
Можете всё ощущать. Никого обвинять не хочу я:
Всѣ, что храбрость могла величайшая сделать, то храбрость
Сдѣлала; всѣми сражались мы силами нашего царства.
Я изложу вамъ мысли мои, которыя нынѣ
Заняли умъ мой сомнѣньемъ: послушайте только, я вкратцѣ
Всѣ поясню. У меня недалеко отъ берега Тибра
Древнее поле лежитъ, простираясь на западъ далѣко,
Даже до самыхъ сиканскихъ предѣловъ. Тамъ ругулы сѣютъ,
Сѣютъ аврунки, ворочаютъ плугами твёрдые холмы,
А на вершинахъ крутыхъ пасутся прекрасныя овцы.
Вся та страна и съ лѣсомъ сосновымъ высокія горы
Пусть остаются для тевкровъ, за дружбу ихъ съ нами: дадимъ имъ
Равное право въ союзѣ и царство дѣлить призовѣмъ ихъ.
Пусть остаются, и если земля имъ такъ полюбилась,
Пусть и свой городъ построютъ. А если они пожелають
Въ страны иныя уплыть и, отъ нашей земли удалившись,
Въ дружбу съ иными войти, то мы имъ двадцать построимъ
Изъ италійскаго дуба ладей, и болѣе даже,
Если наполнить ихъ могутъ; лежитъ у берега срубленъ
Лѣсъ и готовъ; пусть сами число обозначать и форму
Этихъ ладей; мы дадимъ и рабочихъ, и мѣди и снасти.
Кромѣ того мы пошлѣмъ изъ первѣйшихъ народа латиновъ
Избранныхъ сто пословъ съ оливными въ длани вѣтвями:
Эти дары понесутъ, таланты кости слоновой
И золотые, и кресло, и трабею, нашего царства
Знаки. Вы дайте совѣтъ, угомлѣннымъ дѣламъ помогите.»

И тогда тотъ Дранкъ, котораго турнова слава
Завистью мучила тайной и сердце ко злу побуждала,
Болѣ щедрый и краснорѣчивый, но въ битвѣ холодный
Воинъ, искусный водитель умовъ на совѣтахъ, въ возстаньяхъ
Сильный и славнымъ по матери именемъ гордый (отецъ же
Былъ неизвѣстенъ его), возсталъ и, такими рѣчами
Злость изливая на Турна, сердца на него возбуждаетъ:

«Добрый наш царь! ты дѣло столь ясное намъ излагаешь,
Что въ подкрѣпленьи его словами нѣтъ нужды: всѣ знаютъ
Дѣль положенье въ царствѣ, да только не смѣютъ объ этомъ
Рѣчь повести. Да дасть мнѣ слова свободу и гордый
Нравъ свой на время уймётъ, подь чѣмъ несчастливимъ началомъ,
Чѣмъ и желаньемъ недобрымъ, — я выскажу всё, не взирая
На неприязнь и на то, что меня умертвить угрожаетъ, —
Столько погибло вождей знаменитыхъ и весь погрузился
Городъ нашъ въ плачь и тревогу: въ то время, какъ онъ, осаждая
Лагерь троянъ, положился на бѣгство, тотъ храбрый воитель,
Что устрашаетъ броней небеса. О, царь нашъ наилучшій!
Къ тѣмъ же дарамъ, которыхъ ты много мужаамъ дарданскимъ
Нынѣ послать повелѣлъ, одинъ лишь присоедини ты.
Да не потерпишь, о царь, чтобъ наглость тебѣ помѣшала
Выдать любимую дочь за прекраснаго зятя, достойнымъ
Бракомъ её соединить и этимъ союзомъ упрочить
Миръ навсегда. А если умами и сердцемъ толикий
Страхъ овладѣлъ, то будемъ его умолять, да позволить
Онъ, да уступить своё и царю и отечеству право.
И для чего же гражданъ несчастныхъ опасности явной
Ты подвергаешь такъ часто, глава и причина всѣхъ этихъ
Бѣдствій латинской земли? Въ войнѣ мы не видимъ спасенья,
Турнъ, и о мирѣ тебя умоляемъ; вѣдь самъ ты единый
И ненарушимый мира залогъ. Я первый, вотъ первый
Я, о которомъ ты думаешь, будто я врагъ твой, — и правда,
Не отрекаюсь отъ истины этой, — съ главою покорной
Самъ прихожу и молю: низложи ты надменность и гнѣвъ твой,
Сжался надъ бѣдствіемъ гражданъ и самъ уступи побѣждённый.
Всюду разбитые, видѣли мы и смертей и несчастій
Слишкомъ довольно, и наши широкія нивы пустѣютъ.
Если жъ, хвалою побуждаемый, въ сердцѣ великую храбрость
Носишь и силу, и только мечтаешь о царскомъ величьи
И о приданомъ царя, то иди и врагамъ на удары
Храброю грудъ понеси. Для того ли, чтобъ Турну съ царевной
Въ брачныя узы вступить, мы, толпа, мы ничтожныя души,
Непогребѣнныхъ и неоплаканныхъ жертвъ, мы на бранномъ
Полѣ простёртые будемъ лежать? но если какая
Сила въ тебѣ обитаетъ и если ты можешь гордиться
Мужествомъ предковъ, иди и съ соперникомъ мѣрайся силой.»

Духъ необузданный Турна отъ рѣчи такой возмущился:
Онъ вздохнулъ и изъ груди глубокой такіе упрѣки
Вырвались: «Рѣчи твои, о Дранкъ, преобильнымъ потокомъ
Льются въ то время всегда, какъ надобень мечъ и десница;
Первый являешься ты на собраньяхъ сената; но только
Эти высокія рѣчи, которыми ты безопасно
Попусту храбро гремишь, не нужны, когда укрѣпленья
Держать далеко врага и рвы не наполнены кровью.
Рѣчью обычной греми, о Дранкъ, и меня укоряй ты
Въ трусости, въ бѣгствѣ, тогда какъ твоею рукой низложенныхъ
Тевкровъ лежать преогромныя груды и въ полѣ повсюду
Видны трофеи твои. Но мы испытываемъ, что можетъ
Эта кипучая храбрость; да намъ и враговъ недалеко
Нужно искать; посмотри: кругомъ обступили нашъ городъ.
Что же ты медлишь? ударимъ на нихъ? иль, можетъ быть, только
Храбрость въ пустомъ языкѣ у тебя да въ ногахъ быстробѣглыхъ
Будетъ всегда? побѣждёнъ я? бѣжалъ? но кто же, о жалкій,
Можетъ меня упрекнуть справедливо, кто только увидитъ
Вздувшійся Тибръ отъ кровавыхъ потоковъ, увидитъ эвандровъ
Родъ весь и домъ истреблённый и силы лишённыхъ аркадцевъ?
Нѣтъ, не такимъ испытали меня тотъ Битій и страшный
Пандарь, и тысячи тѣхъ, которыхъ я въ тартара бездну
Свергнулъ въ тотъ день — побѣдитель, когда заключённый въ окопахъ
Вражбыхъ и въ чуждыхъ стѣнахъ оставался. Въ войнѣ ужъ спасенья

Нѣтъ никакого? Безумецъ! подобныя рѣчи дарданской
Пой головѣ и клеветамъ твоимъ; иди и тревогой
Всѣ наполняй, всѣ страхомъ муги, и силы народа
Превозноси, побѣждѣннаго дважды; оружье латиновъ
Всюду гнети, унижай. Теперь и вожди мирмидоновъ,
И Ахиллесъ лариссейскій, и Тидидь трепещуть фригійскихъ
Страшныхъ мечей; и въ испугѣ попятился Авфидь, отъ моря
Адріи вспять обратившись волнами. О хитрость злодѣя!
Нынѣ притворствуетъ, будто угрозы моей онъ боится;
Тѣмъ сильнѣе его ненавижу. Не бойся напрасно:
Эта рука никогда души не отниметъ столь низкой:
Пусть остаётся въ тебѣ и въ подлой груди обитаетъ...
Царь, обращаюсь къ тебѣ и къ твоимъ великимъ заботамъ.
Если уже никакой ты надежды въ нашемъ оружьи
Не полагаешь, и если мы такъ ужъ оставлены всѣми,
Что съ отступленьемъ рати однажды мы ужъ погибли,
И невозвратно счастье для насъ, то будемъ у тевкровъ
Мира просить и прострѣмъ безоружныя длани. О еслибъ,
Если бы въ насъ оставалось хоть нѣсколько доблести прежней!
Тотъ для меня и счастливее всѣхъ и доблестью лучше,
Кто, не желая дожить до такого позора, на бранномъ
Полѣ погибъ и праха устами вкусилъ, умирая.
Если жъ мы сильны ещё и рать не разсѣяна наша,
Если Италіи царства ещё остались, и народы
Въ помощь для насъ, и если дорого кровью купили
Тевкры побѣду себѣ (велико пораженіе и тевкровъ
И велика ихъ потеря во всѣмъ, не менѣе нашей), —
То для чего мы постыдно на первомъ шагѣ подаёмся?
Или, ещё не услышавъ трубы, отъ страха трепещемъ?
Время и часъ перемѣнчивыи тяжкаго вѣка какъ часто
Къ лучшему вдругъ измѣнялись, и непостоянное счастье,
Часто, надъ смертнымъ насмѣшку сыгравъ, его же неожиданно
Къ лучшему снова ведётъ. Но къ намъ не придутъ на помощь
Ни этолійцы, ни Арпы? но будетъ Мессапъ и Толумній
Будетъ счастливый: но будутъ другіе вожди, отъ народовъ
Столькихъ пришедшіе къ намъ; и слава пойти не замедлитъ
Вслѣдъ за дружиною храброй латиновъ и ратью лаврентовъ.
Есть и Камилла, царица прекраснаго племени волсковъ,
Конныя рати ведётъ и блестящія мѣдью дружины.
Если же тевкры меня на брань одного вызываютъ,
Если то нравится вамъ, и я лишь одинъ вамъ помѣхой
Въ благѣ общественномъ здѣсь, то не столько побѣда
Рукъ избѣгаетъ моихъ, чтобъ я въ столь великой надеждѣ
Счастья пытать не хотѣлъ. Я смѣло пойду на опасность,
Будь онъ сильнее Ахилла, въ такихъ же доспѣхахъ, руками
Кованыхъ бога Вулкана; за васъ и за тестя Латина
Жизнь обрекаетъ тотъ Турнь, который отнюдь не уступить
Въ доблести предкамъ своимъ. Онъ меня одного вызываетъ,
Этотъ Эней, и пусть вызываетъ, объ этомъ прошу я.
Если разгнѣваны боги, не дранковой смертью смягчатся,
Если въ томъ доблестъ и честь, не ему у меня ихъ похитить.»

Такъ межъ собою они о трудныхъ дѣлахъ состязались;
А Эней въ то время изъ лагеря двинулся въ поле.
Вотъ и гонецъ бѣжитъ въ великой тревогѣ къ палатамъ
Царскимъ и городъ волнуетъ смятеньемъ и вѣстью, что тевкры,
Вмѣстѣ съ дружиной тирренянъ, стройною ратью несутся
Отъ Тиберина рѣки, выступая по цѣлому полю.
Вдругъ взволновались умы, народа сердца встрепенулись,
Страсти возстали, кипятъ, побуждѣнныя гнѣвомъ; оружья
Требуютъ юноши жадно, и рать восклицаетъ: къ оружью!
Плачутъ и стонутъ печальные старцы: отсюду тревожный
Крикъ отъ желаній различныхъ несётся къ высокому небу.
Точно какъ стаи пернатыхъ, слетѣвшись, высокую рощу
Съ крикомъ обсадутъ; иль на воды рыбной Падузы

Тьма лебедей голосистых скликается въ шумномъ болотѣ.
Пользуясь временемъ Турнь, «о граждане — молвить — прекрасно!
Вы созывайте совѣтъ и миръ на досугъ хвалите,
Пусть нападаютъ враги.» И, не вымолвивъ болѣе слова,
Быстро схватился и бросился вонъ изъ высокихъ чертоговъ.
«Ты, Волузій, иди и въ броню повели облекаться
Волсковъ дружинѣ и ругуловъ къ бою веди — говорилъ онъ —
Вы же, Мессапъ и съ братомъ Корась, по широкому полю
Конныя рати разсыпьте; пусть часть защищаетъ ворота,
Часть на башни идѣтъ, а прочія рати со мною
Въ битву пойдутъ, куда имъ указано будетъ.» Сказалъ онъ,
И, взволновавшись, весь городъ толпами къ стѣнамъ устремился.
Самъ же почтенный Латинъ, покинувъ собранье, и дѣло
Важное, временемъ смутнымъ встревоженный, онъ отлагаетъ,
Самъ обвиняетъ себя, что прежде не принялъ Энея,
Мужа дарданскаго, зятемъ его не признавъ, столь достойнымъ
Царства. Вотъ рвы предъ ворогами роютъ, другіе подвозятъ
Камни и брёвна, а хриплые звуки трубы, раздаваясь,
Къ брани кровавой зовутъ; а тамъ опоясали стѣны
Матери, дѣвы нестройной толпою; къ послѣднимъ усилямъ
Чась роковой призываетъ. Царица же, сонмомъ великимъ
Жонъ окружённая, ѣдетъ къ высокому храму Минервы.
Жертву богинѣ вѣзётъ; при ней и Лавинія дѣва,
Горя такого причина, потупивъ прекрасныя очи.
Къ храму подходятъ онѣ, благовоньями храмъ наполняютъ
И отъ высокихъ пороговъ такія мольбы возсылаютъ:

«О, бронемощная, грозная въ брани тритонова дѣва!
Сильной десницей сломи у фригійскаго хищника страшный
Мечъ и во прахъ самого низложи у высокой твердыни.»

Турнь же кипучій межъ тѣмъ поспѣшно въ броню облекался:
Онъ ужъ и ругуловъ панцырь надѣлъ чешуйчатый, мѣднѣй,
Страшный, и въ золото ноги обулъ и къ чресламъ привѣсилъ
Мечъ боевой; но чела ещё не покрылъ онъ шеломомъ.
И, нисходя отъ высокаго замка, онъ весь красовался
Золота блескомъ, и въ радости духа уже побѣждалъ онъ
Мыслью врага: такъ точно, расторгнувъ узду и отъ стойла
Вырвавшись, конь на свободу бѣжить и въ открытое поле,
Или на пастбище мчится, иль въ стадо бѣжить къ кобылицамъ,
Или къ знакомой рѣкѣ, привыкшій часто купаться,
Скачетъ, плывѣтъ и, роскошную шею поднявши, гордится
Силой своею; а грива его на хребтѣ и на шеѣ,
Густо волнуясь, играетъ съ вѣтромъ. Ему же навстрѣчу
Мчится съ дружиною волсковъ Камилла; и вотъ, подскакавши
Къ самымъ воротамъ, съ коня соскочила; и, ей подражая,
Слѣдился цѣлый отрядъ. Она же такъ начинается:

«Если позволено, Турнь, на храбрость свою полагаться,
Я полагаюсь и противъ троянскихъ полковъ общаю
Смѣло ударить одна и на конныя рати тирренянь.
Ты мнѣ позволишь первой извѣдать опасности брани,
Самъ же останешься пѣшій и будешь отстаивать стѣны.»

Турнь же, вперя свой взоръ изумлённый на страшную дѣву,
«О, украшенье Италии — молвить — о, дѣва! Какую
Дать благодарность тебѣ иль какую высказать словомъ?
Если же нынѣ въ сердцѣ твоёмъ столь высокая доблесть,
Будешь со мною опасность дѣлить. Эней, по вѣрнѣйшимъ
Слухамъ и по донесению лазутчиковъ, конницы лёгкой
Двинуть полки, несчастливецъ, чтобъ нивы, иды, разоряли.
Самъ же, чрезъ горы пустынный путь по хребту направляя,
Двинется съ войскомъ на городъ. Но я приготовилъ засаду,
Въ узкомъ проходѣ въ лѣсу, гдѣ ратниковъ строи поставлю,
Выхода оба стеречь. Ты въ бой понесёшься на рати

Конных тирренянь; съ тобою и храбрый Мессапъ и латинянь
Строй и войско Тибурна; ты также веди и начальствуй.»

Такъ говорить, и такую же рѣчью на битву Мессапа
Онъ возбуждаеть, а съ нимъ и союзныхъ вождей, и несётся
Противъ врага. Межъ угѣсовъ крутыхъ разстилалась долина,
Къ хитрости ратной удобное мѣсто; тамъ чѣрною тѣнью
Лѣсъ, поднимаясь съ обѣихъ сторонъ, покрываеть тропинку
Узкую, въ чашу ведущую тѣснымъ, обманчивымъ ходомъ.
Выше надъ нею по высямъ горы пролегаеть равнина,
Скрытая взорамъ, убѣжище тайное, слѣва ли хочешь
Кинуться въ битву, иль справа, иль, ставъ ни вершинъ угѣсовъ,
Скалы и камней громады катить на враговъ. И туда-то
Мчится герой молодой по знакомымъ ему переходамъ,
Мѣста достигъ и подъ чашею скрылся въ коварной засадѣ.

Между тѣмъ въ высокихъ чертогахъ Олимпа богиня,
Дочь Латоны, изъ дѣвственныхъ спутницъ одну призываетъ,
Быструю Описъ, изъ сонма священнаго дѣву, и рѣчи
Къ ней обращаетъ печальныя: «дѣва! въ кровавую сѣчу
Мчится Камилла и тщетно броню препоясала нашу.
Эта мнѣ прочихъ любезнѣе дѣва; не новое чувство
Этой любви поселилось въ Діанѣ, не чувствомъ внезапнымъ
Къ ней увлекаюсь теперь. Но когда нелюбовью народа
Царства лишённый Метабъ за надменность свою и жестокость,
Городъ Приверну покинувъ, наслѣдіе древнее предковъ,
Въ бѣгствѣ спасенья искалъ, сквозь рати враговъ пробираясь,
Взявши съ собою малютку въ сопутницы горя, Камиллы
Имя ей даль, измѣнённое матери имя Касмиллы.
Самъ же, на лонѣ малютку неся, удалился въ дремучій
Лѣсъ на высокія горы. Отвсюду жестокія брони
Смертью грозили ему, и волски, дружину разсыпавъ
Всюду, скакали за нимъ. Но вотъ ужъ путей половину
Онъ совершилъ и видитъ: потокъ Амазень опѣнённый
Съ яростью воды несётъ, изъ берега прочь вырываясь,
Вздутый отъ сильныхъ дождей, на землю низвергнутыхъ небомъ.
Броситься вплавь онъ хотѣлъ но, къ дитяти родному любовью
Жаркой горя, въ нерешимости медитъ: за ношу боится
Онъ дорогию. И много въ умѣ передумалъ, но вскорѣ,
Мыслью счастливой объятый, взявши огромную пику,
Дубъ узловатый и крѣпкій, которую въ сильной десницѣ
Нёсъ онъ случайно, безстрашный воитель; и, мягкое ложе
Сплетши изъ пробковой гибкой коры, и въ нёмъ заключивши
Дочь малютку, къ срединѣ копыя прикрѣпилъ онъ искусно,
Взялъ онъ въ могучую руку потомъ и, колебля, такую
Къ небу молитву послалъ: «благодатная дѣва богиня,
Чадъ Латоны, царица лѣсовъ! тебѣ я, родитель,
Самъ посвящаю малютку мою на служенье: впервые
Держить оружье твоё и, враговъ убѣгая, воздушнымъ
Мчится путёмъ и тебѣ возсылаеть молитву; прѣми же,
Дѣва, рабыню твою, вручённую вѣтрамъ опаснымъ.»

Такъ онъ сказалъ и, руку назадъ отвѣдая, выпускаеть
Пикъ свою: зашумѣла вода, и надъ быстрымъ потокомъ
Съ свистомъ на пикѣ несясь пролетѣла малютка Камилла.
Между тѣмъ настагаеть погоня всё ближе и ближе,
А Метабъ бросается въ волны и пику съ малюткой,
Даромъ богинѣ Діанѣ, съ зелёной травы поднимаетъ.
Ни города, ни жилища подъ кровлю не приняли мужа,
Да и не поднятъ бы самъ онъ руки, по лютости нрава.
Жизнь проводилъ онъ въ пустынныхъ горахъ, скитаясь какъ пастырь.
Тамъ онъ малютку скрывая въ дремучихъ лѣсахъ и пустынныхъ
Дебряхъ, питалъ молокомъ кобылицы и дикаго звѣря.
Самъ нажимая сосцы на нѣжныя губки малютки.
И лишь только дитя поднялося на ножки и первый

Слѣдь свой стопой обозначило въ прахѣ, онѣ даль ей въ ручѣнки
Острую пику, и стрѣлы и лукъ ей на рамя повѣсилъ.
Золото въ кудряхъ не блещетъ, ни складки волнистой одежды
Долу отъ плечъ не сплываютъ; но тигрова кожа
Плечи покрыла ея и отъ плечъ до земли ниспадаетъ.
Нѣжная ручка уже метала дѣтскіе дроты,
Длинной пращи ремень вокругъ головы обгоняла.
И не одинъ ужъ стримонскій журавль, ни одинъ бѣлокрылый
Лебедь свалился, стрѣлою ея поражѣнный. И много,
Много уже матерей по тирренской землѣ, но напрасно,
Жаждали видѣть её для сына невѣсткой. Дѣанѣ
Только служила она и вѣчною страстью пылала
Только къ оружію и къ дѣвственной жизни. О, еслибъ къ оружію
Меньшею страстью пылала она и теvkровъ на битву
Не вызывала, то нынѣ была бы одною изъ спутницъ
Сердцу любезныхъ! но нынѣ тѣснима судьбою жестокой
Дѣва Камилла. Ты же, о, нимфа, съ небеснаго свода
Долу спустишься и полѣтъ свой направь на латинскую землю.
Тамъ, гдѣ подъ знаменемъ смутнымъ пылаетъ несчастная битва.
Мстящую эту стрѣлу возьми ты изъ тула; стрѣлою
Этой рази ты того, кто грудь уязвить непорочной
Дѣвы Камиллы; иль будетъ онѣ теvkръ, иль мужъ италійскій,
Кровью своею заплатитъ. Я, облакомъ тѣмнымъ покрывши
Трупъ и доспѣхи, неснятые съ дѣвы несчастной, въ родную
Землю сокрою, въ могилѣ отцовъ схороню.» Такъ сказала;
Нимфа же лёгкимъ, воздушнымъ путѣмъ устремившись, съ небесныхъ
Высей летитъ, окружѣнная облакомъ чѣрнымъ тумана.

Между тѣмъ ужъ троянская рать поступала подѣ стѣны;
Съ нею этрусковъ вожди и ратниковъ конныхъ дружина,
Вся по числу и отрядамъ; кипятъ по цѣлому полю
Кони и скачутъ, копытомъ гремя, подѣ уздою метаясь
Вправо и влѣво, рукой обращѣнные сильной; а поле
Лѣсомъ щетинится копій булатныхъ; равнина пылаетъ
Блескомъ брони и оружія. Но вотъ и Мессапъ выступаетъ
Въ поле, и съ братомъ Корасъ, и быстрыя рати латиновъ,
Съ ними и дѣвы Камиллы дружина; на теvkровъ несутся,
Длинные пики отводятъ и снова впередъ простираютъ,
Дроты въ рукахъ потрясаютъ и мечугъ; сходятся мужи,
Кони кипящіе ржать. И вотъ ужъ сошлись на пространство
Брошенной пики и стали; но вдругъ и съ крикомъ и съ воплемъ
Кинулись въ бой, понуждаютъ коней торопливыхъ; отсюда,
Словно какъ снѣгъ изъ подѣ тучи, сыплются копья и стрѣлы,
Небо скрывая отъ взоровъ. Вотъ, копья другъ въ друга уставивъ,
Храбрый Тирренъ съ Аконтеемъ кипучимъ сразились: ихъ брони
Съ трескомъ сшибаются страшнымъ, и грудью
Мужи и кони столкнулись. Какъ молнья съ небесъ упадетъ
Или машиной изверженный камень тяжѣлый, такъ точно
Сверженный палецъ Аконтей и по воздуху душу разсѣялъ.
Строи латиновъ смѣшались и, тыль обративъ и за плечи
Бросивъ щиты, поскакали назадъ къ укрѣпленьямъ; ихъ гонять
Теvkры и первый Азиласъ за ними съ дружиною мчится.
Вотъ, до воротъ доскакавъ, поднимаютъ латины ужасный
Крикъ и, коней повернувши послушныя морды, на теvkровъ
Бросились вспять. Тѣ бѣгутъ и узды скакунамъ попускаютъ,
Словно какъ море, и взадъ и впередъ надъ бездною колеблясь,
То къ берегамъ устремляется, выше угѣсовъ бросаетъ
Пѣной кипящая волны, песокъ заливаешь далѣкій;
То порывается вспять и бѣжитъ, увлекаетъ съ собою
Камни, глотая ихъ въ бездну, и вновь берега покидаетъ.
Дважды тирреняне ругуловъ гнали до самой твердыни;
Дважды и сами бѣжали и тыль покрывали щитами.
Въ третій же разъ, какъ сошлись и со строями строи смѣшались,
Воина воинъ избралъ; и тогда умирающихъ стоны,
Кровь пораженныхъ, оружье, доспѣхи, воиновъ трупы,

Кони полу-умерщвлённые, — всё въ безобразную кучу
Страшно свалилось, и вотъ поднялась ужасная сѣча.
Туть Орсилохъ, не посмѣвший напасть на Ремула прямо,
Дротъ свой вонзаетъ въ коня и подь ухомъ оставилъ желѣзо:
Звонкопытный скакунъ, разъярённый ударомъ, воспрянулъ
Дыбомъ и, чуя жестокою рану, по воздуху взвился,
Грянувъ копытомъ высоко; а сброшенный всадникъ на землю
Рухнулъ. Катилъ поражаетъ Юла, сражаетъ Герминья,
Мужа безстрашнаго духомъ, громаднаго тѣломъ, бронёю.
На головѣ обнажённой его бѣлокурья кудри,
Плечи нагя; онъ ранъ не боится, ударамъ безстрашно
Выставилъ тѣло своё; но пика, въ широкое рамя
Грянувъ, дрожащая, вышла насквозь, и отъ боли жестокой
Вдвое согнулся гигантъ. Отвсюду кровь чѣрная брызжетъ,
Смерть разсѣвають въ рядахъ ратоборцы и славной кончины
Ишугъ на битвенномъ полѣ.

А вотъ амазонка Камилла

Скачетъ средь сѣчи и бокъ выставляетъ ударамъ; колчаномъ
Рамя гремятъ. Она то метаетъ частые дроты,
Лѣгкою сыпля рукой; то, схвативши въ десницу секиру,
Наутомимо разить. У нея на плечѣ перевѣшенъ
Лукъ золотой звонкострунный и въ тулѣ данины стрѣлы.
Съ нею любимыя скачутъ подруги кругомъ: и Ларина
Дѣва, и Тулла, и съ мѣдной сѣкирою въ длани Тарпея,
Всѣ италійскія дѣвы; сама ихъ Камилла избрала,
Въ мирѣ прекрасныхъ подругъ, и въ битвѣ безстрашныхъ наѣздницъ.
Такъ амазонки еракійскія бьютъ берега Фермодонта,
Въ битву вступаю въ доспѣхахъ цвѣтныхъ; иль вокругъ Ипполиты
Вьются, иль Пентезилеи, когда въ колесницѣ несѣтся
Въ битву безстрашно она, и съ громкими кликами шумной
Схачутъ толпою съ щитами поль-лунными женскія рати.
Храбрая дѣва! кто первый повержень тобой, кто послѣднй?
Или какъ много повергла ты въ прахъ умирающихъ мужей?
Первый былъ Клитя чадо Евней; онъ, еловою длинной
Пикою прямо въ открытую грудь насквозь пораженный,
Паль, извергая потоками кровь и грызя обгагрённый
Прахъ, и на ранѣ своей въ содроганьи предсмертномъ вращаясь.
Далѣе Лира, за нимъ и Пагаза сражаетъ; тотъ первый,
Павшій съ коня, поражённаго въ бокъ, за узду ухватился,
Этотъ его заступалъ и простѣръ безоружную руку,
Чтобы собрату помочь: и оба стремглавъ покатались.
Къ нимъ придаётъ и Амастра, гиппотова сына, и гонить,
Издали пикой пронзая Гарпалика мужа, Ферея,
Хромиса, Демофоонта; и сколько мѣткой рукою
Копій бросаетъ безстрашная дѣва, столько фригянъ
Въ прахъ повергаетъ она. Вотъ Орнитъ въ бронѣ неизвѣстной,
Славный ловець, на конѣ апулійскомъ издали мчится:
Снятая шкура съ быка покрываетъ широкія плечи
Воина; на головѣ съ преогромнымъ звѣвомъ развѣртнымъ
Волчья красуется пасть и оскалила бѣлые зубы;
Пика сельская въ рукѣ; онъ самъ, окружённый дружиной,
Скачетъ въ срединѣ, соратниковъ всѣхъ головой превышая.
Этого мужа настигнувъ она — и было нетрудно:
Тыль обратила дружина, — пронзаетъ и, стоя надъ павшимъ,
Гнѣвныя рѣчи къ нему обратила: «въ лѣсу ли, ты думалъ,
Дикихъ гоняешь звѣрей, о тирренець безумный; но тщетно:
День ужъ насталь, въ который твои надменные рѣчи
Женскимъ оружьемъ смиряются; иди и рассказывай тѣнямъ
Предковъ твоихъ, что погибъ ты сражённый оружьемъ Камиллы.»

Туть Орсилоха и Бута, двухъ великановъ троянской
Рати, повергла; но Бута съ тылу копьёмъ поразила
Между кольчугой и шлемомъ, гдѣ часть обнажённую шеи
Панцырь поднявшись открылъ, и гдѣ щитъ на рамени лѣвомъ

Свись отъ плеча. Орсилоха жъ сама убѣгая и кругомъ
Путь описавши великимъ, вдругъ повернула обратно.
Воина тѣмъ обманувъ, и за гнавшимъ пустилась въ погоню.
И тогда, оставъ высоко, опустила на мужа
Тяжесть дебели сѣкиры, сломила доспѣхи и кости,
Просьбамъ и рѣчи не внемля: изъ страшно раскрывшейся раны
Выскочилъ мозгъ на лицо и съ теплою кровью струится.
Вотъ наскалъ, но испуганный зрѣлицемъ страшнымъ, внезапно
Сталъ неподвижно сынъ обитателя горъ Аппенинскихъ,
Славнаго Авна, воитель и вмѣстѣ лигуриянинъ первый
Въ дѣлѣ обмана, доколѣ судьба позволяла. И вотъ онъ,
Видя, что бѣгствомъ отъ битвы никакъ уйти невозможно,
Ни отвратить нападенъе царицы, прибѣгнувъ къ обману,
Хитрость затѣявъ въ умѣ, и такъ говорить, обратившись:
«Что достохвальнаго въ томъ, что, надѣясь на сильную лошадь,
Женщина, ты нападаешь на мужа? Ты бѣгъ укроти твой;
Здѣсь ты, на ровную землю сойди и съ моими помѣрай
Силы твои, и къ пѣшему бою готовься; узнаешь,
Вскорѣ, кто славенъ пустою молвой, а кто настоящей.»
Кончила, а дѣва, пришедшая въ ярость и болью жестокой
Сердце пронзивши, съ коня соскочила и, спутницѣ въ руки
Давши узду, съ броней одинаковой предъ мужемъ предстала
Пѣшая, только съ мечемъ обнаженнымъ и чистою пармой.
Онъ же, въ томъ видя побѣду свою, ускакалъ отъ царицы,
Вспять обративши уздою коня и желѣзною шпорой
Рѣбра его поражая. «О, тщетно, лигуриянинъ, тщетно,
Ты возмечталъ о побѣдѣ; напрасно гордишься, напрасно
Ты испытать пожелалъ отцовскую хитрость; но хитрость
Не унесетъ живого тебя къ коварному Авну.»

Такъ говорила Камилла, и, быстрой пятою вскочивши
Вмигъ на коня, быстролѣтная дѣва узду захватила
И поскакала въ погоню и смертью врага наказала:
Точно съ такой быстротою съ высокой скалы опустившись,
Птица священная, ястребъ, стремительнымъ лѣтомъ голубку
Вдругъ настигаетъ подъ облачной высью и, жадно схвативши
Въ когти кривые, внутренность вонъ выпускаетъ; и съ выси
Хлопя ошипанныхъ перьевъ летять и кровавыя капли.

Но не глядитъ прародитель боговъ и людей равнодушнымъ
Взоромъ на эти дѣянъя съ высокаго трона Олимпа:
Онъ побуждаетъ тирренца Тархона на страшную сѣчу,
Гнѣвомъ его распаяя и храбростью сердце волнуя.
Вотъ и въ средину кипящаго боя, гдѣ рать отступала,
Мчится Тархонъ на конѣ и рѣчью своихъ ободряетъ
Ратниковъ, каждаго именемъ клича, и вновь обращаетъ на битву:

«О, никогда неспособные каяться, вѣчные трусы!
Что за безумье, тирреняне, вашей душой овладѣло?
Что за испугъ? Васъ женщина гонить, повсюду разсѣявъ
Эти полки. Но къ чему жъ намъ оружье? Къ чему мы напрасно
Носимъ желѣзо въ рукахъ? Но не такъ вы лѣнивы и вялы
Въ вашихъ сраженъяхъ ночныхъ и любовныхъ проказахъ; не такъ вы
Ждетѣ роскошныхъ пировъ и весельемъ наполненныхъ кубковъ,
Внемлете звукамъ вакховой флейты двойной и на пляску
Храбро спѣшите. Вотъ страсть, вотъ желаніе ваше. Вы храбры
Только тогда, какъ пріятный гадатель вѣщаетъ о пирѣ,
Иль призываетъ васъ въ рошу прохладную тучная жертва!»

Такъ говоря, онъ въ средину враговъ коня направляетъ,
Смерти въ досадѣ ища, и какъ вихоръ на Ветула прямо
Тутъ наскалъ, и, сорвавши съ сѣдла, рукой охватилъ онъ
Сильно врага и, прижавши къ груди, съ быстротою великой
Мчитъ на конѣ. И крики до сводовъ небесъ поднялися;
Всѣ обратились латины со взоромъ на нихъ любопытнымъ:

По полю мчится Тархонь, унося и доспѣхи и мужа.
И отломивъ онъ отъ пики его наконецникъ желѣзный,
Ищетъ открытаго мѣста, чтобъ раной смертельною мужа
Тамъ поразить; а плѣнникъ, напротивъ, ударъ отклоняя,
Держитъ тархонову руку и съ силою борется силой.
Какъ высоко возлетаетъ съ похищеннымъ въ небо дракономъ
Бурый орѣль и, впугавши лапы, впивается въ жертву;
А уязвлѣнный драконъ, свиваясь въ волнистые сгибы,
Кольчатой выи поднять чешую и, дыбомъ взвиваясь,
Пастью шипитъ; а орѣль, несмуѣнный, добычу терзаетъ
Клювомъ кривымъ и крылами съчѣтъ воздушныя страны:
Такъ и Тархонь уносилъ изъ рядовъ тибуртинскихъ добычу
И съ торжествомъ побѣдителя мчался. И видя этруски
Этотъ примѣръ и неслыханный подвигъ вождя, поскакали
Въ битву кровавую снова. Тогда-то, судьбой обречѣнный,
Аррунсъ, метатель копья превосходный и хитростью лучшій,
Быструю дѣву Камиллу вокругъ обѣгая, за нею
Всюду слѣдить по стопамъ, выжидая удобной минуты,
Чтобъ нанести ей ударъ. И куда на враговъ ни поскачетъ
Пылкая дѣва въ средину толпы, туда же за нею
Аррунсъ слѣдить осторожно и тихо, нога за ногою;
Или съ побѣдой обратно она отъ враговъ понесѣтся,
Тутъ же за нею тайкомъ и онъ скакуна направляетъ.
Онъ то съ одной стороны забѣгаетъ, то снова съ противной,
Ищетъ удобнаго мѣста и мѣткую пику колеблетъ,
Воинъ коварный. Случайно Хлорей, богини Цибелы
Нѣкогда жрецъ, въ то время скакаль, сверкая бронёю
Издали свѣтлой, красивой, коня опѣнѣннаго быстро
Мча по рядамъ. Его покрывала звѣриная шкура;
Перьямъ подобной она чешуёй позлащѣнной изъ мѣди
Плотно покрыта была, и самъ чужеземнымъ багрянцемъ
И драгоценною тканью сиялъ. Онъ критскіе дроты
Мѣтко металъ изъ ликійскаго дровка; на рамя повѣшенъ
Лукъ золотой звонкострунный; чело золотой осѣняетъ
Шлемъ; золотистаго цвѣта хламида, камзолъ изъ тончайшей
Ткани, на грудь собираясь и мелко рассыпавшись въ складки,
Въ узелъ сходилъ, кольцомъ золотымъ сопряжѣнный; на нёмъ же
Туника, и наголенникъ на нёмъ чужеземной работы,
Шитые шолкомъ прекрасно. Его-то охотница дѣва,
Слѣпо въ сраженъя пылу одного преслѣдуя съ жаромъ,
Иль для того, чтобъ доспехи троянскіе въ храмъ повѣсить,
Иль для того, чтобъ облечься самой въ золотую добычу,
Гнала, забывъ осторожность, по всѣмъ непріятельскимъ строямъ,
Женскою страстью къ добычѣ и къ золоту сильно пылая.
Между тѣмъ ужъ Аррунсъ, выждавъ удобное время,
Мѣткій свой дротъ изъ засады въ рукѣ потрясая, такую
Къ небу молитву послалъ: «о, богъ Аполлонъ многосильный,
Стражъ надъ священнымъ Сорактомъ; о, ты, котораго чтимъ мы
Болѣе прочихъ народовъ; кому и священныя сосны
Вѣчно горять, и, руководимые силою вѣры,
Мы, твоего божества почитатели, смѣло ступаемъ
На раскалённые угли; о, дай же, могучій отецъ нашъ,
Дай мнѣ оружьемъ моимъ заплатить безславіе наше!
Я не доспѣховъ ишу, не добычи побѣды отъ павшей
Дѣвы, не славныхъ трофеевъ: другія дѣянія будутъ
Славой и честью моею; и если жестокая эта
Язва падѣтъ подъ ударомъ моимъ, то безъ чести и славы
Пусть возвращусь я въ отеческій городъ.»

Услышавъ молитву

Фебъ и мысленно части ея исполненъ назначилъ,
Часть же другую разсѣялъ на вѣтеръ летучій. Услышавъ
Слово молитвы, чтобъ дѣву простѣръ онъ внезапною смертию,
Но не назначилъ узреть высокія родины горы:
Эти желанье на воздухъ развеяли буйныя вѣтры.

Вотъ когда зашипѣлъ изъ меткой пушеннѣй длани
Дрогъ и по воздуху грянуть, тогда обратилися взоромъ
Всѣ и сердцама къ царицѣ пылкѣ волски. Она же,
Этой бѣды не предвидя, ни шума не слышала пики,
Ни зашумѣвшаго вѣтра, доколѣ копѣе не вонзилось
Подъ обнаженнѣмъ сосцомъ и девичьей крови изъ раны
Не напилось. И сбѣжалась толпа испуганнѣхъ спутницѣ,
На руки дѣву приѣмлютъ. Но болѣе всѣхъ устрашеннѣй
Аррунсъ въ восторгѣ и страхѣ сбѣжалъ: уже онѣ не вѣрять
Пикѣ своей и съ дѣвой уже повстрѣчатся не смѣтъ.
Словно тотъ волкъ, что убилъ пастуха иль прекрасную тѣлку,
Чувствуя дерзость свою и мщенѣе ловцовѣ упрѣждая,
Тотчасъ укрыться бѣжить на пустынный горный выси,
Въ чащу лѣсную, и, хвостъ опустивъ, поджимаетъ подѣ чрево:
Такъ и испуганнѣй Аррунсъ бѣжалъ, укрываясь отъ взоровѣ,
Бѣгствомъ довольнѣй своимъ, и вмѣшался въ ратующихъ строи.
А она, умирая, рукой исторгаетъ изъ раны
Острую сталь; но сталь межъ костей глубоко погрузилась
Въ ребра ея; и блѣднѣтъ она, и смыкаются вѣжды
Холодомъ смерти, и пурпурѣ съ прекраснѣхъ ланить улетаетъ.
Къ Аккѣ она обратившись, одной изъ ровестницѣ, чтобъ молвить
Слово послѣднее къ ней (та вѣрнѣй подругою дѣвы
И неразлучной была и заботами съ нею дѣлилась),
Такъ говоритъ: «о милая Акка, доселѣ могла я...
Кончено всѣ ужъ... рана смертельна... я силы теряю...
Всѣ покрывается мглою вокругъ. Бѣги же и Турну
Эту мою передай послѣднюю просьбу: пускай онѣ
Въ битву идѣтъ за меня и троянѣ отъ стѣнѣ отражаетъ;
Ты прости...» И съ этими дѣва словами изъ длани
Ремни уздечки роняетъ и клонится долу невольнѣ;
Мало по малу холодъ объемлетъ всѣ члены; на рамя
Слабая шея склонилась; на грудь голова опустилась;
Выпала пика изъ рукъ и со вздохомъ послѣднимъ изъ груди
Вырвалась жизнь и гнѣвная въ бездну тѣней улетѣла.
И тогда поднявшись неслыханный крикъ поражаетъ
Звѣзды небесъ золотыя, и битва съ паденьемъ Камиллы
Ожесточается снова; сбѣжались густыми толпами
Рати троянѣ и тирренянѣ вожди и отряды аркадцевѣ.

А Дѣаны посланница Описъ давно ужъ на горнѣхъ
Высяхъ сидитъ и на поле борьбы спокойно взираетъ.
И едва вдали увидѣла шумъ и смятенѣе
Юнѣхъ сопутницѣ, толпой окружившихъ Камиллу,
Смертью сраженнѣю, вздохъ извлекая изъ груди глубокой,
Рѣчи такя сказала: «о слишкомъ, слишкомъ жестоко,
Дѣва, твоѣ наказанѣе, за то, что троянѣ вызывала
Къ брани; тебя не спасло ни твоѣ благочестѣе къ Дѣанѣ,
Въ уединеннѣхъ лѣсахъ, ни стрѣлы въ колчанѣ богини.
Но и въ послѣднѣй твой часъ тебя не оставитъ богиня,
Честь воздавая тебѣ, и имя твоѣ межъ народовѣ
Будетъ по смерти греметь и ты не погибнешъ безъ мести;
Ибо кто смертнѣй тебѣ нанесѣтъ смертельную рану,
Смертью будетъ наказанъ.» Была подѣ высокой горою
Изъ земляного холма могила огромная; древнѣй
Царѣ Лаврента, Дерценнѣ, схороненъ подѣ этой могилой.
Ясени тѣнью густою еѣ осѣняли; туда-то
Нимфа богиня, прекрасная видомъ, сперва опустилась
Быстрымъ полѣтомъ, на Аррунса глядя съ высокаго холма.
И, увидѣвъ бронѣю блестящаго мужа и тщетно
Гордаго подвигомъ славнымъ, «къ чему — говорить — убѣгаешь
Ты отъ меня? ты сюда обратися, сюда подойди ты,
Гибели мужъ обреченнѣй, да мзду ты достойную примешь
Дѣвы Камиллы; ты также погибнешъ оруженѣемъ Дѣаны.»
Такъ сказала еракѣйская дѣва и, туль золоченѣй
Взявъ и летучую вынуть стрѣлу, побужденнѣя гнѣвомъ,

Лукъ натянула, сводя тетивою далеко, доколѣ
Оба кривые конца межъ собой не коснулись и руки
Далѣ взять не могли, коснувшись лѣвой желѣза
Стрѣлки, а правую вмѣстѣ съ струной опирая о перси.
Вмѣстѣ слышались Аррунсъ шипѣнье стрѣлы и движенье
Вѣтра, и въ тоже мгновенье въ тѣло вонзилось желѣзо.
И его, въ предсмертныхъ терзаньяхъ стнящаго много,
Бросили въ полѣ безвѣстномъ товарищи, въ прахъ забыли.
Описъ на быстрыхъ крылахъ къ высотамъ олимпійскимъ взлетѣла.

Лѣгкій Камиллы отрядъ, увидѣвъ паденье царицы,
Первый бѣжалъ; бѣжали и рутуловъ рати; бѣжалъ и
Храбрый Атинасъ; разбиты вожди; разбиты дружины,
Ищутъ спасенья, коней обратили и къ городу мчатся,
И никто ужъ не можетъ отбить наступающихъ тевкровъ,
Ужась и гибель несущихъ; никто не дерзаетъ сразиться.
Вотъ на усталыхъ плечахъ ослабѣвшіе луки уносятъ;
Кони бѣгутъ, поражая копытами пыльное поле.
И поднимаюсь, къ стѣнамъ пыль облакомъ чѣрнымъ катится.
Ставъ на высокихъ стѣнахъ и дланію грудь поражая
Жоны и матери вопли подъемлютъ къ небеснымъ свѣтиламъ.
Тѣхъ же, что первые въ бѣгствѣ ворвались въ развѣртныя стѣны,
Вражья толпа, напирая на нихъ, поражаетъ жестоко,
Врѣзавшись въ тылъ; и не могутъ они избежать злополучной
Смерти: на самомъ порогѣ, въ стѣнахъ, у родныхъ укрѣпленій,
И подъ защитой домовъ поражённые жизнь оставляютъ.
Тѣ затворяютъ врата, не даютъ проходу собратамъ
И не дерзаютъ впустить умоляющихъ въ городъ. И тутъ-то
Встала кровавая сѣча: одни защищали, другіе
Входъ осаждали, стремясь на мечи и на пики. Несчастныхъ,
Въ городъ непринятыхъ часть, предъ родителей плачущихъ взоромъ
Вражья тѣснящая ратью, въ глубокіе рвы упадаетъ.
Тѣ же въ слѣпомъ заблужденіи узду пустили, и бьются
Кони, стучась какъ тараномъ въ ворота и твёрдые бруссы.
Сами же матери, жоны, въ послѣднемъ усилии, любовью
Истинной къ родинѣ милой пылая, и видя Камиллу,
Трепетной дланью мечуть оружие; вмѣсто желѣза
Твёрдые дубы, шесты, обожжённые кольца бросаютъ,
Спорять о томъ, кто первый погибнетъ за стѣны родныя.

Между тѣмъ жестокая вѣсть и до Турна доходитъ
Въ лѣсъ: тамъ Акка приносить герою тревогу, что рати
Волсковъ побиты, погибла Камилла и врагъ, раздражённый,
Натискомъ сильнымъ валить и, вездѣ торжествуя побѣду,
Всѣ захватилъ и ужась несётъ подъ самыя стѣны.
Онъ же, пришедшій въ ярость (такъ Зевса суровая воля
Всѣ направляетъ), горныя выси и чащу покинулъ.
И едва лишь отъ взоровъ сокрылся и выступилъ въ поле,
Какъ прародитель Эней въ ущелье свободно вступаетъ,
Горную высь переходитъ и лѣсъ покидаетъ дремучій.
Быстро съ дружинами оба героя къ стѣнамъ устремились
И въ разстояніи другъ отъ друга близкомъ несутся. И видитъ
Тотчасъ Эней, какъ пылью широкое поле дымится,
Видитъ лаврентовы рати. Въ то самое время Энея
Храбраго Турнъ узнаётъ, блестяще видитъ dospѣхи,
Слышитъ и топотъ копытъ и храпенье коней быстроногихъ.
И уже готовы были сразиться и въ битву
Кинуться вновь; но Фебъ лучезарный въ иберскія воды
Ужъ погрузилъ утомлённыхъ коней, и день ужъ склонённый
Ночь заступила. Вотъ лагерьмъ сѣли предъ городомъ рати.

Энеида (Вергилий/Шершеневич)/Песнь пятая/ДО

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [Энеида \(Вергилий/Шершеневич\)](#)

Перейти к [навигация](#), [поиск](#)

□

← [Пѣснь четвёртая](#)

Энеида Вергилия — Пѣснь пятая

авторъ *Публий Вергилий Маронъ* (70 г. до н.э.—19 г. до н.э.), пер. *И. Г. Шершеневичъ* (1819—1894) → [Пѣснь шестая](#)

Язык оригинала: латинский. Название в оригиналь: [Aeneis](#). — Источник: [Современникъ, Литературный журналъ, томъ XXXII, Санктпетербургъ, 1852](#)

Википроекты: [Википедія](#)

Энеида Вергилия

Пѣснь пятая

Буря. — Трояне пристають къ берегамъ Сицилии, къ владѣннѣямъ Ацеста, который дружески ихъ принимаетъ. — Эней воздаётъ честь праху Анхиза и назначаетъ игры. — Состязанье четырёхъ кораблей. Клоантъ остаётся побѣдителемъ. — Состязанье въ бѣганьи, Эвріаль провозглашёнъ побѣдителемъ. — Кулачный бой Дареса съ Энтелломъ. Побѣда на сторонѣ Энтелла. — Стрѣльба из луковъ. Царь Ацестъ принимаетъ участіе въ играхъ и остаётся побѣдителемъ. — Чудо при этомъ. — Дѣтскія военныя игры. — Юнона, всегда озлобленная противъ троянъ, превращаетъ ихъ радость въ печаль. — Она посылаетъ съ небесъ Ириду. — Посланица, принявъ образъ старухи Беры, побуждаетъ троянокъ сжечь корабли. — Пожаръ флота. — Тревога между троянами — Эней молить Юпитера о защитѣ. — Юпитеръ посылаетъ ва пылающій флотъ проливной дождь съ грозою, и флотъ спасёнъ. — Совѣтъ старца Навтеса. — Образъ Анхиза является Энею, предсказываетъ ему будущее и проситъ, чтобы онъ низошелъ къ нему въ адъ. — Эней, оставивъ часть троянъ во владѣннѣяхъ Ацеста, самъ съ остальными выступаетъ въ море. — Венера приноситъ на Юнону жалобу Нептуну. — Нептунъ утѣшаетъ её и обѣщаетъ защиту и покровительство. — Кормчій Палинуръ ведётъ флотъ. — Ночь. — Богъ Сонь, принявъ образъ Форбанта, низлетаетъ къ Палинуру и совѣтуетъ ему уснуть, предлагая посидѣть за него у кормы и править флотомъ. — Палинуръ не соглашается; но Сонь его преодолеваетъ. — Палинуръ, опрокинутый, падаетъ въ море.

Et tuba commissos medio cauit aggere ludos.

(Изъ пятой пѣсни)

Между тѣмъ Эней съ кораблями въ полное море
вышелъ и плыл, разсѣкая вѣтромъ черныя волны

И обращая взоры къ стѣнамъ Карфагена, въ которыхъ
Заревомъ яркимъ пылало пламя несчастной Дидоны.
Что причиною этихъ огней, троянцы не знаютъ.
Только внезапный разрывъ, великой любви оскорбленье,
И печаль, до которой отчаянье женщинъ доводитъ,
Это вселяло въ сердца ихъ какое-то грустное чувство.

Вотъ едва корабли удалились, за ними исчезли
Всѣ берега; не видно земли: только море да небо;
Грянули тучи и крупныя капли дождя покапались;
Свиснули вѣтры, стемнѣло и валь расплескался во мракѣ.
Самъ Палинуръ вожатый, ставъ на кормѣ корабельной,
«Что опоясали небо черныя тучи? – сказалъ онъ.
Что ты готовишь, Нептунъ?» – говорилъ Палинуръ, и не медля
Снасти велѣлъ онъ убрать и, сильно ударивъ веслами,
Противъ вѣтра лавировать сталъ и сказалъ онъ Энею:

«Великодушный Эней, при этой бурной погодѣ
Я не надѣюсь никакъ береговъ италійскихъ увидѣть,
Если бы даже мнѣ обѣщаль великій Юпитеръ:
Такъ и ревутъ и бушуютъ противныя вѣтры, вздымаясь
Съ мрачнаго запада къ намъ, и воздухъ сгущается въ тучи.
Противъ вѣтра намъ плыть невозможно: у насъ недостатеть
Столько силы; но мы указанью судьбы покоримся
И поворотимъ лучше по вѣтру. Тутъ недалѣко,
Кажется мнѣ, лежитъ сицилійская пристань и царство
Эрикса брата, если я не ошибся по звѣздамъ.»

«Да – отвѣчала Эней – я давно примѣчаю, что вѣтеръ
Этого хочеть, а ты лишь напрасно силишься противъ.
Дай поворотъ парусамъ. Какая жъ земля мнѣ милѣе,
Гдѣ же лучший приваль кораблямъ, утомлённымъ отъ бури,
Если не въ этой странѣ, отчизнѣ родного Ацеста, –
Въ этой странѣ, гдѣ покоится прахъ незабвенный Анхиза?»

Такъ говорилъ Эней, и всѣ корабли повернулись,
Вѣтеръ попутный надулъ паруса, весь флотъ океаномъ
Быстро летить и вскорѣ примчался на берегъ знакомый.

Видя съ вершины утѣса прибытие знакомаго флота,
Вышелъ на встрѣчу Ацестъ, искусный въ метаньи стрѣлами,
И покрытый кожей косматой либійскихъ мелвѣдей.
Онъ рождёнъ отъ троянской жены и потока Кримица.
Не забывая собратьевъ своихъ, Ацестъ поздравляетъ
Флотъ съ счастливымъ возвратомъ и утомлённыхъ троянцевъ
Самъ угощаетъ обѣдомъ простымъ и дары посылаетъ.

Вотъ на другое утро когда ужъ звѣзды разсѣялъ
Свѣтлый день, Эней съ кораблей созываетъ троянцевъ
Всѣхъ и, ставъ на возвышенномъ мѣстѣ, такъ начинается:

«Храбрые тевкры, потомки великой, божественной крови!
Вотъ ужъ годъ наконецъ свой солнечный кругъ совершаетъ,
Какъ схоронили мы въ землю священныя кости Анхиза
И приносили за душу его печальныя жертвы.
Вотъ ужъ, кажется, день насталь, который мнѣ будетъ
Вѣчно печалень и вѣчно священь (такъ боги хотѣли).
Если бы я изгнанникомъ жилъ въ гетулійскихъ пустыняхъ
Или въ Миценахъ, захваченный въ плѣнъ кораблями аргивянь,
Я бы и тамъ совершалъ обрядъ погребальный Анхизу,
Каждый годъ, въ память его алтари воздвигаль бы.
Не безъ воли боговъ, не безъ святого желанья
Мы приплыли опять къ берегамъ знакомымъ и дружнымъ
И стоимъ теперь у бранныхъ остатковъ Анхиза.
Ну, воздадимъ же всѣ усопшему должную почесть:

Будем просить попутного вѣтра и чтобы обрядомъ
Этимъ возобновлялась всегда драгоцѣнная память,
Если успѣю построить городъ и храмы святые.
По два быка на корабль даёть намъ троянецъ Ацестъ:
Вы примите къ пенатамъ своимъ и Ацеста пенатовъ
На торжественный пирь. А когда золотая Аврора
Намъ подаритъ девятый день и заблещетъ лучами,
Я вамъ назначу сперва состязаніе быстрого флота:
А потомъ, кто на ногу скорь, кто геройскую силу
Хочетъ явять, кто метаетъ копье, кто пернатяя стрѣлы
Лучше бросаетъ, кто славенъ игкуствомъ кулачнаго боя,
Пусть соберутся всѣ для принятя приличной награды.
А теперь веселитесь и чела вѣнчайте цвѣтами.»

Такъ говоря, онъ матернимъ мирточъ чело осѣняетъ.
И Гелимъ подражаетъ ему и старецъ Ацестесъ,
И малютка Асканій; за ними и прочіе мужи.
Вотъ Эней изъ собранья пошелъ на могилу Анхиза,
Множество мужей его окружили и двинулись вмѣстѣ.
Тамъ, по обычаю, чистымъ виномъ наполнивъ двѣ чаши,
Двѣ молокомъ свѣжимъ, а двѣ священною кровью,
Льётъ на могилу, алые сыплеть цвѣты, повторяя:

«Милый родитель, вы, пеплы святые, привѣтствую васъ я,
Въ этой могилѣ, тебя, о тѣнь усопшаго старца!
Небу угодно было, чтобъ я безъ тебя, мой родитель,
Той зеили роковой искалъ, на поляхъ италійскихъ,
Тѣхъ береговъ отдаленныхъ искалъ авзонскаго Тибра...»

Такъ говорилъ онъ, какъ вдругъ блестящи змѣй изъ могилы
Выползъ – огромный змѣй. Въ семь круговъ сгибаясь, проползъ онъ
По алтарямъ и громаднымъ кольцомъ обвилъ онъ могилу.
Весь хребетъ его испещрѣнъ былъ чуднымъ узоромъ,
А чешуя сіяла какъ чистое золото: точно
Радуга такъ, получая отъ солнца небесныя краски,
Тысячи разныхъ цвѣтовъ разливаешь въ воздушныя струи.
Остолбенѣлъ Эней: а змѣй полосой предлинной
Снова ползётъ, межъ бокаловъ и жертвенныхъ чашъ пробираясь,
И вкусилъ отъ священной трапезы и вновь удалился
Въ глубь пустоты могильной, оставивъ вкушѣнную жертву.
А Эней торжество погребальныхъ обрядовъ сугубить, –
Но не зваешь, что змѣй: иль геній-хранитель,
Или родителя рабъ. Онъ двузубыхъ ягнать убиваетъ
Пару, и столько же вепрей, и столько быковъ чернобокихъ;
Льётъ изъ бокаловъ вино, призывая душу Анхиза
И великую тѣнь его изъ глубокаго ада.
И товарищи также дары въ восторгъ приносятъ.
Чѣмъ кто богатъ, отягчаютъ алтарь и тельцовъ убиваютъ;
Тѣ разставляютъ въ порядокъ котлы на травѣ, а другіе
Жертву на вертель кладутъ и жарятъ на угляхъ горящихъ.

Вотъ насталь и желанный день: ужъ съ девятой Авророй
Мчатся по свѣтлому небу въ лучахъ фаетоновы кони.
Ужъ и молва о троянцахъ дошла до сосѣднихъ народовъ;
Ихъ влечетъ любопытство и славное имя Ацеста:
Вскорѣ пришли и у берега стали веселой толпою,
Чтобъ посмотрѣть на троянецъ или участвовать въ играхъ.
Тамъ по срединѣ цирка на видъ положили награды:
Много зеленыхъ вѣнковъ и много священныхъ сосудовъ,
Пальмовыхъ вѣтокъ, награду побѣды; оружья, одежды
Изъ драгоцѣнной пурпурной ткани и множество денегъ.
Вотъ на холмѣ затрубили въ трубу: начинаются игры.

Вышла на подвигъ краса четырёхъ кораблей преогромныхъ,
Избранныхъ для состязанья, – четыре изъ цѣлаго флота.

Быстрымъ весломъ управляетъ Мнестей на Китѣ быстролётномъ, —
Тотъ италійскій Мнестей, отъ котораго Меммія имя.
А громадный Гіантъ стовтъ на громадной Химерѣ:
Вёслами гонить её молодежь изъ отборныхъ троянцевъ,
Сидя на трёхъ скамьяхъ; въ три ряда оцѣтинились вёсла.
И Сергестъ, отъ котораго Сергія имя родилось,
На огромномъ Центаврѣ плывётъ; на лазуревой Сциллѣ
Бдетъ Клоантій, родоначальникъ клуэнтова дома.

Есть недалеко отъ берега въ морѣ утесъ преогромный:
Тамъ, набегая, крутые валы разбиваются въ пѣну
И омываютъ рѣбра его; за нвмъ утопаютъ свѣтила.
Тихо, спокойно то мѣсто, какъ будто влажное поле
Стелется ровно; тамъ рѣзвый нырѣкъ на свободѣ гуляетъ.
Тамъ Эней, на утесѣ примѣтивъ зелёную иву,
Самъ назначилъ предѣломъ её кораблямъ, чтобъ оттуда
Всѣ, описавъ полу-крутъ, обратнымъ путѣмъ возвращались.
Вотъ избираютъ по жребью мѣста; кораблей командиры
Ужъ на кормахъ стоятъ, красуясь багряною мантией,
Шитою золотомъ; а у гребцовъ изъ тополевыхъ листьевъ
Вьются вѣнки и оливой блестятъ обнажённые плечи.
Вотъ ужъ сидятъ на скимьяхъ, упираясь руками на весла,
Ждутъ съ нетерпѣньемъ знака; отъ радости сердце въ нихъ бѣтсѣ,
Страхъ и надежда и жажда побѣды волнуютъ ихъ груди.

Громкіе звуки трубы раздались, — и мгновенно по влагѣ
Всѣ корабли полетѣли, и воздухъ потрясся отъ крика.
Вёслами машутъ гребцы и взбиваютъ сребристую пѣну:
Быстро летятъ корабли и тройными носами и грудью
Рѣжутъ глубоко валы, борозду за собою оставляя.
Не съ такимъ стремленьемъ бѣгутъ быстроноге кони
И, на ристалищѣ всплывъ, влекутъ за собою колесницу;
И не такъ сѣдоки, повода потрясая, волнуютъ,
То наклоняясь вперёдъ, то повиснувъ на нихъ совершенно.
Рукоплесканіе зрителей, шумъ и крикъ одобреній
Рошу всю огласили, по берегамъ пронеслись отголоски,

И, поражённые звукомъ, утёсы и скалы встряхнулись.
Всѣхъ обгоняетъ Гіантъ и рѣжетъ переднія волны;
Вскрикнули зрители всѣ: а его нагоняетъ Клоантій;
Лучше гребцы у него, но корабль и тяжёлъ и неловок.
А за ними слѣдомъ на одномъ разстояннѣ несутся
Китъ и Центавръ и спорятъ съ собою за первое мѣсто:
То Центавръ впереди, то снова Китъ обгоняетъ;
То, поровнявшись челомъ, летятъ съ быстротой одинаковой,
Двѣ борозды за собою чертя по зыбучему полю.
Ужъ приближались къ утёсу, уже достигали предѣла,
Вдругъ впереди кораблей плывущій Гіантъ побѣдитель,
Съ гнѣвнымъ челомъ обратившись, сказалъ рулевому Менету:
«Что ты вправо берёшь, лѣвѣе ворочай, лѣвѣе,
Къ берегу ближе; пусть вёсла слегка прикоснутся концами
Къ этии утесамъ: другіе пускай поворотятъ подальше!»
Но Менетъ боясь налетѣть на подводные камни,
Даль поворотъ кораблю направо, къ открытому морю.
«Какъ ты плывёшь, Менетъ? къ утёсу ближе, къ утёсу!»
Снова Гіантъ закричалъ рулевому — и, вдругъ оглянувшись,
Видитъ, что скорый Клоантъ на корму напираетъ мгновенно:
Онъ пролетѣлъ въ промежутокъ между скалой и Гіантомъ.
Быстро сѣчѣтъ валы и, гіантовъ корабль обгоняя,
Вдругъ впереди очутился, оставивъ скалу за собою.
Вспыхнулъ въ досадѣ Гіантъ, закипѣла въ немъ кровь молодая
Слѣзы въ глазахъ навернулись; забылъ онъ и стыдъ и приличье,
И Менета съ высовой кормы опрокинулъ онъ въ море.
Самъ схватился за руль, онъ самъ кораблёмъ управляетъ,
Самъ ободряетъ гребцовъ и править рулемъ на утёсы.

А Менеть тяжёлый, обременённый годами,
Всплывь оть глубокаго дна и доплывь до ближайших угёсовъ,
Съль на скаль: а вода изъ одежды ручьями струится.
Хохоть подняли троянцы, увидѣвъ паденье Менета;
И, глядя, как онъ, на скалу приподнявшись, изъ груди
Началь откашливать горькую воду, снова хохочуть.
Тутъ Сергестъ и Мнестей, ободрясь, запыхали надеждой
Опередить корабль замедленнаго дѣлом Гянта.
Вотъ ужъ Сергестъ впереди, всё ближе и ближе къ утесу,
Но не на весь корабль обогналъ онъ Мнестей: отчасти
Онъ впереди, а отчасти и Китъ на него напираетъ.
А Мнестей, пробѣгая рядами гребцовъ, ободряетъ
И говорить имъ: «Теперь, теперь вы ударьте веслами,
Храбрые мужи, которыхъ избралъ я въ товарищи, послѣ
Гибели Трои родной; теперь покажите ту силу, —
Ту богатырскую силу, которую часто видалъ я
На гетулийскихъ бурныхъ моряхъ, юническихъ водахъ
И на опасныхъ волнахъ неизбѣжныхъ отмелей малайскихъ.
Я не хочу ужъ первой побѣды; уже невозможно;
Если бы... о!... но пусть ужъ будетъ воля Нептуна!
Стыдно намъ будетъ, братцы, послѣдними выйти изъ дѣла;
Дружно ударьте, друзья, не дадимъ кораблю посрамиться!»
Вотъ гребцы налегли на корабль и взмахнули веслами:
Такъ и дрожить и трепещетъ корабль при каждомъ ударѣ,
Только вода за кормою бѣжитъ полососою предлинной;
Частымъ дыханьемъ вздымается грудь у гребцовъ утомлённых:
Потъ выступаетъ на нихъ и ручьями по тѣлу катится.
Случай доставилъ Мнестей возможность желанной побѣды:
Разгорячённый успѣхомъ Сергестъ, на утесъ направляя
Свой корабль, подплывъ подъ самыя скалы, несчастный,
Тутъ налетѣлъ на подводные камни: впапанимъ ударом
Вдругъ столкнувшись съ скалою, корабль застоналъ и на камняхъ
Сталъ неподвижно; по острому дну заскрыпѣли всѣ вёсла.
Встали гребцы со скамей, поднимаютъ и крики и толки:
Взяли шесты съ изощрённымъ концомъ и желѣзные крючья
И подбираютъ изъ волнъ осколки изломанныхъ вёселъ.
Радостно вспрыгнувъ Мнестей, ободрённый первымъ успѣхомъ,
Онъ ударилъ весломъ и, поднявъ паруса, покатился
Быстро по зыбкимъ валамъ и вышелъ въ открытое море.
Дикій голубь, внезапно испуганный шумомъ въ пещерѣ,
Гдѣ онъ свилъ подъ скалою гнѣздо для милыхъ малютокъ,
Вдругъ встрепенётся въ гнѣздѣ и, громко захлопавъ крылами,
Мчится на ниву и тамъ, взлетѣвъ подъ лазурное небо,
Свѣтлый воздухъ съчѣтъ и не двигаетъ крыльевъ летучихъ:
Такъ Мнестей, такъ Китъ разсѣкаетъ зыбучія волны;
Такъ онъ летитъ, гонимый стремительной силой удара
Вотъ пролетѣлъ ужъ мимо Сергеста, который съ угёсомъ
Тщётно боролся, на помощь къ себѣ призывая собратовъ,
И напрасно пыгался поплыть съ обломками вёселъ.
Вотъ за Гянткомъ пустился Мнестей, за огромной Химерой:
Опредилъ, потому что безъ кормчаго была Химера.
Лишь Клоантій одинъ впереди оставался на Сциллѣ;
Гонить его Мнестей, собравъ послѣднія силы.
Радостный крикъ испустила толпа, ободряя Мнестей;
Всѣ берега огласились и воздухъ потрясся отъ крика.
Тѣмъ досадно лишиться уже пріобрѣтенной чести:
Лучше смерть для нихъ, чѣмъ потеря славной победы;
Тѣхъ ободряетъ успѣхъ, потому что побѣда возможна.
И уже судьба готовила равную долю
Двумъ кораблямъ; но Клоантій къ морю съ тёплой молитвой
Руки простёръ и богамъ творилъ онъ усердно обѣты:

«Боги — сказать онъ — боги, могучіе моря владыки!
Я вамъ воздвигну алтарь у берега моря, я въ жертву
Ваиъ принесу быка прекраснаго; въ море повергну

Жертву кровавую; поты душистым виномъ окроплю я.»

Внял Клоанта мольбамъ въ глубокихъ волнахъ океана
Хоръ nereидъ и Форцида и нимфы молодой Панопей;
Самъ великій Портунь махнулъ могучей рукою
За кораблёмъ: и онъ, какъ стрѣла, какъ летучая буря,
Къ берегу мчится, летить – и скрылся въ глубокою пристань.

Вотъ анхизовъ сынъ сказалъ имена всѣхъ героевъ,
И герольдъ прокричалъ побѣдителемъ мужа Клоанта.
Самъ Эней на него лавровый вѣнецъ надѣваетъ;
По три прекрасныхъ быка кораблямъ посылаетъ въ подарокъ,
И большой талантъ серебра, и разныя вина.
Но наиболѣе чести самимъ кораблей командирамъ;
Дать побѣдителю пурпурный плащъ: бахрама золотая
Вѣется вокругъ него, подобно двойному Меандру;
Царскій отрокъ вышить на нёмъ: онъ по Идѣ зелёной
Мчится какъ вѣтръ и пронзаетъ стрѣлой быстроногихъ оленей;
Видна усталость въ лицѣ, и кажется, будто онъ дышитъ.
Дадѣ видно: летитъ орѣлъ, громоносецъ владыки,
И, схвативъ малютку въ когтистыя лапы, уноситъ;
Тщётно старыя слуги длань къ небесамъ простираютъ,
Рвутся вѣрные псы и лаютъ, морду закинувъ.
А тому, кто второй за Клоантомъ достоинъ награды
Панцырь тройной подарилъ Эней, съ золотою насѣчкой,
Свитый изъ тонкихъ колечекъ: Эней побѣдитель въ добычу
Самъ получилъ его, повергнувъ Демолеона,
У береговъ Симоэнта, въ виду ильонской твердыни.
Прелесть – не панцырь: въ покоѣ краса, а въ бою и защита.
Слуги Фегей и Сагарисъ едва на плечахъ дотащили
Эту броню, сгибаясь подъ ношей; а прежде бывало
Демолеонъ въ ней гналъ предъ собою бѣгушихъ троянцевъ.
Третій подарокъ были два мѣдныхъ котла и сосуды
Изъ серебра, испещрённые густо прекрасной рѣзьбою.
Вотъ ужъ всѣ получили награды и шли въ восхищеньи,
Въ знакъ торжества украсивъ чело багряною лентой.
А Сергестъ, оттащивъ наконецъ корабль отъ утеса
И лишившись вѣселя, едва-едва ужъ тащился,
Въ пристань обратно пльвя, осыпаемый градомъ насмѣшекъ.
Какъ на дорогѣ змѣй, захваченный вдругъ колесницей
И раздавленный тяжестью мѣдныхъ колесъ, иль тяжѣлымъ
Камнемъ разбитый, полу-умерщвлённый проходимъ, напрасно
Хочетъ бѣжать и тѣломъ свивается въ длинныя сгибы:
Тутъ разъярѣнь и страшно ещё глазами сверкаетъ,
Вздугую шею поднять, шипитъ, и выставилъ жало;
А съ другой стороны уязвлённая часть приковала
Тѣло его къ землѣ и тщётно вѣется по праху:
Такъ повреждённый корабль съ трудомъ тащился безъ вѣселя,
Но, поднявъ паруса, наконецъ придвинулся въ пристань.
И Сергестъ получилъ обѣщанный даръ отъ Энея,
За спасённый корабль и всѣхъ пловцовъ отъ крушенья:
Дана въ награду раба, искусная въ дѣлѣ Минервы,
Родомъ изъ Крита, Фолоя, и двое подгрудныхъ малютокъ.

Вотъ, окончивъ эту игру, Эней приподнялся
И пошелъ на зелёное поле, Кругомъ возвышались
Рядомъ круглыя холмы, покрытыя лѣсомъ, а между
Этихъ холмовъ разстилалась долина: въ этой долиноѣ
Быль построены циркъ, въ которомъ Эней, помѣстившись,
На возвышеніи сѣлъ, окружённый несметной толпою.
Онъ вызываетъ на споръ быстроногихъ героевъ, кто хочетъ
Въ запуски бѣгать, и назначаетъ дары и награды.
Вотъ изъ рядовъ выступаютъ троянцы и сицилійцы.
Первые вышли на подвигъ троянцы: Низъ съ Эвриаломъ.
Этотъ сиялъ красотою и блескомъ свѣжести юной,

А другой дышаль къ Эвріалу нѣжной любовью.
Вотъ пришелъ и Діоресь отъ царской крови Пріама.
А за ним и Салій и Патронъ: первый былъ родомъ
Изъ Акарнанской земли, а другой – отъ аркадскихъ тегейцевъ.
Съ ними два молодыхъ сицилійца: Гелимъ и Панопесь,
Спутники старца Ацеста, привыкшіе по лѣсу бѣгать.
Много ещё и другихъ, которыхъ имя забыто.
Вставъ по срединѣ, Эней имъ такъ говорить начинается:

«Слушайте, мужи, и весело рѣчи моей вы внимайте;
Ни одинъ изъ васъ безъ даровъ отъ меня не отыдетъ:
Каждому дамъ я по два копя съ наконечникомъ свѣтлымъ,
По два критскихъ копья, и топоръ, серебромъ испещрённый;
Эта награда будемъ для всѣхъ. Но награду побѣды
Первые три получаютъ и чела украсяютъ оливой.
Первый герой получить коня съ блестящею сбруей;
А второй – амазонскій колчанъ, наполненный туго
Пукомъ ѳракійскихъ пернатыхъ, на поясѣ, вышитомъ густо
Золотомъ яркимъ, спяженномъ алмазною пряжкой.
Третій пусть будетъ доволенъ вотъ этимъ аргивскимъ шеломомъ.»

Такъ окончили Эней и герои мѣста занимаютъ
И по данному знаку всѣ вдругъ съ быстротой понеслись
Съ мѣстъ, какъ потоки дождя потекли, вырываясь нзъ тучи.
Первый Низъ подаётся впередъ и летитъ передъ всѣми,
Буйнаго вѣтра быстрѣе, быстрѣе крылатаго грома.
За быстроногимъ Низомъ, хотя въ разстоянїи далѣкомъ,
Салій несётся. За нимъ, небольшимъ отдѣлённый пространствомъ,
Третій бѣжитъ Эвріаль. Эвріала преслѣдуетъ Гелимъ;
А за Гелимомъ вслѣдъ вотъ-вотъ набѣгаетъ Діоресь,
Ногу объ ногу трѣтъ и ня Гелима клонится плечи.
Если бы болѣе мѣста было, Діоресь навѣрно
Опередилъ бы его иль съ нимъ на бѣгу поровнялся.
Вотъ утомлённые всѣ ужъ почти достигли предѣла,
Вдругъ несчастный Низъ скользнулъ на лужѣ кровавой,
Гдѣ заклали въ жертву тельцовъ, и зелёное поле
Кровь обагрила. Тамъ юный герой и уже побѣдитель
Не удержался, скользнувши пятой, и, стремглавъ наклонившись,
На нечистый навовъ и священную кровь повалился.
Но и въ паденїи онъ не забыть о любви къ Эвріалу:
Салію путь заградилъ поднявшись на скользкой аренѣ,
И опрокинутой Салій на влагу сгущённую рухнулъ.
Между тѣмъ Эвріал, получивши отъ друга побѣду,
Быстро понесся впередъ при рукоплесканьяхъ и крикахъ.
Гелимъ бѣжитъ впереди, а за Гелимонъ третій Діоресь.
Салій, поднявшись въ то время, громкія жалобы началъ
Судьямъ кричать, и крикомъ его весь циркъ огласился;
Требоваль онъ возвращенія соперникомъ отнятой чести,
Но благосклонность судей была къ сторонѣ Эвріала:
Милаго юноши слёзы и вмѣстѣ подвигъ прекрасный,
Въ нёмъ увеличивъ красу победили зрителей сердце.
Самъ кричалъ Эвріалу победу Діоресь, который
Тщётно пришелъ бы за должной наградой, если бы Салій
Первую честь получилъ удостоившись первой награды.

«Юноши – молвить Эней – награда васъ не минуетъ:
Каждый получить своё и никто не нарушитъ порядка:
Но мнѣ жаль безъ награды оставить бѣднаго друга;
Случай виною всего.» – И такъ говоря, онъ въ подарокъ
Салію далъ отъ либійскаго льва преогромную кожу,
Кожу, съ густою, тяжёлою гривой, съ которой спускались
Страшныя лапы его и блестяще золотомъ когти.

«Ежели такъ награждать побѣждённыхъ – Низъ возражеть –
Если жалѣешь о павшихъ, Эней, какую жь награду

Я получу, – я, первым вѣнкомъ увѣнчаться достойный,
Если бы тотъ же случай несчастный меня не постигнулъ?» –

Такъ говоря, онъ показывалъ всѣмъ покрытое тиной
Тѣло своё и лицо, осквернённое влажнымъ навозомъ.
Добрый Эней поглядѣлъ на него и ему, улыбнувшись,
Вынести шить приказалъ работы Дидимаона,
Жертву данайцевъ Нептуну, снятый съ предверія храма.
Этинъ цитомъ Эней подарилъ превосходнаго Низа.

Кончивъ эту игру и раздавши героямъ награды,
Такъ говоритъ: «теперь, кто силою бодръ и душею,
Пусть выйдутъ и, руки сложивъ, надъ собою подниметь.»
Такъ сказалъ и бойцамъ предлагаетъ двойную награду:
Для побѣдителя тучный быкъ съ головою позлащённой
И украшенный лентами, а побѣждённому будетъ,
Для утѣшеній, мечъ боевой съ блестящимъ шоломомъ.

И не медля поднявшись, Даресь, и огромный и сильный,
Вышелъ вперёдъ, при громкомъ жужжаньи толпы любопытной.
Онъ бывало одинъ ходилъ ратовать на Париса
И близъ могилы, въ которой покоится Гекторъ великій,
Мощной рукою сразилъ и простёръ на песокъ бездыханнымъ
Сильнаго воина Буга, громаднаго тѣломъ, который
Тщётно хвалился породой бебрикскаго мужа Амика.
Вышелъ на битву Даресь, возносясь головою высоко;
Плечи широкія всѣмъ показать, взмахнулъ кулаками
Вкругъ головы и съ свистомъ разсѣкъ воздушные волны.
Ишутъ другаго бойца; но никто изъ толпы многолюдной
Противъ него не идетъ надѣвать боевыя перчатки.
Нетерпѣливый Даресь, не видя соперника къ битвѣ,
Сталъ предъ ногами Энея, и, долго не медля, схватилъ онъ
Лѣвой рукою вола за рога, обратился къ Энею
И говоритъ: «О сынъ богини, если не смѣетъ
Въ битву со мною никто, для чего же стоять мнѣ напрасно?
Долго ли медлить ещё? прикажи отвести мнѣ награду.»

Тутъ Ацестесь рѣчью такой уворяетъ Энтелла,
На зелёной травѣ сидѣвшаго тутъ недалёко:

Чтожь ты Энтелль изъ героевъ нѣкогда славный по силѣ?
Ты ль равнодушно позволишь унести такую награду?
Гдѣ же нашъ тотъ полу-богъ и славный наставникъ твой, Эриксъ?
Или напрасно о нёмъ вспоминаешь? Гдѣ громкая слава,
По тринакрійскому царству гремѣвшая? гдѣ тѣ добычи,
Что украшаютъ стѣны твои?» – А Энтелль отвѣчаетъ:

«Царь, не отъ страха во мнѣ та прежняя жажда угасла.
Къ славѣ въ бояхъ; но кровь у меня холодна ужъ, и старость
Члены мои тяготить, и силы изсякли ужъ въ тѣлѣ,
Если бы мнѣ возвратилась та прежняя юность, въ которой
Этотъ смѣльчакъ такъ увѣренъ, если бы прежнія лѣта,
Я бы не шёлъ подвизаться на бой для прекрасной награды
И для такого тельца: я не разбираю награды.»

Такъ говоря, онъ въ средину ристанья бросилъ перчатокъ
Пару огромныхъ, тяжёлыхъ, которыми Эриксъ бывало
Длани свои покрывалъ и вступалъ съ героями въ битву.
Всѣ изумились, увидѣвъ перчатки: семь кожъ воловыхъ
Туго торчали съ зашитымъ внутри свинцомъ и желѣзомъ.
Пуще другихъ изумился Даресь и не принялъ перчатокъ.
А благородный Эней взявъ въ руки тяжёлые цесты,
Началъ разсматривать ихъ, и сюда и туда обращая.
Старый Энтелль такія слова говорить начинаеть:

«Что бы вы сказали, если бы видѣли броню Алкида,
И перчатки его, и у этого берега страшную битву?
Брать твой Эриксъ, Эней, носиль вот эти перчатки;
Съ ними онъ выступилъ противъ Алкида; съ ними бывало
Я выходилъ на бой, когда мнѣ кровь молодая
Силу давала, а старость чела не усѣяла снѣгомъ.
Если троянецъ Даресъ отвергаетъ это оружье,
Если Энею угодно и царь нашъ Ацесъ согласится,
Мы уравниемъ нашъ бой: я оставлю перчатки, не бойся;
Но и ты, Даресъ, сними троянскіе цесты.» –

Такъ говоря, онъ откинулъ отъ плечь двойную одежду,
И огромные члены, огромныя кости и руки
Онъ обнажилъ и громадой вошѣлъ на средину ристанья.
Тутъ Эней приказалъ подать одинакіе цесты
И обоимъ бойцамъ надѣлъ на широкія длани.
Тотчасъ оба бойца поднялися прямо на пальцы,
И богатырскія руки высоко въ гору подняли,
И отклонились назадъ головами отъ тяжкихъ ударовъ,
Руки съ руками сплетаютъ и бой разыгрался межъ ними.
Крѣпче ногами Даресъ и въ надеждѣ на бодрю юности;
А Энтелль громадою членовъ беретъ; но колѣни
Гнутся, дрожать, и широкую грудь вздымаетъ одышка.
Много напрасныхъ ударовъ давали герои другъ другу;
Часто стучались по выпуклымъ рѣбрамъ, и грудь издавала
Сильные звуки; и часто рука надъ чоломъ пролетала
Мимо ушей, и челюсть скрипѣла подъ тяжелой рукою.
Твердо стоитъ громадный Энтелль и не движется съ мѣста,
Только очами поводитъ и въ бокъ подаѣтся немного,
Чтобъ уклониться отъ частыхъ ударовъ даресовой длани.
Точно какъ будто врагъ разбиваетъ машиною городъ;
Иль, осадивши войсками стѣны нагорной твердыни,
То съ одной, то съ другой стороны подступаетъ, чтобъ средства
Всѣ испытать, и мѣста; но всѣ нападенія тщетны:
Такъ и Даресъ вкругъ Энтелла ходилъ, нападая напрасно.
Всталъ и Энтелль на него и рукой замахнулся высоко;
Но быстроногій Даресъ предвидѣлъ силу удара
Надъ головою своею и въ бокъ съ быстротою отарянулъ.
А Энтелль, по пустому грянувъ пространству, склонился
Тяжестю тѣла къ землѣ и рухнулъ на землю огромный,
Будто высокая соона, съ корнями исторгнута бурей,
На Эримантѣ высокомъ или на Идѣ свалилась,
Вскрикнули разомъ троянцы и молодѣжь сицилійцевъ:
Крики несутся къ небу; и первый Ацесъ, прибежавши,
Тронутый, самъ поднимаетъ съ земли равнолѣтняго друга.
А богатырь, не испуганный этимъ паденіемъ, снова
Съ большимъ жаромъ на бой возвратился; въ нёмъ гнѣвъ пробуждаетъ
Прежнюю силу его и сознание доблести прежней.
Бодро погналъ онъ Дареса по цѣлому кругу ристанья,
Правой и лѣвой рукою въ противника сыплетъ удары.
Нѣтъ ни покоя, ни отдыха; будто бы градъ, зашумѣвши,
Грянетъ на кровли домовъ: такъ точно герой осыпаетъ
Частымъ ударомъ Дареса, ворочаетъ вправо и влѣво.
Тутъ почтенный Эней не позволилъ гнѣву Энтелла
Такъ выходить изъ границъ и свирѣпствовать страшно, но тотчасъ
Битву велѣлъ прекратить и вывести Дареса изъ боя.
Онъ угѣшалъ побѣжденнаго мужа такими словами:

«Что за безумье душою твоею овладѣло, несчастный?
Развѣ не чувствуешь силы другой и противнаго бога?
Тщетно противиться богу.» – Сказалъ и вскричалъ на героевъ,
Чтобъ прекратили битву. И вѣрные друзья Дареса
Прочь къ кораблямъ отвели: онъ едва ужъ двигалъ колѣни,
Взадъ и впередъ потрясалъ головою и черною кровью
Брызгалъ изъ рта, и съ кровью плыли сокрушенныя зубы.

Тамъ получили онъ и мечъ и шеломя отъ друзей, въ утѣшенъе;
А прекрасный телець остался въ награду Энтеллу.
Тутъ побѣдитель, въ восторгѣ души и гордяся наградой,
Такъ говорить: «О сынъ богини, и вы, о троянцы,
Знайте, какую силу имѣлъ я въ юныя лета,
И отъ какой неизбѣжной кончины спасли вы Дареса.» –
Такъ говоря, онъ къ стоявшему тутъ же быку подошелъ и,
Ставъ передъ нимъ, замахнулся рукою высоко и твердымъ
Цестомъ грянулъ вола межъ роговъ: отъ такого удара
Черепъ въ куски сокрушился и выскочилъ мозгъ на поверхность:
Рухнулъ на землю быкъ и духъ испустилъ, содрогаясь.
Ставъ надъ нимъ, Энтелль богатырь говорить такъ:

«Эриксъ, тебѣ приношу я на жертву лучшую душу,
Вмѣсто Дареса, и оставляю побѣдные цесты.»

Вотъ Эней созываетъ ещѣ, кто пернатой стрелою
Хочетъ поспорить изъ лука, и назначаетъ награды.
Тутъ изъ корабля Сергеста снесли высокую мачту,
Въ землю вкопали, и привязали на ниткѣ голубку,
К самой вершинѣ ея, чтобъ въ неѣ попадали стрелами.
Вотъ собрались и стрѣлки и жребій вмѣстѣ повергли
Въ мѣдный шеломя, потрясаютъ, и первый при радостныхъ кликахъ,
Выскочилъ жребій гиртакова сына Гиппокоонта.
Тотчасъ за первымъ послѣдоваль жребій Мнестея, который
На море былъ побѣдитель, вѣнчаный зелѣной оливой.
Третій былъ Эритионъ, – братъ твой родной, Эритионъ,
О незабвенный Пандарь! ты нѣкогда первый въ ахейнъ
Бросилъ свой дротъ смертоносный – начало страшныхъ раздоровъ.
А изъ шелома послѣдній выскочилъ жребій Ацеста:
Старый Ацестъ захотѣлъ испытать удалство молодежи.
Вотъ стрѣлки напрягаютъ луки сильною дланью,
Всякій по силѣ своей в стрѣлу вынимаютъ изъ тула.
Брякнулъ струною Гиртакида лукъ, и пернатая, мигомъ
Взвившись со свистомъ летитъ, разсѣкаетъ воздушныя волны,
И вонзилась глубоко въ противостоящую мачту.
Вздригнула мачта; испуганный голубъ захлопалъ крылами;
Рукоплесканье и радостный крикъ изъ толпы раздался.
Послѣ него сталъ храбрый Мнестей, къ тетивѣ приложился,
Въ гору прицѣлилъ стрѣлой, натянулъ – и стрѣла полетѣла;
Но къ досадѣ своей не могъ онъ попасть по голубкѣ:
Только стрѣлою прорвалъ и прорѣзалъ льняную верѣвку,
За которую къ ножкѣ привязана была голубка;
И улетѣла голубка высоко, подъ черныя тучи.
Тутъ Эритионъ, давно ужъ стоявшій съ готовой стрѣлою
На тетивѣ, призывая на помощь усопшаго брата,
Быстро взглянулъ на птицу, свободно летѣвшую къ небу,
Брякнулъ струной и голубку пронзилъ онъ подъ черною тучей.
Пала бездушная птица, въ небесный эфиръ испутивши
Душу и жизнь, и обратно стрѣлу принесла за собою.
Только одинъ оставался Ацестъ лишѣнный награды;
Онъ натянулъ тетиву и бросилъ на вѣтеръ стрелою,
Чтобъ показать и искусство своё и лукъ звонкострунный.
Тутъ неожиданно взору представилось дивное чудо, –
Чудо, которое вскорѣ потомъ объяснилось на дѣлѣ;
Позже воспѣто пѣвцами знаменье этого чуда.
Взвившись изъ лука пернатая трость въ облакахъ запыхала,
Яркое пламя черта на пути, и, сгорѣвъ совершенно,
Съ свѣтлымъ эфиромъ слилась: такъ часто летучія звѣзды,
Павъ съ высоты поднебесной, по огненной нити несутся.
Остолбенѣли всѣ мужи троянскіе и сицилійцы;
Въ страхѣ молитву творятъ божествамъ; и Эней удивился
Этому чуду; въ восторгѣ обшить онъ сѣдого Ацеста.
Нестъ приказалъ дороге дары и, дарами осыпавъ,
Такъ говорить: «Прими, о отецъ; великому богу

Было угодно тебѣ даровать несомнѣнно побѣду,
Этимъ великимъ чудомъ: ты, о Ацестъ, побѣдитель!
Ты въ награду прими вотъ этотъ кубокъ съ рѣзьбою:
Онъ лыль старцу Анхизу данъ отъ ѳракійца Киссея,
Въ знакъ непритворной любви и въ память о дружбѣ великой.»
Такъ говоря, онъ вѣнчаетъ Ацеста зелѣной оливой
И отдаетъ ему предъ другими честь первой побѣды.
Добрый Эритионъ не завидуетъ чести Ацеста,
Несмотря на то, что низвергнуль съ неба голубку.
Послѣ него получаетъ награду разсѣкшій верѣвку,
А послѣдній тотъ, кто вонзиль пернатую въ мачту.

Вотъ благовѣрный Эней, не овончивъ игръ ратоборныхъ,
Тихо зоветъ Эпитида, который былъ стражъ и сопутникъ
Малаго Юла, и на ухо шепчетъ ему повелѣнье:
«Скоро иди и скажи ты малюткѣ Асканію, если
Дѣтское войско его ужъ готово и быстрые кони
Въ строѣ готовы стоять, то пускай поведѣтъ онъ отряды
И въ боевыхъ доспѣхахъ представится съ юною ратью.
Самъ повелѣль толпѣ сторониться отъ длиннаго цирка,
Чтобы дорогу имъ дать и очистить широкое поле.
Вотъ малютки ѣдутъ, всѣ предъ родителей взоромъ
Бодро красуясь на быстрыхъ коняхъ; дивятся троянцы
И молодѣжь сицилійцевъ дивится, дрожа отъ восторга.
А у малютокъ у всѣхъ на красиво остриженныхъ кудряхъ
Вьются вѣнки, и у cadaго въ длани колеблются по два
Гибкихъ роговыхъ копья съ наконечникомъ свѣтлымъ желѣза;
Лѣгкіе тулы лежать на плечахъ, золотыя колечки,
Бѣлую шейку обнявъ, украшаютъ ихъ юныя груди.
Три отдѣленья конныхъ и три предводителя съ ними;
За предводителемъ каждыиъ ѣдетъ двѣнадцать малютокъ
Стройно и ровно, красуясь собой и своими вождями.
Скачетъ малютка предъ первымъ отрядомъ, славное имя
Дѣда Пріама носящій, твоя драгоценная отрасль,
О злополучный Полизъ и слава земель италійскихъ,
Въ пятнахъ двувѣтный конь подъ нимъ ѳракійской породы.
Бѣлой ногою прядѣтъ и, морду закинувъ высоко,
Блещетъ бѣлымъ челомъ. Предъ другимъ отдѣленьемъ несѣтся
Малый Антисъ, отъ котораго приняли имя атійпы,
Нѣжный Асканія другъ, малютка малютокъ любезный.
А предъ послѣднимъ строемъ, красою всѣхъ побѣждая,
Скачетъ Асканій на тирскомъ конѣ, отъ прекрасной Дидоны
Данномъ въ подарокъ ему и въ память любви ея нѣжной.
Прочихъ малютокъ везутъ сицилійскіе кони Ацеста.
Плещутъ руками трояне робѣющимъ дѣтямъ, любуясь
Ими въ восторгѣ, и видяъ ихъ въ ихъ лицахъ родителей лица.
Послѣ того, какъ малютки объѣхали стройно ристанье,
Съ радостью дѣтской встрѣчая въ толпѣ имъ знакомые взоры,
Хлопнули бичѣмъ Эпитидъ и кликомъ знакъ подаѣтъ имъ:
Вдругъ разбѣжались малютки и, на три отряда распавшись,
Стройно разѣхались врознь, и снова по данному знаку
Всѣ повернули назадъ и, оставивъ острия пики,
Быстро помчались впередъ, какъ будто въ кровавую битву.
То рассыпавшись снова и снова собравшись, поскачутъ
Строй противъ строя, то вновь раздѣлившись по мелкимъ отрядамъ,
Совокупляютъ ряды и сражаются другъ противъ друга;
То подаются назадъ и бегутъ; то, вновь обратившись,
Копья уставягъ впередъ; то дружно и мирно несутся.
Точно какъ лабиринтъ, на высокоиъ островѣ Крите,
Множествомъ тѣмныхъ пугей, говорятъ, былъ чудно запутанъ;
Тысячи разныхъ дорогъ представляли обманчивый выходъ,
Тысячи признаковъ тѣхъ же вводили въ обманъ непрерывно:
Такъ в троянскіе дети, запутавъ отряды въ отряды,
Разнымъ пугѣмъ сплетаютъ съ игрой отступленье и битву,
Будто дельфины, стадами плывя по зыбучему морю,

Карпата воды сѣкутъ иль играютъ съ либійской волною.
Первый Асканій, когда овружилъ твердыню Альбу,
Этотъ обычай съ собою принёсъ, и коннымъ ристаньямъ,
Бѣгу и битвѣ такой научилъ онъ древнихъ латиновъ,
Точно какъ самъ скакалъ предъ отрядомъ троянскихъ малютокъ.
Приняла Альба обычай; отъ Альбы великаго Рима
Стѣны, гдѣ онъ и донинѣ, какъ предковъ завѣтъ, сохранился
Въ имени храбрыхъ полковъ, называемыхъ ратью троянцевъ.
Этимъ окончились игры въ честь славнаго мужа Анхиза.

Но судьба измѣнила ту радость въ печаль и тревогу.
Между тѣмъ какъ у гроба свершались усопшему игры,
Зевса супруга Юнона съ небесъ посылаетъ Ириду
Къ флоту троянъ и вздуваетъ за нею попутные вѣтры,
Думая много ещё и пылая несытою местию.
Вотъ Ирида спускаясь, по чудно цвѣтистому своду,
Быстро летитъ невидимкой на землю посланница дѣва;
Видитъ большое стеченье народа; взглянула на пристань:
Въ пристани пусто, повсюду стоятъ корабли безъ надзора.
Только у берега моря сидѣли тронскія жоны,
Плача о смерти Анхиза, и, взоръ на глубокое море
Мрачно вперивъ и вздыхая, въ голось одинъ восклицали:
«Сколько моря ещё суждено намъ проплыть утомленнымъ!»
Города жаждаютъ троянки: наскучило по морю плавать.
Пользуясь тѣмъ вредоносная дѣва Ирида вступаетъ
Между троянокъ; оставивъ и ликъ и одежду богини,
Приняла образъ старухи, супруги тмарійца Дорикла,
Беры, которая нѣкогда слыла счастливой женою, –
И, обратившись къ жонамъ троянскимъ, такъ говорить имъ:

«О злополучныя жоны которымъ длани ахеянъ
Смерти не дали вкусить подъ Трои родными стѣнами!
Родъ злополучный! какую участь судьба вамъ готовить?
Вотъ ужъ седьмое лѣто, какъ пала великая Троя,
Какъ измѣряемъ мы воды, и земли, и дикія скалы,
И свѣтила небесъ, и, блуждая по бурному морю,
Ищемъ земель италійскихъ, которыхъ нигдѣ не находимъ.
Здѣсь родного Эрикса земли, здѣсь и Ацестесь:
Что намъ мѣшаетъ построить здѣсь городъ и стѣны воздвигнуть?
О, отечество! вы, о, напрасно спасѣнные боги!
Нѣтъ ли ужъ мѣста нигдѣ для троянской твердыни? ужели
Я не увижу нигдѣ ни водъ Симоэнта, ни Ксанѳа?
Лучше сожгите со мной корабли ненавистнаго флота.
Нынѣ во снѣ предсталъ предо мною пророческій образъ
Дѣвы Кассандры; она мнѣ давала пылающій факель
И говорила: здѣсь вы ищите троянской твердыни,
Здѣсь вамъ отчизна. Пора ужъ исполнить велѣнїе жрицы,
Вотъ и огни въ четырёхъ алтаряхъ предъ вами пылаютъ
Богу Нептуну: самъ богъ подаётъ намъ и пламя и помощь.»

Такъ говоря, захватила рукою пылающій факель,
Въ гору подняла его и, колебля, съ размаху бросаетъ.
Въ ужасъ тропики пришли и сердца ихъ отъ страха забились.
А изъ толпы многолюдной старуха одна поднялася,
Именемъ Пирго, кормилица царскихъ малютокъ Пріама,
И говорить имъ: «Не Бера предъ вами, троянскія жоны,
Не ретейская Бера предъ вами, супруга Дорикла;
Вы поглядите на очи, горящія пламенемъ дивнымъ;
Видите ль прелесть красы, превышающей прелесть земную?
Слышите ль чудные звуки рѣчей? примѣчаете ль поступь?
Я недавно сама оставила Беру больную:
Нлачетъ бѣдная Бера, сама на себя негодуя,
Что не можетъ воздать Анхизу усопшему чести.»
Такъ говорила, а жоны ещё не рѣшались на дѣло:
Только глядѣли на флотъ очами, полными злобы,

Долго колеблясь, избрать ли отечествомъ землю Ацеста,
Или искать береговъ отдалённыхъ, завѣщанныхъ рокомъ.
Вдругъ Ирида взмахнула крылами и, къ небу взвиваясь,
Радужный сводъ за собой очертила до самого неба.
Чудомъ такимъ поражённая жоны, въ избыткъ восторга,
Съ крикомъ бросаются всѣ къ алтарямъ, и горящее пламя
Съ жадностью грабятъ и рвутъ, зажигаюъ факелы, вѣтви
И метяють на флотъ: разыгралось свирѣпое пламя,
Вѣтса по вѣсламъ, снастямъ, и скамьямъ, и красивымъ кормиламъ.

Вѣстникъ Эвмель прибѣжалъ на ристанье, къ могилѣ Анхиза,
Съ вѣстью, что всѣ корабли охватило пожарное пламя.
Видягъ и сами трояне, какъ искры изъ чёрнаго дыму
Съ яростью рвутся. И первый Асканій, какъ былъ передъ строемъ,
Такъ и помчался на быстромъ конѣ на мѣсто тревоги,
Не внимая совѣтамъ, ни кликамъ испуганныхъ стражей.

«Что за безумье? куда вы, куда вы бѣжите – сказали онъ –
О, безразсудныя жоны? Не вражескій лагерь данаевъ –
Жжѣте надежду послѣднюю Трои. Я вашъ Асканій!»

Такъ говоря, онъ сорвалъ съ головы и на землю бросаетъ
Маленькій шлемъ свой, который надѣлъ онъ на бранныя игры.
Тутъ прибѣжалъ и Эней, прибѣжали толпою трояне,
А онѣ по крутымъ берегамъ разбежались отъ страха;
Скрылись другія въ лѣсахъ или въ ущельяхъ прибрежныхъ угѣсовъ:
Стыдно глядѣть имъ на свѣтъ, совершивъ преступленье такое,
И онѣ измѣнились, узнали своихъ, и Юнона
Прочь отъ сердець удалилась. Но яркое пламя пожара
Всѣ свирѣпѣло, какъ прежде: подъ деревомъ влажнымъ скрываясь,
Медленно жжѣтъ корабли, извергая тяжѣлаго дыму
Облако, и разлилось по всему корабельному тѣлу.
Тщетны героевъ труды, напрасно льютъ воду рѣками.
И тогда боговѣрный Эней, растерзавши одежду,
Длани простеръ къ небесамъ и боговъ призываетъ на помощь:

«О, всемогущій Юпитеръ, если не всѣхъ ненавидишь
Трои сыновъ и если глядишь на страданіе смертныхъ,
Не допусти, милосердый, сгорѣть кораблямъ; сохрани намъ
Эту надежду последнюю Трои; спаси всемогущій!
Или низвергни на насъ, о отецъ, молньеносныя стрѣлы
И погребѣ тѣ остатки подъ страшнымъ ударомъ десницы!»

Такъ онъ едва произнёсъ, какъ гроза налетала на землю;
Чёрныя тучи столпились; громъ заревѣлъ на вершинѣ,
Дрогнули своды небесъ, и, изъ тучъ вырываясь, на землю
Ливень потоками хлынулъ и воздухъ мгновенно затмился.
Лѣтса вода въ корабли, и полу-обгорѣлыя дубы,
влагой промокли, потухли; потухло свирѣпое пламя;
Всѣ корабли спасены, исключая четыре сгорѣвшякъ.
А родитель Эней, встревоженный случаемъ этимъ,
Долго въ умѣ размышлялъ о заботахъ, ему вредстоявшихъ,
То избирая одно, то вновь обращаясь къ другому.
Самъ не знаеть, искать ли ему береговъ италійскихъ,
Или, забывъ о судьбѣ, ва поляхъ сицилійскихъ остаться.

Старець Навтесъ, постигшій ученіе мудрой Паллады,
Славился много искусствомъ своимъ, вдохновеньемъ богини:
Онъ отвѣты давалъ, или гнѣвъ объясняя безсмертныхъ,
Или искусно толкуя законы судьбы неизменной.
Вотъ, обратившись къ Энею онъ такъ говоритъ въ утѣшенье:

«Сынъ богини, намъ должно велѣнью судьбы покориться;
Что ни случится съ нами, терпѣнье всѣ превозможеть.
Есть у тебя сотоварищъ, дарданской крови, Ацестесъ;

Лишь попроси ты его, а онъ намъ поможетъ охотно.
Пусть остаются при нёмъ тѣ лишніе мужи, которымъ
Пламя сожгло корабли, и которымъ наскучило плавать
Къ цѣли великой твоей, и о будущемъ думать величьи.
Ты избери стариковъ и жонъ утомлённыхъ походомъ,
Всѣхъ, кто безсиленъ и слабъ и трудовъ предстоящихъ боится,
Пусть остаются на этой землѣ; ты имъ позволишь
Выстроить городъ и новымъ стѣнамъ дать имя Ацесты.»

И Эней, ободрённый словами стараго друга,
Началъ съ собой размышлять о всѣхъ предстоящихъ заботахъ.
Чёрная ночь въ колесницѣ вскатилась на звѣздное небо,
Какъ показалось Энею, что будто съ высотъ поднебесныхъ
Образъ Анхиза слетаетъ на землю и говорить такъ:

«Сынъ мой любезный, ты былъ мнѣ жизни милѣе,
Какъ наслаждался я жизнию; сынъ мой, надежда троянцевъ,
Я предъ тобою предсталъ по велѣнію Зевса, который
Спасъ отъ пожара твой флотъ, смилосердясь съ высокаго неба.
Сынъ мой, послушай прекрасныхъ совѣтовъ старца Навтеса.
Ты избери изъ троянцевъ юношей храбрыхъ и сильныхъ
И поведи къ берегамъ италійскимъ: тебя ожидаетъ
Брань съ непреклоннымъ и храбрымъ народомъ на нивахъ латинскихъ.
Но низойди ты прежде въ подземные дома Плутона
И чрезъ глубокой Авернъ до меня ты старайся проникнуть.
Я не скитаюсь по чёрному аду, гдѣ блѣдныя тѣни:
Я на прекрасныхъ поляхъ Элисейскихъ, въ жилищѣ блаженныхъ.
Жрица Сибилла тебя поведётъ по жертвенной крови
Чёрныхъ тельцовъ; ты узнаешь свой родъ и грядущую славу.
Но прости, ужъ влажная ночь на срединѣ течения;
На небо скоро взлетятъ быстроногіе кони Востока.»

Такъ сказалъ и исчезъ какъ дымъ, разсѣянный вѣтромъ.
А Эней восклицаетъ: «Куда исчезаешь, родитель?
Ты ли бѣжишь отъ меня? избѣгаешь сыновнихъ объятій?»
Такъ говоря, онъ вновь зажигаетъ потухшее пламя,
Молишь пергамскаго Лара и Весты алтарь сѣдловласой
Съ благоговѣньемъ чтить еиміамомъ и жертвеннымъ хлѣбомъ.
Тотчасъ Эней, призвавъ товарищѣй всѣхъ и Ацеста,
Имъ объявляетъ велѣніе Зевса и рѣчи Анхиза,
И желанье своё последовать мудрымъ совѣтамъ.
Старый Ацестъ не противился, но согласился охотно.
Вотъ избираютъ и мужей и жонъ, пожелавшихъ остаться,
Всѣхъ, кого не прельщала великая въ будущемъ слава.
Сами чинять скамьи и полу-обгорѣлыя снасти
На корабляхъ исправляютъ, готовятъ канаты и вѣсла.
Малы числомъ, но народъ всё и бодрый и храбрый на брани.
Между гѣмъ Эней означаетъ плугомъ предѣлы
Стѣнъ городскихъ: здѣсь мѣсто избралъ онъ для стѣнъ Иліона,
Тамъ для троянскихъ твордынь. А старый троянецъ Ацестесъ
Въ радости смотреть на новое царство и, мужей собравши,
Всѣмъ законы даётъ и водѣтъ на обширную площадь
Тутъ основали святыню идальской богинѣ Венерѣ,
На эрицинской вершинѣ, высокой подъ самыя звѣзды,
Тѣни анхизовой дали жреца и священную роцу.

Девять дней пироваль весь народъ, алтарямъ воздавая
Должную честь. Успокоилось море, настала погода,
Вѣтеръ попутнымъ дыханьемъ въ путь корабли вызываетъ.
Плачь и рыданье вездѣ по крутымъ берегамъ раздалися:
Плачугъ и ночью и днемъ, заключая другъ друга въ объятія.
Даже и жоны и тѣ, что со страхомъ бывало взирали
На возмущённые воды бездоннаго царства Нептуна,
Въ путь отправляясь хотягъ, испытать всю опасность похода.
Добрый Эней утѣшаетъ ихъ дружеской рѣчью и съ плачемъ

Всѣхъ поручаетъ заботамъ и дружбѣ родного Ацеста.
Три тельца потомъ велѣлъ заколотъ онъ на жертву
Эриксу, Бурѣ овцу, и не медля отчаливать въ море.
Самъ, увѣнчавши чело остриженной вѣтвью оливы,
Сталь на носу корабля и въ солёныя волны бросаетъ
Нѣдра отъ жертвы и льётъ изъ бокала душистыя вина.
Вѣтеръ надулъ паруса, отъ кормы подувая за ними;
Грянули вѣсла по влагѣ и бѣлюю гѣну взбиваютъ.

Между тѣмъ богиня любви въ великой заботѣ
Къ богу Нептуну идѣтъ и жалобы такъ иачинаетъ:

«О, Нептунъ, меня принуждаетъ склониться на просьбы
Страшный гнѣвъ и несытая злоба Юноны, которой
Не укрощаетъ ничто: благочестіе, вѣра, ни время,
Ни уставы судьбы, ни велѣнья великаго Зевса.
Мало того, что она погубила городъ фригійанъ,
Столько и горя и бѣдствій послала несчастнымъ троянцамъ,
Но преслѣдуетъ кости и пепель разрушенной Трои.
Знаетъ она лишь причину такого ужаснаго гнѣва.
Самъ ты свидѣтелемъ быть, какъ, надѣясь на вѣтры Эола,
Мнѣ возбудила такую грозу на либійскихъ пучинахъ,
Что океана глубокія воды слились съ небесами.
Въ царствѣ твоёмъ дерзнула она беззаконье такое.
Вотъ и теперъ, побудивъ къ преступленью несчастныхъ троянокъ,
Нагло сожгла корабли, и трояне, лишённые флота,
На берегахъ неизвѣстныхъ, въ странѣ незнакомой остались.
Я умоляю: дозвожь безопасно проплыть океаномъ
Этигъ остаткамъ и дай имъ достигнуть лаврентова Тибра,
Если просьбы мои не противны губительнымъ паркамъ.»

Ей отвѣчаетъ Нептунъ, смиритель глубокаго моря:

«О, Цитерея, ты можешь во всѣмъ положиться на царство
Мнѣ подчинённаго моря, твоей колыбели: я стою
Вѣры твоей: какъ часто смирялъ я мятежную ярость
Моря и неба! Повѣрь мнѣ, клянусь Симоэнтю и Ксанѳомъ,
Я объ Энеѣ твоёмъ и на сушѣ немало забочусь.
Гналъ Ахиллесъ предъ собою полки устрашённыхъ троянцевъ
На иліонскія стѣны, и многихъ послалъ бы въ пучину
Мрачнаго ада, и рѣки стонали бѣ отъ множества труповъ,
Ксанѳъ не нашёлъ бы пути, не вливался бѣ въ глубокое море.
Съ сильнымъ Пелидомъ Эней на кровавую битву сошѣлся,
Ни покровительствомъ неба, ни силой своею не равный:
Я, окруживши его непрозрачною мглою, исторгнулъ
Изъ пелидовой длани, когда я хотѣлъ ниспровергнуть
До основанія клятвopеступную Трою, которой
Самъ я твердыни построилъ. Не бойся напрасно, богиня,
Я и теперъ остаюсь неизмѣнно такимъ, какъ и прежде.
Онъ безопасно достигнетъ авернскаго порта, согласно
Съ волей твоей; одного потеряетъ лишь въ тѣмной пучинѣ:
Этотъ жизнью заплатитъ одинъ за спасеніе многихъ.»

Рѣчью такую Нептунъ угѣшивъ богиню въ печали,
Ярыхъ коней къ золотому рыдвану впрягаетъ, и сбрую
Вздѣлъ и узду съ опѣнѣннымъ удиломъ, и въ мощныя длани
Ремни схватилъ, и ударилъ бичёмъ, и погналъ быстроногихъ.
Съ легкостью мчится владыка, летитъ въ колесницѣ лазурной,
Топчетъ валы, и валы, упадая подъ звонкою осью,
Стелются гладкой равниной; и съ неба туманъ улетаётъ.
Спутямковъ стая за нимъ: тугъ китъ преогромный несѣтся,
Старога Главка отрядъ и съ ними Иноидъ Палемонъ,
Быстрыхъ тритоновъ толпа и цѣлое войско Форцида:
А съ другой стороны Панопея, Фетида, Мелита,
Незеа, Спію, Талия и Кимотоя несутся.

Светлая радость влилась въ благородное сердце Энея;
Онъ приказалъ поскорѣе поставить и мачты и реи
И растянуть паруса. Корабли повернули всѣ вмѣстѣ,
Стали лавировать вправо и влѣво и вмѣстѣ ворочать
Роги высокіе реевъ, — и вѣтеръ попутный несётъ ихъ.
Шёлъ впереди кораблей палинуровъ корабль, какъ вожатый:
Прочимъ же велѣно путь направлять по его указанью.

Влажная ночь достигала уже половины теченья.
Долгимъ трудомъ утомившись, гребцы предались ужъ покою
И, надъ вѣслами склонившись, на твёрдыхъ скамьяхъ задремали;
Какъ, съ надъ эфирныхъ высотъ низлетая, Сонъ легкокрылый
Тёмный воздухъ сѣчётъ и гонитъ ночные туманы.
О, Палинуръ! онъ несётся къ тебѣ, онъ невинному мужу
Грёзы печальныя шлётъ. Вотъ богъ прилетѣлъ и усѣлся
На высокой кормѣ, и, образъ мужа Форбанта
Взавъ на себя, онъ такія слова обратилъ къ Палинuru:

«Язидовъ сынъ, Палинуръ! намъ дуютъ попутные вѣтры:
Море несётъ корабли; настало время покоя:
Ты преклони угмлённую выю и сномъ подкрѣпись;
Я посижу за тебя и буду править кормиломъ.»

И едва поднимающій сномъ отягчённыя очи,
Такъ говоритъ Палинуръ: «Чудовищу ль вѣрить я буду?
Я ли не знаю ещё, что значить спокойное море?
Я ли повѣрю Энея коварнымъ, обманчивымъ вѣтрамъ?
Я ли повѣрю, такъ часто обманутый свѣтлой погодой?»
Такъ говоря, онъ держался за руль и не двигался съ мѣста, —
Только очи поднялъ и разсматривалъ звѣздное небо.
Тотчасъ богъ, взявъ вѣтвь, орошённую водами Леты
И усыпительной силою Стикса, помихивать началъ
Вкругъ головы Палинура, — и кормчаго очи сомкнулись.
И едва палинурово тѣло склонилось къ дремотѣ,
Богъ устремился къ нему: и, стремглавъ опрокинутый въ море
Паль Палинуръ, призывая напрасно собратовъ на помощь,
Вмѣстѣ съ рулёмъ и отторгнутой частью кормы корабельной.
А легкокрылый богъ улетѣлъ въ поднебесье какъ птица.

Между тѣмъ корабли по волнамъ подвигались покойно
И безопасно плыли, по волѣ владыки Нептуна.
Вотъ приближались уже къ утесамъ сиренъ сладкозвучныхъ,
Некогда страшнымъ скаламъ, избѣленнымъ костями погибшихъ.
Издали слышно было, какъ валь раздроблялся о скалы
Съ рёвомъ глухимъ; и Эней, угадавъ направленье флота,
Тотчасъ примѣтилъ, что кормчаго нѣтъ, и, сѣвъ у кормила
Самъ управлять кораблёмъ на тёмныхъ волнахъ океана
И говорилъ, неугѣшно рыдая о смерти собрата:
«О, Палинуръ! для чего ты такъ вѣрилъ коварному морю?
Ты, обнажённый, будешь лежать на пескахъ неизвѣстныхъ!»

Энеида (Вергилий/Шершеневич)/Песнь седьмая/ДО

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [Энеида \(Вергилий/Шершеневич\)](#)

Перейти к [навигация](#), [поиск](#)

□

← [Пѣснь шестая](#) **[Энеида Вергилия](#)** — Пѣснь седьмая [Пѣснь осьмая](#)
авторъ [Публий Вергилий Маронъ](#) (70 г. до н.э.—19 г. до н.э.), пер. [И. Г. Шершеневичъ](#) (1819—1894) →

Язык оригинала: латинский. Название в оригиналь: [Aeneis](#). — Источник: [Современникъ, Литературный журналъ, томъ XXXIII, Санктпетербургъ, 1852](#) □

Википроекты: - [Википедія](#)

Энеида Вергилия

Пѣснь седьмая

Флотъ Энея оставляетъ пристань Каеты и, миновавъ опасныя владѣнія Цирцеи, входитъ въ р. Тиберинъ. — Царь Латинъ и дочь его Лавинія. — Различныя чудесныя явленія. — Гаданіе Латина въ Альбунейской роцѣ и отвѣтъ оракула. — Трояне располагаются ва травѣ обѣдать и сѣѣдаютъ свои столы. — Истолкованіе этого чуда. — Эней посылаетъ троянъ развѣдать о странѣ и ея жителяхъ, а самъ совершаетъ жертвоприношенія. — Трояне приходятъ къ владѣніямъ Латина. — Царскій дворець. — Латинъ принимаетъ троянъ и отпускаетъ ихъ съ богатыми дарами. — Гнѣвъ богини Юноны. — Она возбуждаетъ злую фурию Аллекто противъ троянъ. — Аллекто отравляетъ спокойствіе Аматы, супруги Латина. — Амата умоляетъ царя выдать дочь за Турна, а Энею отказать. — Царь не соглашается. — Ярость Аматы. — Аллекто возбуждаетъ Турна противъ троянъ и Латина. — Турнь готовится выступить въ походъ. — Аллекто поселяетъ раздоръ между троянцами и поселянами. — Раненый олень. — Стычка. — Удовлетворѣнная Юнона приказываетъ Аллекто удалиться и прекращаетъ кровопролитіе. — Латинъ не хочетъ вести войны съ троянами и оставляетъ управленіе царствомъ. — Храмъ войны. — Авзонія ополчается. — Противъ троянъ идутъ съ дружинами вожди: Мезенцій, Авентинъ, братья Корась и Катилль, Цекуль, Мессапъ, Клавзь, Алезь, Эбаль, Уфенсъ, Умбронъ, Вирбій, Турнь и наконецъ героиня Камилла.

... Dicam horrida bella.

Dicam acies, actosque animas in funera reges,
Tyrrhenamque manum, totamque subarma coactam

Hesperiam ..

(Изъ седьмой пѣсни.)

Ты, о Каета, кормилица прежде Энея, ты также
Смертью своей обезмертила вечно прибрежя наши:
Честь и понынѣ твоя пребываетъ въ странѣ той, гдѣ прахъ твой
Именемъ (если въ томъ слава) въ Великой Гесперіи славенъ.
Благочестивый Эней, совершивши обрядъ погребальный,
Сдѣлавъ могильную насыпь, когда успокоилось море,
Парусъ поднятъ приказалъ и отъ пристани въ путь удалился.
Къ ночи вѣтеръ попутный подулъ; за ними прикрасный
Мѣсяць плывётъ и море блеститъ отъ дрожащаго свѣту.
Вскорѣ явился и берегъ: то были земли Цирцеи.
Въ роцахъ тѣнистыхъ тамъ раздаются вѣчныя гѣсни
Дочери Солнца, богатой Цирцеи; тамъ въ пышныхъ чертогахъ
Кедрь благовонный сжигаетъ она и, разсѣявъ мракъ ночи,
Гребень искусной рукой запускаетъ въ нѣжныя пряди.
Слышны и гнѣвные стоны: то ярые львы тамъ, рыкая,
Въ поздніе ночи часы гремятъ и метаются въ клѣткахъ;
Тамъ и громады щетинистыхъ вепрей, медвѣдей свирѣпыхъ
Яростью дышатъ у яслей, и воютъ огромные волки.
Люди они, но ихъ чародейскою силою зельевъ
Злая Цирцея богиня въ тотъ ужасъ звѣрей превратила.
Чтобъ боговѣрныхъ троянъ отъ подобнаго горя избавить,
Не допустивъ ихъ пристать къ владѣньямъ злобой Цирцеи,
Моря владыка, надувъ паруса ихъ вѣтромъ попутнымъ,
Въ сторону бросилъ суда и унёсъ отъ опасныхъ отмелей.

Море уже озарилось лучами: съ высотъ поднебесныхъ
Вотъ въ колесницѣ багряной всплыла золотая Денница.
Вѣтры утихли вдругъ; ни малѣйшаго ихъ дуновенья
Не было; вѣсла упорно тихія воды взбивали.
Тутъ Эней увидѣлъ съ моря огромную рошу:
Сквозь неѣ Тиберинъ, живописной волной пробираясь,
Быстрымъ порывомъ течётъ и, мешаясь съ пескомъ золотистымъ,
Съ шумомъ врывается въ море Станъ рааличныхъ пернатыхъ,
Весело рѣя вокругъ береговъ, имъ знакомыхъ, и воздухъ
Пѣньемъ своимъ оглашая, порхали въ роцѣ тѣнистой.
И Эней туда повелѣлъ корабли всѣ направить:
Вотъ и вошли въ рѣку, осѣнѣнную тѣмною рощей.

О, Эрато! теперь помоги рассказать мнѣ, какіе
Въ Лациі древней были цари, какія дѣянья
Въ тѣ времена совершили они, когда чужеземецъ
Съ войскомъ впервые присталъ къ прекраснымъ Авзоніи нивамъ.
Я расскажу и причины первой вражды и начало.
Ты же, богиня, поэта наставь. Я кровавыя войны,
Я воспою и царей, на смертную брань возстававшихъ,
И тирренскую рать и Гесперию всю въ ополченьи.
Мнѣ предстоитъ раскрыть рядъ великихъ дѣяній: затѣять
Трудное дѣло.

Царь Латинъ, ужъ въ лѣтахъ преклонныхъ,
Правиль страню и городами долго и мирно.
Онъ, говорятъ, рождёнъ былъ отъ Фавна и нимфы Марики;
Фавнъ отъ Пика рождёнъ, а этотъ свой родъ отъ Сатурна
Прямо ведётъ; а Сатурнъ былъ первымъ виновникомъ крови.
Но у Латина царя, по волѣ судьбы, не осталось
Въ мужескомъ родѣ дѣтей: младенцами всѣ умирали.
Только дочь одна красовалась въ пышныхъ чертогахъ,
Въ возрастѣ зрѣломъ уже для замужства невѣста.
Много было жениховъ изъ латинской страны и авзонской;
Но прекраснѣе всѣхъ былъ Турнъ молодой и могучій
Дѣдовъ и прадѣдовъ силой. Его-то царица предъ всѣми
Съ дивною страстью зятемъ своимъ увидѣтъ желала;
Но различныя неба явленья были противны.
Былъ по срединѣ дворца, въ высокомъ капищѣ храма,

Старый лавръ, и зелень его почиталась священной.
Самъ прародитель Латинъ, говорятъ, когда воздвигались
Первыя стѣны дворца, тотъ лавръ посвятилъ Аполлону
И отъ него поселенцамъ своимъ далъ имя лавреитовъ.
Вотъ однажды пчѣлы, роємъ густымъ налетѣвши
(Трудно сказать) и съ сильнымъ жужжаньемъ кружась въ пространствѣ,
Вдругъ обѣли вершину высокую лавра, и ножки
Сплетши взаимно съ пчелою пчела, и взаимно сдѣпившись,
Цѣлымъ роємъ повисли на вѣтви лавра зелёной.
И говорили пѣвцы: «мы видимъ, придѣтъ чужеземный
Мужъ, и дружина его получить равную долю
Съ долею нашей, и властвовать будетъ въ замкѣ высококомъ.»
Кромѣ того, когда алтари благовоньемъ дымились,
И при родителѣ скромно стояла Лавинія дѣва,
Вдругъ (о, ужась!) вспыхнули длинные волосы дѣвы
И одежду всю охватило трескучее пламя:
Вспыхнули кудри царевны и царскій вѣнецъ ея вспыхнуть,
Блескомъ алмазовъ сившій; и облако яркаго свѣту,
Съ дымомъ смѣшавшись, по цѣлому зданью разсыпало искры.
Страшно и дивно явленье было: пѣвцы предсказали
Славу и счастье царевнѣ, народу же бранныя смуты.
Царь же, встревоженный чудомъ, къ оракулу вѣщуна Фавна
Тотчасъ идетъ спросить Альбунеи высокую роцу,
Тамъ, гдѣ источникъ, тѣнью покрывши священныя воды,
Шумно журчитъ и изъ мрака сѣрой зловонною дышитъ.
Всѣ италійское племя, обширныхъ владѣній энотровъ
Жители идутъ туда за отвѣтомъ въ случаяхъ крайнихъ.
Вотъ и жрецъ, принесшій дары, когда наступило
Время безмолвное ночи, на рунѣ въ жертву закланныхъ
Агнцевъ возлегши, въ тихомъ покоѣ искалъ сновидѣній.
Много видѣній онъ видѣлъ, летавшихъ образомъ дивнымъ:
Сдышалъ и разные звуки, и рѣчью боговъ наслаждался,
И зывалъ къ тѣнямъ Ахерона въ глубокомъ Авернѣ.
Саиъ родитель Латинъ, пришедшій искать предсказанья,
Сто руноносныхъ двузубыхъ ягнятъ заклалъ по обряду
И на рунѣ раскинутыхъ кожъ возлѣгъ для гаданій.
Вдругъ онъ услышалъ голосъ, раздавшійся въ роцѣ высокой:
«Ты не спѣши съединить свою дочь съ чужеземнымъ супругомъ,
О, рожденье моё, и не вѣрь ты готовому браку:
Придугъ къ тебѣ чужеземные мужи, которые кровью
Наше имя до звѣздъ вознесутъ; отъ корня ихъ внуки
Всѣ подъ стопами своими увидятъ, отъ странъ, гдѣ изъ моря
Солнце встаётъ, до странъ, гдѣ оно погружается въ волны.»
Этотъ родителя Фавна отвѣтъ и въ безмолвіи ночи
Данный совѣтъ не остался какъ тайна въ устахъ у Латина;
Но уже и молва, летая вокругъ, и далеко
Ни городамъ разнеслась авзонскимъ, тогда, какъ трояне
Съ флотомъ своимъ пристали къ зелёному берегу моря.

Вотъ Эней и первые мужи, и Юлій прекрасный
Подъ вѣтвями высокаго дерева расположились.
Вотъ и готовятъ обѣдъ: на травѣ, на ржанья алады
Пищу кладутъ; наполняютъ сельскими плодами и яствой
Эти сосуды изъ хлѣба (таково повелѣніе Зевса);
И когда ужъ съѣли плоды и прочія яства,
И недостатокъ пищи къ аладьямъ сухимъ обратиться
Тевкровъ голодныхъ принудилъ, жадной рукой и зубами
Корку сухую терзать, не падить и широкихъ сосудовъ, —
«Ахъ! — воскликнулъ Юлій — вѣдь наши столы мы сѣдаемъ!»
Онъ умолкъ. И эти слова положили впервые
Всѣмъ страдиньямъ конецъ, и первый отецъ уловилъ ихъ
Слухомъ изъ устъ говорившаго сына, и ставъ изумлённый
Тотчасъ вскричалъ: «привѣтствую васъ, о завѣтныя земли,
Также и вамъ мой привѣтъ, о вѣрныя Трои пенаты!
Вотъ отечество наше. Я вспомнилъ теперь, какъ родитель

Мой Анхизъ, раскрывая тайны судебъ, говорилъ мнѣ:
«Сынъ мой, когда къ берегамъ неизвѣстнымъ пристанешь, и голодь,
Пищу у васъ истребивъ, столами питаться принудить,
Ты, утомлённый, тогда надѣйся увидѣть страданій
Долгихъ конецъ: тамъ помни стѣны немедля воздвигнуть
И укрѣпить ихъ валомъ.» Такъ вотъ тотъ голодь, который
Насъ ожидалъ, чтобъ насъ наконецъ отъ страданій избавить.
Ну же, товарищи, къ дѣлу: какъ только поднимется солнце,
Вы постарайтесь развѣдать, что за мѣста здѣсь, какіе
Люди живутъ, и гдѣ ихъ жилища, гдѣ городъ построенъ;
Мы отъ пристани нашей по разнымъ мѣстамъ разойдѣмся.
Вы теперь совершите влалыкъ небесъ возлянье,
И помолитесь Анхизу, и вина на столъ возливайте.»
Такъ сказавъ, онъ чело осѣняетъ зелёною вѣткой,
Генью молитву творить, молить и Землю богиню.
Нимфамъ и рѣкамъ, ещё неизвѣстнымъ, мольбы возсылаеть.
Онъ взываетъ и къ Ночи, къ ея выходящимъ свѣтиламъ,
Онъ и Юпитера Иды, онъ и богиню фригійянь
Молить, и на небѣ мать и родителя въ тѣмномъ Эрвѣ.
Тутъ всемогущій отецъ, сверкнувши трижды съ небесныхъ
Высей, взгремѣлъ и, самъ потрясая десницей,
Облако свѣту явилъ, озарѣнное блескомъ сянья.
Вотъ и въ дружинѣ троянской немедля молва пробѣжала
О наступленіи дня, когда ихъ желанныя стѣны
Прочно возстанутъ: готовится пиръ, и въ надеждѣ великой
Ставать трояне бокалы и весело вина вѣнчаютъ.

Вотъ, лишь только первый лучъ восходящаго солнца
Съ неба блеснулъ, какъ трояне уже пустились извѣдать
Въ разныя стороны землю, отыскивать городъ, границы
И берега разсмотрѣть. Здѣсь воды Нумика струятся,
Далѣе тибровы волны, а тамъ и храбрыхъ латиновъ
Видны жилища. И сынъ анхизовъ, сто мужей избравши,
Имъ повелѣлъ увѣнчаться вѣтвями мирной оливы,
Къ царскимъ чертогамъ итти съ дарами и рѣчью къ монарху,
Мира просить для троянъ. И мужи не медля выходятъ,
По приказанью его, и шягомъ поспѣшнымъ несутся.
Самъ же Эней бороздою глубокою мѣсто обводитъ
Будущихъ стѣнъ, и первые дома у берега моря
Строить, и валомъ и рвомъ окружаетъ, словно какъ лагерь.
Вотъ и трояне уже свой путь совершили и видятъ
Башни высокія, дома латиновъ, и къ стѣнамъ подходятъ.
Тамъ у твёрдыхъ городскихъ и дѣти и цвѣтъ молодѣжи:
Тѣ укрощаютъ коней, а тѣ колесницами правятъ,
Пылью покрытые: тѣ напрягаютъ луки тугіе,
Или метаютъ изъ длани тяжелья копья, иль упражняютъ
Члены свои то въ трудной борьбѣ, то въ бѣганы быстромъ.
Вотъ и вѣстникъ верхомъ прискакалъ къ венценосному старцу;
Прибыли къ намъ — говоритъ — какіе-то мужи, въ одеждѣ
Намъ неизвестной. И царь во дворецъ къ себѣ приказалъ ихъ
Звать, а самъ по срединѣ возсѣлъ на дѣдовскомъ тронѣ.
Полный величья, огромный дворецъ былъ построенъ въ высокой
Города части; высокіе своды его упирались
На сто колоннъ: то были чертоги Лаврентова Пика,
Славные святостью лѣса и вѣрою набожныхъ предковъ.
Здѣсь, по обычаю предковъ, цари принимали корону,
Скипетръ и первую власть; здѣсь было мѣсто сената,
Мѣсто священныхъ пиршествъ; здѣсь, овна заклавъ для трапезы,
Члены сената часто садились къ столамъ безконечнымъ.
Тамъ же въ предверьи рядомъ стояли изъ стараго кедра
Всѣ изваянія предковъ: тамъ прадѣдъ Сабинъ-виноградарь,
Серпъ свой кривой въ изваяніи носящій, тамъ Игаль,
Тамъ и старецъ Сатурнъ, и Януса образъ двуличный;
Тамъ и другіе цари въ порядкѣ стройномъ стояли,
Всѣ отъ смертельныхъ ранъ за отечество павшіе въ брани.

Много оружья притомъ висить у священнѣхъ пороговъ;
Тамъ колесницы, плѣнѣнныя въ битвѣ, кривыя сѣкиры
Всюду висять, и гребни шоломовъ и много громаднѣхъ
Видно замковъ отъ воротъ, и щиты и острыя копья,
И корабельныя снасти. Самъ въ изваяньи прекрасномъ
Пикъ, укротитель коней, съ жезломъ въ десницѣ квиринымъ,
Въ трабѣ царской и въ лѣвой рукѣ со щитомъ полу-круглымъ.
Страстью къ нему заплавъ, Цирцея жена золотою
Трастью его поразила, и, силою травъ чародѣйскихъ
Въ птицу его превративъ, цвѣтами раскрасила крылья.
Такъ во храмѣ боговъ Латинъ, возсѣдая на тронѣ
Предковъ своихъ, повелѣлъ явиться троянамъ, и вскорѣ
Съ кроткою рѣчью къ вошедшимъ онъ первый такъ обратился:

«Дардана дѣти, скажите, мнѣ вѣдь извѣстенъ и городъ
Вашъ и вашъ родъ, и о вашемъ странствіи моремъ слыхалъ я,
Что привело васъ? какая причина, иль нужда какая
Васъ принесла къ Авзонской землѣ по синему морю?
Или не зная пути, иль гонимые бурей (вѣдь много
Въ морѣ глубококомъ съ пловцами бываетъ разныхъ несчастій),
Вы вступили въ рѣку и стали въ пристани съ флотомъ.
Будьте жъ гостями у насъ, узнайте латиновъ. Сатурна
Гостепріимное племя не силой закона и страха:
Воли своей оно и обычаевъ древняго бога
Держится. Помнится мнѣ (но это отъ лѣтъ позабыто)
Старцы Аврунки такъ говорятъ, что Дарданъ, рождѣнный
Въ этихъ странахъ, отплылъ въ города близъ Иды фригійской,
И во еракійскій Самось, что нынѣ зовутъ Самоеракей.
Вышедшій такъ изъ Кориѳа, тирренскаго города, Дарданъ
Нынѣ въ чертогахъ златыхъ, на тронѣ звѣзднаго неба
Славно возсѣлъ и собой небожителей сонмъ увеличилъ.»

Кончилъ Латинъ, и ему въ отвѣтъ Ильоней возражаетъ:
«Царь, о потомокъ Фавна прекрасный! Не чѣрная буря,
Насъ по волнамъ разметаши, пригнала къ вашимъ владѣньямъ,
И не свѣтило, пути указатель, насъ обмануло:
Съ цѣлью и всѣ добровольно мы въ этотъ прибыли городъ,
Славнаго царства лишившись; едва ли подобное царство
Фебъ освѣщаль, когда, встающій надъ дальнимъ Олимпомъ,
Родъ нашъ отъ Зевса идѣтъ; и Зевсомъ дарданское племя
Предкомъ гордится; самъ царь нашъ отъ Зевса высокаго рода,
Самъ трояскій Эней послалъ къ твоему насъ порогу.
Что за гроза отъ жестокихъ Миценъ налетѣвъ, поразила
Нивы троянъ, и какія судьбы на брань ополчили
Оба вселенной конца, — Европу на Азію двинувъ, —
Знаетъ и тотъ, кого океанъ отдѣляетъ далѣкій;
Знаетъ и тотъ, кто живѣтъ въ странѣ непріязненной міра,
Въ поясѣ знойномъ земли, между четырьмя поясами.
Мы, отъ потопа того убѣгая, по столькимъ пучинамъ
Бурей гонимые, просимъ убѣжища нашимъ пенатамъ,
А для себя уголка у берега этого моря:
Воздухъ и воды созданы богомъ для всѣхъ безразлично.
Въ царство твоё не внесёмъ мы стыда, но блескъ увеличимъ
Славы твоей, и будемъ за подвигъ такой благодарны;
Не пожалѣешь, что принялъ троянъ подъ авзонскіе кровы.
Рокомъ Энея клянусь и его могучей десницей,
Въ вѣрности ль кто испыталъ его, иль въ брани съ врагами,
Много народовъ и много племёнъ (оставь удивляться,
Что принесли мы тебѣ и мирныя ленты и рѣчи.)
Съ нами желали вступить въ союзъ и тѣсную дружбу,
Воля боговъ принудила насъ своимъ повелѣньемъ
Вашихъ владѣній искать. Вышедшій Дарданъ отсюда
Вновь обратился въ тѣ страны, и Фебъ насъ велѣньемъ великимъ
Нудитъ къ тирренскому Тибру и къ водамъ священнымъ Нумика
Царь посылаетъ тебѣ отъ прежнихъ сокровищъ богатыхъ

Скромный даръ, спасённый изъ пепловъ пылающей Трои.
Этимъ изъ золота кубкомъ старецъ Анхизъ возліянья
Дѣлалъ на жертвенникъ. Вотъ украшенье Пріама, въ которомъ
Судь и расправу народамъ давалъ: вотъ царственный скипетръ,
Вотъ и тіара, а вотъ рукодѣлье троянокъ — одежда.»

Такъ говорилъ Ильоней, а Латинъ, потупившій долу
Ликъ свой держить, къ землѣ устремивъ неподвижно, и только
Взоромъ поводить: его занимаетъ не золотомъ шитый
Пурпуръ; не столько скипетръ пріамовъ его занимаетъ,
Сколько дочери бракъ и судьба къ раздумью приводить,
Сколько его занимаетъ отвѣтъ родителя Фавна.
Думаетъ онъ: такъ вотъ тотъ мужъ, которому рокомъ
Изъ чужеземныхъ странъ приплыть суждено, и который
Придетъ въ власть и престоль раздѣлить; онъ будетъ началомъ
Славнаго рода героевъ, владыкъ покорителей міра.
И говорить наконецъ: «да будетъ съ моимъ начинаньемъ
Благословенье боговъ, да исполнится ихъ предвѣщанье.
Я принимаю дары. И желанье твоё, о троянецъ,
Будетъ исполнено. Вамъ же, доколѣ Латинъ на престоль,
Будутъ и нивъ плодородныхъ плоды и Трои богатства.
Только самъ Эней (когда такъ сильно желанье
Съ нами въ дружбу войти и союзникомъ нашимъ назваться)
Пусть прибудетъ и не убоится дружескихъ взоровъ.
Руку царёву пожать — мнѣ будетъ мира залогомъ.
Вы же царю отнесите теперь мои порученья:
Есть у меня ужъ взрослая дочь; но мнѣ воспрещаютъ
Выдать её за латинскаго мужа отцовскій оракуль
И чудеса небесныхъ явленій: они предвѣщаютъ,
Что изъ далёкой страны придутъ чужеземные мужи,
Въ царствѣ моёмъ поселятся и кровью до звѣздъ возвеличатъ
Имя моё. Объ этомъ-то мужъ судьба мнѣ вѣщаетъ.
Думаю я, и если мнѣ чувства не лугъ, то желаю.»

Такъ сказавъ, онъ въ даръ для троянъ когей избираетъ:
Триста прекрасныхъ коней стояли у яслей высокихъ.
Тотчасъ для всѣхъ троянъ скакуновъ быстроногихъ выводятъ:
Пурпуромъ яркимъ попоны горять и цвѣтными коврами.
Съ грудей спускаясь, у нихъ украшенья висятъ золотыя;
Золотомъ кони блестятъ и грызутъ золотыя удила.
А для Энея въ даръ колесницу и пару ретивыхъ,
Дивной воздушной породы, ноздрями метящихъ пламя, —
Той знаменитой породы коней, которыхъ Цирцея,
Тайно похитивъ въ дедаловомъ стадѣ, свела съ кобылицей
И получила отъ случки такой прекрасное племя.
Такъ одарённые тевкры, конями красуясь, обратно
Бдутъ къ Энею, привозятъ и миръ и латиновы рѣчи.

Между тѣмъ жестокая Зевса супруга воздушнымъ
Мчится путёмъ, отъ Аргоса свой путь направляя обратный.
Видитъ съ эирныхъ высотъ веселаго мужа Энея,
И троянскій флотъ примѣчаетъ отъ мыса Пахина,
Видитъ уже встающія зданья, троянъ, безопасно
Оавшихъ на сушу, и флотъ ужъ забытый у берега моря.
Остановилась она, поражённая горемъ жестокимъ,
И, головой потрясая, начала рѣчи такія:
«О, ненавистный родъ! и моей противная волѣ
Тевкровъ судьба! погибли ль они на равнинахъ сигейскихъ?
Иль покорились они, покорённые въ брани? иль пламя,
Трою пожравъ, истребило троянъ? они проложили
Путь безопасный себѣ сквозь мечи и пожары. И что же?
Иль утомлённыя силы мои наконецъ измѣняютъ,
Иль успокоилась я, пресыщённая злобой, не знаю,
Я же сама ихъ, лишённыхъ отчизны, по всѣмъ океанамъ
Гнала упорно, вездѣ бѣглецамъ поставляя преграды.

Всѣ ужъ на нихъ испытаны силы и моря и неба.
Что помогли мнѣ и Сирты, и Сцилла, и бездна Харибды?
Вотъ на желанномъ тибровомъ ложѣ они основались,
Ужъ не боятся меня, ни волнъ океана. Вѣдь могъ же
Марсъ погубить тотъ бранный лапифовъ народъ? Иль Дяны
Гнѣву предать Калидона самъ прародитель безсмертныхъ?
Но велико ль преступленье лапифовъ или Калидона?
Я же, великая Зевса супруга, которой возможно
Было всё совершить и на всё обратиться, я нынѣ
Пала съ Энеемъ въ борьбѣ. Но если такъ мало имѣеть
Силы моё божество, то, надѣюсь, услышатъ гдѣ либо
Просьбы мои. И если боговъ умолить не могу я,
То умолю Ахеронъ. Невозможно отъ царства латиновъ
Ихъ отвратить, и Лавинию участь стоитъ неизмѣнна.
Пусть такъ; но я замедлю дѣла ихъ, но я имъ поставлю
Всюду преграды въ столь важныхъ дѣлахъ; и въ горѣ увидятъ
Оба царя на брани народовъ своихъ истребленье;
Тестъ и зять пусть купятъ союзъ свой этой цѣною.
Кровь и рутуловъ и тевкровъ да будетъ въ приданое дѣвѣ.
И не одна киссеева дочь во чревѣ раздора
Факель будетъ носить, но тоже рожденье Венеры.
Парись будетъ другой и гибельный бракъ для Пергама.»

Такъ сказала Юнона, и страшная долу спустилась.
И отъ адскихъ тѣней, отъ ложа фуриѣ жестокихъ
Матерь боговъ вызываетъ несущую горе Аллекто:
Гнѣвъ и коварство въ сердцѣ ея и всѣ злодеянья.
Самъ владыко Плутонъ ненавидитъ её, ненавидятъ
Адскія сестры чудовище это: столько ужасныхъ
Образовъ, лицъ принимаетъ она, столь лютые взоры,
Столько змѣй ядовитыхъ шипятъ по чѣрному тѣлу!
И Юнона её побуждаетъ такими словами:
«Дѣва, дочь Ночи! нужна мнѣ и помощь твоя и услуга;
Да не потерпѣть ни честь моя, ни прочная слава
Не испытать позора: не дай ты троянамъ съ латинамъ
Въ брачныя узы вступить и на нивахъ авзонскихъ селиться.
Ты и братьевъ друзей на кровавую брань возбуждаешь,
Ты и въ семьяхъ поселяешь раздоры; ты въ дома тревогу,
Ты погребальныя факелы вносишь; ты тысячу разныхъ
Носишь имѣнь, повредить ты тысячу средствами можешь.
Смѣло, Аллекто, встряхни плодовитою грудью, расторгни
Начатый миръ и посѣй сѣмена раздора и брани:
Пусть молодѣжь и желаетъ, и проситъ, и схватитъ оружье.»

Вотъ, напоенная ядомъ Горгоны, Аллекто стремится
Въ землю лаврентовъ, къ чертогамъ Латина царя, и засѣла
Злая на скромномъ порогѣ царевой супруги Аматы.
Множествомъ женскихъ заботъ и гнѣвомъ кипѣла царица:
Тевкровъ прѣздъ и турнова свадьба её волновали.
И Аллекто, сорвавши одну изъ змѣй сизокожихъ,
Бросила ей и въ лонѣ подъ самую грудью сокрыла,
Чтобъ, уязвленная гадомъ, весь домъ превратила въ тревогу.
Гядь же, скользя межъ одеждой и нѣжною грудью царицы,
Тихо, невидимо вѣется и, ярости ядь разливая,
Душу змѣиную въ перси вдыхаетъ; и гадъ преогромный
Толстымъ кольцомъ золотымъ обвинилъ царипыну шею,
Длинной повязкою въ волосы вплѣлся и скользкій блуждаетъ
Въ членахъ ея. Такъ первая язва влажной отравой
Только вливалась ещё, обнимала всѣ чувства, и пламя
Кости слегка пожирало; и буря не вспыхнула въ сердцѣ
Страшнымъ пожаромъ ещё; тогда, покоряясь чувству
Матери нѣжной, о дочери слѣзы ручѣмъ проливая,
И о союзѣ съ мужемъ троянскимъ, такъ говорила:
«Ты ли Лавинию дочь отдаёшь за изгнанниковъ тевкровъ,
О родитель? или ты ни себя не жалеешь, ни чада?»

Матери ль ты не жалѣешь, которую съ первымъ попутнымъ
Вѣтромъ коварный хищникъ покинулъ, умчить океаномъ
Дочь и надежду? не такъ ли пастырь фригійскій проникнулъ
Въ Лакедемонъ и Элену, дочь Леды, похитилъ въ троянскій
Городъ? но гдѣ же священная клятва твоя, о родитель?
Гдѣ та забота твоя о семьѣ? гдѣ честное слово,
Столько разъ тобой повторѣнное Турну родному?
Если должны мы искать чужеземнаго зятя, и если
Это велѣнье судебъ и родителя Фавна желанье,
То полагаю, что всякій, отъ нашего скиптра свободный,
Край — чужеземный для насъ, и это боговъ указанье.
Если жь искать намъ древности рода, то и у Турна
Предки Инахъ и Акризій, и родина городъ Мицены.»

Но, увидѣвъ , что царь , напрасно испытанный рѣчью ,
Въ мгнѣнїи твердо стоитъ, и неистовства ядъ проникаетъ
Въ самое чрево ея, и по всѣмъ разливается членанъ, — въ то время,
Чувствуя адскую силу, несчастная, въ злобѣ великой,
Бѣшенствомъ ярымъ дыша, безумно по городу мчится.
Г.ловно кубарь, вращаясь подъ гибкою плетью, который
Дѣти, предавшись забавѣ, въ прихожихъ пустыхъ подгоняють,
Бѣгая кругомъ широкимъ; а онъ, понуждаемый ремнѣмъ,
Скачетъ неровнымъ путѣмъ; и, вытянувъ дѣтскую ручку,
Мальчикъ стоитъ и дивится летучей игрушкѣ; то снова
Хлещетъ безъ устали плетью. Такъ точно кружилась Амата,
Мчась посреди городовъ, и сѣль, и бранныхъ народовъ.
Даже въ лѣса полетѣла, подъ видомъ Ваховыхъ празднествъ,
Большее зло замышляя, волнуясь неистовствомъ большимъ,
Между лѣсистыхъ горъ любимую дочь укрываетъ,
Чтобы у тевкровъ невѣсту отнять иль свадьбу замедлить.
«Радуйся, Вахъ! — восклицаетъ она — одинъ ты достоинъ
Дѣвы; тебѣ одному прядутся нѣжныя нити;
Ты въ пѣснопѣнїяхъ чтимъ, для тебя отрощаютъ священный
Волось!» Несѣтся молва: и жоны другія всѣ вмѣстѣ,
Тѣмъ же безумьемъ пылая, ищутъ другого жилища:
Бросили дома, бѣгутъ и власы распустили по вѣтру.
Тамъ завываньями воздухъ однѣ оглашаютъ, другія,
Кожей звѣриной покрывшись, несутъ виноградныя пики.
А царица межъ нихъ, потрясая пылающій факель,
Свадебный гимнъ напѣваетъ въ честь дочери съ Турномъ кровавымъ,
Взоромъ поводить и къ жонамъ вдругъ восклицаетъ съ угрозой:
«Эй вы, о жоны-латинки! рѣчи мои вы услышите:
Если въ набожныхъ вашихъ сердцахъ для несчастной Аматы
Чувства ещѣ не остыли и матери право вы чтите,
Ленты волосъ распустите и въ оргїи мчитесь со мною.»

Такъ по лѣсамъ и по дикимъ пустынямъ Аллекто царицу
Гнала, отсюду еѣ побуждая силою Вахха.
И когда ужъ ярость достигла должныхъ предѣловъ,
Домъ же Латина весь превратился въ тревогу и смуты,
Тотчасъ чудовище ада на черныхъ крыльяхъ несѣтся
Прямо къ жилищу храбраго рутула, въ городъ, который,
Какъ говорятъ, основала Даная, акризїевыхъ мужей
Тамъ поселивъ, занесѣнная силою вѣтра; и мѣсто
Ардеи имя отъ птицы носило; то мѣсто и ныне
Ардеи имя великое носить; но всё измѣнилось.
Тамъ, въ высокихъ чертогахъ, въ полуночный часъ безмятежный,
Турнъ предавался покою. Аллекто, оставивъ угрюмый
Образъ лица и ужасъ чудовищныхъ членовъ, старухи
Приняла видъ и, морщинами взрывши лицо безобразно,
Волосы съ лентами вздѣла сѣдые, оливную вѣтку
Въ волосъ вплела, и словно старая Калибе стала
Жрица юнонина храма. И спящаго юноши взорамъ
Въ видѣ представши такомъ, говорила и рѣчи такія:
«Ты ли потерпишь, о Турнъ, чтобъ столько трудовъ и усилийъ

Тщётно погибли? и ты ли предашь свой скипетръ наслѣдный
Выходцамъ Трои? Вѣдь царь отвергаетъ твой брачный союзъ и
Кровью добытое право. Онъ чужеземному мужу
Скипетръ и дочь отдаётъ. Иди же, осмѣянный нынѣ,
Смѣло возстань на враговъ и сильной рукою повергни
Рати троянъ и миромъ покрой ты латиновъ. Въ то время,
Какъ наслаждался ты сномъ, всемогущая мать Юнона
Это тебѣ объявить повелѣла. Спѣши же и рати
Ты повели облекаться въ броню и выступить въ поле;
Бодро ударь на фригiянъ полки, захватившихъ прекрасный
Берегъ рѣки, и огнёмъ истреби корабли ихъ цвѣтныя.
Такъ повелѣла небесная сила. И если откажетъ
Царь Латинъ въ союзѣ тебѣ и слова не сдержитъ,
Пусть же почувствуетъ онъ и Турна въ борьбѣ испытаетъ.»

И, насмѣхаясь надъ жрицей, юноша такъ отвѣчалъ ей:
«Ты напрасно думаешь такъ, что мнѣ неизвѣстно
Къ тибровымъ водамъ прибытіе флота: объ этомъ я знаю;
И не страшусь я ни мало, не думай; ни мать Юнона
Не позабыла о насъ. Но тебѣ измѣняетъ ужъ дряхлый
Вѣкъ твой, о мать, и слабая память напрасно заботой
Мучитъ тебя о войнѣ межъ царями и страхомъ напраснымъ.
Дѣло твоё пецись о священныхъ кумирахъ и храмахъ,
Брань же вести и миръ пусть будетъ заботою мужей.»

Слыша такія слова, Аллекто вспыхнула гнѣвомъ.
Ужасъ внезапный потрясъ устрашѣнные члены героя;
Очи недвижно стали: столько гидръ зашипѣло
Вдругъ по чудовищъ тѣлу, и взорамъ предстала Эринна.
И тогда, устремивъ горящія пламенемъ очи
На онѣмѣвшаго Турна и тщётно искавшаго рѣчи,
Дыбомъ взвила отъ волосъ двухъ змѣй ядовитыхъ и ими,
Словно бичёмъ, хлеснувъ, такъ загремѣла устами:
«Видишь ли ту, которой уже измѣняетъ и дряхлый
Вѣкъ мой, и слабая память напрасной заботой
Мучитъ меня о войнѣ межъ царями и страхомъ напраснымъ.
Ты погляди на меня: изъ жилища сестѣрь кровожадныхъ
Я прихожу: я войною и смертью владею.» Сказавши
Эти слова, въ героя бросила факель, и факель,
Пламенемъ чѣрнымъ дымясь и пылая, подъ грудь вонзился.

Юноша прятнулъ отъ сна, пораженннй страхомъ великимъ;
Потомъ обильнымъ и члены и кости его оросились.
Ищетъ оружья безумный, — оружья по цѣлому дому:
Жажда желѣза томить, безумье брани кровавой,
Гнѣвъ же наиболѣе. Точно какъ будто трескущее пламя,
Вспыхнувъ отъ прутьевъ сухихъ и котѣль охвативши, всё выше
Рвѣтся взлетѣть, а кипучая влага въ сосудѣ клопочеть,
Пѣною бѣётъ высоко и, уже не вмѣщаясь въ сосудѣ,
Чѣрнымъ паромъ взвивается вверхъ и несѣтся въ пространство.
И, забывъ о мирѣ, Турнъ приказалъ молодѣжи
Въ путь собираться къ Латину царю, приготовить оружье,
Стать за Италію, силой враговъ отразить отъ предѣловъ:
И на латиновъ и тевкровъ довольно силы досанетъ.
Давъ приказанья такія, богамъ совершилъ онъ молитвы.
И ругулы тогда возбуждаютъ другъ друга къ оружью:
Этого прелестъ красы возбуждаетъ, иль юности свѣжей,
Царскіе предки того, иль рука знаменитая въ брани.

Между тѣмъ какъ Турнъ возбуждаетъ въ ругулахъ отвагу,
Злая Аллекто на стиковыхъ крыльяхъ несѣтся къ троянамъ,
Съ новою злобой на берегъ глядитъ, гдѣ Юлій прекрасный
Дикаго звѣря въ тенеты гонялъ и преслѣдовалъ бѣгомъ.
Тотчасъ адская дѣва чутьё раздражаетъ у вѣрныхъ
Псовъ и наводитъ на слѣдъ имъ знакомый оленя, чтобъ съ жаромъ

Дикаго звѣря погнали: и это было причиною
Первой вражды, и умы поселямъ къ войнѣ возбудило.
Быль прекрасный олень, высокій, рогатый; его-то
Дѣти Тиррея, отъ матерней груди похитивъ, кормили
Вмѣстѣ съ Тирреемъ отцомъ, блюстителемъ царскаго стада
(Онъ и надъ полемъ имѣлъ совершенный надзоръ и лѣсами).
А сестра его, Сильвѣя, съ самою нѣжной заботой,
Роги оленя букетами мягкихъ цвѣтовъ украшала,
Гребнемъ чесала его и въ источникъ чистомъ купала.
Онъ же, привыкшій къ рукѣ, и къ столу приходившій для корму,
Часто блуждалъ по лѣсамъ и снова къ знакомымъ порогамъ
Самъ возвращался домой, хотъ въ позднее время ночное.
Онъ недалеко по нивамъ блуждалъ, какъ вдругъ раздражённыхъ
Стая охотничихъ юловыхъ псовъ подняла и погнала
Бѣднаго звѣря, въ то самое время, какъ онъ приближался
Къ берегу свѣтлой рѣки прохладиться отъ лѣтняго зноя.
Юный Асканій тогда, желаньемъ хвалы увлечённый,
Лукъ свой кривой натянулъ и пустилъ въ оленя стрѣлою:
Не обманула рука: пернатая трость зашипела
И глубоко прошла сквозь чрево и нѣдра оленя.
Раненый звѣрь побѣжалъ къ знакомому дому и, въ стойло
Съ крикомъ вбѣжалъ окровавленный, жалобнымъ стономъ,
Будто моля о защитѣ, весь домъ огласилъ в встревожилъ.
Сильвѣя прежде другихъ увидѣвъ, руками всплеснула,
Кликнула слугъ и на помощь грубыхъ селянъ созываетъ.
И не медля сбѣжались они (таится такая
Язва въ дремучихъ лѣсахъ), одинъ головней обгорѣлой
Вооружился, другой суковатой, тяжёлой дубиной,
Что кто попалъ — захватить: самъ гнѣвъ подаётъ имъ оружье.
И Тиррей созываетъ толпы, который въ то время
Дѣлѣ на четыре части кололъ, и, клины загоняя,
Съ сильной одышкой сѣкирою билъ, и схватилъ онъ сѣкиру.
А богиня тогда, улучивъ удобное время,
Сѣвъ на высокую кровлю загона и адскій свой голосъ
Въ рогъ напрягая кривой, затрубила сельскую тревогу.
И отъ тревоги такой потряслися всѣ рощи, дремучій
Лѣсъ глубоко огласился, и Тривіи воды, и бѣлая волны
Сѣрнаго Нара рѣки, и текучія воды Велина;
И устрашённые матери къ персямъ прижали младенцевъ.

Быстро сбѣгаясь на голосъ трубы, спѣшать земледѣльцевъ
Храбрыя рати, отвсюду стремятся въ бронѣ и съ оружемъ.
Но и троянъ молодёжь изъ лагеря хлынула въ поле,
Помощь Асканью неся. Сошлись ратоборные строи:
Ужъ не оружемъ сельскимъ, уже не дубинами бьются,
Не обожжённымъ дрекольемъ, но острымъ желѣзомъ рѣшаютъ
Дѣло; и, словно какъ жатва волнуясь, ужъ движется цѣлый
Лѣсъ обнажённыхъ мечей, сверкаютъ мѣдныя брони,
Солнца лучи отражая до самыхъ высотъ поднебесныхъ.
Точно море, когда, подёрнувшись первымъ дыханьемъ
Вѣтра, сперва лишь поморщить поверхность и, мало по малу
Вздувшись, подниметъ волну за волною, потомъ, разыгравшись
Двинетъ громаду воды и отъ дна до небесъ достигаетъ.
Ювый Альмонъ, изъ дѣтей тирреевыхъ старшій и шедшій
Въ первыхъ рядахъ, шипучей стрѣлой поражённый, повержёнъ:
Въ горлѣ увязла пернатая трость и голоса звукамъ
Путь заградила, и нѣжную жизнь затворила на вѣки.
Много повержено мужей вокругъ; и Галезъ посѣдѣлый
Паль въ то самое время, какъ миръ предлагалъ ратовавшимъ;
Праведный мужъ былъ Галезъ, богатѣйшій на нивахъ авзонскихъ:
Пять блестящихъ стадъ у Галеза и столько жъ рогатыхъ
Въ полѣ паслись у него, и ниву сто плуговъ пахали.

Между тѣмъ, какъ бьются въ поляхъ съ одинаковой силой.
Ада богиня, успѣхомъ гордясь, едва обагрилось

Кровью ратное поле и смерть по рядамъ пробѣжала,
Бросивъ гесперскія нивы и взвившись къ странамъ поднебеснымъ,
Голосомъ гордымъ побѣды къ Юнонѣ такъ рѣчь обратила:
«Вотъ, о богиня, тебѣ и война и печальныя смуты;
Пусть-ка теперь заключаютъ союзы и миръ, прикажи имъ;
Я обагрила уже троянь авзонскою кровью.
Если же этого мало ещё, и ты пожелаешь,
То и сосѣднія страны молвою на брань подниму я,
Воспламеню ихъ умы неистовой жаждою брани;
Пусть на помощь бѣгутъ, я поле усѣю оружіемъ.»
Ей же Юнона въ отвѣтъ: «Довольно коварства и бѣдствій:
Есть ужъ причина войны; ужъ бьются оружіемъ въ полѣ;
Новая кровь обагрила доспѣхи ратниковъ павшихъ.
Такъ пусть празднуетъ брачный союзъ, и свадьбой такую
Пусть веселится Латинъ и прекрасное племя Венеры.
Но не желаетъ отецъ тотъ, великій правитель Олимпа,
Чтобы въ воздушномъ пространствѣ могла ты свободно носиться.
Прочь удались, а если что либо надобно будетъ,
Я ужъ устрою сама.» Такъ сатурнова дочь говорила.
А она, поднявъ шумящія змѣями крылья,
И воздушныя страны покинувъ, во тьму Ахерона
Править полѣтъ. Тамъ есть подъ горами высокими мѣсто,
Средь италійскихъ земель, — знаменитое мѣсто, — и славой
Многимъ странамъ извѣстное: это долины Амсанкта.
Густо сплетаясь съ обѣихъ сторонъ надъ чѣрной пещерой,
Чащу раскинула дремучій лѣсъ; средь лѣса змѣится
Быстрый и шумный потокъ, по скаламъ пробѣгая
Съ рѣвомъ. Тамъ-то зяеетъ отдушина грознаго ада
Пастью ужасной пещеры; бездонная пропасть разверзла
Тамъ смертоносную сѣнь Ахерона; туда-то
Скрывшись, незримое чудо очистило землю и небо.

Между тѣмъ царица Юнона конецъ полагаетъ
Бѣдствіямъ брани. И вотъ ужъ въ городъ стремятся толпами
Съ браннаго поля отряды селянь, и павшихъ уносятъ:
И молодого Альмона и обезображенный образъ
Старца Галеза; о помощи молятъ боговъ и Латина.
Прибыль туда же и Турнь; онъ средь ужасовъ брани и бѣдствій
Ужасъ сугубить ещё, разглашая, что тевкры Латиномъ
Призваны царство дѣлать, что принято племя фригійанъ,
Онъ же гонимъ отъ порога. И жоны, которыя Вахха
Въ пѣсняхъ восторженныхъ славя, по роцамъ пустыннымъ скитались,
(Столь многоважно имя Аматы) отвсюду собравшись,
Идутъ и мужей имъ брань поджигаютъ. Войны незаконной
Голосомъ общимъ желаютъ они, противной велѣньямъ
Самихъ боговъ и судьбы: такъ всё изменилось превратно
Силою ада. И вотъ окружили чертоги Латина.
Онъ же противится, словно какъ въ морѣ угѣсь неподвижный, —
Словно въ морѣ угѣсь, на который буря возстала,
Твёрдо стоитъ, презирая вокругъ лай раздражённыхъ
Волнь: и напрасно и скалы, напрасно облитые пѣной
Камни дрожатъ и скачутъ отъ рѣбрь отражённыхъ волны.
Но, увидѣвъ, что средства и нѣтъ никакого бороться
Противъ слепого желанья, и дѣло идѣтъ неизбежно
По мановенью жестокой Юноны, — тогда, обративши
Къ небу напрасныя взоры и тщетно боговъ призывая,
Старецъ воскликнулъ: «увы! судьба победила
Насъ и уносить какъ буря. Вы сами, несчастные, сами
За беззаконіе кровь святотатскую вашу прольѣте.
И тебя, о Турнь, ожидаетъ плачевная участь.
Поздно раскаешься ты и поздно къ богамъ обратишься.
Мнѣ жъ остаётся покой, мнѣ пристанью будѣтъ порогъ мой;
Смерти счастливой лишенья.» И, больше не вымолвивъ слова,
Царь затворился въ стѣнахъ и бразды управленья покинулъ.

Быль въ гесперской странѣ у латиновъ обычай, который
Приняли вскорѣ албанскія земли, а нынѣ великій
Римъ, какъ нѣчто священное чтить, когда побуждаетъ
Марсъ на кровавую брань и движетъ полки ратоборцевъ,
Гетамъ ли онъ уготоволь войну и плачевную участь,
Или гиркановъ сразить собирается, или арабовъ,
Или на индовъ итти, туда, гдѣ восходить Аврора,
Иль у мятежнаго пареа отбить унесённое знамя.
Есть двойныя брани врата (ихъ такъ называютъ),
Славныя святости силой и силой свирѣпаго Марса:
Ихъ затворяютъ сто мѣдныхъ замковъ и столько жъ желѣзныхъ
Вѣчныхъ затворовъ; и Янусъ стоитъ у порога на стражѣ.
И когда решенье сената войну объявляетъ,
То въ квиринальской трабеѣ консуль, въ габинской одеждѣ,
Самъ открываетъ тогда скрыпяще храма пороги,
Самъ созываетъ на брань: на зовъ его слѣдуютъ рати,
И дрожащимъ звукомъ вторять имъ мѣдныя трубы.
Такъ и Латинъ тогда, по обычаю предковъ, троянамъ
Долженъ былъ войну объявить и врата роковыя
Самъ отпереть. Но старецъ къ вратамъ прикасаться не хочетъ:
Онъ отъ обряда такого бѣжить съ отвращеньемъ и въ мирномъ
Кровѣ жилища отъ взоровъ сокрылся. Тогда съ поднебесныхъ
Высей слетѣла царица боговъ и могучей рукою
Въ дверь ударяетъ сама: и скрѣплённые твердымъ желѣзомъ
Треснули брани врата и настезь скрыпя распахнулись;
И неподвижная прежде Авзонія вдругъ закипѣла:
Тамъ снаряжаются въ поле пѣшіе строи, другіе
Конною ратью высокой кипятъ, поль собою волную
Облако пыли; иные броню и оружье хватаютъ,
Гладкіе чистятъ щиты, лезвія блестящія жиромъ
Мажутъ и трутъ, и на камнѣ точатъ боевыя сѣкиры,
Ждутъ съ нетерпѣньемъ боя и слушаютъ трубные звуки.

Пять большихъ городовъ куютъ, обновляютъ оружья
На наковальняхъ: Ардея, городъ могучій Атина,
Гордый Тибуръ, высокими башнями славный Антемны
И Крустумеры. Куютъ и шеломы, для чѣль безопасныя брони,
Иву плетутъ на щиты, нагрудники панцырей мѣдныхъ
И боевые наножики мягкимъ серебромъ украшаютъ.
Нѣтъ ни косъ ужъ чести, ни плугу; соха отдыхаетъ
Въ тихомъ забвеньи, а предковъ мечи на огнѣ закаляютъ.
Вотъ ужъ и трубы тревогу трубятъ, и двинулись рати.
Тотъ въ тревогѣ поспѣшно покрылся шеломомъ, другой же
Рьяныхъ коней въ колесницу впрягаетъ; тотъ щитъ и кольчугу
Золотомъ тканную вздѣль, тотъ верный свой мечъ препоясалъ.

Музы, раскройте мнѣ Геликонъ и въ пѣсняхъ воспойте,
Кто изъ царей устремился на брань; какія за каждымъ
Рати пришли и покрыли бранное поле; какими
Мужами въ тѣ времена гордились Итала земли;
Кто въ нихъ прославилъ свой мечъ. Вы помните это, богини,
Можете всё и воспѣть; до насъ же едва долетѣли
Слабые звуки молвы.

Отъ моря тирренскаго первый
Въ брань устремился лютой Мезенцій, боговъ презиратель,
Съ храброй дружиной. Съ нимъ вмѣстѣ и сынъ его Лавзь, красотою
Всѣхъ побѣждавшій героевъ, кромѣ лаврентова Турна, —
Лавзь, укротитель коней и дикихъ звѣрей побѣдитель.
Тщетно ведётъ отъ Агиллы дружину изъ тысячи мужей;
Юноша, участи лучшей достойный, достойный и лучшей
Власти отца и того, чтобъ быть не Мезенція сыномъ.

Послѣ него въ колесницѣ, побѣдною пальмой вѣнчанной,
По полю скачетъ, коней побѣдителей нудя и ими

Чудно красуясь, рождённый Алкидомъ прекраснымъ прекрасный
Сынъ Авентинъ. Онъ покрылся отцовскимъ щитомъ, на которомъ
Сто соплетаются змѣй и змѣями обвитая гидра.
Жрица Рея его въ лѣсу, на холмѣ Авентинскомъ,
Тайно на свѣтъ родила, смертная съ богомъ;
Послѣ того, какъ, убивъ Геріона, герой побѣдитель
Прибыль къ Лаврента полямъ и коровъ иберійскихъ
Выкупаль въ водахъ тирренской рѣки. Полки Авентина
Дротики носятъ въ рукѣ и страшные въ битвѣ кинжалы,
Длиннымъ мечёмъ поражаютъ врага и сабельскою пикой.
Самъ онъ гѣшій; чело покрываетъ львиная шкура
Съ страшной щетинистой гривой, съ клыками бѣлыми въ пасти.
Въ видѣ такомъ подходилъ онъ къ царскимъ чертогамъ Латина,
Страшный, и плечи покрылъ преогромною львиною кожей.

Вотъ и два брата идутъ, покинувъ тибуртовы стѣны,
Родъ, получившій названье своё отъ брата Тибурга,
Храбрый Корасъ и Катилль, съ отрядомъ аргивской дружины,
Въ первыхъ несутся рядахъ среди множества копій сгущённыхъ:
Словно какъ два центавра, рождённые въ облачныхъ высяхъ,
Съ горной вершины нисходятъ, въ стремительномъ бѣгѣ покинувъ
Снѣжныя страны Гомолы горы и Отриды: предъ ними
Лѣсъ разступается чѣрный и съ трескомъ ломаются лозы.

Съ ними и Цекуль пришёлъ, царь основатель Пренеста:
Онъ отъ Вулкана рождёнъ и младенцемъ найденъ среди стада
У очага сельскаго (такъ вѣрили въ это преданье).
Онъ за собою ведётъ сельскую дружину изъ мужей,
Что населяютъ высокій Пренестъ, габинской Юноны
Злчныя нивы и берегъ прохладный Аніена, рососою
Влажныя скалы Герника, — богатой Анагнии мужей,
И твоихъ, о отецъ Амазень. Не брони сверкаютъ
Въ этихъ полкахъ, не звенять и щиты, не гремятъ колесницы:
Пулями синій свинецъ разсыплютъ одни, а другіе
По два метательныхъ дрота рукою вращаютъ; изъ шкуры
Бураго волка шапки у нихъ; ихъ лѣвыя ноги
Ступней ступаютъ босою, на правыхъ — ножникъ изъ кожи.

Вотъ и Мессапъ, укротитель коней, нептуново племя;
Онъ ни огнёмъ погнубить не можетъ, ни твёрдымъ желѣзомъ.
Мирный народъ, отъ войны давно ужъ отвыкшій рати
Къ браннымъ тревогамъ созвалъ и въ руки далъ имъ желѣзо.
Тѣ обитаютъ Фесценны, тѣ Эквовъ поля и Фалисковъ,
Тѣ на вершинахъ Соракта живутъ, флавиныевыихъ нивахъ.
Тѣ на горахъ, гдѣ циминскія воды, тѣ въ рощахъ Капены.
Стройно отрядами шли и въ пѣсняхъ царя воспѣвали:
Такъ лебедей бѣлоснѣжная стая подъ облакомъ свѣтлымъ
Съ пастбищъ слетѣвшая, мчится и, вытянувъ длинныя шеи,
Громкія пѣсни поётъ; и рѣка встрепенётся далѣко
Отъ лебединаго клика, и Азіи воды подёрнутся эхомъ.
Не броненосныя рати съ шумомъ толпою стремятся,
Въ бранное поле идя: то птицъ голосистыхъ летучій
Облакъ отъ бездны небесъ къ берегамъ отдалённымъ несётся.

Вотъ и отъ древной крови сабинянь Клавзь полководецъ
Сильныя рати ведётъ, самъ сильной рати подобный.
Клавдѣвъ родъ отъ него и племя разсѣяно нынѣ
Въ Лаціи всей, съ тѣхъ поръ, какъ сабиняне приняты въ Римѣ.
Съ нимъ Амитерны сильная рать и древнихъ квиритовъ,
И дружина Эрета и оливородной Мутуски;
Тѣ, что Номентъ населяютъ, цвѣтуція нивы Велина,
Страшныя скалы Тетрики и горныя выси Северы;
Что обитаютъ Форулы, Касперію, воды Гимеллы,
Пьютъ Фабарисъ и Тибръ, и сколько на флотѣ Гартины
Прибыло, въ Нурсіи сколько холодной, на нивахъ латинскихъ,

И на поляхъ, что, струясь, съчѣтъ злополучная Алля:
Такъ по либійскому дну катятся несмѣтныя волны.
Бурный Орюнь, когда погрузится въ зимнія воды;
Такъ, созрѣвая на солнцѣ, густыя волнуются жатвы,
Или на Герма поляхъ, иль на Ликии зрѣющихъ нивахъ.
Брони звенять и стопами земля поражѣнная стонеть.

Агамемноновъ Алезъ, врагъ имени Трои, за ними
Вотъ въ колесницу впрягаетъ коней и у Турна уводитъ
Тысячу храбрыхъ мужей, что раломъ ворочаютъ нивы
Вакху для Массики гроздй счастливыхъ, и тѣхъ, что съ высокихъ
Горъ отъ аврунковъ пришли, отъ сосѣднихъ водъ сидицинскихъ;
Съ ними и Калеса житель и водъ мелкодонныхъ Вультурна.
Храбрыхъ сатикуловъ рати и осковъ дружина. Оружье
Длинныя пращи у нихъ бичѣмъ управляются гибкимъ;
Легкій шить на рукѣ, для схватки — сабли кривыя.

Эбаль, и ты не отъидешь отъ насъ въ стихахъ не воспѣтый;
Ты отъ Сабетиды нимфы рождѣнъ и отъ мужа Телона,
Что телебойцами правилъ Капрей царь многолѣтній:
Но, не довольный наслѣдьемъ отцовскихъ полей, ты далеко
Власти своей покорилъ и племя саррастовъ, и нивы,
Сарномъ рѣкой орошѣнныя, съ ними и Батуль и Руфры,
И Целенны поля, и стѣны зловредной Абеллы.
Тѣ по тевтонски врага кистенемъ поражаютъ: чело ихъ
Пробковый кроетъ шеломъ изъ древесной коры, а щиты ихъ,
Мѣдью покрытые, блещутъ, и мѣдью сверкаютъ мечи ихъ».

И тебя на брань послали горные персы,
Уфенсъ, молвой знаменитый и вмѣстѣ счастливый воитель.
Страшный народъ у него, бесплодныхъ полей обитатель,
Къ ловлѣ звѣриной привыкшій въ лѣсамъ, — эквикуловъ племя.
Вооружѣнные, пахутъ поля, и новой добычи
Ищутъ они непрерывно, — живутъ грабежѣмъ и добычей.

Прибыль и жрецъ отъ народа маррубиевъ, племъ увѣнчавшій
Зелени вѣтвью счастливой оливы: онъ отъ Архиппа
Присланъ царя на кровавую брань. Умбронъ знаменитый;
Зельемъ снотворнымъ умѣлъ усыплять онъ, рукою и пѣньемъ
Злое змѣиное племя и гидру съ тлетворнымъ дыханьемъ;
Онъ укрощать ихъ умѣлъ и отъ ранъ врачевалъ онъ искусно.
Но не сумѣлъ исцѣлить дарданской стрелы уязвленья;
Не помогла ужъ ему ни словъ усыпительныхъ сила,
Ни собираемыхъ зельевъ на горныхъ марсовыхъ высяхъ.
О, Умбренъ, и ангвитскія рощи тебя, и Фуцина
Волны прозрачныя плачутъ, и свѣтлыя озера воды.

Вотъ идѣтъ и сынъ Иполита, Вирбій прекрасный, —
Вирбій, лѣсовъ эгерійскихъ питомецъ; Аркція мать
Въ сѣчу послала его отъ странъ, гдѣ богатый и славный
Милостью храмъ непорочной Діаны, вокругъ орошѣнный
Берегомъ влажнымъ. Когда Иполитъ (увѣряетъ преданье)
Мачехи злобой погибъ, въ исполненіе родительской кары,
Страшно конями растерзанный, снова къ небеснымъ свѣтиламъ,
Въ жизненный мѣръ возвратился, силой цѣлительныхъ зельевъ
Къ жизни воззванный и страстью юной богини Діаны.
И тогда всемогущій отецъ, негодуя на то, что изъ адской
Сѣни ничтожный смертный на жизненный свѣтъ возвратился,
Самъ громовымъ ударомъ низвергнулъ въ стиковы волны
Фебомъ рождѣннаго изобрѣтателя силы цѣлебной.
Но Иполита Діана въ уединеніи сокрыла
И поручила его Эгеріи въ таинственной рошѣ,
Гдѣ бы онъ дни проводить одиноко въ лѣсахъ италійскихъ,
Скромно живя и нося измѣненное Вирбія имя.
И отъ священнаго храма таинственной рощи Діаны

Гонять коней рогагогихъ, за то, что, объятые страхомъ,
Юношу въ жертву чудовищъ морскихъ съ колесницей низвергли.
Сынъ же не менѣ смѣло гонять по широкому полю
Буйныхъ коней въ колесницѣ, готовая въ кровавую сѣчу.

Въ первыхъ рядахъ самъ Турнь прекрасный несётся,
Щитъ и оружье держа, и всѣхъ головой превышаетъ
Съ гривой тройною шеломя у него высокій, косматый
Держить Химеру: чудовища ноздри пламенемъ Этны
Дышать; зловѣщее пламя ея тѣмъ сильнее пылаеть,
Чѣмъ сильнѣе кровавая брань разыграется въ полѣ.
А на лёгкомъ щитѣ красуется золотомъ то,
Роги поднявъ высоко: и вотъ покрывается шерстью,
Вотъ ужъ телица она... предметъ картины высокой.
Тутъ же и дѣвы стражъ Аргусъ и Инахъ родитель, потокомъ
Льющій волну изъ чудной, рѣзьбою украшенной урны.
Пѣшіе строи сыплютъ какъ дождь; щитоносныя рати
Густо толпятся по цѣлому полю; отряды аргивянь,
Войско аврунковъ, рутуловъ, за ними древнихъ сикановъ
И сакрановъ полки и съ цвѣтными щитами лабиковъ:
Тѣ, что въ рощахъ твоихъ, Тиберинъ, обитають, что пахуть
Берегъ священный Нумика, и плугомъ рутуловъ холмы
Роють, и горы Цирцеи; гдѣ анксуровъ Зевсъ покровитель
Нивъ и полей, и Феронія рощей зелёной богата;
Тамъ, гдѣ Сатура чѣрнымъ болотомъ лежитъ и прохладный
Уфенсъ, въ глубокихъ долинахъ змѣясь, скрывается въ море.

Вотъ наконецъ и отъ волсковъ пришла героиня Камилла,
Конныя рати ведётъ и блестящія мѣдью дружины.
Нѣжныя руки ея не тонкія пряди вращають
И не искусствомъ Минервы слывутъ, — но въ трудныя битвы
Смѣло несётся она и въ запуски вѣтръ обгоняетъ.
Иль надъ вершиной нетронутой жатвы она пронеслась бы,
Въ бѣгѣ своёмъ ногой не коснулась бы нѣжныхъ колосьевъ;
Иль понеслась бы бѣжать по вздутымъ волнамъ океана,
Не оросила бы влажной волною пяты быстролётной.
Домы и нивы покинувъ, бѣжить молодёжь любоваться
Храброю дѣвой; и жоны толпами дивятся, и долго
Вслѣдъ за идущей глядятъ, и, уста въ удивленьи раскрывши,
Смотрятъ, какъ нѣжныя плечи пурпуромъ царскимъ покрыты,
Какъ золотое колечко сплетаетъ прекрасныя кудри,
Какъ на плечѣ ея ликійскій колчанъ перевѣшенъ,
И остріе у копья пастушескій миртъ обвиваетъ.

Энеида (Вергилий/Шершеневич)/Песнь третья/ДО

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [Энеида \(Вергилий/Шершеневич\)](#)

Перейти к [навигация](#), [поиск](#)

← [Пѣснь](#) **Энеида Вергилия** — Пѣснь третья

[вторая](#)

авторъ *Дублій Вергилій Маронъ* (70 г. до н.э.—19 г. до н.э.), пер. *Л. Г. Шершеневичъ* (1819—

1894)

[Пѣснь четвёртая](#)
→

Язык оригинала: латинский. Название в оригиналь: [Aeneis](#). — Источник: [Современникъ, Литературный журналъ, томъ XXXI, Санктпетербургъ, 1851](#)

Википроекты: - [Википедія](#)

Энеида Вергилия

Пѣснь третья

Эней продолжаетъ рассказывать свои приключенія.

Vela domus vastumque cava trabe currimus aequor.

(Изъ третьей пѣсни.)

Послѣ того, какъ богамъ угодно было разрушить
Въ Азіи царство Пріама, и гордясь стѣны Ильона
Въ прахѣ дымились, остатки великой нептуновой Трои,
Слѣдую волю боговъ, мы рѣшились въ мѣстахъ отдалѣнныхъ
Или въ безлюдныхъ странахъ поискать отчизны, и вскорѣ
Выстроивъ флотъ у подошвы Иды горы, близъ Антандра,
Вовсе не зная, къ какимъ берегамъ судьба занесѣтъ насъ,
Мы собирали людей, и лишь только весна наступила,
Всѣ мы пустились на волю судьбы, по желанью Анхиза.
Съ горестью, съ плачемъ покинулъ я берегъ отчизны и нивы
Трои родной; и какъ жалкій изгнанникъ пустился я въ море,
Взвизавши съ собою товарищей, сына, отца и пенатовъ.

Есть недалѣко земля, гдѣ въ обширныхъ поляхъ обитаетъ
Бранный еракійскій народъ, бывший подъ властью Ликурга.
Этотъ народъ издревле былъ съ нами въ союзѣ и дружбѣ,
Въ прежнее время могущества Трои. Туда я причалилъ
И на крутыхъ берегахъ, непріяннымъ рокомъ водимый,
Первыя стѣны построилъ и далъ названье народу.
Тамъ совершалъ я священный обрядъ лонейской богинѣ
И божествамъ, покровителямъ начатыхъ дѣлъ, и въ то время
Въ жертву влалыкъ небесъ при морѣ тельца приносилъ я.
Тутъ возвышался курганъ, а на самой вершинѣ кургана
Множество корновыхъ лозъ и густые кустарники мирта.
Вотъ я взобрался туда и старался сорвать по зелѣной
Вѣткѣ, чтобы осѣнить алтари зелѣнымъ покровомъ...
Вдругъ неожиданно странное чудо представилось взору:
Всюду, гдѣ только я вѣтвь отрывалъ отъ кургана, о диво!
Тамъ выступали изъ вѣтви кровавыя чѣрныя капли
И обагрляли землю. Дрогнуло сердце отъ страха,
Дрожь пробѣжала по тѣлу и кровь по жиламъ застыла.
Чтобы узнать причину такого явленья, я вскорѣ
Вновь попытался сломить гибкую вѣтку: срываю...
Вновь изъ коры заструились кровавыя чѣрныя капли.
Тутъ призадумался я и началъ молиться то нимфамъ,
То покровителю гетскихъ полей, великому Марсу,

Чтобы они къ добру повели столь странное чудо.
Но когда я третью лозу старался отторгнуть,
Съ большимъ усильемъ, и упирался колѣномъ о землю,
Что же? сказать иль нѣтъ? вдругъ слышу подземные стоны;
Голосъ плачевный несѣтся, какъ будто изъ самой могилы:
«Что ты меня терзаешь, Эней? пощади хоть въ могилѣ;
Не обагряй ты праведныхъ рукъ; мы не чужды другъ другу:
Троя отечество наше; та кровь не изъ дерева льѣтся.
Ахъ, удались отъ жестокой земли и отъ жаднаго края.
Я Полидоръ; я здѣсь погибъ, пораженный, покрытый
Тучею копій и стрѣлъ, — и выросли копья и стрѣлы.»

Холодомъ сердце обдало, я весь задрожалъ отъ испуга,
Волосы стали дыбомъ и въ груди замерли звуки.
Нашъ злополучный Пріамъ, лишившись надежды на мечъ свой,
На отраженье враговъ, и видя, что длится осада,
Тайно отправилъ того Полидора къ еракійскому князю
На воспитаніе, давши ему и сокровищъ и денегъ.
Этотъ, видя, что счастье оставило войско троянцевъ,
Вдругъ заключаетъ союзъ съ побѣднымъ Агамемнономъ.
Дружбы законы попралъ и, убивъ Полидора, коварный
Золото всё захватилъ. О, гнусная жажда къ богатству,
Слабыя смертныхъ сердца до какихъ ты дѣяній доводишь!

Послѣ того, какъ испугъ миновался, я вдругъ объявляю
Всѣ, что видѣлъ, отцу и другимъ знаменитымъ троянцамъ,
Чтобы узнать отъ нихъ, что въ томъ случаѣ дѣлать.
Всѣ пожелали оставить враждебную землю, гдѣ дружбу
Такъ осквернило коварство, и по морю снова пуститься.
Мы Полидору готовимъ обрядъ погребальный: курганомъ
Насыпь земли наложили и жертвенникъ тѣнямъ воздвигли:
Ихъ осѣнили лазурныя ленты и кипарисы густые.
Жоны троянскія стали кругомъ и власы распустили.
Тѣплымъ млекою наполняемъ сосуды, кипяще пѣной,
Жертвенной кровью бокалы, и, схоронивъ Полидора,
Всѣ запѣли въ ладъ покойнику вѣчную память.

Вотъ, лишь только вѣтры утихли, настала погода,
На море тихо подуло дыханіе южнаго вѣтра,
Всѣ мы отправились къ берегу и корабли оттащивши,
Якорь подняли, плывёмъ: отъ насъ удаляются земли
И города. Тамъ, на морѣ, островъ лежитъ, посвященный
Матери нимфъ Нереидѣ и егейскому богу Нептуну.
Этотъ островъ по морю плавалъ, но богъ-стрѣлоносецъ,
Сжавши между Микономъ его и высокимъ Гіаромъ,
Такъ укрѣпилъ, что могъ онъ противиться вѣтру и бурѣ.
Вотъ мы несёмся туда и, войдя въ безопасную пристань,
Бросили якорь и вскорѣ отправились къ городу Феба.
Аній, острова царь и вмѣстѣ жрецъ Аполлона,
Лавромъ священнымъ чело увѣнчавъ и святою повязкой,
Встрѣтился съ нами, узнавъ стариннаго друга, Анхиза,
Дружески за руки взявъ и повель за собою въ жилища.
Въ древній храмъ Аполлона вошѣлъ я и началъ молитву:

«Боже тимбрейскій! ты далъ утомленнымъ жилища и стѣны;
Дай намъ и племя, и городъ могучій, и Трою другую;
Ты сохрани остатки данайцевъ и длани Ахилла.
Чтб повелишь ты? куда намъ итти? и гдѣ намъ остаться?
Дай намъ, отецъ, наставленье: да умъ нашъ тобой просвѣтится.»

Такъ я едва произнёсъ, какъ вдругъ всё дрогнуло въ храмѣ:
Дрогнула дверь и божественный лавръ, и кругомъ встрепенулись
Горныя выси, и гуль пролетѣлъ, по святилищу храма.
Тутъ мы припали къ землѣ и услышали голосъ священный:

«Храбрые Дардана внуки! васъ примутъ прекрасныя земли, —
Земли богатя, бывшия вашихъ отцовъ колыбелью.
Матери древней, троянцы, ищите: потомки Энея
Тамъ воцарятся надолго, и будутъ владыками міра
Дѣти его и внуки и внуковъ грядущихъ потомки.»

Такъ говорилъ Аполлонъ, и радостно всѣ зашумѣли,
Всѣ вопрошали другъ друга, что значать слова Аполлона;
Гдѣ та страна, въ которую путь имъ Фебъ назначаетъ.
Тутъ мой отецъ, приводя на память событія былого,
Такъ говорить намъ: «слушайте, мужи, узнайте свой жребій:
Есть недалёко юпитеровъ островъ, названный Критомъ;
Тамъ есть Ида, гора, колыбель родителей нашихъ,
Сто родовъ многолюдныхъ и нивы, богатя хлѣбомъ;
Сколько я помню, изъ этого острова нашъ прародитель
Тевкръ былъ первый, приставшій къ ретейскимъ долинамъ; онъ мѣсто
Царству избралъ. Въ то время не было стѣнъ Иліона,
Ни пергамейскихъ твердынь, а жили въ глубокихъ долинахъ.
Матерь, Цибела, оттуда и звонкій кимваль корибантовъ,
Роща Илейская и молчаливый обрядъ приношенья.
Ярые львы тамъ впервые впряглись въ колесницу богини.
Ну, собирайтесь же въ путь, который назначили боги.
Мы успокоимъ гнѣвные вѣтры и въ Критъ удалимся;
Путь нашъ не очень далёкъ, и если намъ боги помогутъ,
Флотъ нашъ у критскаго берега станеть на третіе утро.»
Такъ говоря, онъ жертвой боговъ алтари обагрятъ:
Моря владыкъ приносить тельца, тельца Аполлону.
Чёрную жертву Бурѣ, а бѣлую тихимъ Зефирамъ.

Слухи носились, что Идоменей, гонимый врагами,
Землю родную покинулъ: и опустѣли критскія нивы;
Домы пустыя стоятъ; жилища враговъ не скрываютъ.
Вотъ мы, оставивъ делосскую пристань, летимъ океаномъ.
Вскорѣ Наксось намъ явилъ виноградомъ вѣнчанныя горы,
Зелень Донизы и Олеарось и Парось бѣлоснѣжный;
Группы Цикладовъ и мелкихъ земель остались за нами.
Въ радости наши пловцы подняли громкіе клики,
Ждутъ съ нетерпѣньемъ, какъ явится Критъ, отечество предковъ.
Вѣтеръ попутный, съ кормы подувая, надулъ намъ вѣтрила,
И наконецъ мы причалили къ берегу древнихъ куретовъ.
Здѣсь я рѣшился построить желанныя стѣны и замокъ,
Давъ имъ названье Пергама, столь милое нашему сердцу;
Сердце народа согрѣлъ любовію къ новой отчизнѣ:
Всѣ корабли ужъ сдвинуты были на берегъ песчаный;
Брачнымъ союзомъ скрѣпясь, молодёжь занималась воздѣлкой
Новыхъ полей, подъ сѣнью законовъ и мирнаго крова.
Вдругъ смертоносная язва, испорченнымъ воздухомъ въя,
Пала на нивы, сады, истребляя плоды и посѣвы.
Морь поразили и людей, и настали черныя годы:
Тѣ умирали внезапно, а тѣ истощённое тѣло
Жалко влачили; а Сириусъ знойный палилъ намъ посѣвы;
Травы изсохли отъ зноя; хлѣба плодовъ не давали.
Старецъ совѣтуетъ плыть къ оракулу Феба, и море
Вновь кораблями измѣрять, вновь умолять о пощадѣ,
Вновь спросить Аполлона, какой насъ конецъ ожидаетъ,
Чѣмъ пособить столь великой бѣдѣ и куда удалиться.

Полночь была и всё на землѣ ужъ въ сонъ погрузилось.
Сонъ не смыкалъ мнѣ очей: я вижу, представились взору
Всѣ изваянья боговъ и священныхъ троянскихъ пенатовъ;
Я ихъ исторгнулъ изъ пасти огня, пожиравшаго Трою.
Ясно я могъ различать ихъ черты, озарѣнныя свѣтомъ
Полной луны, проливавшей въ окно лучезарныя струи.
Слушаю, голосъ пенатовъ несѣтся ко мнѣ въ утешенье:

«То, что услышишь, Эней, изъ усть делосскаго Феба,
Мы возвѣщаемъ тебѣ: онъ самъ насъ къ тебѣ посылаетъ.
Мы за тобою въ слѣдъ удалились изъ пламени Трои;
Мы вознесёмъ къ небесамъ твоихъ потомковъ дѣянъ,
Власть полу-міра столицѣ дадимъ; а ты для великихъ
Стѣны великія строй; ещё ты странствовать будешь;
Не унывай лишь, иди; не здѣсь тебѣ поселиться,
И не на критскихъ поляхъ поселишься ты съ вѣрной дружиной:
Есть плодоносный край, Гесперіи имя носящій, —
Край и богатый и древній; въ нёмъ бранный народъ обитаетъ.
Тамъ обитали энотры; теперь, говорятъ, ихъ потомковъ,
Взявшихъ названье вождя, зовутъ италійскимъ народомъ:
Тамъ ожидаютъ васъ земли. И Дарданъ былъ родомъ оттуда,
Прадѣдъ Язидъ, отъ котораго племя троянцевъ родилось.
Встань, о Эней, и порадуй дряхлаго старца Анхиза
Доброю вѣстью; пусть онъ отыщеть городъ Кортону.
Землю Авзонію; тамъ суждено вамъ жить, а не въ Критѣ.»

Я изумился тѣмъ чуднымъ видѣньемъ и рѣчью пенатовъ;
Ясно я видѣлъ черты ихъ — то не были сонныя грѣзы:
Видель божественный ликъ и повязкой вѣнчанныя чѣла;
Капли холоднаго пота струились повсюду по членамъ.
Вспрянувъ отъ сна и длани поднявъ къ небеснымъ свѣтиламъ,
Съ тёплой молитвой принёсъ на алтарь я чистую жертву.
Вскорѣ, окончивъ обрядъ приношенья, спѣшу я къ Анхизу,
Въ радости всё объявляю ему, что видѣлъ и слышалъ.
Тутъ мой родитель Анхизъ увидѣлъ своё заблужденье,
Племя другое узналъ и другихъ прародителей вспомнилъ.
И говорить мнѣ: «сынъ мой, я помню, какъ въ Троѣ бывало
Жрица, Кассандра, одна прорекала намъ это событье:
Помню теперь, какъ она тогда намъ пророчила это,
Часто имя Гесперіи, часто Италіи имя
Намъ повторяла; но кто въ то время слушалъ Кассандру?
Кто бы подумалъ, что тевкрамъ теперь къ берегамъ гесперійскимъ
Плыть суждено? но мы покоримся велѣнію Феба.

Вскорѣ, покинувъ эту страну и оставивъ немногихъ,
Парусъ раскинули мы и пустились въ широкія воды
Вотъ мы всплыли ужъ на полное море: вдали утонули
Всѣ берега; надъ нами лишь небо, подъ нами лишь море.
Грянули тучи; крупныя капли дождя полетѣли;
Пали туманы, вѣтеръ завылъ и волна разыгралась;
Валь покатился за валомъ, и встали громадныя горы,
Врознь расплылись корабли, метаясь по влагъ сердитой;
Чёрныя тучи небо закрыли и на море тьма налетѣла.
Съ страшнымъ рѣвомъ огни изъ расторгнутыхъ тучъ прорывались.
Скоро мы сбилась съ пути и поши за порывами вѣтра.
Самъ Палинуръ не зналъ, иль день, иль ночь наступала;
Самъ Палинуръ не умѣлъ угадать, куда мы несёмся.
Такъ провели мы три дня, блуждая по тѣмнымъ пучинамъ.
Трижды накрыла насъ ночь, а звѣзды какъ будто погасли,
Но наконецъ, на четвертое утро, завидѣли берегъ;
Тамъ появились и горы, и дымъ подъ землёй заструился.
Пали долой паруса, и гребцы пріударили въ вёсла,
Дружно бьютъ по волнамъ, взбивая шипящую пѣну.

Такъ мы спаслись отъ крушенья и вышли на берегъ Строфадовъ.
Это названіе двухъ острововъ на Іоническомъ морѣ;
Греки прозвали Строфадами ихъ. Теперь поселилась
Злая Целена на нихъ и другія гарпіи, не смѣя
Болѣе мучить Финея и пиръ его потревожить.
Не было въ мірѣ страшнѣе чудовищъ, и гнѣвные боги
Кары столь страшной на насъ никогда не ссылали изъ ада:
Съ женскимъ лицомъ огромныя птицы; ихъ руки съ когтями,
Блѣдность отъ голода въ лицахъ; въ желудкѣ помётъ нестерпимый.

Вотъ, едва мы ступили на землю, видимъ: повсюду
Стадо прекрасныхъ воловъ пасётся по тучному полю;
Козы и овцы рѣзвятся въ травѣ, и никто не стерѣгъ ихъ.
Бросились мы, призывая боговъ и владыку Олимпа
Съ нами добычу дѣлить. Потомъ у берега моря
Ставимъ сосуды, столы, — и пошло пированье горою.
Вдругъ съ ужаснымъ шумомъ съ горъ налетѣли гарпіи;
Сильно крылами по воздуху бьютъ съ пронзительнымъ крикомъ;
Пищу хватаютъ изъ рукъ, оскверняя нечистымъ помѣтомъ.
Запахъ зловонный за ними несётся и рѣзкіе крики.
Мы удалились оттуда и, сѣвъ подъ наклономъ угѣса,
Тамъ, гдѣ густыя деревья сплетались надъ нами покровомъ,
Вновь разложили огонь, и два заготовили пищу,
Снова съ небесныхъ высотъ налетѣли гарпіи толпою,
Съ крикомъ и визгомъ кружатся и, всё оскверняя, хватаютъ
Пищу когтями и рвутъ. Тогда приказаль я дружинѣ
Вооружиться и въ битву вступить съ крылатымъ народомъ.
Сказано — сдѣлано: всё приготовивъ, товарищи снова
Сѣли и въ кудряхъ травы и щиты и мечи положили.
Съ шумомъ гарпіи летятъ; вторятъ берега ихъ полѣту.
Вотъ и Мизеній, стоя на стражѣ на мѣстѣ высококомъ,
Знакъ подаётъ, ударяя въ котѣль — и товарищи мигомъ
Бросились къ нимъ съ обнажённымъ желѣзомъ и новую битву
Противъ чудовищъ крылатыхъ заводятъ; разятъ ихъ мечами:
Мечъ не берѣтъ ихъ пернатой брони, и онѣ невредимы
Прочь улетѣли и быстрымъ полѣтомъ взвились въ поднебесье,
Намъ оставляя остатки добычи и следъ свой нечистый.
Только гарпія Целена, владѣя пророческимъ даромъ,
Сѣвъ на высокое темя угѣса, такъ говоритъ намъ:

«Вы ли ещё за убитыхъ быковъ заводите битву,
Лаомедонтовы дѣти? Вы ли заводите битву?
Вы ли невинныхъ гарпій хотите изгнать изъ отчизны?
Слушайте рѣчи моеи и слова хорошо затвердите:
Неба отецъ объявилъ Аполлону, а онъ передалъ мнѣ
Это; а я, величайшая фурія, вамъ объявляю:
Ищите ль вы береговъ италійскихъ? и вѣтеръ попутный
Васъ принесётъ на желанную землю; вы въ пристань войдёте;
Но не прежде стѣной окружите вы городъ заветный,
Какъ тогда, какъ голодъ жестокой, въ отмщенье за битву
Съ нами, съ пищею вмѣстѣ столы пожрать васъ принудить.»

Такъ сказавъ, взмахнула крылами и въ лѣсъ улетѣла.
Ужасъ объялъ насъ всѣхъ и кровь по жиламъ застыла;
Горе легло на сердца: не хотятъ ужъ битвы троянцы:
Жертвой, молитвой хотятъ гарпій умолять о пощадѣ,
Не разбирая, богини ль онѣ, иль нечистыя птицы.
Старецъ Анхизъ, поднявши къ небу дряхлыя длани,
Молить великихъ боговъ, и гарпіямъ творить онѣ молитву:

«О божества! отвратите грозу, и такую бѣду отвратите!
Пусть изменится вашъ гнѣвъ въ милосердіе къ бѣднымъ скитальцамъ.»

Всорѣ потомъ приказаль отвязать канаты и въ море
Съ берега прочь отвалить. Ужъ пали канаты и бѣлый
Парусъ на мачту взлетѣлъ и надулся отъ южнаго вѣтра.
Быстро летятъ корабли, сѣкутъ опѣнѣнныя волны:
Дружно вѣдутъ насъ двое вожатыхъ — вѣтеръ и кормчій.
Вотъ ужъ явились вершины Зацинта, вѣнчанныя лѣсомъ,
Вотъ и Дулихій, и Саме, и Нерить, одѣтый скалами.
Мы обогнули подводныя скалы лаэртова царства
И проклинали землю, вскормившую злого Улисса.
Вскорѣ возникли изъ волнъ и туманныя горы Левкаты,
И Аполлонъ, опасный пловцамъ. Утомлённые моремъ,
Мы повернули рулёмъ, подплыли къ городку небольшому,

Якорь ударился въ дно, — и стали суда неподвижно.
Вотъ наконецъ мы сошли на желанную землю и вскорѣ
Жертву приносимъ владыкѣ небесъ, зажигаемъ куренья,
И на акѣйскихъ поляхъ приготовились праздновать игры
Трои родной. Вотъ идутъ троянцы на бой богатырскій;
Свѣтлой оливой блестятъ бойцовъ обнажѣнные члены.
Рады троянцы, что столько враждебныхъ земель избѣжали
И безопасно межъ столькихъ враговъ успели пробраться.

Между тѣмъ ужъ солнце свой путь годовой совершило,
И ледяная зима аквилонами воды вздымается.
Щитъ, блестящій мѣдью, оружье героя Абанта,
Я надъ вратами прибилъ и надпись такую поставилъ:
«Щитъ победителей грековъ Эней богамъ посвящаетъ.»
Вскорѣ велѣлъ я готовиться въ путь. Отчалили наши,
Сѣли гребцы на скамьи и дружно ударили въ вѣсла.
Скоро сокрылись отъ насъ и высокія горы Феаковы;
Мы обогнули берегъ Эпира: въ Хаонскую пристань
Тихо вошли и вступили въ высокій городъ Бутроту.
Чудныя вѣсти въ Бутротѣ дошли до нашего слуха:
Будто подъ власть Гелена, пріамова сына, подпали
Земли данайцевъ, и онъ овладѣлъ ужъ пирровымъ скиптромъ,
На Андромахѣ женился, бывшей въ замужствѣ за Пирромъ,
Такъ Андромаха вышла опять за троянскаго мужа.
Я изумился, услышавъ это: мнѣ очень хотѣлось
Видѣть Гелена, узнать о чудесныхъ его приключеньяхъ.
Бросивъ у пристани флотъ, я къ городу путь свой направилъ.

Въ это время, близъ самого города, въ рошѣ тѣнистой,
Тамъ, гдѣ Симоисъ новый по нивѣ бѣжалъ, Андромаха
Пиръ похоронный свершала и жертвы обрядъ погребальный
Пепламя несчастнаго Гектора; звала усопшія тѣни
Передъ могилой его. На могилѣ зеленыя вѣтви;
Два алтаря въ сторонѣ, причина столькихъ рыданій.
Видя меня и кругомъ отрядъ молодежи троянской,
Видя сверканье родной, знакомой брони, Андромаха
Съ дикимъ безумьемъ глядѣла и, будто испугана чудомъ,
Взоръ неподвижный на насъ устремила; потомъ зашаталась:
Ей измѣнили силы; и только по долгомъ молчаньи
Такъ начала: «О сынъ богини, тебя ли я вижу?
Твой ли образъ, Эней, твои ли очи я вижу?
Живъ ли ты? ахъ, говори: ты, можетъ быть, призракъ Энея?
Если ты умеръ уже, скажи мнѣ, гдѣ же мой Гекторъ?»

Такъ говорила она; потомъ залилася слезами;
Плачь прерывали стоны и рошу кругомъ оглашали.
Долго не могъ говорить я: слова умирали въ гортани.
Живъ я ещё — отвѣчала я — но жизнь моя не завидна.
Не сомнѣвайся, я живъ! ты видишь меня предъ собою.
Ахъ, какая участь постигла тебя, Андромаха,
Послѣ кончины супруга! Иль, можетъ быть, прежняя радость
Вновь посѣтила тебя? Но что же ту радость замѣнить?
Гектора прежде супруга, ты ль стала супругою Пирра?
Взоръ потупила она и со вздохомъ такъ продолжала:

«О блаженна Пріама дочь, погибшая жертвой
Тамъ, на могилѣ врага, подъ Трои великой стѣнами!
Нѣтъ для нея ужъ печали; не знаетъ она злополучій;
Съ наглымъ врагомъ не дѣлится она постыднаго ложа.
Я, злополучная, послѣ сожженія Трои, скиталась
По различнымъ странамъ и, томясь въ плѣну ненавистномъ,
Гордому Пирру служила, надменному сыну Ахилла.
Вскорѣ потомъ вступилъ онъ въ союзъ съ Герміоной, спартанкой,
А меня, какъ рабу, передалъ во владѣнье Гелену.
Но Орестъ, негодуя за честь похищенной невѣсты,

Местью къ нему запылалъ и, въ припадкѣ безумной печали,
Тайно его подстерѣгъ и мщенье насытилъ убійствомъ.
Послѣ кончины Пирра, та часть владѣній, которой
Правиль Гелень, перешла навсегда во владѣнье Гелена.
Царство своё онъ Хаоньей назвалъ, отъ троянца Хаона;
Новый Пергамъ построилъ и замокъ Ильонскій воздвигнулъ.
Но какими судьбами, какимъ ты здѣсь чудомъ явился?
Или какая сила боговъ тебя занесла къ намъ?
Что твой малютка Асканій? гдѣ онъ? живѣтъ ли, здоровъ ли?
Помнить ли мать онъ свою, и часто ль о ней воспоминаеть?
Гекторъ, дядя его, и твоя благородная храбрость
Въ нёмъ возбуждаютъ ли духъ и жажду славы геройской?»

Такъ говорила она, проливая напрасныя слёзы;
Вздохи мѣшали словамъ... Но вотъ къ намъ вышелъ на встрѣчу
Храбрый Гелень, а за нимъ толпа многочисленной свиты,
Скоро узналъ онъ своихъ и въ восторгъ повелъ насъ въ жилища.
Долго онъ плакалъ, идя, и слёзы рѣчь прерывали.
Вотъ, приближаясь, я вижу подобие маленькой Трои:
Здѣсь подражанье Пергаму, тамъ Ксанѳа берегъ песчаный
Я узнаю, и скейскихъ воротъ порогъ обнимаю.
Наши троянцы встрѣчаютъ повсюду радушныя лица.
Царь угощаетъ ихъ пышнымъ столомъ въ колоннадѣ широкой:
Въ царскихъ чертогахъ сидѣли они и держали бокалы
Съ влагой душистаго Вакха, и блюда златыя дымились.

Вотъ ужъ проходить и день и другой, и южные вѣтры
Въ путь насъ зовутъ и тихимъ дыханьемъ вздуваютъ вѣтрила.
Я обратился къ Гелену, жрецу, и такъ вопрошаю:
Воли боговъ толкователь, ты мудрость постигъ Аполлона;
Ты понимаешь и птицъ щebetанье и трепеть ихъ крыльевъ,
Дай наставленье какія бѣды мнѣ въ пути угрожаютъ?
Я, ободренный счастливымъ гаданьемъ, пустился въ дорогу;
Всѣ божества мнѣ вѣщали одно: къ землѣ италійской
Плыть и тамъ поискать жилищъ въ странахъ отдаленныхъ.
Только гарпія Целена вѣщаетъ мнѣ новое чудо,
Только гарпія одна предсказала намъ (вымолвить страшно!)
Слѣдствіе гнѣва боговъ, — ужасный, мучительный голодь.
Сто же мнѣ дѣлать, скажи, и какъ отвратить ту опасность?
Вотъ Гелень сперва заколеть, по обычаю, жертву,
Молишь боговъ, распустилъ на челѣ священныя ленты,
За руку взялъ меня и повѣлъ къ святому порогу
Фебова храма: какая-то святость объяла мнѣ душу,
И наконецъ изъ божественныхъ устъ онъ такъ мнѣ вѣщаетъ:

«Сынъ богини, внимай: предстоить вамъ путь неизбежный.
Съ этимъ согласны гаданья; такъ и владыкою неба
Брошень твой жребій, и ты покоришься велѣнію рока.
Много я могъ бы сказать: но я объясню покороче,
Какъ безопаснѣе можешь проплыть ты по бурному морю,
Чтобы достигнуть завѣтной земли — береговъ италійскихъ.
Прочаго знать ты не можешь: не хочеть суровая Парка,
И богиня Юнона мнѣ говорить запрещаетъ.
Слушай: думаешь ли, берега италійскіе близко?
Думаешь ли, что скоро достигнешь желаемой цѣли?
Нѣтъ! далѣкъ твой путь, далѣкъ, и опасень и трудень.
Нѣтъ! ты прежде весло оросишь тринакрійской волною,
Прежде Авзоніи влажную степь кораблями измѣришь,
Адскія воды увидишь и островъ эгейской Цирцеи,
Чѣмъ на завѣтной землѣстроишь высокія стѣны.
Я наставленіе дамъ, а ты со вниманіемъ слушай:
Если ты, озабоченный дѣломъ, случайно увидишь
На берегу отдаленной рѣки, подъ тѣнью берёзы,
Веоря огромную самку и съ нею тридцать малютокъ —
Бѣлая будетъ она и малютки бѣлыя будутъ —

Тамъ построишь ты городъ, и миръ поселится съ тобою.
Будеть ли голодь, ты не страшись предсказаній Целены:
Дѣло пойдѣтъ хорошо, и Фебъ тебя не оставитъ.
Но бѣги ближайшихъ земель береговъ италійскихъ,
Гдѣ разбиваются волны нашего моря, — бѣги ихъ:
Злые данайцы повсюду на тѣхъ берегахъ обитають.
Тамъ въ городахъ обитають пришельцы изъ дальней Локриды;
Критскій Идомея осадилъ тамъ поля саллентиновъ
Сильною ратью данайцевъ; тамъ и вождя Мелибея
Маленькій городъ, Петилія, гордый стѣной Филоктета.
Помни, когда корабли проплывутъ чрезъ бурное море
И на алтарь принесѣшь ты богамъ священную жертву,
Долженъ не медля чело осѣнить покрываломъ багрянымъ,
Чтобы враждебныя лица тогда не нарушили мира,
Между священныхъ огней, зажженныхъ богамъ, появляясь.
Этотъ обрядъ и ты и товарищи пусть сохраняють;
Внукамъ его передай ты, какъ завѣщанье святое.
Но когда подойдѣшь къ берегамъ сицилійскимъ,
Тѣсный Пелорскій проходъ начнѣтъ исчезать за тобою,
Ты обогнѣшь берега и влѣво направишься съ флотомъ;
Влѣво далѣко бери, но никакъ не плыви ты направо.
Некогда земли эти одну лишь страну составляли.
Но, потрясенныя страшно подземной губительной силой,
Вдругъ разступились, и волны морскія ворвались въ средину.
Столь сокрушительна сила вѣковъ, что всё разрушаетъ!
Нивы Гесперьи далеко теперь отъ полей сицилійскихъ;
Ихъ города разлучились и бездна клокочетъ въ срединѣ:
Сцилла на правой рукѣ, а по лѣвую злая Харибда.
Страшно Харибда глотаетъ въ пучины бездоннаго чрева
Воды широкаго моря, и, вновь извергая изъ пасти,
Къ небу бросаетъ волну и фонтанами хлещетъ на звѣзды.
Въ нѣдрахъ мрачной пещеры кроется дивная Сцилла,
Пасть выставляя свою и таща корабли на угѣсы.
Дѣва она по самыя чресла, съ прекрасною грудью;
Далѣе видны громадныя члены кита, а подъ ними
Волчье чрево лежитъ и машетъ хвостами дельфина.
Лучше объѣхать угѣсъ тринакрійскаго мыса Пахина,
Лучше помедлить и, дѣлая кругъ, обогнуть берега тѣ,
Нежели разъ безобразную Сциллу въ пещерѣ увидѣть,
Или услышать, какъ лають въ ущеліяхъ псы голубые.
Слушай: если я столько владѣю пророческимъ даромъ,
Если я точно проникнуть святымъ вдохновеньемъ отъ Феба,
Я безпрестанно тебѣ повторяю своё наставленье,
И никогда ещѣ и ещѣ повторять не оставлю.
Помни, Эней: молись ты великой богинѣ Юнонѣ;
Ей ты обѣты твори и могучей владычицы неба
Сердце старайся смягчить: тогда побѣдителемъ выйдешь,
Бросишь Тринакрію и поплывѣшь къ берегамъ италійскимъ.
Но когда кораблѣмъ приплывѣшь ты въ городъ кумейскій,
Къ водамъ священнымъ, и въ адскія страны, шумящія лѣсомъ,
Тамъ ты увидишь въ пещерѣ скалы вдохновенную жрицу.
Эта жрица вѣщунья пишетъ на листьяхъ отвѣты.
Всѣ, что напишетъ на листьяхъ она, приводитъ въ порядокъ,
Въ рядъ разлагаетъ листочки и такъ оставляетъ въ пещерѣ.
Тамъ остаются они неподвижно, въ стройности цѣлой.
Но когда въ пещерѣ подуетъ дыханіе вѣтра,
Лѣгкіе листья взлетяютъ и кружатся по своду пещеры.
Жрица не думаетъ вновь собирать разсыпанныхъ листьевъ,
Чтобы устроить снова въ ряды и въ прежній порядокъ.
И безразсудные люди за то ненавидятъ сивиллу.
Но для того, чтобы ты не понѣсъ столь важной потери
И не встрѣчалъ затрудненій въ пути, — хотя бы роптали
Спутники всѣ на тебя, и вѣтеръ въ путь призывалъ бы,
Парусъ надулся бѣ уже отъ дыханья попутнаго вѣтра, —
Ты ве внимай, но къ жрицѣ иди и проси предсказанья.

Жрица сама отвѣтитъ тебѣ, и отвѣтитъ охотно.
Ты отъ нея узнаешь подробно о будущихъ битвахъ.
Объ италійскихъ народахъ, и что испытаетъ въ дорогѣ;
Какъ избѣжать грозящей бѣды, расскажетъ подробно.
Всѣ, что было во власти моеи, тебѣ рассказали я.
Съ богомъ иди и мечёмъ озари ты славу троянцевъ.»

Вотъ и добрый Гелень, окончивъ своё предсказанье,
Къ намъ на суда посылаетъ дары, испещрённые блескомъ
Золота и драгоценной кости слоновой, и сыплеть
Множество денегъ и много посуды додовской даётъ намъ.
Даль намъ витый панцырь, тройной, позолоченный панцырь;
Шлемъ дорогой, прекрасный, съ гребнемъ высокимъ, косматымъ,
Бывшее Пирра оружье. Онъ далъ и Анхизу подарки;
Даль намъ ещё лошадей и вожатыхъ, и даже пополнить
Нашихъ гребцовъ, и товарищей всѣхъ снабдилъ онъ оружьемъ.
Между тѣмъ Анхизъ приказалъ корабли приготовить,
Чтобъ не терять напрасно дней и попутнаго вѣтра.
Жрецъ Аполлона Гелень говорить, обратившись къ Анхизу:

«О, Анхизъ, удостоенный гордаго ложа Венеры,
Ты, любимецъ боговъ, спасённый дважды отъ смерти;
Вотъ предъ тобою Авзонія: мчись къ ней на полныхъ вѣтрилахъ.
Но ты долженъ её миновать непременно: далеко
Тѣ берега, которые Фебъ для насъ назначаетъ,
Старецъ, счастливый любовію сына, иди; я напрасно
Васъ замедляю словами: вамъ дуютъ попутные вѣтры.»

И Андромаха, печали полна при послѣднемъ прощаньи,
Въ даръ принесла намъ расшитую золотомъ чудно одеждою;
И для Асканія плащъ дорогой, изъ ткани фригійской.
Много прекрасныхъ тканей даётъ, и, нѣжно прощаясь,

«Милый Асканій, прими — говорить — Андромахи подарки:
Я ихъ соткала сама; быть можетъ, ты некогда вспомнишь
Гектора дяди жену. Прими отъ своихъ, мой малютка;
Ты мнѣ приводишь на память образъ несчастнаго сына:
Тѣ же глаза, и ростъ, и походка, и личко такое;
Какъ похожъ! онъ быть бы и лѣтъ одинакихъ съ тобою.»
Такъ говорила она. Изъ очей брызнули слёзы.

Будьте счастливы — сказалъ я — окончено поприще ваше.
Насъ призываетъ ещё неизвестная участь. Счастливыцы,
Вы наслаждаетесь миромъ; не нужно вамъ плыть черезъ море;
Вамъ не искать береговъ, которые вѣчно бѣгутъ васъ.
Вотъ предъ вами струится Ксанѳъ; вы видите Трою,
Сами создали её; быть можетъ, счастливѣе будетъ,
Можетъ быть, васъ не найдётъ здѣсь злоба жестокихъ данаевъ.
Если увижу когда берега, орошённые Тибромъ,
Если троянцамъ моимъ построю желанныя стѣны,
О, тогда всѣ страны родныя, родные народы,
Дѣти того же Дардана, въ Эпирѣ, Геоперіи, — всюду
Всѣ мы составимъ тогда одну, нераздельную Трою.
Это единство оставимъ въ наслѣдіе нашимъ потомкамъ.

Вотъ мы плывёмъ, и уже Церавна хребетъ миновали:
Путь кратчайшій оттуда лежитъ къ берегамъ италійскимъ.
Солнце уже западало и горы одѣлиса въ тѣни.
Мы подплыли къ землѣ и, дружно ударивъ веслами,
Вышли на берегъ сухой и легли отдыхать отъ похода.
Вскорѣ сонъ охватилъ крыламя усталые члены.
Ночь не свершила ещё теченья полночного круга,
Какъ Палинуръ проснулся и, бодро съ постели поднявшись,
Сталъ наблюдать направленіе вѣтра и знаки погоды:
Онъ примѣчаетъ, какъ по небу тихо катятся свѣтила,

Арктуръ в дождевыя Гяды, двойные Трюны;
Долго глядѣль на Орюнь, какъ золото свѣтлый, блестящй.
Видя, что небо свѣтло и всё предвѣщаетъ погоду,
Громкй сигналъ съ кормы падаётъ, — и всё пробулись,
Двинулись въ путь, и вотъ паруса расширили крылья.

Вскорѣ заря занялась и разсѣяла блѣдныя звѣзды.
Вдругъ показались вдали берега, одѣтые мглою.
Первый Ахатъ, увидѣвши землю, воскликнулъ: «Италья!»
Всѣ корабли, отъ восторга кипя, повторили: «Италья!»
Старець Анхизъ, увѣнчавъ огромный бокаль, наполняетъ
Чистымъ виномъ, и, ставъ на высокой кормѣ корабельной,
«Боги! — свазаль — владыки и неба и бурнаго моря,
Дайте счастливыи намъ путь; подуйте, попутные вѣтры!»
Вѣтры подули сильнѣе; мы вскорѣ увидѣли пристань,
Стѣны высокаго замка и храмъ, посвящённый Палладѣ.
Мигомъ свились паруса, я вотъ мы у берега стали.
Пристань была велика: она изгибалась дугою;
Волны, вздымаясь съ востока, брызгали пѣной на скалы.
Стѣны двойныя; надъ ними торчали высокя башни;
Далѣ видѣнь былъ храмъ, стоявшй немного повыше.

Вотъ мы сошли, глядимъ: прекрасный лугъ передъ нами,
Бѣлыхъ четыре коня стригутъ зелёное поле.
«О, войну оредвѣщаетъ, земля! — сказаль мой родитель —
Созданы кони для битвы; конь ярый лишь браню дышетъ.
Но вѣдь кони также дружно везутъ колесницу,
Кони послушны уздѣ и ходять въ ярмѣ неразлучно:
Есть и на миръ надежда.»

Потомъ помолились богинѣ,
Громко звенящей оружьемъ Палладѣ, и первую жертву
Ей принесли. Но, вспомнивъ тогда наставленье Гелена,
Мы предъ жертвой чело осѣнили багряннымъ покровомъ
И зажигаемъ куреня въ честь аргивской Юоны.
Вскорѣ потомъ, окончивъ обрядъ приношеня жертвы,
Мы повернули рогатыя реи и вскинули парусъ:
Домы данайцевъ и берегъ враждебный отъ насъ удалились.
Видѣнь оттуда Тарентъ геркулесовъ, если преданью
Этому вѣрить. Насупротивъ видна святыня Юоны;
Страшныя скалы Скиллака; за ними замки Кавлона;
Далѣ видно изъ волнъ встаётъ громадная Этна.
Издали слышали мы, какъ море грозно ревѣло;
Какъ необузданный валь ударялся въ угѣсы и эхо
Громко вторило ему; пучины кипѣли подъ нами,
И возмущѣнный изъ dna песокъ съ волною мѣшался.

«Это Харибда — сказаль мой родитель — вотъ тѣ угѣсы,
Вотъ тѣ ужасы скаль, о которыхъ Геленъ говорилъ намъ.
Ахъ, удалитесь, друзья, ударьте сильнѣе вѣслами!»

Дружно взмахнули вѣсла по влагѣ, и носъ корабельный
Вдругъ повернулъ Палинуръ и взяль направленье влѣво:
Всѣ корабли за вожатымъ пошли и направились влѣво.
Страшно кипящая бездна то къ небу насъ поднимаетъ,
То низвергая на дно, открываетъ намъ адскя тѣни.
Трижды взревѣли угѣсы и дикя скалы завыли;
Трижды увидѣли мы волной опѣнѣнныя звѣзды.

Солнце зашло наконецъ и вѣтеръ утихъ совершенно.
Сбившись съ пути, мы пристали къ землѣ, отчизнѣ циклоповъ.
Пристань была широка, недоступна для вѣтровъ; но тутъ же
Грозная Этна ревѣтъ, грозя разрушеньемъ природѣ.
То изъ нея прорываются къ небу чѣрныя тучи
Дыму густого, подобно смолѣ, и блестящя искры;

Пламя, взвиваясь вихрем, небесных свѣтилъ досягаетъ;
То извергаетъ она громадныя глыбы и камни;
То изъ горячаго чрева летятъ раскалённыя скалы
Съ воплемъ и стономъ, и рвутся взлетѣть въ поднебесье.
Тамъ, говорятъ, подъ этой громадой давно ужъ томится
Молнией полу-опалѣнный гигантъ Энкаладъ; онъ подъ Этной
Жмѣтся, и стонетъ и пламенемъ дышитъ сквозь горныя щели:
Всякій разъ, когда, утомившись лежать неподвижно,
Съ боку на бокъ перевалится онъ, — Сицилія дрогнетъ
Съ рѣвомъ подземнымъ, и небо затмится отъ чѣрнаго дыму.
Ночь провели мы въ лѣсу, среди чудесныхъ явленій;
Но не могли угадать, откуда несутся тѣ звуки:
На небѣ не было видно ни звѣздъ, ни полярнаго свѣта;
Чѣрныя тучи скрывали отъ насъ небесныя своды;
И непогодная ночь луну погрузила въ туманы.

Вотъ, едва зарумянилось только восточное небо,
Влажныя тѣни разсѣялись прочь отъ дыханья Авроры,
Вдругъ изъ лѣсовъ выходитъ какое-то диво и руки
Тощія, словно скелеть, съ мольбой простираетъ. Мы смотримъ:
Въ нёмъ человѣческой образъ, но страшный, и дикий и жалкій.
Грязью запачканный весь; борода въ безпорядкѣ и дыбомъ;
Всюду въ одеждѣ колочки торчатъ; а впрочемъ, на грека
Быль онъ похожъ, въ народной бронѣ приходившаго къ Троѣ.
Видя дарданскихъ мужей и узнавъ оружье троянцевъ,
Онъ испугался сперва и, ставъ въ сторонѣ неподвижно,
Долго глядѣлъ; а потомъ съ быстротою бросился къ морю,
Съ плачемъ и стономъ.

«Ради небесныхъ свѣтилъ — говорилъ онъ —
Ради боговъ, и этого солнца и свѣта дневнаго,
Тевкры, примите меня! Въ какія бы страны вселенной
Вы ни умчали меня, и это будетъ довольно.
Грекъ я, изъ греческихъ войскъ; сознаюсь передъ вами, троянцы,
Грекъ я, и мечъ поднималъ я въ войнѣ на вашихъ пенатовъ.
Если моѣ преступленіе вашей пощадѣ не стоитъ,
Бросьте меня въ океанъ, въ глубокихъ волнахъ утопите:
Если погибнуть, то лучше погибнуть отъ рукъ человѣка.»

Такъ говорилъ онъ, рыдаль, обнимая колѣни троянцевъ.
Мы ободрили его и тотчасъ спрашивать стали,
Чтобъ разсказалъ намъ свой родъ и странныя случаи жизни.
Самъ родитель Анхизъ подошѣлъ и, за руку взявши,
Этимъ дружескимъ знакомъ его ободрить совершенно.
Вотъ, оставивъ напрасный свой страхъ, онъ такъ говоритъ намъ:

«Я уроженецъ итаксій, вѣрный товарищъ Улисса,
Ахеменидомъ зовутъ. Я былъ и въ походѣ на Трою
Вмѣстѣ съ Улиссомъ. Звали отца моего Адамастомъ;
Онъ былъ бѣденъ; зачѣмъ не остался я въ томъ состояннн!
Эту ужасную землю бросая, товарищи въ страхѣ
Бросили здѣсь и меня, и забыли въ пещерѣ Циклопа.
Страшно Циклопа жильё: нечисто, кроваво и мрачно.
Самъ онъ огроменъ, ужасенъ, до звѣздъ головой досягаетъ.
Ахъ, отвратите, боги, отъ насъ такое несчастье!
Нѣтъ, невозможно смотрѣть, и въ словахъ описать невозможно.
Мясомъ несчастныхъ питается онъ и чѣрною кровью.
Самъ я видѣлъ, какъ онъ, схвативъ огромной рукою
Двухъ изъ товарищей нашихъ, потомъ о скалу разможживъ ихъ,
Лѣтъ по срединѣ пещеры, залитой потоками крови;
Самъ я видѣлъ, какъ онъ пожиралъ ихъ тёплые члены.
Но Улиссъ не могъ перенести такого позора.
Даже въ несчастьи такомъ не забыть онъ о мщени Циклопу.
Вотъ, едва насытился тотъ, и виномъ упоенный,
Лѣтъ, растянувшись въ огромной пещерѣ, сквозь сонъ извергая

Части добычи, и кровь и вино, обогрѣнное кровью,
Мы, помолвившись великимъ богамъ и бросивши жребій,
Вдругъ окружили его и въ глазъ вонзили желѣзо:
Глазъ огромный одинъ сверкалъ на челѣ его дикомъ,
Точно аргивскій щитъ, иль, лучше, кругъ полнолунный.
Такъ мы отмстили ему за смерть товарищей нашимъ.
Но удалитесь, ахъ! удалитесь, несчастные тевкры,
Скоро бѣгите отсюда, отъ берега рвите канаты.
Много циклоповъ другихъ, подобныхъ тому Полифему,
По берегамъ обитають крутымъ и по горнымъ вершинамъ.
Здѣсь на горахъ руноносныя овцы пасутся: циклопы
Ихъ загоняють на ночь въ пещеры и сами доять ихъ.
Вотъ ужъ въ третій разъ и рога у луны появились,
Какъ провожу я несчастную жизнь, по лѣсамъ лишь дремучимъ,
Гдѣ кровожадные звѣри живутъ, и на страшныхъ циклоповъ
Часто съ утѣса гляжу и со страхомъ рѣчамъ ихъ внимаю,
Или тяжѣлымъ шагамъ, — и морозъ пробѣгаетъ по тѣлу.
Дикія ягоды, травы были мнѣ скудною пищею;
Часто сухіе корни изъ тощей земли вырываю.
Къ берегу взоръ обративъ, я увидѣлъ флотъ вашъ, плывущій
Прямо сюда, и мысленно сталь ужъ товарищемъ вашимъ,
Кто бы вы ни были; но для меня и того ужъ довольно,
Что избѣгу я чудовищъ и страшной, позорной кончины.
Дайте мнѣ смерть: я умру, но умру отъ руки человека!»

Такъ онъ едва сказалъ, какъ увидѣли мы на утѣсѣ,
Между пасущихся стадъ, великана громадное тѣло:
Это былъ Полифемъ; къ знакомому берегу шѣлъ онъ.
Страшно, громадно чудовище было, лишѣнное зрѣнья:
Въ длани сосна у него; сосной подпираясь, идѣтъ онъ:
Съ нимъ руноносныя овцы, одно утѣшеніе въ горѣ.
Вотъ едва онъ въ воду вошѣлъ, на глубокое мѣсто,
Дланью воды зачерпнулъ и глазную рану полощетъ,
Зубомъ скрежещетъ отъ боли; и вотъ ужъ вошѣлъ онъ
Въ полное море, а море едва до колѣнъ достигаетъ».

Мы, отъ страха дрожа, на суда поскорѣе усѣлись,
Взяли съ собою несчастнаго грека и, тихо отчаливъ,
Разомъ ударили въ вѣсла потомъ и гребли непрерывно.
Видно услышалъ циклопъ, и на голосъ шаги онъ направилъ:
Но напрасно стараясь поймать насъ огромной рукою,
Иль вышиной поровняться съ глубокими водами моря,
Такъ заревѣлъ великанъ, что дрогнуло море и волны;
Всѣ встрепенулось; народы Италіи странъ отдаленныхъ
Въ ужасъ пришли, и Этны кривыя пещеры завьли.
Всѣ поколѣнья циклоповъ сбѣжалось на рѣвъ Полифема,
Тѣ изъ лѣсовъ, а другіе изъ горъ, и стали надъ моремъ.
Видѣли мы ихъ угрозы и мрачные взоры; напрасно:
Долго стояли вулкановы братья; по самое небо
Головы ихъ, громадное тѣло. Точно какъ дубы
Въ небо вонзають вершины; точно стоятъ кипарисы,
Тѣмный Юпитеровъ лѣсъ, иль роща богини Діаны.
Мы, торопясь въ испугъ, плыли и сами не зная
Какъ и куда; за вѣтромъ пошши и раскинули парусъ.
Но Гелень говорилъ, что между Харибдой и Сциллой,
Съ той иль другой стороны, неминуема гибель для флота.
Нечего дѣлать! и мы назадъ корабли повернули.
Вотъ и Борей подулъ намъ отъ узкихъ ущелій Пелора.
Вскорѣ устье Пантага, гдѣ вѣчно зеленія скалы,
Вскорѣ Мегарскій заливъ и Тапсось мелькнули предъ нами.
Такъ показывать намъ несчастный спутникъ Улисса,
Ахеменидъ, обратно плывя по знакомому морю.

Противъ Сициліи близко лежитъ отдѣлѣнный проливомъ
Бурный островъ Плиммерій, а прежде Ортигемъ звали.

Тамъ, говорятъ, Алфей, вытекая далеко въ Элидѣ,
Тайнымъ путёмъ подземельнымъ прорывшись подъ волны морскія,
Здѣсь Арстюзой выходить, мѣщаясь съ волной сицилійской.
Тутъ помолились мы божествамъ, покровителямъ мѣста,
И, миновавши тучныя, влажныя нивы Элора,
Мы обогнули высокія скалы мыса Пахина.
Вскорѣ явились потомъ Камарина зловонныя воды:
Къ нимъ запретила судьба прикасаться; за ними
Степи Гелоя и Гела, носящаго имя потока.
Далѣе видели мы Агригента высокія стѣны,
Бывшую прежде отчизну прекрасныхъ коней быстроногихъ.
Скрылся и ты, о Селинѣ, осѣненный пальмовымъ лѣсомъ,
И утонули въ волнахъ Лилибея подводныя скалы.

Вскорѣ потомъ вошёлъ я въ печальную пристань Дрепана.
Столько несчастій и столько бурь претерпѣвъ въ океанѣ,
Здѣсь я лишился отца; онъ былъ мнѣ одно утѣшеніе
Въ горѣ и радость въ печали. Зачѣмъ же, милый отецъ мой, —
Ахъ, зачѣмъ ты покинулъ меня? неужели напрасно
Путь ты далёкій прошёлъ и столько смертей избѣжалъ ты?
Ни прорицатель Геленъ, мнѣ столько трудовъ предвещая,
Ни Целена не предсказала мнѣ этого горя.
Вотъ вамъ мои похождения: этимъ окончился путь мой.
Прямо оттуда насъ буря пригнала къ вашимъ владѣніямъ.

Такъ говорилъ Эней, исчисляя свои злополучья;
Такъ говорилъ онъ одинъ, а всѣ безмолвно внимали.
Вотъ наконецъ онъ умолкъ и покойно уселся на ложѣ.

Энеида (Вергилий/Шершеневич)/Песнь четвёртая/ДО

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [Энеида \(Вергилий/Шершеневич\)](#)

Перейти к [навигация](#), [поиск](#)

□

← [Пѣснь третья](#) **[Энеида Вергилия](#)** — Пѣснь четвёртая [Пѣснь пятая](#) →
авторъ [Публий Вергилий Маронъ](#) (70 г. до н.э.—19 г. до н.э.), пер. [И. Г. Шершеневичъ](#) (1819—1894)

Язык оригинала: латинский. Название в оригиналь: [Aeneis](#). — Источник: [Современникъ, Литературный журналъ, томъ XXXI, Санктпетербургъ, 1851](#) □

Википроекты: - [Википедія](#)

Энеида Вергилия

Пѣснь четвёртая

Любовь Дидоны къ Энею. — Эней, повинуюсь
воль боговъ, оставляетъ Дидону. — Отчаяние и
смерть Дидоны.

Improbe amor, quid non mortalia pectoral cogis!

(Изъ четвёртой тѣни.)

Сердце царицы, давно уязвлѣнное тяжкой стрѣлою,
Носить глубокую рану и въ пламени тайномъ стараетъ.
Только и мыслить она о славъ троянскаго мужа,
Славъ народа его, а чудный рассказъ приключеній,
Образъ героя — глубоко въ душѣ ея впечатлѣлись.
Нѣтъ ни покоя, ни сна: тоска налегла ей на сердце.
Вотъ, лишь только первый лучъ восходящаго солнца
Съ неба блеснулъ и Аврора разсѣяла влажныя тѣни,
Кикъ Дидона сестру подозвала и такъ говорить ей:
«Анна, сестра, скажи, отчего уснуть не могу я?
Ахъ, сестра, какого гостя судьба намъ послала!
Какъ онъ, хорошь, нашъ гость; какая геройская храбрость!
Видно, что сынъ богини; о, я уверена въ этомъ:
Страхъ лишь сердцамъ малодушнымъ доступенъ, герои безстрашны.
Гдѣ онъ скитался! гдѣ не бывалъ! и битвы какія
Онъ испыталъ! О, если бы я не давала обѣта,
Если бы въ сердцѣ моёмъ глубоко не лежало желанье
Не соединяться ни съ кѣмъ священными узами брака,
Послѣ того, какъ исчезла любовь со смертію мужа,
Если бы я не имѣла того отвращенія къ браку,
Можетъ быть, сердце мое покорилось бы только Энею.
Милая Анна, я признаюсь тебѣ откровенно:
Послѣ несчастной кончины Сихея, когда обагрились
Братнею кровью пенаты, я признаюсь откровенно,
Онъ одинъ побѣдилъ меня, и павшую душу
Вновь воскресилъ во мнѣ, и сердце согрѣлъ мнѣ любовью.
Чувствую, Анна, что прежнее пламя во мнѣ оживаетъ...
Нѣтъ, никогда! пусть прежде земля подо мной развалится.
Пусть всемогущій отецъ ударомъ небеснаго грома
Къ тѣнямъ меня низвергнетъ, къ блѣднымъ тѣнямъ Эрева,
Прежде меня пусть адъ обниметъ вечною мглою, —
Прежде, чѣмъ я тебя, о стыдъ, и клятву нарушу!
Нѣтъ! кто первый владѣлъ моею любовью, тотъ первый
Эту любовь за собою унёсъ въ сырую могилу:

Пусть же она остаётся при нём и в темной могиле!»

Так говорила она, и слёзы на грудь ей струились.
Ей отвѣчает Анна: «Сестра ты милая, свѣтъ мой,
Ты ли одна проведёшь всю юность в горькой печали?
Ты ль не узнаешь ни сладкой любви, ни милых малюток?
Развѣ объ этомъ заботятся пеплы и тѣни усопшихъ?
Пусть такъ: ты прежде в печали всѣмъ женихамъ отказала, —
Въ Либи, въ Тирѣ ещё; отвергнула руку Ярбанта;
Много другихъ парей богатой страны африканской
Тотъ же имѣли успѣхъ; пусть такъ: положимъ ты права;
Но теперь ты ль будешь противна желанію сердца?
Только подумай, сестра, в какой ты странѣ обитаешь:
Здѣсь угрожаютъ гетулы, непобедимые в брани;
Здѣсь нумидійцы, свирепый народъ, и враждебная Сирта;
Далѣе степи безводныхъ пустынь, кочевые баркейцы,
Дикое племя: а Тиръ, а брата угрозы ты ужъ забыла?
Да, сестра, по волѣ боговъ и доброй Юноны,
Къ намъ пришли корабли троянцевъ, гонимые вѣтромъ.
Славенъ твой городъ будетъ, сестра, отъ этого брака;
Славное будетъ цирство; а съ помощью храбрыхъ троянцевъ,
Какъ увеличится слива и ратные подвиги пунновъ!
Ты лишь боговъ умолай, принеси имъ пріятную жертву,
Гостя прими хорошо и старайся отыскивать средства
Для замедленія отъѣзда, пока дождливый Оріонъ
На морѣ воды вздымаетъ и флотъ ещё не исправленъ.»

Такъ говоря, она согрѣла ей душу любовью,
И облегчила надеждою сердце, и разрѣшила сомнѣнье.
Вотъ онѣ отправляются въ храмъ, творятъ тамъ молитву
И молодыхъ ягнать, по обычаю, в жертву приносятъ
И Церерѣ, давшей законы, и Фебу и Вакху;
Болѣе прочихъ Юнонѣ, матери брачныхъ союзовъ.
Взявъ бокаль, сама Дидона красы несравненной
Льётъ на рога прекрасной телицы душистую влагу.
Или предъ алтарёмъ, орошённымъ жертвенной кровью,
Ходить она; то снова готовить подарки; то снова
Грудь разсѣкаетъ у жертвы и, ставъ со вниманьемъ падъ нею,
Долго смотритъ, какъ дышать ещё не остывшія и нѣдра.
Ахъ, безумные люди! вамъ облегчать ли сердечную муку
Жертвы, обѣты? Тайное пламя слегка пожираетъ
Кости и кровь, и въ сердцѣ слегка растравляется рана.
Жжётъ Дидону сердечный огонь: подобно безумной
Бродитъ повсюду она. Такъ точно лань молодая,
Въ критскихъ лѣсахъ пастухомъ уязвленная мѣткой стрѣлою,
Мчится по рощамъ, лѣсамъ и стрѣлу за собою уносить:
Крѣпко увязла пернатая трость, а пастырь не знаетъ.
То Энея съ собой по обширному городу водить,
Чтобы ему показать богатства и новыя зданья;
Вдругъ начнётъ говорить — и вдругъ прерываетъ рассказъ свой.
То съ захожденіемъ солнца снова на пиръ созываетъ,
Снова въ безумномъ восторгѣ слушаетъ бѣдствія Трои
И отъ очей Энея спойхъ очей не отводитъ.
Послѣ того, какъ всѣ разойдутся и мѣсяцъ туманный
Тихо всплывётъ и землю освѣтптъ тусклымъ сіяньемъ,
А золотыя звѣзды, склоняясь съ небесъ, ко сну призываютъ,
Молча тоскуетъ она въ опустѣлыхъ чертогахъ; приляжетъ
На одинокомъ одрѣ и въ грѣзахъ видитъ Энея,
Слышитъ рассказы его. Иль Асканья на грудь прижимая,
Видитъ въ нёмъ образъ отца и не можетъ разстаться съ малюткой:
Хочетъ себя обмануть, хотя бы мечтой насладиться.
Ужъ не встанутъ громады полу-воздвигнутыхъ зданій;
Ужъ молодёжь не идётъ предаваться воинскимъ забавамъ;
Въ пристани стуча не слышно; стоитъ неокончена крепость,
Грозвыя стѣны стоятъ, стоятъ поднебесныя башни.

Вот лишь только супруга Зевега узнала обь этой
Страсти Дидоны, которой ничѣмъ побѣдить невозможно,
Дочь Сатурна подходит къ Венерѣ и такъ говоритъ ей :
«Подлинно славы и чести великой достойны вы оба,
Сынъ твой и ты: ужь не даромъ носите славное имя:
Два божества одержали побѣду надъ слабой женою!
Ты Карфагена боишься, вѣдь я хорошо понимаю;
Да, для тебя подозрительны дома мои, понимаю.
Чѣмъ же кончится это? къ чему такія невзгоды?
Что? не лучше ли намъ помириться и бракомъ счастливымъ
Кончить всѣ споры наши? Вѣдь ты ужь цѣли достигла:
Ужь Дидона страдает; ужь въ сердцѣ любовь загорѣлась.
Будемъ же дѣйствовать дружно и общими силами сладимъ
Счастіе этихъ народовъ: дадимъ ей троянскаго мужа,
А ему въ приданое будутъ тирійцы. Согласна ль?»

Знала Венера, что въ рѣчи Юноны скрывается хитрость
(Чтобы, оставивъ съ Дидоной, лишитъ италійскаго царства
Сына ея), однако такъ отвѣчала Юнонѣ:
«Кто бь такъ дерзокъ былъ, чтобъ спорить съ тобою, богиня,
Или такъ простъ, чтобъ могъ отвергать такіе совѣты?
Если только за этимъ дѣломъ послѣдуетъ счастье.
Но я не знаю, захочетъ ли царь нашъ великій, Юпитеръ,
Въ городъ одинъ соединитъ тирійцевъ и выходцевъ Трои;
И одобрить ли смѣшеніе этихъ племенъ и союзъ ихъ.
Ты вѣдь супруга: ты можешь спросить у него и узнаешь.
Только начни, а я не отстану.» — Царица Юнона
Такъ говоритъ: «Я этотъ трудъ на себя принимаю.
Но намъ нужно уладить сперва обстоятельства дѣла.
Вотъ послушай, я расскажу, какъ можно бы сделать.
Нашъ Эней собирается завтра съ несчастной Дидоной
Въ лѣсъ на охоту итти, какъ только изъ бездны тумана
Свѣтлый Титанъ подниметъ чело и лучами заблещетъ.
И когда поѣздъ зашумитъ и тѣмную рошу
Сѣтью обдастъ, тогда соберу я чѣрныя тучи:
Громъ заревѣтъ и съ градомъ вода польѣтся на землю,
Спутники всѣ разбѣгутся, и тѣмная ночь ихъ покроетъ.
А Эней съ Дидоной укроется въ сводѣ пещеры.
Я тамъ буду, и если ты захочешь помочь мнѣ,
Соединю ихъ тамъ неразрывными узами брака;
И Гименей тамъ будетъ.» Богиня любви улыбнулась
И согласилась охотно на эту хитрую шутку.

Между тѣмъ поднялась Аврора изъ волнъ океана;
Солнце взошло и охотники двинулись за городъ въ поле;
Сѣти несутъ и тенеты и копья съ широкимъ желѣзомъ.
Скачутъ массивскіе кони и чуткіе псы за конями.
Ставъ у порога дворца, тирійская знать ожидаетъ
Лишь появленія царицы: она одѣвается долго.
А у подѣзда стоитъ, золотою сбруей покрытый,
Звонкокопытный конь и грызѣтъ стальныя удила.
Вотъ наконецъ выходитъ царица съ блестящею свитой:
Мантия ткани сидонской на ней съ вырѣзною бахрамою,
И золотой колчанъ на плечѣ и легкія стрѣлы,
Пышную косу ея золотое колечко свиваетъ,
И золотая пряжка держитъ багряное платье.
Двинулись въ путь и троянцы и съ ними маленькій Юлій;
И Эней, красотою спутниковъ всѣхъ побѣждая,
Бодро идѣтъ, окруженный отрядомъ охотниковъ юныхъ.
Точно какъ Фебъ, покинувъ Ликіи снѣжныя горы,
Иль берега серебристаго Ксанѳа, родного Делоса
Берегъ увидитъ, и въ радости хоры ведѣтъ за собою:
Стоя вокругъ алтарей, дрожать критійцы, дріюпы,
И агаѳирсы съ раскрашеннымъ тѣломъ; а онъ по вершинѣ

Цинта идёт, у него на челѣ золотистая вѣтка
Съ кудрями листья свиваетъ, и въ локонахъ золото бдещетъ;
Стрѣлы звенятъ на плечѣ: такъ точно Эней красовался
Между толпою; прелесть сіяла въ очахъ и въ ланитахъ.
Вотъ едва взошли на высокія горы и въ чашу лѣсную,
Какъ съ нагорныхъ вершинъ, устрѣшенный кликами ловчихъ,
Дикія козы сбежали; съ другой стороны по долину
И по широкому полю олени бѣгутъ, покидая
Горныя выси, и пыль за собою столбами взвиваютъ.
А малютка Асканій по полю скачетъ, рѣзвится,
Бодрымъ конёмъ любуясь, и въ запуски смѣло несѣтся,
То одного обгоняя, то вновь обгоняя другого.
Онъ не глядитъ на оленя: онъ опѣннаго вепря
Хочетъ увидѣть иль рыжаго льва на горной вершинѣ.

Между тѣмъ нагрянули тучи и громъ прокатился
По небесамъ, и съ градомъ дождь пустился на землю.
Въ разныя стороны вдругъ разбѣжались тирійцы, троянцы,
Чтобы укрыться подъ кровлями хижинъ, раскинутыхъ въ полѣ;
И Асканій съ ними, а съ горъ валяются сѣдые потоки.
Вождь троянскій съ Дидоной укрылись подъ сводомъ пещеры.
Знакъ подаётъ Земля и мать браковъ Юнона:
Вдругъ сверкнули огни и воздухъ, свидетель союза,
И на горныхъ вершинахъ въ ужасѣ нимфы завьли.
Этотъ день былъ первымъ началомъ и первой причиной
Всѣхъ несчастій. Дидона молвъ и слухамъ не внемлетъ;
Нѣтъ, Дидона страсти своей таить ужъ не хочетъ
И прикрываетъ вину священнымъ именемъ брака.

Вотъ Молва ужъ по Либіи ходить изъ города въ городъ, —
Злая Молва, съ которой ничто быстротой не сравнится.
Вѣчно въ движеніи она: идётъ и растётъ непрерывно.
Въ первомъ движеніи мала, а потомъ поднимается выше,
Быстро шагаетъ и голову кроетъ въ поднебныя тучи.
Мать Земля, раздражённая гнѣвомъ боговъ, породила
Эту Молву, сестру Энклада и Кея гигантовъ;
Это быстролетящее, быстробѣгущее чудо,
Страшное, дивное чудо. Сколько перьевъ на тѣлѣ,
Столько безсонныхъ очей у него, непонятно и странно,
Столько ушей, языковъ и столько же устъ громкозвучныхъ,
Ночью летаетъ между землёю и небомъ, и въ мракѣ
Говоръ несётъ и сладкимъ забвеньемъ очей не смыкаетъ;
Днёмъ сторожить она иль высокую кровли вершину,
Или на башнѣ сидитъ, иль городъ высокій тревожитъ.
Сколько истины въ ней, столько же лжи и обмана.

Въ это время она гремѣла у разныхъ народовъ,
Радуясь случаю, и съ небылицами были мѣшала:
Будто прибыль Эней, рождѣнный отъ крови троянской,
Въ брачный союзъ желаетъ вступить съ прекрасной Дидоной;
Будто она проводитъ всю зиму въ роскоши, въ нѣгѣ,
Царство своё позабывъ, предаётся влеченію страсти.
Такъ говорила злая Молва устами народа.
Вскорѣ Молва направляетъ шagi на царство Ярбанта,
Слухи разноситъ и гнѣвомъ сердце его раздражаетъ.
Сынъ Гаммона, Ярбантъ, и нимфы младой Гараманты,
Сто огромныхъ храмовъ воздвигнуль въ обширныхъ владѣньяхъ,
Сто алтарей владыкъ небесъ, и вѣчное пламя, —
Сторожевое пламя зажѣгъ, и жертвенной кровью
Землю онъ напоилъ и храмы украсилъ цвѣтами.
Онъ, говорятъ, раздражённый печальною вѣстью, въ безумы
Ставъ посреди алтарей и боговъ, и съ тёплой молитвой
Длани поднявъ къ небсамъ, молился владыкъ Олимпа:

«О всемогущій Юпитерь! о ты, котораго славу

Маврское племя ликуя теперь на раскрашенных ложах,
Въ честь тебѣ прекрасные Вакха дары разливаетъ, —
Видишь ли это? иль, можетъ быть, мы напрасно страшимся
Громовъ твоихъ, о отецъ; и ничтожное пламя, сверкая
Въ тучахъ, и грохотъ пустой напрасно смертныхъ тревожить.
Ахъ, погляди: та жена, что, блуждая по нашимъ владѣньямъ,
Городъ ничтожный успѣла построить цѣною металла, —
Та, для которой я уступилъ берега, и гдѣ прежде
Самъ я законы давалъ, отвергнувъ мое предложенье,
Приняла въ царство своё пришельца Энея; и этотъ
Женopodobный Парисъ, съ толпою другихъ полу мужей,
Митрой лидійской покрывъ свои душистыя кудри.
Ею совсѣмъ овладѣлъ; а я, твой вѣрный поклонникъ,
Жертвы тебѣ приношу и пользуюсь славой напрасно.»

Такъ молился Ярбантъ, боговъ алтари обнимая.
Внялъ всемогущій мольбамъ и, бросивъ всевидящій взоръ свой
На чертоги счастливой четы, въ любви позабывшей
Лучшую славу, Меркуря позвалъ и даѣтъ порученье:
«Слушай, мой сынъ, отправляйся въ путь, на крыльяхъ летучихъ
Къ князю троянцевъ, который теперь въ Карфагенѣ тирійскомъ
Медлить, а данныхъ судьбой городовъ не хочетъ увидѣть.
Ты передай ему поскорѣе мое повелѣнье.
Мнѣ не то обѣщала его прекрасная мать;
Не для того отъ данайскихъ мечей два раза спасала;
Но для того, чтобъ онъ усмирилъ возмущенную бранью
Землю Италию, далъ бы намъ новое племя, отъ крови
Древняго тевкра, и міру всему предписалъ бы законы.
Если всё это въ нёмъ жажды къ славѣ не возбуждаетъ,
Ни предстоящій подвигъ, выше нынѣшней славы,
Онъ ли Асканію сыну завидуешь римское царство?
Что онъ задумалъ? Съ какою онъ цѣлью тамъ остаѣтся
Между врагами? Не хочетъ увидѣть лавинскаго царства?
Пусть онъ плывѣтъ, скажи: такова всевышняго воля.»

Такъ онъ сказалъ, а тотъ святую родителя волю
Вдругъ исполняетъ; сперва къ ногамъ прикрѣпилъ золотыя
Крылья, которыми въ запуски съ вѣтромъ несѣтся, летая
Иль надъ равниною моря, иль быстро паря надъ землёю.
Взявъ потомъ и жезлъ, которымъ изъ ада выводитъ
Блѣдныя тѣни, иль въ тѣмный адъ посылаетъ обратно:
Или наводитъ сонъ на людей, иль безсонницей мучить;
Иль закрываетъ очи смертельною мглою; иль гонить
Быстрые вѣтры, иль разсѣкаетъ бурныя тучи.
Вотъ онъ летитъ ужъ мимо высокой вершины Атланта,
Мимо высокой главы, на которой покоится небо, —
Страшной Атланта главы, сокрытой въ чѣрныхъ туманахъ;
Тамъ, гдѣ растутъ поднебесныя сосны; гдѣ дождь омываетъ
Твёрдое темя, а буйные вѣтры чело потрясаютъ;
Снѣгъ покрываетъ широкія плечи; изъ устъ великана
Рѣки бѣгутъ, а лёдъ поставилъ бороду дыбомъ.
Тамъ Меркурій, сперва на блестящихъ крыльяхъ колеблясь,
Сталь, а потомъ стремглавъ погрузился въ широкія волны.
Точно какъ птица, порхая вокругъ прибрежныхъ угѣсовъ,
Вдругъ, завидя добычу, бросается въ воду за рыбой:
Такъ и цилленскій богъ, рождѣнный отъ матери Маи,
Между землёю и небомъ парилъ, направляя полѣтъ свой
Прямо къ либійской странѣ, и вѣтры крыломъ разсѣкая.

Вотъ едва онъ коснулся домовъ окрылённой пятою,
Видитъ, что князь троянскій строить палаты и замки.
Мечъ у него алмазами блещетъ, какъ звѣздами небо;
И драгоцѣнный плащъ, отъ плечъ до земли ниспадая,
Пурпуромъ яркимъ горитъ, сливаясь съ палевымъ блескомъ
Золототканыхъ узоровъ — подарокъ богатой Дидоны.

Так говорить Меркурий: «Ты строишь прекрасные дома,
Женоподобный мужъ? И ты Карфагена твердыни
Строишь? Увы, ты забылъ о своём назначении и царствѣ!
Самъ повелитель боговъ, который однимъ мановеньемъ
Двигаетъ землю и небо, меня къ тебѣ посылаетъ,
Самъ онъ велѣлъ объявить тебѣ своё повеленье:
Что ты задумалъ? съ какою ты цѣлью здѣсь остаёшься
На берегахъ либійскихъ и тратишь время напрасно?
Если ты не заботишься самъ о будущей славѣ,
Если боишься трудовъ, славнѣе подвиговъ прежнихъ,
Вспомни, что сынъ твой Асканий, этотъ маленькій Юлій —
Твой преемникъ: дано ему на поляхъ италійскихъ
Римское царство.» Такъ говорилъ посланникъ Зевеса
И, оставляя въ недоумѣнии смертныя очи,
Мало по малу исчезъ, сливаясь съ свѣтлымъ эфиромъ.

Остодбенѣль Эней: онъ глядѣлъ какъ, безумный на бога,
Волосы стали дыбомъ и голосъ замеръ въ гортани.
Хочетъ бежать, устрѣшенный такимъ боговъ повелѣньемъ, —
Хочетъ бѣжать, оставить милую землю; но горе!
Какъ бежать? и какъ сказать объ этомъ царицѣ?
Какъ приступить къ разлукѣ? съ чего начать разговоръ свой?
Онъ то одно избираетъ средство, то снова другое;
То колеблется вновь, то вновь размышляетъ, какъ прежде.
Но наконецъ рѣшился избрать онъ средство такое:
Онъ зовѣтъ Мнестея, Сергеста, зовѣтъ и Клоанта,
И велитъ снаряжать весь флотъ, и товарищѣй къ морю
Тихо собрать и, приготовивъ на случай оружье,
Ждать, но не говорить никому о причинѣ движенія.
Между тѣмъ, какъ царица ещё не знаетъ объ этомъ,
И о разрывѣ столь тѣсной любви и думать не можетъ,
Онъ отправится къ ней и, выждавъ удобное время
Для разговора объ этомъ дѣлѣ, онъ съ нею простится.
Въ радости всѣ поспешили исполнить его приказанье.

Но царица (какъ обмануть любовь?) угадала
Тайну Энея. Страхась малѣйшаго знака измѣны,
Прежде всѣхъ объ этомъ узнала: Молва донесла ей
Объ оснащѣнии флота и приготовленіи къ отплытью.
Въ ярость она пришла и въ отчаяніи бродитъ повсюду:
Точно какъ Вакха безумная жрица, во время восторга,
Чуя пришествіе бога и радости оргій трилѣтнихъ,
Воетъ, кричитъ, а Цитерось вторить ночнымъ завываньямъ.
Вотъ наконецъ царица такъ начинается къ Энею:

«Могъ ли ты думать, измѣнникъ, что можно скрыть предо мною
Гнусный поступокъ и тайно бѣжать отъ нашихъ владѣній?
Какъ? ни наша любовь, ни союзъ, ни священная дружба,
Ни жестокая смерть моя тебя не удержитъ?
Ты готовишься плыть въ столь бурное время, зимою,
И на встречу итти лихимъ аквилонамъ? жестокой!
Если бы ты не плыль къ берегамъ неизвѣстнымъ, далеко,
Если бы древняя Троя ещё, какъ прежде, стояла,
Что? ты отплыль бы въ Трою по зимнему, бурному морю?
Ты отъ меня бежишь? иль тебя не трогаютъ просьбы,
Слѣзы мои? мнѣ только просьбы и слезы остались!
Ахъ, не бѣги, умоляю тебя священнымъ союзомъ,
Начатымъ бракомъ нашимъ, есои я заслужила
Сколько нибудь любви твоей; и если въ чѣмъ либо
Счастливъ ты былъ со мною, сжался надъ бѣдной Дидоной;
Не отвергай ты просьбы; оставь ты мысль объ отъѣзде:
Вѣдь за тебя невидятъ меня цари нумидійцевъ,
Лябیا вся и даже тирійцы роптать начинаютъ.
Я принесла на жертву тебѣ свою честь, свою славу, —

Славу, которая прежде меня до небесъ возносила.
Ты покидаешь меня? кому покидаешь ты, гость мой?
Гость мой — это одно отъ супруга названиее осталось.
Буду ль я ждать, пока Пигиальонъ разрушить мой городъ?
Или жестокий Ярбантъ уведётъ за собою въ неволю?
Еслибъ, по крайней мѣрѣ, я знала, что ты, отъѣзжая,
Мнѣ оставляешь потомка: по крайней мѣрѣ въ печали
Этотъ малютка, Эней, меня угѣшалъ бы собою,
Напоминалъ бы твой образъ и имя твоё лепеталъ бы.
Мнѣ бы казалось тогда, что я не совсѣмъ одинока.»

Такъ говорила. Но онъ, послушный боговъ повелѣнью,
Очи къ землѣ опустивъ, стоялъ въ размысленнѣ глубокомъ.
И наконецъ сказала: «Царица, ты много умѣешь
Истины дать словамъ; и что любви ты достойна,
Я никогда отрицать не буду; напротивъ, съ любовью
Воспоминать о тебѣ, царица, мнѣ будетъ отраднo.
Я никогда не забуду тебя, прекрасной Элиссy:
Нѣтъ! доколѣ съ жизнію память во мнѣ не угасеетъ.
Выслушай же и меня; никогда я не думалъ
Передъ тобою отъѣзда скрывать: повѣрь мнѣ, царица;
И никогда я не думалъ о брачномъ союзѣ съ тобою;
Не для того я пришёлъ, чтобы заключать договоры.
Если бы я не внималъ священному голосу рока,
Если бы жизнь моя отъ меня зависѣла только,
Я бы скорѣе отплылъ къ берегамъ незабвенной отчизны;
Снова возстала бы Троя и замокъ высокій Пріама,
И побѣждённые стѣны возстали бы снова изъ праха.
Но теперь, послушный велѣнью гринейскаго Феба,
Противъ желанія долженъ я плыть къ берегамъ италійскимъ:
Тамъ отечество наше. И если тебѣ тиріанкѣ,
Такъ милы карфагенскія стѣны и городъ либійскій,
То для чего жъ не желаешь ты намъ, несчастнымъ троянцамъ,
На италійской землѣ поселиться? Развѣ не можемъ
Мы, подобно тебѣ, избрать любую отчизну?
Сколько разъ на землю сойдутъ ночные туманы,
Сколько разъ золотыя звѣзды на небѣ, заблещутъ,
Блѣдная тѣнь Анхиза встаётъ предо мною изъ гроба,
И упрекаетъ меня, и страшитъ родительскимъ гнѣвомъ.
Я ль позавидую славѣ Асканія, милаго сына?
Я ль обману надежду его на авзонское царство?
А теперь посланникъ небесъ, представъ предо мною, —
Самъ посланникъ небесъ, клянусь предъ тобою, царица, —
Мнѣ объявилъ неизмѣнную волю всевышняго бога.
Самъ я видѣлъ, какъ онъ, средь бѣлаго дня появляясь,
Въ городъ вошёлъ, и самъ я услышалъ божественный голосъ.
Ахъ, перестань и меня и себя напрасно печалить:
Противъ желанія долженъ я плыть къ берегамъ италійскимъ.»

Такъ говорилъ Эней; но царица давно ужъ не внемлетъ:
Взоромъ поводитъ быстро и молча глядитъ на Энея.
Вдругъ запылала отъ гнѣва и такъ говорить начинается:
«Нѣтъ, измѣнникъ, не верю: мать твою не богиня,
И не Дарданъ отецъ столь низкаго чада; но скалы,
Твердыя, дикія скалы Кавказа тебя породили;
Тигры вскормили грудью тебя, гирканскіе тигры!
Что мнѣ таиться? чего мнѣ ещё ожидать злополучной?
Внялъ ли рыданьямъ моимъ? смягчилось ли твёрдое сердце?
Тронули ль слезы его? и сжалился ль онъ надо мною?
Что мнѣ ещё остаётся? О горе! уже и Юнона,
И всемогущій отецъ не смотря праведнымъ окомъ;
Нѣтъ ужъ вѣры нигдѣ: разбитаго бурей, въ несчастьи,
Приняла въ царство своё и властію съ нимъ разделилась;
Флотъ и товарищей всѣхъ спасла отъ гибели вѣрной.
А! безумье мной овладело! и Фебовъ оракулъ,

И ликйскй оракуль, теперь и посланникъ Зевеса, —
Самъ посланникъ Зевеса приносить такя вельнья!
Это ль занятье боговъ? такая ль забота о смертныхъ?
Я не держу тебя: плыви къ берегамъ италйскимъ;
Я не противлюсь: иди, ищи за морями престола;
Но ты погибнешь въ пучинахъ морскихъ, разбитый о скалы;
Боги накажутъ тебя, если безсмертные боги
Власть имбуютъ ещё. Ты часто имя Дидоны
Будешь на помощь звать; но я, какъ адское пламя,
Вслбдъ за тобою пойду. А когда сырая могила
Приметь меня и разлучить съ душою холодное тбло,
Блбдною тбню пойду за тобою и буду тревожить;
Да, злодей, я узнаю о казни твоей, я узнаю:
Эта молва дойдётъ до меня и въ подземныя страны.»

Туть она прервала рбчь и, подобно безумной,
Вдругъ поббжала быстро и скрылась отъ взоровъ Энея.
Онъ, поражённый словами, долго стоялъ въ онбмбни;
Что-то хотблъ говорить, но слова на устахъ умирали.
А царица въ почали, безъ чувствъ упала на землю:
Слуги подняли съ земли ея полумёртвые члены
И уложили въ мраморной спальнб на царское ложе.

А боговбрный Эней, страдая много отъ горя,
И разрывая сердце своё и любовью и вброй,
Хочетъ угбшить царицу нбжною рбчью и лаской;
Но, исполняя вельнье боговъ, отправляется къ флоту.
Засуетились троянцы вокругъ кораблей и выводятъ
Въ море свой флотъ — и флотъ закачался на влабъ зыбучей.
Рубяты въ ближнемъ лбсу и снасти и весла для флота;
Къ берегу всё тащатъ и готовятся выступить въ море.
Видно, какъ всё ббгутъ, толпами стремятся на пристань.
Точно какъ муравьи, обббвъ громаду пшеницы,
Въ норы свои тащатъ, запасаясь на зимнее время;
По полю черною ратью идуть и уносятъ добычу,
Узкой тропинкой въ травб пробираясь къ жильямъ подземельнымъ.
Тб на плечахъ тащатъ огромныя зерна, друге
Гоняты и вновь собираютъ толпы, понуждая къ работб;
Вся дорожка чернбеть: кипятъ муравьи надъ работой.
Что ощущаешь, Дидона, глядя на это движенье?
Какъ ты рыдала, когда изъ окна высокихъ чертоговъ
Видбла берегъ, покрытый толпами кипящихъ троянцевъ,
Слышала говоръ пловцовъ, сливавшийся съ говоромъ моря!
Снова ударилась въ слбзы; снова и слбзы и просьбы;
Снова любовь одолбла её; ещё попытаться
Хочетъ она, чтобъ потомъ не роптать предъ смертью напрасно.
О, любовь, любовь, до чего ты смертныхъ доводишь!

«Анна — сказала она — ты видишь, что къ берегу моря
Всб собрались уже, и вбтеръ вздуваетъ вбтрила;
Въ радости всб пловцы ужъ кормы кораблей увбнчали.
Если я могла ожидать такого несчастья,
Я и могу перенести. Сестра ты милая, Анна,
Выслушай просьбу мою, помоги сестрб злополучной.
Этотъ измбнникъ только тебя одну уважаетъ,
Только одной тебб ввбряетъ онъ душевныя тайны,
Ты хорошо узнала его и сердце и мысля.
Милая Анна, иди, скажи надменному гостю:
Я не клялась въ Авлидб губить троянское племя;
Не посылала своихъ кораблей я противъ Пергама;
Не оскорбила ничбмъ ни пепловъ, ни тбни Анхиза;
Чтожъ онъ не хочетъ внимать ни моимъ увбщаньямъ, ни просьбамъ?
Что онъ спбшить? Пускай подождётъ попутнаго вбтра;
Это послбдняя милость, которой проситъ Дидона.
Я не прошу ужъ прежней любви: вбдь онъ измбнилъ ей;

Я не хочу лишать его италійскаго царства;
Времени только прощу: быть может, время излечить
Рану мою: я, может быть, свыкнусь съ горькой судьбою
Это просьба моя. Пожалѣй о сестрѣ злополучной.
Я не забуду услуги твоей и въ тѣмной могилѣ.»

Такъ просила она; а сестра, заливаясь слезами,
Носить просьбы ея и обратно приносить, напрасно:
Ни рыданья, ни просьбы, — ничто не поможетъ; подобно
Твёрдой скалѣ онъ не видитъ ни слѣзъ, ни рыданій не слышитъ:
Онъ внимаетъ лишь голосу неумолимаго рока.
Какъ бореи, сражаясь противъ столѣтняго дуба,
Страшнымъ дыханьемъ низвергнуть хотятъ великана и вмѣстѣ
Спорятъ о силѣ то съ той, то съ другой стороны ударяя;
Грозно шумитъ великанъ и борется съ ними упорно;
Вѣтви и листья летятъ, устилая бранное поле;
Онъ упѣрся въ скалу, и сколько косматой главою
Къ небу несѣтся, столько пятой досягаетъ онъ ада:
Такъ и герой, непрерывно томимый напрасною просьбою,
Твёрдо стоитъ, а широкую грудь терзаютъ заботы;
Мысль неподвижна, но слѣзы нѣмая текутъ по ланитамъ.

И тогда, устрася непреклоннаго рока, Дидона
Жждеть смерти: ей скучно смотрѣть на свѣтлое небо.
Эта жажда усилилась болѣе чуднымъ видѣньемъ.
Лишь положила она дары на алтарь благовонный —
Страшно сказать! — священная влага вдругъ почернѣла
И наконецъ вино въ нечистую кровь превратилось.
Но она никому, и даже сестрѣ не сказала.
Быль ещё въ дворцѣ посвящённый пепламя Сихея
Мраморный храмъ, въ которомъ она любила молиться:
Только ночь осѣнила землю чѣрнымъ покровомъ,
Слышны въ храмѣ голосъ и стоны усопшаго мужа.
И на кровлѣ сова поѣтъ могильныя пѣсни,
Жалобно плачетъ, стонетъ, выводитъ протяжные звуки.
Кромѣ того, ночныя видѣнья и страшныя грѣзы
Часто терзаютъ её, наполняя ужасомъ сердце.
Грезить Дидона во снѣ, какъ Эней, неистовства полный,
Гонить повсюду её, — и она вездѣ одинока.
Часто кажется ей, что она по пустыннымъ дорогамъ
Ходитъ одна въ далёкія страны и ищетъ тирійцевъ:
Такъ безумный Пентей, убѣгая неистовыхъ фурій,
На небѣ видѣлъ два солнца, а долу Фивы двойныя;
Или безумный Орестъ, потомокъ Агамемнона,
Такъ бѣжалъ, устрасённый разгнѣваннымъ матери взоромъ:
Адское пламя въ рукахъ у нея, и чѣрныя змѣи
Вьются по ней; а Проклятье и Мечь сидятъ у порога.
Вотъ когда отчаянье заняло место печали,
Твердо на смерть рѣшилась она, и, выждавъ время,
Въ сердце сокрыла тайну и, взоръ проясняя улыбкой,
Вдругъ подюдитъ къ печальной сестрѣ и такъ говорить ей:
«Ну, сестра, поздравь меня: я придумала средство, —
Средство, которое или возвратитъ мнѣ его непременно,
Или разлучитъ со мной, и память о нёмъ истребится.
Тамъ, гдѣ конецъ океана, гдѣ свѣтлое солнце заходитъ,
Есть послдній предѣлъ эюіоповъ. Атлантъ необъятный
Двигаетъ тамъ на плечахъ съ золотистыми звѣздами небо.
Есть у насъ изъ тѣхъ странъ массильская жрица колдунья,
Бывшая стражемъ садовъ гесперійскихъ; она подавала
Пищу дракону и ветви завѣтныхъ деревьевъ сторожила,
И окропляла ихъ мѣдомъ и усыпительнымъ макомъ.
Эта колдунья можетъ лечить сердца отъ печали
Иль наводитъ на нихъ тоску и злыя заботы,
Остановить рѣку или двигать свѣтило обратно;
Можетъ ночныхъ духовъ вызывать: у нея подъ ногами

Слышно, как стонет земля, и с горь нисходятъ деревья.
Всѣми богами клянусь и твоей драгоценною жизнью,
Милая Анна, я за чары принимаюсь невольно.
Ты, сестра, по срединѣ двора костѣрь приготовишь,
И положи на него и броню и оружье злодѣя,
Всѣ, что въ спальнѣ висить на стѣне; и брачное ложе
Брось на костеръ, — то ложе, гдѣ я неозвратно погибла:
Всѣ, что осталось по нёмъ, истребить приказала колдунья.»

Такъ свазавъ, умолкла и вдругъ въ лице изменилась.
Анна не знаетъ, что въ этомъ новомъ обрядѣ Дидона
Тайно могилу готовить себѣ; для нея непонятна
Сила любви; она не предвидитъ ужасныхъ послѣдствій,
Хуже сихеевой смерти, — и просьбу сестры исполняетъ.
Вотъ уже принесли сосновыхъ, ясеновыхъ прутьевъ,
И по срединѣ двора костѣрь сложили, какъ гору.
А царица цвѣты принесла, погребальныя вѣтви,
И, украсивъ костѣрь, на нёмъ положила добычу:
И оставленный мечъ и портретъ на одрѣ положила.
Звала она, для чего такіе обряды готовить.
Вкругъ стоять алтари: а жрица, власы распустивши,
Громко молитвой боговъ призываетъ: Эрева, Хаоса,
И тройную Гекату, въ трехъ лицахъ дѣву Дану,
Тутъ изляла и воду, подобіе адскихъ потоковъ:
Ищутъ юнаго зелья, при свете лунномъ серпами
Жнутъ и варятъ въ котле съ молокомъ и чѣрной отравой.
Ищутъ и жеребятъ молодыхъ и во время рожденья
Всю любовь матерей у нихъ отъ чела отнимаютъ.
А царица сама, распахнувъ, распоясавъ одежду,
И обнаживши ногу, и взявши въ чистыя руки
Жертвенный хлѣбъ, призываетъ боговъ и ночныя свѣтила
На свидѣтельство смерти и неумолимаго рока.
Молить потомъ у боговъ милосердія, правды, защиты,
Если богамъ не противна любовь незаконнаго брака.

Полночь была. Ужъ все погрузилось въ забвенье и нѣгу, —
Сладкую нѣгу покоя, когда и сердитое море
Дремлетъ во снѣ, не шелохнѣтся лѣсъ, а ночныя свѣтила
Тихо плывутъ въ небесахъ, совершая полночные круги;
Спятъ безмолвныя нивы, стада; живописныя птицы,
И прозрачныя воды озѣръ, и дикія степи, —
Всѣ отдыхаетъ въ покоѣ, среди безмолвія ночи, —
Всѣ, лишь Дидона одна безсонныхъ очей не смыкаетъ;
Не прилетаетъ къ ней сонъ: въ ней бодрость сугубить заботы.
Вновь запылала любовь и съ бѣшенствомъ прежнимъ пылаетъ;
Снова и гнѣвъ запылалъ и борьбу начинаетъ съ любовью.
«Ахъ, злополучная! — такъ про себя разсуждаетъ Дидона. —
Что мнѣ дѣлать? Снова ли къ тѣмъ женихамъ обратиться, —
Къ тѣмъ женихамъ, надъ которыми я насмѣхалась такъ долго?
Я ли унижу себя и руки у царей нумидійскихъ
Буду просить, которую я отвергала такъ часто?
Чтожь? за троянскимъ флотомъ итти и судьбы повелѣнье
Съ нимъ разделить? почему? потому ли, что я оказала
Помощь несчастнымъ? но развѣ они не забыли объ этомъ?
Ну положимъ; да кто жъ мнѣ позволить отечество бросить?
Кто же приметъ меня на корабль? меня ненавидятъ.
Ахъ, погибла Дидона, погибла! ты ли не знаешь,
Ты ли не видишь ещѣ, что троянцы тебѣ измѣнили?
И неужель я одна сопутствовать буду троянцамъ?
Иль соберу всѣхъ тирійцевъ и съ ними вмѣстѣ въ далѣкій
Путь ушлыву? и снова пожертвую вѣтрамъ и морю
Тѣми, которыхъ съ трудомъ спасла отъ враждебнаго Тира?
Нѣтъ, Дидона, лучше умри, какъ прилично несчастной;
Лучше ударомъ однимъ прекрати всѣ жестокия муки.
Ахъ, сестра! ты тронулась горемъ моимъ и слезами;

Ты мнѣ хотѣла помочь — и бросила въ жертву злодѣю.
Нѣтъ, безъ брачныхъ узъ безгрѣшная жизнь невозможна:
Такъ лишь звѣри живутъ; а я согрѣшила предъ небомъ,
Я измѣнила любви, обѣщанной пепламъ Сихея!»
Такъ говоря про себя, Дидона горько рыдала.

А Эней, приготовивъ заранее всё для похода,
Лѣгъ на высокой кормѣ и уснулъ, ожидая разсвѣта. —
Снова во снѣ предсталъ предъ него божественный образъ,
Тотъ же Меркурія образъ, — и голосъ и поступь;
Тѣ жь бѣлокурыя кудри, красою блестящѣ члены.
Снова началъ его упрекать такими словами:
«Сынъ богини, время ли спать въ такую минуту?
Или ве видишь, какая опасность тебѣ угрожаетъ?
Ахъ, безумный! не слышишь, какъ дуютъ попутные вѣтры?
Въ сердцѣ ея преступленье; она умышляетъ засаду;
Ужъ рѣшилась на смерть и отчаяннымъ гнѣвомъ пылаетъ.
Пользуйся этой минутой, бѣги, удались поскорѣе:
Вскорѣ вражьи ладьи всё море взволнуютъ; увидишь
Грозныхъ факеловъ блескъ и пламенемъ берегъ объятый,
Если Аврора тебя на этомъ мѣстѣ застанетъ.
Женщинамъ ты не вѣрь: онѣ переменчивы, шатки.»
Такъ говоря, онѣ исчезъ и слился съ туманами ночи.

И тогда Эней, испуганный чуднымъ видѣньемъ,
Быстро вскочилъ отъ сна, идѣтъ и товарищей будить:
«Встаньте, товарищи, бодрствуйте, вѣсла скорѣ берите
И паруса поднимайте. Сошедши съ высотъ поднебесныхъ,
Самъ посланникъ боговъ, во снѣ представъ предо мною.
Вновь повелѣлъ мнѣ отплыть и не медля отрѣзать канаты.
Кто бы ты ни былъ, святой обитатель великаго неба,
Я повинуюсь тебѣ и волю твою исполняю.
Боги, прибудьте на помощь и путь ниспослите счастливый!»
Такъ говоря, онѣ выхватилъ мечъ молньеносный и рубить
Острымъ булатомъ канаты, сѣчь — и лопнули вервья:
Бросились къ дѣлу троянцы: рѣжутъ канаты и въ море
Быстро уходятъ. Отъ нихъ удаляется берегъ; лишь волны
Пѣною брызжутъ отъ вѣсель. И пристань въ мигъ опустѣла.
Вотъ и Аврора проснулась и, вставъ съ багрянаго ложа,
Брызнула свѣтомъ румянымъ на спящя земли и воды.
И едва востокъ загорѣлся первымъ разсвѣтомъ,
Какъ царица увидѣла флотъ, удалявшійся въ море.
Бросила взоры на пристань: въ пристани не было флота.
Впала въ безумье царица; дланью грудь поражаетъ,
Рвѣтъ бѣлокурыя кудри и плачетъ: «О, всемогущій!
Этотъ пришлецъ уплывѣтъ и надъ царствомъ моимъ посмѣется?
Какъ? не вооружится никто, не ударить въ погоню!..
И не берутъ кораблей изъ верфи?.. Идите, идите,
Пламя несите скорѣе, бегите, летите въ погоню!..
Бевте веслами скорѣе, скорѣй паруса поднимайте!..
Что говорю я? гдѣ я? ахъ, какое безумье!
Ты гнушаешься низкимъ поступкомъ! несчастна Дидона!
А тогда, какъ скипетръ давала, тогда не гнушалась?
Вотъ энеена верность! вотъ благочестье Энея!
Этотъ мужъ съ собою унёсъ пенатовъ изъ Трои?
Этотъ мужъ на плечахъ уносилъ родителя-старца?
Я ль не могла растерзать его и въ волны морскія
Бросить? товарищей всѣхъ умертвить? Иль тѣло Асканья
Въ радостный пиръ обративъ, насытитъ родителя сыномъ?
Но вѣдь битвы успѣхъ сомнителенъ былъ бы. Положимъ.
Чтожъ мнѣ бояться? я понесла бы въ лагерь троянцевъ
Факель пожара; я бы сожгла корабли, истребила
И на развалинахъ ихъ сама бы бросилась въ пламя!
Солнце, солнце! ты освѣщаешь дѣянiя смертныхъ;
Матерь Юнона, тебѣ извѣстны всѣ наши страданья;

Ты, о Геката, которая въ ночь на распутии воешь;
Мстятца фурии, боги Дидоны, жаждущей смерти,
Вы внемлите мольбамъ, обратите взоръ милосердый
На страданья мои. И если судьбѣ такъ угодно,
Чтобы злодей приплыль и увидѣль завѣтную землю,
Если такъ небу угодно, чтобъ я непременно погибла,
Пусть же злодѣй, побѣждённый на брани храбрымъ народомъ,
Въ вѣчной разлукѣ съ сыномъ, скитаясь, какъ жалкій изгнанникъ,
Молить пощады; пусть будетъ свидѣтелемъ смерти собратьевъ,
Миръ заключить съ врагомъ на самыхъ тяжкихъ условьяхъ:
И тогда, лишённый престола, всѣхъ радостей свѣта,
Пусть погибнетъ, — но пусть погибнетъ на прахѣ, безъ гроба.
Боги! эту молитву съ послѣднею каплею крови
Вамъ посылаю. А вы, о тирійцы, къ ихъ племени, роду
Ненависть вѣчно питайте; угѣшите мой пепель въ могилѣ.
Пусть между ними и вами не будетъ союза, ни дружбы;
Пусть изъ могилы моей имъ грозный мститель возстанетъ
И преслѣдуетъ Дардана родъ мечёмъ и пожаромъ,
И теперь и всегда, лишь будутъ силы для мести.
Пусть берега съ берегами и волны съ волнами враждуютъ;
Мечъ пусть враждуетъ съ мечёмъ, съ отцами дѣти и внуки!»

Такъ сказала она и повсюду взоромъ поводить;
Свѣтъ ей постыль: Дидона жаждетъ сѣни могильной.
Вотъ, позвавъ къ себѣ Сихея кормилицу, Барку,
(А ея кормилица въ прежней отчизнѣ скончалась),
Такъ говорить: «позови мнѣ Анну, любезная Барка.
Прежде скажи, пусть скорѣе омоется рѣчной водою,
Пусть приведётъ и жертву и всё приготовить, что нужно.
Ты и сама покрой чело священной повязкой:
Я давно приготовила жертву Юпитеру ада,
А теперь совершить хочу и окончить заботы,
Въ пламени сжечь на кострѣ остатки дарданскаго мужа.»
И старушка, дрожа, поплелась приказанье исполнить.

Въ страхѣ и въ страшномъ какомъ-то восторгѣ Дидона вбѣжала
На середину двора, гдѣ огромный костѣрь возвышался:
Очи, налитыя кровью, быстро ходили повсюду;
Пята покрыли ланиты ея и предсмертная блѣдность.
Быстро въ волненьи взошла на костѣрь и мечъ обнажила, —
Мечъ дарданскій, не для такой предназначенной цѣли.
И, увидѣвъ Энея броню и знакомое ложе,
Начала плакать; потомъ, собравшись несколько съ духомъ,
Къ ложу склонилась и такъ въ послѣдній разъ говорила:
«Милые сердцу остатки, когда улыбалось мнѣ счастье!
Вы примите душу мою, разрѣшите отъ горя.
Я жила и исполнила путь, предназначенный рокомъ,
А теперь моя тѣнь удалится въ подземныя страны.
Я основала городъ, я видѣла славныя стѣны,
Я отмстила за смерть супруга коварному брату;
Счастлива, ах! и счастлива слишкомъ была бы Дидона,
Если бы этотъ берегъ не видѣль дарданскаго флота.»
И, коснувшись ложа устами, «я умираю безъ мести,
Но я умру — сказала — мнѣ смерть отраднa и сладка.
Пусть жестокой взираетъ на пламя съ глубокаго моря,
Пусть унесётъ съ собою извѣстье о смерти Дидоны.»

Такъ окончивъ, упала на одръ. Прибѣжали подруги:
Видятъ мечъ, дымящійся кровью, пронзѣнные перси
И обогрѣнные руки царицы. Крики и вопли
Вдругъ огласили дворецъ и молва пронеслась въ Карфагенѣ.
Плачь и рыданіе всюду: жоны и плачугъ и воютъ;
Домы дрожатъ и воздухъ трепещетъ отъ страшнаго стона.
Точно, казалось, какъ будто бы врагъ овладѣль Карфагеномъ
Или древнимъ Тиромъ; будто пожарное пламя

Вдруг охватило кровли домовъ и божественныхъ храмовъ.

А сестра, услышавъ шумъ и смятенье въ чертогахъ,
Рвётъ руками лицо и, дланію грудь поражая,
Сквозь толпу пробиваясь, летитъ и сестру призываетъ:
«Вотъ что, родная, было! меня обмануть ты хотѣла?
Ахъ, для того ли костёръ, для того ль алтари я воздвигла?
Чтб жь одинокой мнѣ дѣлать теперь? и ты, умирая,
Ты обо мнѣ забыла? зачѣмъ ты меня не призвала?
Тотъ же мечъ однимъ ударомъ пронзилъ бы два сердца.
Ахъ, сестра жестокая! я для того ль положила
Этотъ костёръ? для того ли боговъ призывала въ молитвѣ,
Чтобы увидѣть тебя и на вѣкъ разлучиться съ тобою!
Я погубила тебя, и себя, и сидонскихъ собратовъ;
Я погубила твой городъ! Дайте воды: я омою
Рану ея, и если душа не совсѣмъ улетѣла,
Пусть я вдохну въ себя ея послѣдніе вздохи!»
Такъ говоря, она взошла по ступенямъ высокимъ.
Пала на тѣло сестры и, обнявъ, согрѣваетъ дыханьемъ,
Плачетъ и стонетъ и платьемъ чѣрную кровь отираетъ.
А Дидона хотѣла поднять тяжѣлыя вѣки
И сомкнула снова: хрипите, подъ грудію рана.
Трижды она приподнялась, рукой опираясь усиленно;
Трижды упала на одръ и мутнымъ взоромъ искала
Милаго свѣта небесъ: нашла и вздохнула глубоко.

Сжалилась мать Юнона и, видя тяжкія муки
Трудной кончины, съ высотъ Олимпа послала Ириду,
Чтобы она разрѣшила боренье персти съ душею.
Не по велѣнью судьбы умирала царица, не смертию
Грѣшныхъ людей, но сражѣнная горемъ, какъ жертва безумья.
Ей Прозерпина ещё не отсѣкла волосъ бѣлокурыхъ,
Не осудила тѣни ея скитаться по аду.
Вотъ Ирида слетѣла съ небесъ на крыльяхъ росистыхъ;
Тысячи разныхъ цвѣтовъ влечётъ за собою отъ солнца
И, прилетѣвъ и ставъ надъ главою Дидоны, сказала:
«Эту жертву я приношу подземному богу
И разрѣшаю душу твою отъ брэннаго тѣла.»
Такъ говоря, отсѣкла жизненный волосъ: мгновенно
Вся теплота удалилась и жизнь улетѣла на вѣтеръ.

Энеида (Вергилий/Шершеневич)/Песнь шестая/ДО

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [Энеида \(Вергилий/Шершеневич\)](#)

Перейти к [навигация](#), [поиск](#)

□

← [Пѣснь пятая](#) **[Энеида Вергилія](#)** — Пѣснь шестая [Пѣснь седьмая](#)
авторь [Публій Вергилій Маронь](#) (70 г. до н.э.—19 г. до н.э.), пер. [І. Г. Шершеневичь](#) (1819—1894) →

Язык оригинала: латинскій. Название въ оригиналь: [Aeneis](#). — Источник: [Современникъ, Литературный журналъ, томъ XXXII, Санктпетербургъ, 1852](#)

Википроекты: - [Википедія](#)

Энеида Вергилія

Пѣснь шестая

Трояне съ флотомъ пристають къ берегу Кумовъ. — Эней отправляется къ жрицѣ Сибиллѣ. — Храмъ Феба. — Жертвоприношеніе и молитва. — Жрица предвѣщаетъ Энею его будущія дѣянія. — Эней просить у нея позволенія повидаться съ тѣню Анхиза. — Жрица представляетъ ему трудность этого свиданія, а между тѣмъ приготовляетъ Энея къ сошествію въ адъ. — Погребальный обрядъ Мизену. — Эней, по указанію матернихъ голубокъ, срываетъ въ лѣсу золотые плоды, назначенные въ даръ Прозерпинѣ. — Жертвоприношеніе. — Эней, сопровождаемый жрицею, нисходитъ въ адъ. — Адскія чудовища. — Харонъ. — Тѣни усопшихъ. — Встрѣча съ Левкастомъ, Оронтомъ и Палинуромъ. — Жалобы Палинура. — Жрица утѣшаетъ его. — Встрѣча съ Харономъ и переправа его черезъ Стиксъ. — Церберъ. — Поля грусти и скорби. — Тѣни Прокрисы, Федры и другихъ. — Встрѣча съ Дилоною. — Жилище героевъ. — Встрѣча съ троянскими героями, павшими у Трои. — Жалобы Доифоба. — Потокъ Флегетонъ. — Кары преступниковъ. — Эней водружаетъ священную вѣтвь съ золотыми плодами и вступаетъ в жилище блаженныхъ. — Встрѣча съ Анхизомъ. — Анхизъ рассказываетъ Энею, какимъ образомъ души усопшихъ современемъ снова являються въ міръ; потомъ показываетъ ему весь его будущій родъ и исчисляеть знаменитыхъ римскихъ героевъ. — Эней выходитъ изъ ада. — Флотъ пристаётъ къ берегамъ Каеты.

Di, quibus imperium est animarum, umbraeque silentes,

Et Chaos, et Phlegethon, loca nocte tacentia late,
Sit mihi fas audita loqui, sit numine vestro

Pandere res alta terra et caligine mersas!

(Изъ шестой пѣсни.)

Так говорил онъ, рыдая, и мчался на полныхъ вѣтрилахъ
И наконецъ присталь къ Эвбейскому берегу Кумовъ.
Стали носами къ морю суда, а кормой кривобокой
Берегъ покрывъ, укрѣпились на крѣпкомъ якоря зубѣ.
Пылкій отрядъ молодѣжи ступилъ на гесперскую землю.
Вотъ одни добываютъ изъ кремня огонь и разводятъ
Пламя; другіе отправились къ тѣмному лѣсу, въ жилища
Дикихъ звѣрей; иные пошли за текучей водою.
А боговѣрный Эней отправляется къ фебову храму
И къ огромной пещерѣ страшной Сибиллы, которой
Умъ и великую душу наполнилъ пророческимъ даромъ
Фебъ, прорицатель делискій, и въ будущемъ тайну открыть ей.
Въ рошу Діаны вступаетъ Эней, въ золотые чертоги.
Слухи были, что Дедалъ, бѣжавъ изъ царства Миноса,
Дерзкій, на крыльяхъ летучихъ пустился по свѣтлому небу,
Необычайнымъ путѣмъ, и, взлетѣвъ къ ледяному Арктуру,
Сталъ наконецъ легкокрылый надъ замкомъ высокимъ Халкида.
Тамъ онъ впервые, на землю ступивъ, въ честь Фебу воздвигнулъ
Чудный, великій храмъ, и ему посвятилъ легкопѣрыя крылья.
На украшеньяхъ дверяныхъ представлена смерть Андрогей;
Далѣе, страшная казнь: о, горе потомкамъ Кекропса!
Семь малютокъ они ежегодно на смерть обрекали.
Тутъ же и урна стоитъ: въ ней смертные жребья таятся.
Далѣе видѣнь и Критъ, встающій изъ волнъ океана;
Съ гибельной страстью телець, и тайная связь Пазифаи
Видны на нёмъ, и смѣшанный родъ, двуличное чадо —
Самъ Минотавръ, незаконный плодъ преступныхъ желаній.
Тутъ же видны лабиринтовы стѣны съ обманчивымъ ходомъ;
Но Дедалъ, пожалѣвъ о великой страсти царицы,
Самъ разрѣшилъ обманъ хитростроенныхъ стѣнъ лабиринта,
Слѣдъ означая предлинною нитью. И еслибъ не горе,
Ты бы имѣлъ, о Икаръ! почётное мѣсто въ картинѣ.
Дважды пытался Дедалъ рѣзцомъ начертить на металлѣ
Бѣдствіе сына — и дважды родителя длань опускалась.

Вскорѣ ужъ всё рассмотрѣли бы тевкры, еслибъ Ахатесъ
Не возвратился туда. Съ нимъ вмѣстѣ пришла Деифоба,
Главкова дочь, великая жрица Діаны и Феба,
И, обратившись къ троянскому мужу Энею, сказала
«Царь, не время теперь разсматривать эти картины:
Ты на жертву зарѣжь семь быковъ изъ цѣльнаго стада
И по обычаю избранныхъ столькожъ двузубыхъ овечекъ.»
Такъ говоря, созываетъ троявецъ къ высокому храму,
И троянцы, не медля, священный обрядъ исполняютъ.

Въ рѣбрахъ эвбейской скалы изсѣченъ былъ сводъ преогромный
Въ видѣ обширной пещеры. Сто входовъ широкихъ съ вратами
Внутри пещеры ведутъ; изъ нихъ излетаетъ сто звуковъ,
Съ каждымъ отвѣтомъ Сибиллы. И вотъ ужъ дошли до порога,
Какъ сказала имъ жрица: «О, мужи троянцы, настало
Время молитвы; вотъ богъ: я чую присутствіе бога!»

Тикъ сказала жрица, стоя у входа въ пещеру...
Вдругъ измѣнилась въ лицѣ, въ безпорядкѣ разсыпались кудри;
Блѣдность покрыла чело и одышкою грудь взволновалась.
Вздулися перси восторженнымъ духомъ; небесная сила
Вдругъ охватила её; ужъ близкимъ присутствіемъ бога
Жрица полна, и изъ устъ потекли неземные глаголы:
«Медлишь молитвой, Эней — сказала — ты медлишь молитвой!
Но не отвернется прежде преддверье великаго храма.»
Жрица умолкла. Холодная дрожь пробѣжала по членамъ
Страхомъ объятыхъ троянъ, и Эней начинаетъ молитву:
«Сильный Фебъ! ты всегда сострадалъ къ несчастнымъ троянамъ;
Ты направилъ и длань и дарданскія стрѣлы Париса

Въ сына пелеева: руководимый тобою, проплыть я
Столько морей, обтекающихъ земли великаго мѣра;
Видѣль страну массилійцевъ, племѣнь, отдѣленныхъ морями;
Видѣль и нивы въ странѣ, окруженной песчаною зыбью.
Вотъ наконецъ и достигъ береговъ италийскихъ завѣтныхъ:
Злая троянецъ судьба слѣдила за мною повсюду.
Вы, о богини и боги, которымъ троянскія стѣны
И великая слава троянецъ были противны, —
Вы пощадите уже изнурѣнное племя пергамлянъ.
Ты, о великая жрица, предвѣстница будущей жизни,
Дай поселиться несчастнымъ троянамъ на нивахъ латиновъ;
Дай отдохнуть божествамъ, встревоженнымъ Трои пенатамъ.
Я прошу земли, давно мнѣ завещанной рокомъ;
Я воздвигну мраморный храмъ и Дѣанъ и Фебу,
И назову торжественный день отъ имени Феба;
И тебя, о богиня, ждуть стѣны великаго храма
Въ царствѣ моёмъ: въ нёмъ будутъ таиться твои предсказанья,
Тайная воля судьбы, изречѣнная дѣтямъ Пергама;
Избранныхъ мужей тебѣ посвящу я, богиня; только на листьяхъ
Ты не пиши изрѣченій: пускай не разноситъ ихъ буйный
Вѣтръ: ты сама дай ответъ, умоляю.» Сказаль и умолкнулъ.

И вдохновенная Фебова жрица въ пещерѣ приходитъ
Въ страшный восторгъ, удаляя отъ сердца великаго бога:
Тѣмъ сильнѣе томить онъ уста восторженной жрицы,
Сердце смягчаетъ ея, наполняя пророческимъ духомъ.
Вдругъ сто огромныхъ дверей распахнулись сами собою,
И раздались изъ нихъ слова предвѣщающей жрицы:
«О, наконецъ ты избавленъ отъ страшныхъ опасностей моря!
Но несравненно большій трудъ предстоить вамъ на сушѣ.
Въ царство Лавинья трояне придутъ, не заботясь объ этомъ;
Но не рады будутъ приходу: кровавая войны,
Войны я вижу, и Тибръ, опѣненный потоками крови!
Снова увидишь ты Ксанѣ, Симоисъ и лагерь данайскій;
Здѣсь ты другаго Ахилла найдѣшь на нивахъ латиновъ,
И у него не смертная мать; и богиня Юнона
Снова возстанетъ на тевкровъ. Томимый войною,
Въ скорби и горѣ, къ какимъ племенамъ италийскимъ и царствамъ
Ты обращаться будешь и будешь молить о защитѣ!
Снова причиною бѣдствій супруга, враждебная тевкрамъ;
Снова и горе отъ брачныхъ узъ съ чужеземной женою.
Не покоряйся бѣдѣ, но смело иди къ ней на встрѣчу,
По указанью судьбы: вопреки твоимъ ожиданьямъ,
Первый къ спасенію путь отъ данайскаго города будетъ.»

Такъ изъ пещеры вѣщаетъ кумейская жрица Сибилла,
Страшную тайну поётъ и воетъ въ огромной пещерѣ,
Истону въ тьму облекая: такимъ вдохновеньемъ отъ Феба
Жрицы наполнилась грудь и сердце кипѣло восторгомъ.
И едва утихнулъ восторгъ и уста разъярѣнныя смолкли,
Такъ начинается троянскій герой: «Не страшусь я, о дева,
Новыхъ неожиданныхъ трудовъ, предстоящихъ мнѣ въ будущей жизни;
Всѣ я предвидѣль уже и всё ужъ прежде обдумаль.
Лишь одного я прошу: когда въ подземное царство
Эта пещера ведётъ и въ бездонную тьму Ахерона,
Ты мнѣ дозволь повидаться съ тѣнью отца дорогаго;
Ты укажи мнѣ путь и — врата мнѣ отверзни.
Я исторгнулъ его отъ вражбыхъ мечей и пожаровъ
И на этихъ плечахъ уносилъ отъ враговъ кровожадныхъ.
Вмѣстѣ со мной онъ отправился въ путь, и, по всѣмъ океанамъ
Вмѣстѣ блуждая, страдалъ отъ грозы и отъ бурнаго моря
Слабый старикъ, удручѣнный уже и болѣзнью и горемъ.
Онъ, умирая, просилъ, чтобъ я обратился съ мольбою,
Дѣва, къ тебѣ, и пошѣлъ бы къ порогу этой пещеры.
Я умоляю тебя, пожалѣй объ отцѣ и о сынѣ;

Всё для тебя возможно: не тщетно богиня Геката
Жрицей избрала тебя надъ священной рощей Аверна.
Если Орфей могъ вызвать душу усопшей супруги
Изъ Ахерона, гордясь звонкострунной еракійскою лирой,
Если Поллуксъ могъ вывести брата изъ адской пучины
И повторять свой путь, — то чтожь говорить о Фезеѣ?
Что о великомъ Алкидѣ? Я также рождёнъ отъ Зевеса.»

Такъ молился Энея, священный порогъ обнимая.
И возразила жрица ему: «О, потомокъ безсмертныхъ,
Сынъ анхизовъ, Эней! нетрудно спуститься къ Аверну:
День и ночь открыты врата въ подземельное царство;
Но возвратиться вспять и снова подняться на гору —
Въ этомъ всё дѣло и трудъ. Немногіе Зевса любимцы,
Иль вознесённые славой своею къ небеснымъ предѣламъ,
Или рождённые богомъ съ трудомъ къ Ахерону проникли.
Всю средину лѣсъ занимаетъ дремучій, а Коцитъ,
Черною грудью скользя, опоясалъ его совершенно.
Если ты твёрдо решился и если тавъ сильно желанье
Дважды пропалыть чрезъ стиковы воды и дважды увидѣть
Чёрнаго Таргара сѣнь, и если безумнымъ желаньямъ
Хочешь польстить, то послушай, что прежде ты долженъ исполнить:
Есть на развѣсистомъ деревѣ вѣтвь золотая, и листья,
И золотые плоды, посвящённые ада царицѣ.
Дерево это растётъ въ срединѣ тѣнистой рощи:
Черною тѣнью скрываютъ его соплетённые вѣтви.
Но не можетъ никто низойти въ подземельное царство,
Если съ той чудной вѣтки плодовъ не сорвётъ златовласыхъ:
Эти плоды посылаются въ даръ Прозерпинѣ прекрасной.
Если сорвёшь ты одинъ, другой вырастаетъ мгновенно
Вмѣсто него, и вѣтвь покрывается снова плодами.
Ты гляди въ высоту, и если найдёшь, то не медля
Съ дерева рви: плодъ самъ благосклонно приблизится къ длани,
Если угодно судьбѣ; безъ того никакія усилія
Не одолбютъ его, ни рукою, ни твёрдымъ желѣзомъ.
Но въ то время, какъ ты стоишь у порога пещеры,
Ты не знаешь, увы! что друга бездушное тѣло
Безъ погребенья лежитъ и смертию весь флотъ твой позорить.
Ты подними то тѣло съ земли и, предавъ погребенью,
Чёрныхъ овецъ приведи и зарѣжь къ очистительной жертвѣ.
Только тогда ты увидишь Стиксъ, для живущихъ незримый,
И подземельное царство.» — Сказавши, жрица умолкла.

И Эней, опустивши очи къ землѣ, удалился
Отъ порога пещеры и шёлъ нѣ глубококомъ раздумьи
О предстоящемъ трудѣ. Съ нимъ вѣрный товарищъ Ахатесъ
Медленно шёлъ; погружённый въ такія жъ печальныя мысли.
Много они говорили другъ съ другомъ о слышанномъ ими,
Но не могли отгадать, о какомъ погребеніи друга
Жрица вѣщала. Какъ вдругъ на песчаномъ побережьѣ, близъ моря,
Видятъ мизеновъ трупъ, недостойною смертию погибшій, —
Трупъ золида Мизена, который умѣлъ такъ искусно
Воиновъ мѣдью сзывать и трубой вдохновлять ихъ на битву.
Онъ былъ сопутникомъ славнаго Гектора; съ Гекторомъ вмѣстѣ
Хаживалъ онъ на враговъ, и славный трубачъ и конейщикъ.
Но когда Ахиллесъ у Гектора душу исторгнулъ,
Храбрый Мизенъ присталъ къ дарданскому мужу Энею
И сопутникомъ сталъ не менѣ славному въ брани.
И едва затрубилъ онъ однажды въ рогъ кривобокій,
О безрассудный мужъ! и боговъ вызывалъ къ состязанью,
Местью пылающій Тритонъ (если возможно повѣрить)
Между скалами его утопилъ опѣнѣнной волною.
Трупъ обступивши кругомъ, кричали громко трояне,
Болѣе прочихъ Эней. И не медля велѣнье Сибиллы
Всѣ исполняютъ, рыдая, и всякій спѣшитъ приготовить

Смертный покойнику одрь и высокій костёръ воздвигаютъ.
Въ лѣсъ дремучій пошли; обиталище дикаго звѣря:
Падаютъ сосны, ясени стонутъ подь острой сѣкирой,
Клѣны трещать и твердые дубы скрипятъ подь клинами;
А съ нагорныхъ высотъ катятся громадный вязы.
Самъ Эней, съ сѣкирою въ длани, принялся за дѣло
И, усердно работая, всѣхъ ободряетъ троянцевъ.
Онъ, на огромный лѣсъ устремляя печальные взоры,
Началъ съ собой размышлять и вслухъ наконецъ произносить
«Если бы въ этомъ огромномъ лѣсу теперь мнѣ явилась
Та золотая вѣтка! увы! предсказанія жрицы
О мизеновой смерти слишкомъ были справедливы.»

Такъ онъ едва произнёсъ, какъ вдругъ двѣ голубки, слетѣвши
Съ горныхъ высотъ, пронеслись предь очами Энея
И спустились на лугъ. Онъ тотчасъ узналъ по голубкамъ
Матернихъ птицъ сизокрылыхъ, и такъ восклицаетъ въ восторгѣ:
«Если знаете путь, о будьте моими вождями;
Вы поведите меня въ ту роцу, гдѣ тѣню сокрыта
Чудная вѣтвь золотая. И ты, о мать богиня,
Будь мнѣ вождёмъ я покровомъ на этомъ поприщѣ трудномъ.»

Такъ сказавши, онъ сталъ, и, взоръ обративъ на голубокъ,
Началъ за ними слѣдить и внимательно ждать ихъ полѣта.
А голубки, зерно собирая, летѣли всё дальше,
Дальше, сколько возможно было слѣдить ихъ очами,
И, прилетѣвъ ко входу тяжёловонной Аверны,
Быстро взвились къ небесамъ и, по свѣтлому воздуху рѣя,
Объ спустились и на развѣсистомъ деревѣ сѣли,
Гдѣ разноцвѣтнаго золота блескъ пробивался сквозь вѣтви.
Будто въ холодную зиму въ лѣсахъ всё зеленою свѣжей
Блещетъ амела, растущая дико межъ чуждыхъ ей дубовъ,
И золотистымъ плодомъ осыпаетъ нѣжныя вѣтки:
Такъ на развѣсистомъ ясенѣ вѣтвь золотая сіяла,
Съ лёгкимъ шумомъ колеблясь отъ тихаго вѣтра.
Жадно схватился за вѣтку Эней и, сорвавши поспѣшно
Плодъ заветный, несётъ къ жилищу жрицы Сибиллы.

Между тѣмъ трояне у берега моря рыдали
Надъ мизеновымъ тѣломъ, пислѣдній долгъ отдавая
Праху его. Свачала огромный костёръ положили
Изъ дубовыхъ и вѣтвей и смолистаго дерева сосны;
По сторонамъ костра положили темныя лозы,
И насадили кругомъ ряды кипарисовъ надгробныхъ,
И украсили всё бронёю покойнаго мужа.
Жаркое пламя котлы охватило: одни наливаютъ
Тѣплую воду и моютъ, и мажутъ холодное тѣло
Масломъ пахучимъ, и, громко оплакавъ, на одрь возлагаютъ,
И багряницею кроютъ остатки бранные мужа.
А другіе — печальный обрядъ! — поднявъ на плечи носилки
И, по обычаю предковъ, держа отвращѣнные взоры,
Подъ изготовленный лѣсъ подложили пылающій факель;
Жгутъ благовонныя жертвы, изъ чашъ возливаютъ елей.
А когда ужъ костёръ догорѣлъ и пламя потухло,
Льютъ на горячіе пеплы вино, и, кости собравши,
Мужъ Кориней сложилъ и завупорилъ въ мѣдномъ сосудѣ.
Онъ же товарищѣй трижды обнёсъ священной водою,
Брызгая мелкой росой изъ вѣтки счастливой ольвы,
И очистилъ мужей, и сказалъ прощальное слово.
А боговѣрный Эней насыпалъ большую могилу
И положилъ весло и трубу и оружіе мужа,
Подъ высокой горою, которая даже донинѣ,
Столько вѣковъ переживъ, сохранила имя Мизена.
Послѣ того исполняютъ немедля велење Сибиллы.
Мрачная была пещера, съ огромною каменной пастью.

Скрытая озеромъ чѣрнымъ и тѣнью раскинутой рощи.
Легкія птицы не смѣли надъ нею летать безопасно:
Столь губительный духъ испарялся язъ чѣрнаго зѣва
И разливался высоко надъ сводами этой пещеры;
Страшное мѣсто сіе называютъ греки Аорномъ.
Вотъ у входа въ пещеру четыре быка чернобокихъ
Жрецъ поставилъ сперва; на чело имъ душистыя вина
Лѣтъ и длинной шерсти клочѣкъ— начальную жертву—
Между рогами отсѣкши, бросаетъ въ священное пламя
И призываетъ Гекату, могучую въ ннбѣ и въ адѣ.
Болють ножами другіе и тёплую кровь собирають
Въ чаши. Самъ же Эней зарѣзаль чѣрнаго агнца
Матери злыхъ Эвменидъ и великой сестрѣ; а царицѣ
Ада въ жертву мечѣмъ закололъ молодую телицу.
Началь потомъ и ночные обряды подземному богу,
Цѣल्या нѣдра быковъ повергаетъ въ священное пламя
И на горящую жертву душистый елей возливаетъ.

Вотъ, едва начинало свѣтать на утреннемъ небѣ,
Вдрупъ показалось, будто земля подъ ногой загудѣла.
И, встрепенувшись, вершины лѣсовъ закачали вѣтвями.
Псы завьли во мракѣ ночномъ: приближалась богиня.
«Прочь отступите, о грѣшники! — жрица вскричала —
Прочь отступите скорее, отъ рощи совсѣмъ удалитесь!
Ты за мною иди, о Эней, и мечъ, обнажи свой:
Здѣсь то храбрость нужна, здѣсь нужно геройское сердце!»
Такъ сказавши, съ неистовствомъ бросилась жрица въ пещеру,
А за нею безстрашный Эней по слѣдамъ устремился.

Боги, владыки усопшнхъ, и вы, молчаливыя тѣни,
И Флегетонъ и Хаосъ, и царство безмольья и ночи,
Дайте свободы и силъ рассказать о томъ, что я слышалъ,
И раскрыть погружѣнное въ тѣмъ и бездонной могилѣ.

Шли въ темнотѣ ночной, объятые чернымъ туманомъ,
По чертогамъ пустынь обширнаго царства Плутона;
Такъ по пустыннымъ лѣсамъ пролегаетъ дорога при блѣдномъ
Свѣтѣ неполной луны, когда Зевсъ-громовержецъ покроетъ
Небо туманомъ и чѣрная ночь обезцвѣтитъ предметы.

Вотъ у порога, при самомъ входѣ въ подземное царство,
Злыя Заботы и Плачь утвердили своё пребыванье;
Тамъ и Болезни блѣдныя, тамъ и печальная Старость,
Страхъ и злосовѣстный Голодь и гнусная Бѣдность,
Съ лицами страшными, дикими; далѣе Смерть и Несчастье,
И Усыпленіе, сродное Смерти, коварная Радость,
И сиертоносная Брань насупротивъ ихъ у порога;
Тамъ и Фурій желѣзная ложа, безумная Ярость,
Свившая лентой кровавой змѣиныхъ кудри.
Старый огромный вязъ растетъ по срединѣ и вѣтви
Съ тѣнью густою кругомъ разстилаетъ широко: на этомъ
Вязѣ ничтожные Сны подъ каждымъ листочкомъ таятся.
Множество разныхъ чудовищъ сидитъ у порога пучины:
Тамъ Центавры сидятъ, за ними двуличныя Сциллы,
И сторукий гигантъ Бриарей, и лернейское чудо,
Страшно шумящее; тамъ и Химера пламенемъ дышитъ;
Тамъ Горгоны, Гарпіи, триличная тѣнь Геріона.
Страхомъ внезапнымъ объятый, Эней схватился за мечъ свой
И обнажѣнный булатъ на чудовища прямо уставилъ.
Если бы онъ не внималъ наставленьямъ спутницы мудрой
И не узналъ бы, что это однѣ безгѣлесныя тѣни,
Онъ бы ударилъ на нихъ и напрасно мечѣмъ поражалъ бы.

Прямо оттуда дорога ведѣтъ къ волнамъ Ахерона.
Тамъ нечистымъ болотомъ кипитъ бездонная пропасть;

Коцить, текущий туда, извергает песчанья груды.
Страшный старец Харонъ сторожить тѣ рѣки и воды.
На сѣдой и густой бородѣ его включенный волосъ;
Только очи какъ пламя горятъ, самъ нечистъ и ужасенъ;
Грязной одежды остатокъ узломъ отъ плечей ниспадаетъ.
Самъ онъ длиннымъ шестомъ подвигаетъ челнокъ полу-сгнившій,
Ставить парусъ на нѣмъ и усопшихъ тѣла перевозить.
Старъ онъ, но старость у этого бога бодра и цвѣтуща.

Всѣ берега покрыты были несмѣтной толпою:
Матери, мужи стекались туда, и бранныя тѣни
Великодушныхъ героевъ, юношей, дѣвъ непорочныхъ,
И цвѣтущихъ дѣтей, лишѣнныхъ родителей милыхъ:
Такъ, потрясѣнные вихремъ осеннимъ холоднымъ, на землю
Падаютъ листья въ лѣсахъ, иль съ высотъ поднебесныхъ слетають
Стаи безчисленныхъ птицъ, когда ихъ холодное время
За море гонить, далеко на теплыя степи и нивы.
Всѣ умоляли Харона, чтобъ ихъ переправилъ скорѣе,
И простирали руки съ любовью на берегъ противный;
Но угрюмый старикъ то однихъ, то другихъ принимаетъ,
А иныхъ шестомъ отъ берега гонить далѣко.
И Эней, удивляясь тревогѣ толпы многолюдной,
Такъ вопрошаетъ жрицу: «О дѣва, скажи мнѣ, что значить
Это стеченье къ рѣкѣ? чего здѣсь требуютъ души?
И почему однѣ берега оставляють печально,
А другія веслами взбивають синія воды?»
И долговѣчная жрица такъ отвѣчала Энею:
«Сынъ анхизовъ, Эней, потомокъ боговъ несомнѣнный,
Видишь глубокую Коцита бездну и стиковы воды, —
Воды, которыми съ страхомъ клянутся безсмертные боги.
Это — толпа злополучныхъ людей, погребенья лишѣнныхъ;
Тотъ перевозчикъ Харонъ, а въ ладѣ погребенные люди.
Не суждено никому переплыть черезъ страшныя воды
Прежде, чѣмъ кости его сокроются въ тѣмной могилѣ.
Сто лѣтъ блуждаютъ они, вокругъ береговъ тѣхъ скитаясь, —
Лишь тогда возвращаются снова на берегъ желанный.

Остановился анхизовъ сынъ и въ глубокомъ раздумьи
Началъ въ умѣ размышлять о печальной судьбѣ челоуѣка.
Вдругъ примѣчаетъ Левкасна съ вождѣмъ ликійскаго флота,
Храбрымъ Оронтомъ, печальныхъ, лишѣнныхъ чести могильной.
Страшная буря, схвативъ ихъ, пльвшихъ отъ берега Трои,
Въ мутныхъ волнахъ океана корабль и пловцовъ потопила.
Вотъ на встрѣчу несѣтся тѣнь Палинура, который,
Въ морѣ Либійскомъ пльва и течение свѣтилъ наблюдая,
Паль съ корабельной кормы и погибъ посреди океана.
Н едва примѣтилъ Эней печальнаго мужа
Блѣдную тѣнь, какъ вдругъ вопрошаетъ: «кто изъ безсмертныхъ,
О Палинуръ похитилъ тебя и низвергнулъ въ пучину
Бурнаго моря? Скажи мнѣ, ужель тотъ оракулъ правдивый
Этимъ отвѣтомъ однимъ обманулъ мои ожиданья?
Онъ говорилъ мнѣ, что ты безопасно моремъ достигнешь
До береговъ италійскихъ: такъ вотъ обѣщаніе Феба!»
«Нѣтъ — отвѣчалъ онъ — ты не обманушь оракуломъ Феба,
Вождь анхизидъ: не безсмертный меня утопилъ въ океанѣ.
Сидя у самой кормы, я склонился на руль, направляя
Ходъ корабля; но случайно руль оторвался — и въ море
Съ нимъ полетѣлъ я стремглавъ. Клянуса пучиною моря,
Я не столько тогда встревожился собственнымъ горемъ,
Сколько боялся того, чтобъ корабль твой, лишѣнный кормила,
Не былъ разбитъ иль съ возставшею бурей не сбился съ дороги.
Три холодныя ночи носился я, вѣтромъ гонимый,
По огромному морю; едва на четвѣртое утро
Я увидѣлъ съ высокой волны италійскую землю.
Мало по малу я къ берегу плыть и уже безопасно

Сталь на песок; но жестокие люди, в то самое время,
Как, отягченный трудом и бременем влажной одежды,
Я утомленною дланью схватился за жесткое темя
Твёрдой скалы, умертвили меня, почитая добычей.
Море имбеть мой труп: играют им ветры и волны.
Ах, умоляю тебя и солнечным блеском, и мильм
Свѣтом небес, и отцем, и надеждою сына Юла,
Непобедимый Эней, исторгни меня из пучины
Горя и золь, иль покрой моё бренное тѣло землѣю;
Это ты можешь сдѣлать: ищи лишь Велинскаго порта.
Если же только возможно, и если мать богиня
Путь указала тебѣ (о Эней, не безъ воли безсмертныхъ
Ты готовишься плыть чрезъ такія болота и рѣки),
Дай мнѣ несчастному руку, возьми за собой чрезъ воды;
Пусть я по крайней мѣрѣ по смерти буду покоенъ.»
— Такъ говорилъ Палинуръ, а жрица ему возразила:
«Что говоришь, Палинуръ, откуда такія желанья?
Ты ли, могилы лишённый, увидишь стиковы воды?
Ты ли увидишь, безъ воли небесъ, Эвменидъ непреклонныхъ?
О, перестань, Палинуръ, угѣшаться напрасной надеждою:
Воля судьбы и небесъ не внимаетъ молениямъ, ни просьбамъ.
Но не печалься, мой другъ, и прими угѣшеніе въ горѣ:
Кости твои близъ-живущее племя сокроетъ въ могилу;
Всѣ города въ тѣхъ странахъ и земли далеко, широко
Честь воздадутъ тебѣ, принуждённые чудомъ небеснымъ.
Н насыплютъ могилу тебѣ и обрядъ совершатъ надъ могилою;
Имя твоё навсегда въ названьи страны сохранится.»
— Съ этимъ отвѣтомъ немного разсѣялась грусть Палинура:
Сердце печальное мужа названьемъ земли веселится.

Такъ продолжая начатый путь, къ рѣкѣ приближались.
Старый Харонъ, лишь только примѣтилъ ихъ съ берега Стикса,
Прямо къ рѣкѣ направляющихъ путь черезъ тѣмную рошу,
Голосомъ грознымъ вскричалъ имъ на встречу: «Кто бы ты ни былъ,
Ты, что къ рѣкѣ приближаешься нашей съ оружіемъ въ длани,
Остановись, и оттуда скажи мнѣ зачѣмъ ты приходишь?
Здѣсь жилище тѣней и сна и снотворнаго мрака;
Тѣля живого челнокъ мой не носить чрезъ стиковы воды.
Даже Алкиду великому не былъ я радъ, принимая
Въ чёлнъ свой, ни Пиритою, ни мужу Фезею, рождѣннымъ
Отъ безсмертныхъ боговъ и непобѣдимыхъ на брани.
Тотъ, богатырской рукою опутавъ адскаго стрижа,
Страхомъ объятаго, влѣкъ отъ престола властителя ада;
Тѣ покушались отъ ложа похитить супругу владыки.»
И ему въ отвѣтъ возразила амфризская жрица:
«Мы не съ такою цѣлью пришли, ты напрасно боишься;
Это оружье не сдѣлаетъ зла; пускай тотъ огромный
Стражъ непрерывнымъ лаемъ пугаетъ блѣдныя тѣни;
Пусть съ супругомъ своимъ царица живѣтъ безпорочно.
Этотъ Эней, благочестіемъ славный и силою длани,
Къ тѣнямъ усопшихъ сошѣлъ повидаться съ родителемъ мильм.
Если не тронетъ тебя столь великій примѣръ благочестья
И сыновней любви, то смотри, узнаешь ли ты вѣтку?
(И показала ему подъ одеждою скрытую вѣтку.)
Пусть успокоится сердце твоё отъ напраснаго гнѣва.»
Жрица умолкла; а онъ, взглянувъ съ удивленьемъ великимъ
На роковую вѣтку, которой давно ужъ не видѣлъ,
Поворотилъ свой чёлнокъ и къ берегу тотчасъ причалилъ,
И, отогнавши отъ берега тѣни другія, которыхъ
Множество тутъ же сидѣло вдоль надъ рѣкою,
Ходъ опустилъ, — и огромный Эней въ челнокъ помѣстился:
Утлый челнокъ заскрыпѣлъ подъ великой тяжестью мужа,
И сквозь трещины принялъ много болота и тины,
И наконецъ перевёзъ безопасно и жрицу и мужа,
И поставилъ на тинистый берегъ, поросшій травою.

Церберъ громадный лаемъ своимъ трегортаннымъ всё царство
Тамъ оглащаетъ, насупротивъ лежа въ огромной пещерѣ.
Видя, что व्या его ужъ змѣями вздулась отъ гнѣва,
Жрица бросаетъ ему усыпительный хлѣбъ, орошённый
Мѣдомъ и зельемъ снотворнымъ, а онъ, три голодныя пасти
Страшно разинувъ, съ жадностью пищу схватилъ и, повергши
Долу громадные члены, простёрся огромный въ пещерѣ.
Такъ, усыпивши стража, Эней овладѣлъ переходомъ
И удалился поспѣшно отъ берега водъ невозвратныхъ.

Далѣ слышенъ и жалобный плачь, и рыданья, и стоны:
Души усопшихъ младенцевъ плачутъ на первомъ порогѣ, —
Души младенцевъ, которыхъ, отъ груди похитивъ у жизни,
Чёрная смерть унесла и повергла въ тьму вѣчнаго плача.
Супротивъ нихъ невинно на смерть осуждённые люди:
Но и для нихъ назначено мѣсто судьёю и рокомъ.
Урну вращаетъ Миносъ испытатель: онъ подзываетъ
Блѣдныя тѣни къ себѣ и испытуетъ жизнь и постыжки.
Неподалёку отъ нихъ пребываютъ невинныя души
Тѣхъ злополучныхъ, которые, жизненный свѣтъ ненавида,
Дни прекратили свои и души низвергнули къ аду.
Какъ бы желали они возвратиться къ милому свѣту!
Какъ бы терпѣли безропотно прежнюю бѣдность и горе!
Рокъ не позволить; печальныя волны болотной пучины
Десять разъ обтекающій Стиксъ имъ путь заграждаетъ.
Тутъ недалеко поля разстилаются въ разныя страны
Ада: ихъ называютъ полями грусти и скорби.
Это жилище несчастныхъ тѣней, пожираемыхъ ядомъ
Неблагодарной любви. Окружённые миртовымъ лѣсомъ,
Въ уединённыхъ рощахъ они и по смерти тоскуютъ.
Въ этихъ мѣстахъ Эней примѣчаетъ Прокрису и Федру,
И Эрифилу, носящую раны жестокаго сына,
И Эвадну, и Пазирою, и Лаодамию;
Съ ними и Ценись, нѣкогда юноша, нынѣ судьбою
Вновь превращённый къ прежнему образу женскаго пола.
Между нихъ по дремучему лѣсу скиталась Дидона,
Свѣжую рану на сердцѣ нося. И лишь только троянскій
Витязь увидѣлъ её и узналъ сквозь туманныя тѣни,
Точно какъ будто кто либо, приметивъ ликъ новолунный,
Червою мглою сокрытый, глядитъ — и не видитъ и видитъ.
Горькія слёзы пролилъ и съ нѣжной любовью сказалъ ей:
«Ахъ, Дидона несчастная! точно ли не были ложны
Слухи о смерти твоей и самоубійствѣ жестокомъ?
Я былъ причиною смерти, увы! но клянусь предъ тобою
Солнцемъ и небомъ, если есть вѣра въ безднѣ подземной,
Я отъ владѣній твоихъ удалился невольно, царица:
Воля безсмертныхъ боговъ, которая нынѣ по этимъ
Страшнымъ и тёмнымъ пучинамъ итти въ безпредѣльномъ туманѣ
Нудить меня, и тогда принуждала; но могъ ли я думать,
Что удаление моё принесётъ столь великое горе?
Не убѣгай же, Дидона, отъ взоровъ моихъ не скрывайся;
Что жъ ты бѣжишь? вѣдь это послѣднее наше свиданіе.»
Такъ говорилъ Эней, проливая горючія слёзы.
Но она, потупивши мрачные взоры, глядѣла
Въ землю уныло и дико; ни рѣчи, ни слёзы Энея
Тронуть ея не могли: Дидона стояла безмолвно,
Словно глухая скала иль Мартезскій угѣсъ неподвижный, —
Но наконецъ схватилась и прочь отъ него убѣжала
Въ тёмную рощу, гдѣ милый Сихей, возлюбленный прежде,
На любовь отвѣчаетъ любовью, и лаской на ласки.
А Эней, глубоко тронутый горемъ великимъ,
Долго очами слѣдилъ и рыдалъ за бѣгущею тѣнью.
Такъ продолжая начатый путь, уже приближались
Къ полю, гдѣ обитаютъ герои, славные въ брани.
Тамъ онъ видитъ Тидея, оружемъ славнаго мужа

Партенопея и блѣдный образъ героя Адраста.
Тамъ и несчастныхъ троянцевъ, оплаканныхъ столько во смерти,
Павшихъ въ борьбѣ за отечество, видить Эней и рыдаетъ.
Видить онъ храбраго Главка, Медонта и Ёрсилоха,
Трѣхъ сыновей Антенора, Цереры жреца Полифета;
Видитъ и образъ Идея, ещё и оружье держащій
И колесницу. Справа и слѣва его обступили
Тѣни почившихъ троянъ. Не довольствуясь видомъ Энея,
Тѣ подходятъ къ нему и рѣчью его замедляютъ,
Тѣ съ любопытствомъ желаютъ узнать о причинѣ прихода.
А данаевъ вожди и фаланга аргивянъ, увидѣвъ
Сильнаго князя троянъ и блестящую броню во мракѣ,
Затрепетали отъ страха; одни обратились въ бѣгство,
Какъ бывало спасались на флотъ; а другіе, въ испугѣ
Тщетно силиясь кричать, издавали лишь слабые звуки.
Тамъ же увидѣлъ Эней Деифоба, пріамова сына:
Страшно растерзано тѣло; лицо изувечено было;
Въ язвахъ руки его, жестоко изранена была.
Отняты уши, изрѣзаны ноздри позорною язвой.
И едва Эней узналъ несчастнаго мужа,
Страшныя язвы свои со стыдомъ скрывавшаго дланью,
Такъ со вздохомъ къ нему обращаетъ знакомыя рѣчи:
«Храбрый мужъ, Деифобъ, потомокъ тевкровой крови,
Кто пожелалъ тебя наказать столь жестокою казнью?
Кто осмѣлился властвовать такъ надъ тобою? Я помню,
Въ ночь роковую Молва донесла мнѣ, что ты, истребивши
Много пелазговъ, палъ, утомлённый, на груди побитыхъ.
И тогда я насыпалъ могилу тебѣ и поставилъ
Гробъ пустой у Ретейскаго берега, и призывалъ я
Трижды голосомъ громкимъ души усопшихъ изъ ада.
Тамъ и оружье твоё, и имя въ странѣ той осталось.
Но тебя, мой другъ, я увидѣть не могъ, чтобъ въ родную
Землю кости твои положить: я бѣжалъ изъ отчизны.»

«Другъ — отвѣчалъ Деифобъ — ничего не забудь ты исполнить:
Всѣ ты воздай Деифобу и тѣни, почившей въ могилѣ;
Но судьба моя и злодѣйство преступной спартанки
Въ это горе повергли меня; отъ нея мнѣ остались
Въ память жестокия язвы. Ты помнишь, какъ ночь роковую
Мы проводили въ обманчивой радости, — ночь злополучій?
Какъ зловѣщій конь вкатился въ высокую Трою,
Въ чревѣ тяжѣломъ принесши покрытыхъ доспѣхами мужей?
Въ это время жена, подъ видомъ радостной пляски,
Жрица фригійскихъ водила среди восторженныхъ оргій,
И сама, въ срединѣ, держа огромное пламя,
Полчища злыхъ данаевъ звала отъ высокаго замка.
Я, утомлённый трудами и сномъ отягчѣнный, на ложе
Лѣгъ и уснулъ; и меня убаюкалъ сонъ сладкій, глубокій, —
Сонъ глубокій, подобный сну безмятежному смерти.
Между тѣмъ жена всё оружье изъ дому выносить
И, угасивъ мой верный мечъ изъ подъ изголовья,
Тайно зовѣтъ Менелая и къ дому входъ отворяетъ,
Думая этимъ поступкомъ смягчить раздражённаго мужа
Или загладить дурную молву и прежнее горе.
Нужно ль рассказывать много? Они въ почивальню ворвались;
Съ ними вмѣстѣ былъ Эолидъ, совѣтникъ злодѣйства.
Боги! воздайте подобнымъ возмездіемъ гнуснымъ данаямъ,
Если просьба моя изъ праведныхъ устъ излилася.
Но скажи мнѣ, Эней, какими судьбами предъ смертью
Здѣсь ты явился? иль вѣтромъ гонимый по бурному морю,
Или по волѣ боговъ? и какая судьба принуждаетъ
Въ эту печальную бездну входить, лишѣнную солнца?»

Между тѣмъ Аврора, катясь въ колесницѣ багряной,
Бѣгомъ воздушнымъ уже половину пути совершила,

И драгоценное время прошло бы в одних разговорах
Между героями; но долговечная жрица сказала:
«Ночь наступает, Эней, мы часы провлекаем в рыдания.
Съ этого мѣста нашъ путь раздѣляется на двѣ дороги:
Правая насъ поведѣтъ къ чертогамъ тѣней властелина
И къ Элисейскимъ полямъ, а лѣвая кажетъ злодѣямъ
Вѣчное горе, и казнь, и мрачную Тартара бездну.»
Ей Деифобъ: «удержи свой гнѣвъ, о великая жрица,
Я отойду и сокроюся въ тени. Иди, о надежда
Наша! иди, о краса! наслаждайся лучшей судьбою!»
Такъ сказалъ Деифобъ и немедля отъ нихъ удалился.

Вдругъ оглянулся Эней — и видитъ подъ лѣвой скалою
Зданій громаду: еѣ окружають тройныя твердыни;
Адскій потокъ Флегетонъ, обтекая ихъ пламенемъ жгучимъ,
Льѣтся стремительно, съ шумомъ катя преогромныя скалы.
Супротивъ диво воротъ и колонны изъ цѣльныхъ алмазовъ:
Ихъ никакая сила, и самые жители неба
Не въ состояннн разрушить: стоять тамъ железныя башни.
Тамъ Тизифона сидитъ, въ одеждѣ, запятнанной кровью;
Ночи и дни сторожить у порога, очей не смыкая.
Слышны оттуда и стоны и стукъ отъ жестокихъ ударовъ;
Слышно бряцанье тяжѣлыхъ цѣпей и звонъ отъ желѣза.
Остановился Эней и съ ужасомъ шуму внимаетъ:
«Что за преступники тамъ? скажи мнѣ, о дева, какая
Казнь ихъ терзаетъ? откуда несутся тѣ вопли и стоны?»
Жрица ему отвечала: «О тевкровъ вождь знаменитый!
Чистыя души не могутъ стать на преступномъ пороге:
Но Геката, поставивъ меня надъ Авернскою роцею,
Страшныя кары боговъ мнѣ открыла и всё рассказала.
Здесь Радамантъ изъ Крита владѣтъ царствомъ жестокимъ;
Онъ караетъ и судитъ грѣхи, принуждаетъ къ признанью,
Кто согрѣшилъ предъ богами, кто, радуясь тайнѣ проступка
И не очистивъ грѣха, отлагалъ до последней минуты.
И Тизифона, мстящая фурия, несчастныхъ страдальцевъ
Бьѣтъ бичѣмъ, насмѣхаясь надъ ними, и, выющихся змѣевъ
Къ нимъ простирая въ рукѣ, призываетъ сестѣръ кровожадныхъ.
Вотъ растворились врата съ ужающимъ стукомъ и трескомъ:
Видишь ли, видишь, кикой тамъ стражъ сидитъ у порога?
Видишь, какое чудовище входъ сторожить? Но за входомъ
Есть несравненно ужаснѣе чудо — огромная гидра:
Чѣрныхъ зѣвовъ своихъ пятьдесятъ разверзаетъ ужасно.
Далѣе самого Тартара сѣнь и мрачная бездна
Вдвое столько идѣтъ въ глубину беспредѣльную, сколько
Взоръ, устремленный къ Олимпу, захватить небеснаго свода.
Тамъ и древннн жителя мѣра — племя титановъ,
Молнннй низвергнуты въ тьму, вращаються въ безднѣ глубокой,
Видѣла я и тѣла близнецовъ Алоидовъ громадннхъ:
Дланью пыгались они расторгнуть великое небо,
Дерзкнн, и ниспровергнуть Зевеса съ небеснаго трона.
Видѣла я и жестокою казнѣ Сальмоней, который
Пламени Зевса хотѣлъ подражать и грому Олимпа,
Мчась на четвѣркѣ коней и факель въ рукѣ потрясая,
По городамъ и народамъ Эллады торжественно ѣздиль,
Требуя чести себѣ, воздаваемой только безсмертнымъ.
О, безразсудный! онъ мѣдью и топотомъ звонкокопытннхъ
Вздумалъ грозѣ подражать и неподражаемой молннѣ.
Но всемогущнн отецъ низвергнулъ сквозь чѣрныя тучи
Не пылающнн факель, не свѣточи дымное пламя.
Но смертоносннй огонь, сразившнн дерзкаго мужа.
Видѣла я Титюна, питомца земли всеродящей:
На девять вдоль десятинъ простѣрто громадное тѣло;
Коршунъ огромннй, сидя подъ грудью страдальца-гиганта,
Острымъ, искривленнымъ клевомъ терзаетъ нетлѣнное сердце,
И для новыхъ мученнн всегда обновленные нѣдра.

Рвѣтъ оживлённое тѣло и тѣло не знает покоя.
Что говорить о Лапитахъ, Иксионѣ и Пиритоевѣ?
Страшный угѣсъ, вися надъ главами робкихъ страдальцевъ,
Будто валится ихъ нихъ и вотъ-вотъ угрожаетъ паденьемъ.
Тутъ передъ пышной трапезой стоять позлащённыя ложа;
Пирь, изготовленный съ роскошью царской, стоитъ предъ очамя;
Но величайшая фурия лежитъ предъ столами на стражѣ
И не даѣтъ прикасаться къ трапезѣ жадной рукою:
Съ факеломъ въ длани встаѣтъ и устами гремитъ на страдальцевъ.
Здѣсь затворѣнныя души ждуть съ трепетомъ казни суровой.
Кто при жизни еще ненавидѣлъ брата родного,
Или родителя гналъ, иль сдѣлалъ несчастнымъ кліента;
Кто наслаждался одинъ незаконнымъ богатствомъ, а нищимъ
Брѣгьямъ своимъ не помогъ, толпою его овружавшимъ;
Кто любодѣйствомъ поправилъ законы супружеской вѣры;
Кто поднималъ незаконную брань и не убоился
На благодѣтеля грудь поднять нечестивую руку.
Ты не спрашивай много о казни этихъ злодѣевъ,
Или какая судьба низвергла ихъ въ бездну страданій.
Тѣ катятъ громадную глыбу; другіе, въ колѣсахъ
Сжатые крѣпко, висятъ; сидитъ Фезей злополучный
И во вѣки будетъ сидѣть; а несчастный Флегясъ
Напоминаетъ всѣмъ и громко во тьмѣ повторяетъ:
«Люди, учитесь правдѣ и не презирайте богами.»
Тотъ отчизну свою продалъ властелинамъ могучимъ;
Тотъ за деньги законы давалъ иль ихъ уничтожилъ;
Тотъ обезчестилъ дочери ложе; и много подобныхъ
Страшныхъ злодѣевъ, достигнувшихъ цѣли преступныхъ желаній.
Если бы сто языковъ и сто устъ я имѣла и если бы
Грудь изъ желѣза была, и тогда не могла бы я исчислить
Всѣхъ преступленій различныхъ и столько жъ различныхъ страданій.»

Такъ говорила ему долговѣчная Фебова жрица.
«Но поспѣшимъ — продолжала она — и отправимся въ путь нашъ;
Ты исполни свой долгъ. Я вижу высокія стѣны,
Литыя въ горнахъ циклоповъ; а вотъ и ворота подъ сводомъ,
Гдѣ мы должны положить дары, принесенные нами.»
Кончила жрица и вмѣстѣ съ Энеемъ по тѣмнымъ дорогамъ
Путь направляетъ прямо и вскорѣ подходитъ къ воротамъ.
Остановился Эней у воротъ и, свежей водою
Тѣло омывъ, водрузилъ у порога священную вѣтку.

Кончивъ этотъ обрядъ приношенья дара богинѣ,
Въ царство веселья вошла наконецъ, гдѣ пріятно дышала
Зелень счастливыхъ луговъ и дубравъ — жилище блаженныхъ.
Щедрый тамъ воздухъ луга одѣваетъ пурпурнымъ свѣтомъ;
Есть тамъ и солнце своё, и звѣзды свои тамъ сияютъ.
Тѣ упражняютъ члены свои по зелёному лугу;
Тѣхъ занимаетъ борьба, а другихъ веселья игры;
Тутъ хороводами пляшутъ, а тамъ забавляются пѣньемъ.
Тутъ и еракійскій жрецъ стоитъ въ одѣяніи длинномъ
И семистопнымъ стихомъ прерываетъ различные звуки,
То ударяя рукой, то смычкомъ изъ кости слоновой.
Тамъ и потомки древняго тевкра, прекрасное племя,
Великодушные мужи, рождённые въ лучшіе годы;
Тамъ Ассаракъ, тамъ Иль, тамъ Дарданъ, Трои создатель;
Тамъ и оружье лежитъ: стоятъ колесницы героевъ;
Копья стоятъ, водруженныя въ землю, и кони свободно
Щиплютъ траву по зелёному полю. Что было пріятно
Въ жизни кому: кто оружье любилъ, кто любилъ колесницу,
Кто любилъ смотрѣть, какъ пасутся тучные кони, —
Тотъ и въ могилу унёсъ за собою такія жъ утѣхи.
Вотъ другіе лежатъ на травѣ, наслаждаются пищею
И напѣваютъ весёлые гимны въ честь Аполлона,
Или сидятъ въ благовонныхъ рощахъ лавровыхъ, откуда

Вдоль черезъ лѣсъ бѣгутъ Эридана широкія волны.
Тамъ пребываютъ герои, вкусившіе смерть за отчизну,
И пѣвцы, воспѣвавшіе кротко достойное Феба;
Кто взобрѣтенъемъ усовершенствовалъ жизнь человека;
Иль, не забывъ о себѣ, и другимъ воздавалъ по заслугамъ, —
Бѣлыя ленты, какъ снѣгъ обвиваютъ ихъ свѣтлыя чела.
И, обратившись къ толпѣ, ихъ такъ вопрошала Сибилла —
Но наперѣдъ обратилась къ Музею, который въ срединѣ
Многихъ стоялъ, возвышая надъ ними высокія плечи —
— «О, блаженные души, и ты, о пѣвецъ благородный,
Гдѣ Анхизъ? въ какой онъ странѣ пребываетъ, скажите.
Мы къ нему пришли черезъ великія воды Эрева.»
И герой въ короткихъ словахъ такъ отвѣчалъ ей:
— «Нѣтъ у насъ постоянныхъ жилищъ; мы всѣ обитаемъ
Или въ рощахъ густыхъ, или на рѣкѣ зеленающемъ ложѣ,
Или на свѣжихъ, цвѣтущихъ лугахъ, орошенныхъ ручьями.
Если такое желаніе вашего сердца, пройдите
Этотъ возвышенный холмъ, а я васъ сведу на дорогу.»
Такъ говоря, онъ пошѣлъ наперѣдъ, съ горы указалъ имъ
На прекрасное поле, и они съ вершины спустились.

А родитель Анхизъ, въ глубокой зелѣной долиинѣ
Въ это время разсматривалъ души, которымъ судьбою
Солнце земное узрѣтъ суждено; онъ всѣхъ своихъ внуковъ
Видѣлъ, весь будущій родъ, и счастье, и жизнь, и судьбу ихъ.
Но, увидѣвъ Энея, къ нему идущаго прямо
Черезъ лугъ, онъ объятъ къ сыну простѣръ: на ланиты
Старца брызнули слѣзы, и рѣчи изъ устъ полилися.
«Ты пришѣлъ наконецъ; ты своей безпредѣльной любовью
Трудный путь побѣдилъ! О, сынъ мой милый, я снова
Вижу тебя; я снова услышу знакомые звуки?
Я такъ и думалъ теперь, что ты непременно придешь,
Я такъ и рассчитывалъ дни; и сбылись мои ожиданья!
Ахъ, по какимъ ты странамъ и морямъ скитавшись, приходишь,
Сынъ мой! сколько опасностей, горя и бѣдствій терпѣлъ ты!
Какъ я боялся бѣды для тебя отъ либійскаго царства!»

«О мой родитель — Эней отвѣчалъ — твой образъ печальный,
Часто являясь, принудилъ меня спуститься къ Эреву.
Флотъ мой стоитъ на Тирренскомъ морѣ. Дай же мнѣ руку,
Дай, о родитель, и не убѣгай отъ сыновнихъ объятій.»
Такъ говорилъ онъ, и слѣзы ручьями текли по ланитамъ.
Трижды хотѣлъ онъ обнять любимый родителя образъ,
Трижды напрасно схватилъ онъ руками воздушныя струи:
Образъ бѣжалъ, какъ дыханье вѣтра, какъ сонъ легкокрылый.

Между тѣмъ Эней увидѣлъ въ прекрасной долиинѣ
Заклочѣнную рощу, шумѣвшую тихо вѣтвями,
И Летейскій потокъ, протекавшій по мирнымъ жилищамъ.
Вкругъ него несмѣтной толпою летали народы,
Словно какъ по лугу пчѣлы, въ прекрасное лѣтнее время,
Перелетаютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, и на бѣлыя лилы
Роями вьются кругомъ и жужжаньемъ весь лугъ оглашаютъ.
И Эней, встревоженный зрѣлищемъ этимъ внезапнымъ,
И не зная причины, спрашивать началъ, какая
Это рѣка, и какіе тамъ люди толпятся надъ нею.
А родитель Анхизъ отвѣчалъ: «Тѣ души, которыхъ
Въ новое тѣло судьба облечѣтъ, у берега Леты
Пьютъ на долгое время спокойныя воды забвенья.
Ужъ давно объ этомъ тебѣ я желаю напомнить
И показать весь будущій родъ твой, чтобы увеличить
Радость твою, что ты ужъ достигнулъ земли италійской.»
«О, мой родитель, ужели позволено думать, что души
Вновь возвращаются къ свѣту и вновь облакаются въ тѣло?
Что же у этихъ несчастныхъ такое желаніе свѣта?»

«Всё расскажу я тебѣ — Анхизъ отвѣчалъ — и не медля
Истину всю отъ начала скажу въ постепенному порядкѣ.»

И небеса, и земли, и степи зыбучаго моря,
И блестящій шаръ луны, и титановы звѣзды
Духъ питаетъ внутри; и душа, разливаясь по членамъ,
Цѣлой громадою движеть, смѣшавшись съ тѣломъ великимъ.
Вотъ откуда родъ и людей, и звѣрей, и летучихъ,
И чудовищъ, таящихся въ морѣ, подъ влажною зыбью.
Огненная сила у этихъ существъ; ихъ начало отъ неба;
Только эту ихъ силу нетвёрдая плоть оковала:
Ихъ притупляетъ земное и брненное тѣло. Отсюда
И желанья и страхъ, и печаль и восторгъ, и безсилье
Къ небу взлетѣть отъ тѣлесныхъ оковъ и изъ мрачной темницы
И когда въ послѣдній часъ насъ жизнь оставляетъ,
То не вдругъ покидаетъ насъ горе; не всё совершенно
Язвы тѣлесныя насъ оставляютъ; и необходимо
Всѣ, вкоренённое въкомъ, изгладить образомъ дивнымъ.
И оттого терзаются карой, терпя наказанье
Прежнихъ золь. Тѣ развѣшены япно на вѣтеръ ничтожный;
Тѣ омывають въ пучинѣ грѣхи иль огнёмъ выжигаютъ;
Всякій претерпитъ горе своё; а потомъ ужъ оттуда
Насъ отправляютъ въ обширный Элизій; немногіе только
Видимъ весѣлыя нивы; тогда чрезъ долгіе годы
Время исполнить свой кругъ и всякій тлѣнь уничтожить,
И оставить одинъ лишь огонь очищенный, лёгкій.
По истеченіи тысячелѣтняго вѣка, тѣ души
Богъ призываетъ великой толпою къ источнику Леты,
Чтобы въ забвеньи опять возвратились къ небесному свѣту,
Начали новую жизнь, облакаясь въ новое тѣло.»

Кончилъ Анхизъ и повѣлъ за собою Сибиллу и сына
Сквозъ шумяще сонмы, въ средину толпы многолюдной,
И взобрался на холмъ, откуда бы могъ указать имъ
Длинной чредою всѣхъ подходившихъ, и видѣть ихъ лица.
«Слушай, я открываю тебѣ всю будущность, сынъ мой;
Я покажу тебѣ всю славу дарданскаго рода;
И исчислю потомковъ твоихъ отъ племёнъ италійскихъ,
Славныя душа, которыя имя наше прославятъ.
Видишь ли, юноша тамъ стоитъ, на копѣе опираясь?
Онъ забираетъ къ свѣту ближайшее и мѣсто; онъ первый
Отъ италійской крови рождённый, въ міръ возвратится,
Сильвій, албанское имя, твоя послѣдняя отрасль.
Въ поздніе годы тебѣ на старость супруга Лавинья
Вскормитъ въ лѣсу для престола его — отца вѣнценосцевъ:
Славный родъ нашъ царствовать будетъ надъ длинною Альбой.
Этотъ ближайшій Прокасъ, слава троянскаго рода;
Датѣ Каписъ, Нумиторъ и Сильвій Эней, тотъ, который
Именемъ славнымъ своимъ напомнитъ предка Энея,
Мужъ, благочестьемъ великій и непобдимый на брани,
Если только онъ царствовать будетъ надъ длинною Альбой.
Ты посмотри, какъ юноши эти могучи и сильны!
Тѣ осѣнённые чѣла вѣнками мирнаго дуба
Стѣны Номенты воздвигнуть, и Габій, и городъ Фидену;
Тѣ на вершинахъ — построить тебѣ Коллатиновы замки,
И Пометью, и крепость Инуя, и Болу, и Кору:
Тамъ имена тѣ будугъ, гдѣ нынѣ безъ имени земли.
Ромуль, отъ Марса рождённый, будетъ спутникомъ дѣду, —
Ромуль, котораго мать, вѣтвь ассараковой крови,
Илія, всормитъ. Ты видишь, два гребня надъ теменемъ выются?
Самъ прародитель боговъ величьемъ его отличаетъ.
Видишь ли, вотъ подъ рукою его тотъ Римъ знаменитый
Властью сравнится съ землёй, а величьемъ духа съ Олимпомъ.
Онъ одинъ семь замковъ своихъ опояшетъ твердыней,
Радуясь сонму героевъ своихъ: такъ мать Цибелла

На колесницѣ высокой несѣтся по градамъ фригійскимъ
И, любуясь рожденьемъ боговъ, обнимаетъ сто внуковъ,
Всѣхъ небожителей, всѣхъ обитающихъ въ небѣ высококомъ.
Ты обрати свой взоръ на это племя: то племя
Римлянъ твоихъ. Тамъ Цезарь и всё поколѣніе Юла,
Мужи, которые встанутъ подъ сводомъ великаго неба.
Вотъ онъ, тотъ мужъ, такъ часто тебѣ общаемый рокомъ,
Августъ Цезарь, потомокъ боговъ; онъ въ Латіи снова
Вѣкъ золотой водворить, въ странѣ той счастливой, въ которой
Царствовалъ прежде Сатурнъ; покорить гирантовъ и индовъ
Власти своей: земля та лежитъ внѣ небеснаго свода,
Внѣ годовыхъ и солнечныхъ круговъ: Атлантъ небоносець
Тамъ подпираетъ плечомъ паляще звѣздные своды.
И теперь уже, страшась предсказаній небесныхъ,
Въ ужасѣ ждутъ появленія его всѣ каспійскія царства,
Скиѣя вся, и устья дрожатъ семироднаго Нила.
Столько земли ни великій Алкидъ не измѣрилъ стопами,
Онъ, поразившій стрѣлой мѣдноногую лань, усмирившій
Вепря въ лесахъ Эримантскихъ, сразившій лернейскую гидру;
Ни побѣдитель Вакхъ, виноградной уздою клонящій
Иго и нудящій тигровъ съ высокой вершины Низея.
И ещё ль не решаемся мы на великое дѣло?
И ещё ли боимся ступить на Авзонскую землю?
Кто же тотъ мужъ за нимъ, вѣнчанный оливною вѣткой
И несущій священную утварь? По этимъ извивамъ
Длинныхъ волосъ и по кудрямъ густымъ бороды посѣдѣлой
Я узнаю въ нёмъ владыку римлянъ; онъ первый упрочить
Силу законовъ; изъ куровъ ничтожныхъ, отъ маленькой нивы
Ступить на тронъ великій. За нимъ послѣдуетъ Туллій:
Этотъ расторгнетъ мирную нить и сонмы героевъ
Праздныхъ на брань поведѣтъ, отвыкшихъ отъ славныхъ триумфовъ.
Тотчасъ за Туллою идущаго вижу тщеславнаго Анка:
Онъ и теперь ужъ приходитъ въ восторгъ отъ лести народной.
Хочешь ли видѣть Тарквиньевъ царей и гордую душу
Мстителя Бруга, съ пукомъ исторгнутыхъ прутьевъ? Онъ первый
Приметь консула власть и въ жестокия длани сѣкиру;
Онъ дѣтей своихъ, замышляющихъ новыя войны,
Самъ призовѣтъ на казнь, за свободу отчизны. Несчастный!
Какъ ни осудятъ потомки такого дѣянія, любовь же
Къ родинѣ всё побѣдитъ и жажда несытая къ славі.
Видишь ли Деціевъ, Друзовъ и съ ними Торквата, сѣкирой
Грознаго мужа? Камилла, обратно несущего знамя?
Ты посмотри на тѣхъ, что сверкаютъ броней одинакой;
Нынѣ согласныя души, когда ихъ ночь осѣняетъ;
Но на жизненномъ свѣтѣ какою враждой засылаютъ
Другъ на друга, какую ратную силу воздвигнуть,
Гибель готова врагу! Здѣсь тестъ, нисходящій съ вершины
Альповъ и замка Монека; тутъ зять, подкреплѣнный востокомъ.
Дѣти, не зарождайте въ сердцахъ столь жестокия войны;
Не вонзайте могучихъ мечей въ грудь вашей отчизны!
Ты, что ведѣшь отъ Олимпа свой родъ, ты первый опомнись:
Брось то желѣзо изъ рукъ, о кровь моя, брось то желѣзо!
Тотъ въ колесницѣ побѣдной прискачетъ къ стѣнамъ Капитоля
Отъ коринѣовыхъ стѣнъ, побѣдитель гордыхъ ахивянь;
Тотъ разрушитъ Аргосъ и столицу Атридовъ, Мицены,
И побѣдитъ Эакида, Ахилла могучаго племя,
Мстя за троянскихъ дѣдовъ, за храмъ осквернённый Минервы.
Кто жъ умолчитъ о великомъ Катонѣ? Кто же не видитъ
Косса и Гракховъ? и кто позабудетъ двѣ молніи брани,
Африки бичъ — Сципіоновъ? иль сильнаго мальмъ Фабрицья;
Или тебя, о Серранъ, бороздящаго поле сохою?
Ахъ, умолчу ль я о Фабіяхъ? Ты ль тотъ великій, который,
Медля, одинъ удержалъ насъ, готовыхъ низвергнуться въ гибель?
Будутъ другіе лить лучше живые кумиры изъ мѣди
И изъ холоднаго камня творить оживлённыя лица;

Будутъ лучше судить; опишутъ движеніе неба;
Всѣ свѣтила исчислять, ихъ путь по небесному своду;
Ты же, о римлянинъ, помни, какъ должно править народомъ,
И не забудешь тѣхъ правилъ: искать благодатнаго мира;
Всѣхъ покорныхъ щадить и прощать и сражать непокорныхъ.»
Такъ говорилъ Анхизъ, а Эней удивлялся и слушалъ.
«Ты посмотри — продолжалъ онъ — съ богатой добычей идѣтъ тамъ
Славный Марцелль побѣдитель и всѣхъ превышаетъ героевъ?
Онъ межъ бранныхъ смятеній возставитъ славу народа;
Конною ратью пунновъ сразитъ и мятежнаго галла;
И Квирина отцу повѣситъ третью добычу.» —
И Эней, увидѣвъ прекраснаго юношу, въ свѣтлой
Молньеподобной бронѣ, но съ видомъ печали и грусти
Взоръ потупившаго въ землю, такъ вопрошаетъ Анхиза:
«Кто, о родитель, тотъ юноша, спутникъ другаго героя?
Сынъ ли его, иль одинъ изъ великаго рода потомковъ?
Какъ онъ похожъ на него! Какая толпа окружаетъ!
Шумъ и смятенье кругомъ! но что жъ онъ глядитъ такъ уныло?
Чѣрная ночь окружаетъ чело печальною тѣнью!»
И тогда Анхизъ, проливая горячія слезы,
«Сынъ мой — сказалъ — не ищи ты глубокаго горя потомковъ,
Рокъ лишь покажетъ міру его и сокроеть обратно.
О, всемогуще боги! вамъ кажется слишкомъ могучимъ
Римскій народъ, когда вы свой даръ драгоцѣнный отняли!
Сколько слѣзъ и рыданій увидитъ великое поле
Марсова града! Какихъ похоронъ свидѣтелемъ будутъ
Тибровы волны, когда потекутъ близъ свѣжей могилы!
Ни одинъ изъ героевъ троянскаго рода не будетъ
Сердца дѣдовъ латиновъ лелѣять такою надеждой!
И никогда Римъ великій не будетъ столько гордиться,
Что вскормилъ на лонѣ своёмъ такого питомца!
О, благодетель! о, вѣра! о, длань, несразимая въ брани!
Кто безнаказанно встрѣтитъ героя не битвенномъ полѣ?
Кто дерзнѣтъ, когда онъ иль пѣшій на брань устремится,
Или пятой обагрятъ коня опѣнѣннаго рѣбра?
Ахъ! несчастный юноша! еслибъ не горькая участь...
Ты Марцелль!.. О, дайте мнѣ лилій полныя длани:
Я посыплю злыя розы, и душу потомка,
Можетъ быть, я облегчу хоть этой ничтожною жертвой!»

Такъ говоря, носились они по цѣлому краю,
По душистымъ, широкимъ полямъ, и всё наблюдали...
И когда Анхизъ всё раскрылъ предъ очами Энея
И въ душѣ пробудилъ всю жажду будущей славы,
Началъ ему исчислять всѣ грозящія войны и битвы,
И указалъ на народы Лаврента, на гороль Латина,
Давъ наставленье, какъ избѣгать угрожающихъ бѣдствій.

Есть двойныя врата сновидній: одни роговыя,
Черезъ которыя выходъ свободенъ истиннымъ тѣнямъ;
А другія сияютъ блестящею костью слоновою, —
Но изъ нихъ вылетаютъ на землю ложныя грѣзы.
И Анхизъ, провожая вмѣстѣ съ Сибиллою сына,
Выпустилъ ихъ наконецъ черезъ врата изъ кости слоновою.
Вотъ Эней отправляется къ флоту, созвалъ всѣхъ троянцевъ
И прямымъ путѣмъ удалился въ пристань Каеты.
Бросили якорь, и всѣ корабли у берега стали.